

Алтайский юридический вестник

Научный журнал Барнаульского юридического института МВД России

№ 2 (54) 2026

Главный редактор:

Носков О. С., канд. юрид. наук, доцент

Зам. главного редактора:

Ботвин И. В., канд. юрид. наук, доцент

Чечетин А. Е., д-р юрид. наук, профессор

Состав редакционного совета:

Аничкин Е. С., д-р юрид. наук, доцент

Бекетов О. И., д-р юрид. наук, профессор

Бучакова М. А., д-р юрид. наук, доцент

Васильев А. А., д-р юрид. наук, доцент

Герасименко Ю. В., д-р юрид. наук, профессор

Гончаров И. В., д-р юрид. наук, профессор

Грязнова Т. Е., д-р юрид. наук, доцент

Давыдов С. И., д-р юрид. наук, доцент

Деришев Ю. В., д-р юрид. наук, профессор

Ермакова О. В., д-р юрид. наук, доцент

Ким Д. В., д-р юрид. наук, профессор

Кодан С. В., д-р юрид. наук, профессор

Кожевина М. А., канд. юрид. наук, доцент

Плаксина Т. А., д-р юрид. наук, доцент

Пупышева Л. А., д-р юрид. наук, доцент

Репьев А. Г., д-р юрид. наук, доцент

Сумачев А. В., д-р юрид. наук, доцент

Цуканов Н. Н., д-р юрид. наук, доцент

Шарапов Р. Д., д-р юрид. наук, профессор

Шкаплеров Ю. П., канд. юрид. наук, доцент

Состав редакционной коллегии:

Архипова Н. А., канд. юрид. наук, доцент

Бачурин А. Г., канд. юрид. наук, доцент

Брагина А. Г., канд. юрид. наук, доцент

Галиев Р. С., канд. юрид. наук, доцент

Казьмина Е. А., канд. юрид. наук, доцент

Киселева М. А., канд. юрид. наук, доцент

Лукьянова А. А., канд. юрид. наук

Сорокина А. Г., канд. юрид. наук, доцент

Суверов С. Е., канд. юрид. наук

Тырышкин В. В., канд. юрид. наук, доцент

Федоров А. Ф., канд. юрид. наук, доцент

Черепанова О. С., канд. юрид. наук, доцент

Шаганова О. М., канд. юрид. наук, доцент

Широва Э. Х., канд. юрид. наук, доцент

Шмидт А. А., канд. юрид. наук, доцент

Янгаева М. О., канд. юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь:

Жолобова Ю. С.

Редактура: О. Н. Татарниковой, Ю. С. Жолобовой,
В. А. Телегиной

Компьютерная верстка: О. Н. Татарниковой

Перевод на английский язык: С. В. Калашниковой

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Регистрационный номер:
ПИ № ФС77-57487
от 27.03.2014

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук

Включен в систему РИНЦ 23.04.2013
(договор № 245-04/2013)

Учредитель: Барнаульский
юридический институт МВД России.
Свободная цена.

Адрес и телефоны редакции, издателя,
типографии: 656038, Алтайский край, г. Барнаул,
Барнаульский юридический институт
МВД России,
ул. Чкалова, 49, (3852) 37-92-27, 37-91-49.
[www.http://vestnik.buimvd.ru](http://vestnik.buimvd.ru).
E-mail: altvest@buimvd.ru

Редакционно-издательский отдел.

Подписано в печать 19.06.2026.
Выход в свет 22.06.2026.
Заказ № 313. Формат 60х90/8.
Ризографирование.
Усл. п.л. 27,8. Тираж 33 экз.

© Барнаульский юридический
институт МВД России, 2026

Altai Law Journal

Science Journal of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

№ 2 (54) 2026

Editor-in-Chief:

Noskov O. S., Candidate of Science (Law)

Deputy Editor-in-Chief:

Botvin I. V., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Chechetin A. E., Doctor of Science (Law), Professor

Editorial Advisory Board:

Anichkin E. S., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Beketov O. I., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Buchakova M. A., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Davidov S. I., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Ermakova O. V., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Grjaznova T. Ye., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Derishev Y. V., Doctor of Science (Law), Professor
Gerasimenko Yu. V., Doctor of Science (Law), Professor,
Honored lawyer of Russia
Goncharov I. V., Doctor of Science (Law), Professor
Kim D. V., Doctor of Science (Law), Professor
Kodan S. V., Doctor of Science (Law), Professor
Kozhevina M. A., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Sharapov R. D., Doctor of Science (Law), Professor
Shkaplerov Ju. P., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Sumachev A. V., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Plaksina T. A., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Pupysheva L. A., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Repev A. G., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Tsukanov N. N., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Vasilev A. A., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Editorial Review Board:

Arhipova N. A., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Bachurin A. G., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Bragina A. G., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Cherepanova O. S., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Fedorov A. F., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Galiev R. S., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Kazmina E. A., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Kiseleva M. A., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Lukyanova A. A., Candidate of Science (Law)
Shaganova O. M., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Shirova E. H., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Shmidt A. A., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Sorokina A. G., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Suverov S. E., Candidate of Science (Law)
Tirishkin V. V., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Yangaeva M. O., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Executive Secretary:

Zholobova Yu. S.

Proofreading: O. N. Tatarnikova, Yu. S. Zholobova, V. A. Telegina

Desktop publishing: O. N. Tatarnikova

Translation into English: S. V. Kalashnikova

The journal is registered in Federal Service
for Supervision in the Sphere
of Telecom, Information
Technologies and Mass Communications.
Registration certificate
PI No. FS77-57487 dated
27.03.2014.

The journal is included into the List
of peer-reviewed scientific
journals recommended by Higher
Attestation Commission
for publishing of major results
of dissertations for the degree of Doctor and
Candidate of sciences

Journal indexing:
RINTS contract
No. 245-04/2013 (23.04.2013)

Founder: Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia.
Uncontrolled price.

Address of editor, editor's
and printing office: 656038,
Altai territory,
Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Chkalovstr., 49, (3852) 37-92-27, 37-91-49.
www. <http://vestnik.buimvd.ru>.
E-mail: altvest@buimvd.ru

Publishing department.

Passed for printing 19.06.2026.
Issue date 22.06.2026.
Order 313. Format 60x90/8.
Conventional printed sheets 27,8.
Issue 33 copies.

© Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2026

Содержание

Теоретико-исторические правовые науки

<i>Бабурин В. В.</i> Обеспечение правомерного поведения как сущностная характеристика правоотношения.....	7
<i>Беденков В. В., Синкин К. А., Петрова М. Н.</i> Правовое воспитание молодежи в условиях современных вызовов.....	15
<i>Гаврилова Т. А.</i> Историко-правовой анализ становления и развития суда присяжных на примере стран Африканского континента.....	22
<i>Кучин М. В.</i> Историко-правовой опыт взаимодействия добровольных народных дружин и милиции в РСФСР в 1960–1970-е гг.	27
<i>Лоос Е. В., Шапоров Д. А.</i> Политико-правовые представления о чести и достоинстве личности в государствах Древнего Востока	36
<i>Никулина А. В.</i> Правотворчество: теоретические проблемы понимания	42
<i>Шатилов С. П., Чибурова Е. А.</i> Приоритетные направления деятельности адвокатуры в годы Великой Отечественной войны (на материалах Новосибирской области)	48

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

<i>Гришаков А. Г.</i> Сравнительно-правовой анализ отдельных положений нормативных правовых актов Российской Федерации и Республики Никарагуа, регламентирующих применение специальных мер административного пресечения полицией	55
<i>Даровских К. И.</i> Влияние формы государственного устройства на распределение юрисдикции в российской судебной системе	62
<i>Евтушенко С. В.</i> Поощрение как метод государственного управления	71
<i>Кисин В. Р., Терехова Е. А.</i> Некоторые пробелы нормативного регулирования процессуальных действий по собиранию доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях.....	79
<i>Корабельникова Ю. Л.</i> Сотрудничество полиции с волонтерами по обеспечению безопасности в городе: основные направления, проблемы и перспективы	84
<i>Мирошниченко А. В.</i> Эволюция гендерных норм и их влияние на правовое регулирование брачно-семейных отношений в России: вызовы и перспективы	93
<i>Моляров Е. А.</i> Особенности документирования полицией административных правонарушений, выразившихся в незаконной розничной продаже спиртных напитков физическими лицами	99
<i>Шаганян А. М., Овчинникова О. Д.</i> Правовые гарантии защиты прав медицинских работников...108	
<i>Шмойлова Н. А., Молотова В. В.</i> Конституционные права и гарантии личности в сфере жизни и здоровья	115
<i>Шпиндлер А. А.</i> Полномочия Совета Безопасности Российской Федерации по осуществлению контрсанкционной политики	122

Уголовно-правовые науки

<i>Брагина А. Г.</i> Характеристика сатанизма в контексте религиозного экстремизма: понятие, критерии классификации преступной деятельности, совершенствование противодействия	130
<i>Бурков Н. В.</i> Актуальные проблемы понимания форм соучастия в преступлении и их регламентация в Уголовном кодексе Российской Федерации	141
<i>Вертепова Т. А., Алешина-Алексеева Е. Н.</i> Коррупция как фактор незаконной миграции в Российской Федерации: уголовно-правовой и криминологический аспекты	149
<i>Дежнев А. С.</i> Особенности реализации положений ст. 51 Конституции Российской Федерации при даче показаний по уголовным делам	156
<i>Ермакова О. В.</i> Проблемные аспекты обратной силы уголовного закона	162
<i>Кобец П. Н.</i> Развитие и оптимизация мероприятий в сфере предупреждения торговли людьми и криминальной эксплуатации человека	168

<i>Лепилова Ю. А.</i> Понятие и сущность экономико-криминальной деятельности в сфере государственных и муниципальных закупок	175
<i>Луговик В. Ф., Четин А. Е.</i> Адвокат в сфере оперативно-розыскной деятельности: дискуссионные вопросы	186
<i>Россинский С. Б.</i> Заметки на полях главы 32.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.....	195
<i>Тюменцева С. И.</i> Сочетание правил применения обратной силы уголовного закона и зачета наказания	202
<i>Шаганова О. М., Деревянская Т. П.</i> Особенности квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет).....	210
<i>Щеглов А. И.</i> Недостатки организационно-управленческой деятельности, влияющие на совершение преступлений лицами, состоящими на профилактическом учете в органах внутренних дел..	217

CONTENS

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

<i>Baburin V. V.</i> Ensuring Lawful Behavior as an Essential Characteristic of Legal Relationship	7
<i>Bedenkov V. V., Sinkin K. A., Petrova M. N.</i> Legal Education of Youth in the Context of Modern Challenges.....	15
<i>Gavrilova T. A.</i> Historical and Legal Analysis of the Formation and Development of the Jury Trial on the Example of the Countries of the African Continent.....	22
<i>Kuchin M. V.</i> Historical and Legal Experience of Interaction between Voluntary People's Guard and the Militia in the RSFSR in the 1960 ^s –1970 ^s	27
<i>Loos E. V., Shaporev D. A.</i> Political and Legal Ideas about the Honor and Dignity of a Person in the States of the Ancient East	36
<i>Nikulina A. V.</i> Law-Making: Theoretical Problems of Understanding	42
<i>Shatilov S. P., Chiburova E. A.</i> Priority Areas of Activity of the Advocacy during the Great Patriotic War (Based on Materials from the Novosibirsk Region).....	48

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>Grishakov A. G.</i> A Comparative Legal Analysis of Certain Provisions of the Regulatory Legal Acts of the Russian Federation and the Republic of Nicaragua Governing the Application of Special Administrative Measures by the Police	55
<i>Darovskikh K. I.</i> The Impact of the State Structure on Allocation of Jurisdiction within the Russian Judicial System	62
<i>Yevtushenko S. V.</i> Encouragement as a Method of Public Administration.....	71
<i>Kisin V. R., Terekhova E. A.</i> Some Gaps in the Normative Regulation of Procedural Actions for the Collection of Evidence in Proceedings on Administrative Offenses.....	79
<i>Korabelnikova Yu. L.</i> Police and Volunteer Cooperation to Ensure City Security: Main Directions, Problems, and Prospects	84
<i>Miroshnichenko A. V.</i> Evolution of Gender Norms and their Impact on the Legal Regulation of Marital and Family Relations in Russia: Challenges and Prospects.....	93
<i>Molyarov E. A.</i> Features of Documentation by the Police of Administrative Offenses Resulting in the Illegal Retail Sale of Alcoholic Beverages by Individuals	99
<i>Shaganyan A. M., Ovchinnikova O. D.</i> Legal Guarantees for the Protection of Healthcare Workers' Rights	108
<i>Shmoilova N. A., Molotova V. V.</i> Constitutional Rights and Guarantees of Individual in the Sphere of Life and Health	115
<i>Shpindler A. A.</i> Powers of the Security Council of the Russian Federation in Implementing Countersanctions Policy	122

CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>Bragina A. G.</i> Characteristics of Satanism in the Context of Religious Extremism: Concept, Classification Criteria of Criminal Activity, Improvement of Counteraction.....	130
<i>Burkov N. V.</i> Current Issues in Understanding Forms of Complicity in Crime and their Regulation under the Criminal Code of the Russian Federation.....	141
<i>Vertepova T. A., Aleshina-Alekseeva E. N.</i> Corruption as a Factor of Illegal Migration in the Russian Federation: Criminal Law and Criminological Aspects.....	149
<i>Dezhnev A. S.</i> Features Of the Implementation of the Provisions of Article 51 of the Constitution of the Russian Federation when Giving Testimony in Criminal Cases	156
<i>Ermakova O. V.</i> Problematic Aspects of Retroactive Effect of Criminal Law	162
<i>Kobets P. N.</i> Development and Optimization of Events in the Sphere of Preventing Human Trafficking and Criminal Exploitation of Humans	168

<i>Lepilova Ju. A.</i> The Concept and Essence of Economic and Criminal Activity in the Field of Public and Municipal Procurement.....	175
<i>Lugovik V. F., Chechetin A. E.</i> Lawyer in the Field of Operational Investigative Activities: Controversial Issues.....	186
<i>Rossinskiy S. B.</i> Notes on Chapter 32.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.....	195
<i>Tyumentseva S. I.</i> Combination of Rules for the Application of Retroactive Criminal Legislation and Credit for Time Served.....	202
<i>Shaganova O. M., Derevyanskaya T. P.</i> Features of the Qualification of Involving a Minor in Committing a Crime Using Information and Telecommunication Networks (Including the Internet).....	210
<i>Shcheglov A. I.</i> Deficiencies in organizational and managerial activities that influence the Commission of Crimes by Persons Registered with the Internal Affairs Agencies	217

Теоретико-исторические правовые науки

Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 7–14.

Altai Law Journal. 2026. № 2 (54). P. 7–14.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340.111.5

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ КАК СУЩНОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВООТНОШЕНИЯ

Василий Васильевич Бабурин

Омская академия МВД России, Омск, Россия, vvbaburin@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется теоретико-правовая проблема определения содержания правоотношения. Отмечается, что традиционный подход, сводящий содержание правоотношения исключительно к совокупности субъективных прав и юридических обязанностей, вступает в противоречие с философским пониманием категорий «содержание» и «структура». Обосновывается необходимость разграничения понятий «состав правоотношения», «структура правоотношения» и «содержание правоотношения». Особое внимание уделяется сущностной характеристике правоотношения — его направленности на стимулирование правомерного поведения участников. Автор приходит к выводу, что содержание правоотношения следует понимать как механизм реализации права, динамический процесс перевода статических правовых норм в реальное поведение субъектов. Теоретические положения иллюстрируются примерами из сферы уголовно-правовых отношений, однако основные выводы имеют общеправовое значение.

Ключевые слова: правоотношение, содержание правоотношения, структура правоотношения, состав правоотношения, правомерное поведение, реализация права, субъективное право, юридическая обязанность, механизм правового регулирования, сущность правоотношения

Для цитирования: Бабурин В. В. Обеспечение правомерного поведения как сущностная характеристика правоотношения // Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 7–14.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

ENSURING LAWFUL BEHAVIOR AS AN ESSENTIAL CHARACTERISTIC OF LEGAL RELATIONSHIP

Vasily V. Baburin

Omsk Order of Honor Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russia, vvbaburin@mail.ru

Abstract. This article examines the theoretical and legal problem of defining the content of legal relationship. It is noted that the traditional approach, which reduces the content of legal relationship solely to the totality of subjective rights and legal obligations, conflicts with the philosophical understanding of the categories of “content” and “structure.” The need for differentiation of the concepts “the composition of legal relationship”, “the structure of legal relationship,” and “the content of legal relationship” is proved. Particular attention is given to the essential characteristic of legal relationship — its focus on stimulating lawful behavior among its participants. The author concludes that the content of legal relationship should be understood as a mechanism for implementing law, a dynamic process of transforming static legal norms into the actual behavior of subjects. The theoretical principles are illustrated by using the examples from the field of criminal law. However, the main conclusions have general legal significance.

Keywords: legal relationship, content of legal relationship, structure of legal relationship, composition of legal relationship, lawful behavior, realization of the right, subjective right, legal obligation, mechanism of legal regulation, essence of legal relationship

For citation: Baburin V. V. Ensuring Lawful Behavior as an Essential Characteristic of Legal Relationship. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2026;2:7–14 (In Russ.).

© Бабурин В. В., 2026

Правоотношение является одним из основных, фундаментальных и в то же время проблемных понятий как для правовой науки в целом, так и для конкретных отраслевых наук соответственно. При этом разрешение этих проблемных вопросов особенно важно для таких отраслей права, в которых участники правоотношений несут строгую юридическую ответственность за свои правовые действия, например для уголовного права в связи с его особой правоохранительной функцией.

Косвенным свидетельством актуальности разработки содержания правоотношений является то, что в теории уголовного права до сих пор нет однозначности в выделении основных разновидностей уголовных правоотношений, что, безусловно, осложняет характеристику содержания конкретных уголовных правоотношений. Также следует отметить, что в учебной и научной уголовно-правовой литературе практически не уделяется внимания анализу не только содержания правоотношений, но и самих правоотношений. В большинстве учебников уголовного права вопросы уголовных правоотношений не рассматриваются или рассматриваются очень поверхностно.

Проблемность понимания содержания правоотношения связана, прежде всего, с определением его содержания в отрыве от опоры на основы теории права, основы философии и логики. Поэтому, раскрывая содержание правоотношения, необходимо, прежде всего, обратиться к теории права, характеристике в ней того места и значения правоотношения, которое оно занимает и имеет в самом праве, в системе правового регулирования общественных отношений. Данное обращение основано на том, что категория «правоотношение» является ведущей в теории права. И это неслучайно, поскольку именно правоотношение лежит в основе движения, работы самого права, правоотношение задает динамику правовым механизмам, запускает правовые процессы, поскольку его задача, его функция — «перевести» статические (неподвижные) юридические нормы и источники права в динамику юридических связей между субъектами права. **Правоотношения запускают правовые процессы, среди которых реализация права, применение права, толкование права и которые объединяются общим понятием** — механизм осуществления права как совокупность юридических средств, с помощью которых право воздействует на общественные отношения и поведение людей [1, с. 295; 2, с. 93]. И это воздействие при всей свободе граждан

должно осуществляться в определенном векторе правомерности.

Данные базовые моменты теории права лежат в основе понимания того, что представляют собой правоотношения. Согласно теории права, регулируя различные аспекты взаимодействия между людьми, *право придает* этим общественным *отношениям правовую форму*, благодаря чему они приобретают новые качества и специфический вид, становясь правовыми и облекаясь в юридическую оболочку. Но вместе с тем нельзя забывать, что это не должно являться самоцелью, это должно реализовываться с главной целью, исходящей от государства: чтобы все *граждане и другие субъекты вели себя правомерно*.

Это вытекает из самого смысла правового регулирования, которое влияет на общественные отношения следующим образом: упорядочивает их, закрепляет общественные отношения, способствует развитию отношений, выполняя общесоциальные (экономическую, политическую и воспитательную) функции, воздействует при этом на поведение людей в правильном направлении — направлении вытеснения чуждых обществу отношений. Иными словами, нельзя забывать, что в целом правовое регулирование направлено на избавление от опасных и социально негативных отношений.

Поэтому, характеризуя содержание правоотношения, необходимо учитывать его правомерный характер, его направленность на побуждение к правомерному поведению. К сожалению, в традиционных определениях понятия правоотношения как «разновидности социального отношения, урегулированного юридической нормой, участники которого обладают взаимными, корреспондирующими правами и обязанностями и реализуют их в целях удовлетворения своих потребностей и интересов в особом порядке, гарантированном и охраняемом государством в лице его органов» [1, с. 293], не раскрывается изначальная, внутренняя направленность правоотношения на формирование правомерного поведения. Вместе с тем данная направленность является одним из признаков, характеризующих сущность самого правоотношения.

Далее, характеризуя содержание правоотношения, необходимо прежде всего остановиться на понимании того, что считать содержанием правоотношения, поскольку в литературе не совсем ясно определяется содержание правоотношения, особенно в соотношении содержания правоотношения со структурой правоотношения. Обычно в юридической правовой литературе под содержа-

нием понимается только комплекс прав и обязанностей участников правоотношения, а все остальные элементы правоотношения (субъекты, объект, повод) остаются как бы вне содержания, но входят при этом в структуру правоотношения.

Ряд авторов, характеризуя содержание правоотношения, приходят к выводу о том, что содержание является частью структуры правоотношения, будучи его составным элементом [3, с. 273; 4, с. 23, 28]. Например, отмечается: «Как и любое общественное отношение, правоотношение — структурно сложное явление. Правоотношения чрезвычайно разнообразны по назначению, длительности, содержанию, составу участников. Однако путем научной абстракции можно выделить основные, необходимые элементы всякой правовой связи. Этих элементов три: субъекты, объект, содержание. Совокупность этих элементов получила в науке наименование структура (или состав) правоотношения» [5, с. 308].

Традиционное в целом для теории права положение, тем не менее при внимательном изучении оказывается, что оно не совсем укладывается в логику соотношения философских понятий того, что такое «содержание явления» и что такое «структура явления», а также их соотношения друг с другом.

Во-первых, не ясно, какое из этих понятий по объему больше или меньше другого. Так, исходя из традиционной трактовки содержания правоотношения как «совокупности прав и обязанностей субъектов правоотношения», получается, что понятие «содержание правоотношения» по объему меньше понятия «структура правоотношения», поскольку в теории права в структуру правоотношения традиционно включают не только чисто права и обязанности (собственно чистое содержание правоотношения), но еще и субъектов, и объект, и повод правоотношения. Вместе с тем согласно основам философии характеристика категории «содержание» всегда больше понятия «структура», поскольку содержание включает в себя все элементы явления, а структура в этом содержании раскрывает только внутреннюю взаимосвязь элементов, из которых состоит «содержание».

Так, исходя из классического представления о том, что представляет собой понятие «содержание» как философская категория, следует отметить, что содержанием называется вся совокупность сторон, свойств, признаков, связей предмета, явления или процесса. Содержание — это то, из чего состоит объект, целостность всех частей, его

свойств, процессов внутри него, связей, противоречий и направлений. При этом способ связи элементов служит для того, чтобы уяснить его структуру, которая дает возможность наделить предмет относительной устойчивостью и определить качественную сторону объекта. В то же время структура — философская категория, характеризующая только способ связи элементов в составе целого, который присущ ему и только ему, характеризующая строение и внутреннюю форму организации системы, выступающей как единство устойчивых взаимосвязей между ее элементами, а также законов этих взаимосвязей [6, с. 357]. Е. В. Пахонина отмечает, что «под структурой понимают взаимообусловленную совокупность связей элементов в составе системы, определяющую ее качественную специфику. Структура предстает как совокупность устойчивых отношений и связей между элементами. Сюда включаются: общая организация элементов, их пространственное расположение, связи между этапами развития и т. п.» [7, с. 295; 2, с. 93].

Обращение к философским основам предполагает характеристику анализа и объяснения всей совокупности философских категорий, описывающих свойства того или иного предмета или явления. Так, отсутствие характеристики сущности правоотношения при характеристике отдельных свойств правоотношения может привести к ошибке в описании остальных свойств правоотношения, в их соотношении друг с другом. Поэтому для решения вопроса необходимо обращение к понятию сущности правоотношения. Под сущностью понимается внутреннее содержание предмета, выражающееся в единстве всех многообразных и противоречивых форм его бытия. Как отмечает Е. В. Пахонина, «под сущностью понимается глубинная характеристика предметов, процессов, то, что определяет их существование и развитие» [7, с. 133]. «Сущее» в онтологии постигается путем редукции (сокращения, «выведения за скобки» случайных характеристик предметов), позволяющей увидеть то общее, что есть в различных явлениях, осознать их глубинную взаимосвязь. Видимое и чувственно постигаемое проявление сущего называется явлением.

Исходя из этого, структура объекта по своему объему не может быть больше его содержания. Всякое явление, предмет имеют содержание, структуру, оформление и собственную организацию. Структура правоотношения — совокупность устойчивых связей и отношений между составляющими его элементами.

Таким образом, надо говорить, что *«состав правоотношения включает: субъектов правоотношения, его объект и юридическое содержание»* [1, с. 298–299] *субъективных прав и юридических обязанностей субъектов* правоотношения, но не *содержание* правоотношения. Поэтому для исключения таких противоречий необходимо говорить здесь не о содержании правоотношения, а о главной части, главном элементе правоотношения, может быть даже о сущности правоотношения, но не о его содержании.

Так, С. В. Щепалов справедливо пишет, что *«структура (состав) правоотношения включает: субъектов правоотношения; его объект и юридическое содержание (субъективные права и юридические обязанности субъектов правоотношения)»* [8, с. 61–62].

Также необходимо отличать понятия структуры правоотношения и состава правоотношения. Структура (лат. *structura* — строение, расположение, порядок): 1) в словарях — определенная взаимосвязь, взаиморасположение составных частей; строение, устройство чего-либо; 2) в философии — совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих сохранение его основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях, основная характеристика системы, ее инвариантный аспект.

Структура — это взаиморасположение и связь частей, составляющих что-либо целое; устройство, строение чего-либо. Это внутреннее устройство чего-либо, компоненты объекта вместе с их взаимосвязями. А состав больше отражает характеристику самих составных частей, сами эти составные части.

Таким образом, следует отличать состав как акцент на элементах, из которых состоит объект, и структуру как акцент на взаимосвязи, взаиморасположение элементов данного объекта. Поэтому не следует смешивать данные понятия структуры и состава правоотношения. Совокупность элементов, из которых состоит правоотношение, называется составом правоотношения; совокупностью отдельных частей, из которых состоит что-либо целое. Система — совокупность отдельных частей, образующих собою что-либо новое, целое.

Наиболее точно характеризует состав правоотношения Р. В. Шагиева, которая отмечает, что *«в соответствии с философскими традициями любое типичное общественное отношение имеет такой состав: субъект, объект, связь между ними (идеальная или реальная), повод, вызывающий к жизни это отношение. Правоотношение как раз-*

новидность общественного отношения вряд ли отличается в этом смысле своим содержанием и тоже состоит из пяти элементов: субъектов правоотношения; субъективного права и юридической обязанности (юридическая фаза бытия); правомерного поведения (фактическая фаза бытия); объекта правоотношения; юридического факта» [2, с. 96–97]. Следует отметить, что она справедливо не вносит содержание правоотношения в структуру правоотношения или состав правоотношения.

Таким образом, характеризуя содержание уголовного правоотношения, необходимо выделять пять элементов: субъектов уголовного правоотношения; субъективные права и юридические обязанности (юридическая фаза бытия уголовного правоотношения) субъектов уголовного правоотношения; их правомерное поведение (фактическая фаза бытия уголовного правоотношения); объект уголовного правоотношения; юридический факт как повод для возникновения уголовного правоотношения.

Характеризуя неразрывную связь между правом (отраслью права), нормой права (нормой конкретной отрасли права) и правоотношением как продолжением права, как его реализацией в правоотношениях, нельзя не заметить, что в содержании правоотношения, в элементах правоотношения не находит явного проявления метод правового регулирования, который определяет специфику любой конкретной отрасли права наряду с предметом отрасли права. При этом предмет правового регулирования в содержании правоотношения присутствует в полном объеме в виде объекта правоотношения. А метод правового регулирования находится в тени прав и обязанностей. Вместе с тем понятно, что конкретное наполнение прав и обязанностей и направленность правового регулирования зависят от метода правового регулирования. Но почему-то явственно, очевидно, наглядно метод не представлен в содержании правоотношения. А от этого страдает та направленность правоотношения, которая идет от государства как его посыл, как вести себя в правовом государстве. На наш взгляд, это связано с тем, что и в понятии правоотношения, и в самих признаках в настоящее время не выделяется такой его признак, как направленность любого правоотношения на правомерное поведение.

Вместе с тем направленность на стимулирование правомерного поведения должна присутствовать в содержании любого правоотношения, прежде всего уголовно-правового отношения. Как ранее мы отмечали, «уголовное правоот-

ношение — это обеспеченная государственным устрашением, особая форма социального взаимодействия, участники которой реализуют потребность общества в том, чтобы граждане вели себя правомерно. Его характеризуют пять основных признаков: 1) предусмотренность нормой уголовного закона; 2) направленность на стимулирование правомерности поведения граждан; 3) обусловленность изданием уголовного закона или совершением преступления; 4) содержательность, определяемая прямым участием государства в реализации своего субъективного права и юридической обязанности обеспечить правомерность в поведении всех граждан; 5) гарантированность государственным устрашением высшего уровня» [9, с. 63].

Первым элементом правоотношения являются его участники, или субъекты правоотношения, субъекты права, под которыми понимаются физические и юридические лица, выступающие в качестве носителей предусмотренных законом прав и обязанностей.

Выделяют две группы субъектов правоотношений: индивидуальные (физические лица), коллективные (юридические лица). К индивидуальным субъектам относятся: граждане, иностранцы, лица без гражданства (апатриды), лица с двойным гражданством (бипатриды). Коллективные субъекты правоотношений представлены следующими организациями: государство в целом; государственные органы, учреждения и предприятия; негосударственные организации; общественные объединения; административно-территориальные единицы.

Специфическим субъектом правоотношений выступает само государство. Оно является важнейшим участником государственно-правовых и административно-правовых отношений. Осуществляя борьбу с преступностью, государство выступает важным субъектом уголовно-правовых отношений. В целом в уголовных правоотношениях участвуют два субъекта — государство и гражданин. Однако следует учитывать при этом специфику разновидностей уголовных правоотношений.

Возможность субъекта быть участником правоотношения определяется его правосубъектностью.

Характеризуя правосубъектность гражданина, надо говорить о его дееспособности, вменяемости, деликтоспособности. Так, в уголовном праве ответственность за совершенное преступление несет лицо, достигшее 16 лет, а за наиболее тяжкие преступления (убийство, похищение человека, изнасилование, кражу, грабеж и др.) — 14 лет (ст. 20 УК РФ).

Объект правоотношения — это то, на что воздействует правоотношение. Правоотношение конкретизирует общие права и обязанности, предусмотренные нормой права, применительно к индивидуальным субъектам, следовательно, *объектом правоотношения является фактическое поведение его участников*. В соответствии с содержанием субъективного права и юридической обязанности участники правоотношения строят свое поведение. Поскольку объектом правоотношений в целом выступает поведение людей, субъектов, участников правоотношений, большое значение имеет характеристика статуса и свойств этих субъектов, которые могут быть различными по содержанию.

Поведение человека — это взаимодействие его с окружающей средой, выражается оно либо в действии, либо в бездействии. **Этот вид объекта характерен для правоотношений, возникающих на основе норм уголовного права.**

Интересную мысль отмечает Н. В. Генрих: «Являясь структурным элементом правоотношения, объект представляет собой то, что объединяет всех субъектов отношения, в чем перекрещиваются их взаимные интересы, на что направлена их деятельность по реализации предоставленных нормой права прав и обязанностей. Таким объектом следует признать безопасность участников уголовного правоотношения, выражающую состояние защищенности их ключевых интересов, удовлетворение которых должно способствовать гармоничному развитию личности, общества и государства» [10, с. 142]. Развивая ее идею, следует отметить, что объектом уголовного правоотношения выступает правомерное поведение граждан, должностных лиц и иных субъектов государства.

Традиционно считается, что центральный элемент, сердцевину правоотношения составляют предусмотренные конкретной правовой нормой или их совокупностью права и обязанности участников правоотношения. В теории правоотношений их принято называть субъективным правом и юридической обязанностью. Этими двумя понятиями определяется конкретная мера юридической свободы в осуществлении интересов и регулировании поведения участников правоотношения. Вместе с тем необходимо добавить, что правоотношение — это и есть поведение участников правоотношений, прежде всего граждан. И это является ключевым моментом в характеристике содержания правоотношения.

Первой составляющей этого центрального элемента правоотношения традиционно считается понятие «субъективное право»: это предоставляемая

и охраняемая государством возможность (свобода) субъекта по своему усмотрению удовлетворять те интересы, которые предусмотрены объективным правом. Право, принадлежащее субъекту, называется «субъективным» правом именно потому, что только от субъективной воли субъекта зависит как им распорядиться.

Субъективное право проявляется в трех разновидностях, во-первых, в возможности положительного поведения обладателя субъективного права (управомоченного) в целях удовлетворения своих интересов. Во-вторых, субъективное право выражается в возможности управомоченного требовать определенного поведения от обязанных лиц в целях удовлетворения своих законных интересов. В уголовных правоотношениях это государство имеет право требовать. Право требования объективно вытекает из сущности правоотношения, поскольку в ряде случаев невозможно удовлетворить интересы управомоченных лиц непосредственно, т. е. через их субъективные действия. В праве требования заложена возможность фактической реализации субъективного права управомоченного. В-третьих, субъективное право включает в себя возможность управомоченного обратиться к компетентным государственным органам за защитой своих нарушенных прав. Речь идет о принудительной реализации права участника правоотношения. Если обязанное лицо в добровольном порядке не выполняет возложенную на него законом обязанность, управомоченный имеет возможность защитить свои интересы, обратившись к помощи государства.

Второй составляющей центрального элемента правоотношения является понятие «юридическая обязанность»: это предусмотренная законодательством и охраняемая государством необходимость должного поведения участника правового отношения в интересах управомоченного субъекта (индивида, организации, государства в целом). Если содержание субъективного права образует мера дозволенного поведения, то содержание обязанности — мера должного, необходимого поведения в правоотношении. Обязанному лицу предписывается мера должного поведения в целях удовлетворения интересов управомоченного.

Содержание юридической обязанности выражается в двух разновидностях: в необходимости совершать активные положительные действия в пользу других участников правоотношений (управомоченных лиц) (например, купля-продажа); также юридическая обязанность может выражаться в необходимости воздержания от действий, запрещенных нормами права.

Юридическая обязанность — это предусмотренная нормой права мера должного поведения. В отличие от субъективного права нельзя отказаться от исполнения юридической обязанности. Отказ от исполнения юридической обязанности является основанием для юридической ответственности.

Различные компоненты правоотношения находятся в постоянной взаимосвязи, взаимодействии друг с другом. Все рассмотренные срезы системы правоотношений пересекаются, но при этом сохраняют свою специфику и своеобразие.

Описание функционала правоотношения с точки зрения его участия в механизме правового регулирования предполагает характеристику не только статических, но и динамических признаков правоотношения, раскрывающих характеристику того, как правоотношение представляет собой реализацию субъектами норм права, структуру (элементы, система) правоотношения.

С внешней, формальной или статической стороны правоотношение — это особая юридическая связь между субъектами общественного отношения, обладающими взаимными субъективными правами и юридическими обязанностями, которые возникают на основе юридических норм и вследствие наступления определенных юридических фактов и гарантируются государством. С внутренней, сущностной, динамической стороны правоотношение необходимо рассматривать как механизм реализации, претворения в жизнь правовой модели общественно значимого поведения, заключавшейся в конкретной правовой норме.

Если мы везде говорим о том, как нам важно, чтобы все граждане вели себя правомерно, в нужном нам направлении, тогда почему у нас норма не ориентирована на динамику, на действие? Почему не представлена в динамике? Почему модель поведения, указанная в нормах права, у нас всегда представляется в статике, в застывшем статическом виде, и никогда не представляется в динамическом развитии, в динамике, а представляется без сопровождения, без побуждения к действию, без направленности желаемого поведения и без идеологии от государства? Может быть потому, что это сложно сделать технически, в плане юридической техники или по другим причинам?

Как отмечают В. А. Авдеев, О. А. Авдеева, «таким образом, правовое регулирование предусматривает реализацию мер правового воздействия регулятивного, охранительного, компенсационного, ограничительного и восстановительного характера. Ключевым направлением признается разработка, принятие и обнародование правовых пред-

писаний (норм), обеспечивающих регулирование общественных отношений в контексте стратегических задач внутриполитического и внешнеполитического характера [11, с. 8–9].

Нельзя с этим согласиться, поскольку ключевым является не это формальное действие — разработка и принятие норм и сухое обнародование этих норм и т. д., а побуждение граждан к выполнению этих норм. Для государства более важно побуждение к соблюдению норм и правил поведения, предупреждение преступлений путем побуждения к правомерному поведению, а не простая угроза наказанием за совершение после того, как преступление уже совершится. Следует признать, что обнародование — важная часть условий для такого побуждения. Однако давайте разберемся, насколько обнародование реально направлено на побуждение к правомерному поведению, когда есть принцип в уголовном праве — незнание закона не освобождает от ответственности? А где идеологическое воздействие на граждан с целью побуждения к соблюдению норм? Одного обнародования явно недостаточно.

В этом плане надо поддержать идею А. В. Петровского о том, чтобы использовать формальные и неформальные нормы, действующие в сфере предупреждения преступного поведения, способные функционировать как во взаимодействии с государственными структурами, так и отдельно от них, выступающие регуляторами антикриминальных коммуникативных отношений, характеризующиеся превентивной спецификой на уровне как содержания ценностей, так и их закрепления или оформления [12, с. 46].

Таким образом, анализируя подходы к определению содержания правоотношения в указанных и других определениях, следует отметить, что содержание правоотношения как юридической взаимосвязи между субъектами общественного отношения должно характеризоваться описанием не самих прав и обязанностей субъектов правоотношения, а действий субъектов по реализации этих прав и обязанностей, тем более что содержание этих прав и обязанностей уже существует,

уже представлено в конкретных правовых нормах. А в правоотношениях субъекты осуществляют действия по реализации этих прав и обязанностей. Поэтому в содержание должны входить характеристика действия, совместного деяния субъектов с точки зрения его объективной стороны и субъективной стороны.

Исходя из вышеизложенного, в содержании уголовного правоотношения необходимо выделять пять элементов: 1) субъектов уголовного правоотношения; 2) объект уголовного правоотношения; 3) юридический факт как повод для возникновения уголовного правоотношения; 4) объективную сторону совместного действия субъектов по реализации взаимных субъективных прав и юридических обязанностей в рамках правомерного поведения (фактическая фаза бытия уголовного правоотношения); 5) субъективную сторону правомерного поведения действия субъектов. Юридическая фаза бытия правоотношения, о которой говорит Р. В. Шагиева [2, с. 92–99], на наш взгляд, остается представленной в самой правовой норме в виде диспозиции нормы.

Итак, содержание правоотношения должно характеризоваться тем, что это механизм реализации права, реализатор определенного права конкретных субъектов права, это переводчик предоставленных нормами права участникам общественного отношения конкретных субъективных возможностей в реальное объективное удовлетворение субъектами этих своих потребностей в рамках данного права, это преобразователь статике формальных прав и обязанностей субъектов права в рамках правил поведения, установленных нормой права, в динамику реального потребления благ, предоставленных и гарантированных этой конкретной нормой права. Иными словами, сущность правоотношения заключается в переводе формального права в реальную возможность этим правом воспользоваться, в реализации его конкретными совместными действиями, деянием в действительности, в жизни, употреблении предоставленного нормой блага для себя, но в нужном для государства направлении, направлении правомерного поведения.

Список источников

1. Общая теория права и государства: учебник / под ред. В. В. Лазарева. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2007. 575 с.
2. Шагиева Р. В. Правоотношения и их роль в реализации права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2015. № 3. С. 92–99.
3. Актуальные проблемы теории государства и права: учебное пособие / авт.-сост. И. Л. Петрова; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2023. 424 с.
4. Кабанов А. А., Чижов С. В. О структуре и содержании правоотношения // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 4 (42). С. 19–29.

5. Теория государства и права: учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В. Б. Исакова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 656 с.
6. Основы философии науки: учебное пособие для аспирантов / В. П. Кахановский [и др.]. Изд. 7-е. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 603 с.
7. Пахонина Е. В., Синицына Т. И. Философия: учебное пособие / Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2-е изд., перераб. и доп. Вологда, 2022. 343 с.
8. Щепалов С. В. Теория государства и права в схемах и тезисах: учебное пособие. Петрозаводск: Verso, 2010. 99 с.
9. Бабурин В. В., Цвилий А. В. Признаки правоотношений (на примере признаков уголовных правоотношений) // Евразийский юридический журнал. 2025. № 10 (209). С. 62–63.
10. Генрих Н. В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: история, теория и практика. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 320 с.
11. Авдеев В. А., Авдеева О. А. Механизм правового регулирования и уголовно-правового воздействия: соотношение доктринальных и практико-реализационных принципов // Вестник Югорского государственного университета. 2019. Вып. 1 (52). С. 7–14.
12. Петровский А. В. Институционально-нормативная система предупреждения преступного поведения: теоретико-прикладное исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2023. 46 с.

References

1. Obshchaya teoriya prava i gosudarstva: uchebnik / pod red. V. V. Lazareva. 4-e izd., pererab. i dop. M.: Yurist», 2007. 575 s.
2. Shagieva R. V. Pravootnoshenie i ih rol' v realizacii prava // Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2015. № 3. S. 92–99.
3. Aktual'nye problemy teorii gosudarstva i prava: uchebnoe posobie / avt.-sost. I. L. Petrova; Vladim. gos. un-t im. A. G. i N. G. Stoletovyh. Vladimir: Izd-vo VIGU, 2023. 424 s.
4. Kabanov A. A., Chizhov S. V. O strukture i sodержanii pravootnosheniya // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. 2015. № 4 (42). S. 19–29.
5. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov i fakul'tetov / pod red. V. B. Isakova. M.: Norma: INFRA-M, 2020. 656 s.
6. Osnovy filosofii nauki: uchebnoe posobie dlya aspirantov / V. P. Kahanovskij [i dr.]. Izd. 7-e. Rostov n/D: Feniks, 2010. 603 s.
7. Pahonina E. V., Sinicya T. I. Filosofiya: uchebnoe posobie / Severo-Zapadnyj institut (filial) Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA). 2-e izd., pererab. i dop. Vologda, 2022. 343 s.
8. Shchepalov S. V. Teoriya gosudarstva i prava v skemah i tezisah: uchebnoe posobie. Petrozavodsk: Verso, 2010. 99 s.
9. Baburin V. V., Cvilij A. V. Priznaki pravootnoshenij (na primere priznakov ugolovnyh pravootnoshenij) // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2025. № 10 (209). S. 62–63.
10. Genrih N. V. Predmet i metod ugolovno-pravovogo regulirovaniya: istoriya, teoriya i praktika. M.: Norma: INFRA-M, 2011. 320 s.
11. Avdeev V. A., Avdeeva O. A. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya i ugolovno-pravovogo vozdejstviya: sootnoshenie doktrinal'nyh i praktiko-realizacionnyh principov // Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. Vyp. 1 (52). S. 7–14.
12. Petrovskij A. V. Institucional'no-normativnaya sistema preduprezhdeniya prestupnogo povedeniya: teoretiko-prikladnoe issledovanie: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Krasnodar, 2023. 46 s.

Информация об авторе

В. В. Бабурин — доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

V. V. Baburin — Doctor of Science (Law), Professor.

Статья поступила в редакцию 06.03.2026; одобрена после рецензирования 10.04.2026; принята к публикации 19.06.2026.

The article was submitted 06.03.2026; approved after reviewing 10.04.2026; accepted for publication 19.06.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 15–21.

Altai Law Journal. 2026. № 2 (54). P. 15–21.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340.114.5:378

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

**Владимир Владимирович Беденков¹, Константин Анатольевич Синкин²,
Маргарита Николаевна Петрова³**

^{1, 2, 3} Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

¹ bedenkov-1989@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9548-3380>

² ska76@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5195-5275>

Аннотация. В условиях усиливающейся правовой неопределенности, трансформации социальных институтов и роста деструктивных влияний (интернет-экстремизм, правовой нигилизм, инфляция ценностей) правовое воспитание молодежи приобретает стратегическое значение. В статье анализируются современные вызовы, влияющие на формирование правосознания молодого поколения, раскрываются институциональные и социокультурные барьеры, а также предлагаются подходы и механизмы эффективной реализации правового воспитания. Акцент сделан на межведомственном сотрудничестве, цифровизации правового просвещения и практике применения региональных программ. Сделаны предложения по повышению эффективности правового воспитания молодежи.

Ключевые слова: правовое воспитание, правосознание, правовая культура, деструктивное поведение, профилактика правонарушений, цифровая среда, правовой нигилизм

Для цитирования: Беденков В. В., Синкин К. А., Петрова М. Н. Правовое воспитание молодежи в условиях современных вызовов // Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 15–21.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

LEGAL EDUCATION OF YOUTH IN THE CONTEXT OF MODERN CHALLENGES

Vladimir V. Bedenkov¹, Konstantin A. Sinkin², Margarita N. Petrova³

^{1, 2, 3} Altai State University, Barnaul, Russia

¹ bedenkov-1989@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9548-3380>

² ska76@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5195-5275>

Abstract. Legal education of youth is becoming strategically important in the context of increasing legal uncertainty, the transformation of social institutions and the growth of destructive influences (Internet extremism, legal nihilism, values inflation). The article analyzes modern challenges affecting the formation of the legal consciousness of the younger generation, reveals institutional, social and cultural barriers. It offers approaches and mechanisms for the effective implementation of legal education. The emphasis is placed on interdepartmental cooperation, digitalization of legal education and the practice of applying regional programs.

Keywords: legal education, legal consciousness, legal culture, destructive behavior, crime prevention, digital environment, legal nihilism

For citation: Bedenkov V. V., Sinkin K. A., Petrova M. N. Legal Education of Youth in the Context of Modern Challenges. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2026;2:15–21 (In Russ.).

В последние десятилетия правовое воспитание молодежи становится важнейшим направлением государственной политики в области образования, национальной безопасности и профилактики правонарушений. В условиях усиливающейся правовой неопределенности, трансформации социальных институтов и роста деструктивных влияний (интернет-экстремизм, правовой нигилизм, инфляция ценностей) правовое воспитание молодежи приобретает стратегическое значение.

Впервые термин «воспитание» использовался в славянских текстах в 1056 г. в Остромировом Евангелии. С того же времени (а может быть, и раньше) он широко употребляется в бытовом словаре в значении «вскармливать», «вращивать», а с XVI в. — в значении «наставлять». Как теоретическое педагогическое понятие воспитание утверждается в XVIII в. во многом усилиями И. И. Бецкого и Н. И. Новикова одновременно с освоением западных взглядов на гуманизм [1, с. 27]. В современном понимании воспитание понимается как навыки поведения, привитые семьей, школой, средой и проявляющиеся в общественной жизни [2, с. 98]. В узком значении воспитание понимается как «...процесс сознательного, целенаправленного и систематического формирования личности, осуществляемый в рамках социальных институтов с целью подготовки этой личности к выполнению определенных социальных функций и ролей, жизнедеятельности в различных сферах социальной практики и на разных ролях, различных ролевых композициях» [3].

Применительно к правовому воспитанию среди правоведов наблюдается некоторый плюрализм мнений. Так, например, С. С. Алексеев под правовым воспитанием понимал «процесс организационно-идеологического воздействия на сознание людей, развивающего правовое сознание, обеспечивающего высокую правовую культуру, утверждающего в жизни общества и людей все то, что характеризует право как высоко значимую социальную ценность» [4, с. 216]. В. Д. Перевалов утверждал, что «правовое воспитание — это целенаправленная деятельность по трансляции (передаче) правовой культуры, правового опыта, правовых идеалов и механизмов разрешения конфликтов в обществе от одного поколения к другому» [5, с. 253]. По мнению Т. В. Синюковой, «...правовое воспитание — это необходимое систематическое воздействие на сознание и поведение человека в целях формирования у него определенных положительных взглядов, представлений, ценностных ориентаций, установок, которые обеспечивают со-

блюдение, исполнение и использование правовых норм» [6, с. 121].

Полагаем, что правовое воспитание представляет собой не только целенаправленное воздействие на воспитуемого с целью формирования у него развитого правосознания, но и является составной частью правовой социализации личности.

Целью правового воспитания, на наш взгляд, выступает необходимость формирования у каждого гражданина верного понимания социального значения права и его ценности. Правовые знания сами по себе еще не являются гарантом правильного поведения личности. Так, например, особенностью совершения преступлений несовершеннолетними является то, что большинство из них хорошо осведомлены о правовых запретах, которые они нарушают. Необходимо, чтобы правовые знания перешли в личные убеждения человека, совпадающие с интересами общества и государства [7, с. 46].

Как правовое явление российской действительности правовое воспитание не является чем-то новым: традиции правового воспитания имеют глубокие корни в истории России. В дореволюционный период воспитание правового сознания носило преимущественно конфессиональный и сословный характер. В советский период правовое воспитание стало частью идеологической системы, подчиненной целям социалистического воспитания. С конца 1990-х гг. в России формируется новая парадигма, ориентированная на ценности правового государства, прав человека и демократического участия.

Современный этап характеризуется многоуровневым и межведомственным подходом, ориентированным на интеграцию правового воспитания в образовательные стандарты, реализацию федеральных и региональных программ, а также цифровизацию правового просвещения.

Трудность реализации правового воспитания добавляют вызовы, возникающие на современном этапе функционирования российской правовой системы. Рассматривая дефиницию вызова, отметим, что в толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой «вызов» толкуется как выраженное словами, поступками, взглядом желание вступить в борьбу [2, с. 112]. По мнению Г. П. Сытника, вызов в рамках государственного управления в сфере национальной безопасности определяется как событие, явление, процесс, другие факторы, которые при наличии определенных условий одновременно могут быть оценены и как возможные опасности,

и как дополнительные возможности относительно реализации национальных интересов [8, с. 91–94]. Таким образом, применительно к правовому воспитанию, полагаем, вызов можно определить как необходимость осуществления правового воспитания в проблемных и противоречивых условиях.

Современная молодежь живет в условиях глубинных социокультурных и политических изменений, которые оказывают прямое влияние на характер правового сознания. Деструкция прежних социальных ориентиров, неопределенность в системе ценностей, снижение доверия к институтам власти и правосудия формируют у молодых людей ощущение нестабильности и правовой неопределенности.

Политическая поляризация, рост социального неравенства и снижение уровня вовлеченности граждан в институты гражданского общества также ослабляют идентификацию молодежи с правовыми ценностями государства. Эти процессы нередко приводят к апатии, снижению правового оптимизма и отказу от активного правового участия.

К актуальным вызовам правового воспитания молодежи на современном этапе, на наш взгляд, можно отнести информационные угрозы и цифровую дезориентацию, правовой нигилизм, девиантность, снижение авторитетов, проблемы взаимодействия семьи, школы и государства.

Говоря об информационных угрозах и цифровой дезориентации, отметим, что, с одной стороны, цифровая среда предоставляет широкие возможности для правового просвещения: онлайн-курсы, вебинары, интерактивные платформы. С другой — она порождает новые риски: распространение фейковой информации, идеологическую и правовую дезориентацию, вовлечение молодежи в противоправные сообщества.

Особую угрозу представляет агрессивный контент, формирующий у подростков установки, противоречащие правовым нормам. Как показывают исследования МВД России [9] и РАНХиГС [10], в большинстве случаев вовлечения несовершеннолетних в экстремистские сообщества источником информации являлись телеграм-каналы и YouTube-платформы, распространяющие деструктивные идеи под видом «гражданской активности».

Помимо отмеченных факторов, отрицательное влияние цифровой среды усиливается и тем, что преимущественное применение дистанционных технологий, а также использование искусственного интеллекта, особенно в системе гуманитарного образования, ослабевает способность молодых людей выражать собственную точку зрения на практических занятиях, а также авторскую позицию

в проводимых ими исследованиях. Примером этому может послужить массовая разработка онлайн-курсов. Старшее поколение, которое с трудом осваивает современные цифровые технологии, преподаватели, которые, по мнению некоторых руководителей, не способны идти в ногу со временем и продвигать новые тренды среди студенческой аудитории, вынуждены не идти на сделку с совестью и уходить из профессии. О какой преемственности поколений мы тогда можем вести речь? Проблема не просто в консерватизме старшего поколения, а в осознании им того, что в результате тотальной цифровизации происходит профанация традиционных форм социальной коммуникации, замена их некими суррогатами. На наш взгляд, преподаватели должны передавать знания и бесценный жизненный опыт посредством живого общения. Проверка остаточных знаний и полученных навыков у студентов должна осуществляться посредством проведения зачетов и экзаменов с использованием традиционных форм обучения, таких как устное собеседование, письменные ответы на вопросы экзаменационного билета, решение задач, подготовка научной статьи с развернутой авторской позицией.

Использование исключительно тестовых заданий для проверки знаний у студентов направлено на уничтожение функции образования как платформы общественной солидарности, коллективности и освоения общенациональных, цивилизационных ценностей.

Резюмируя вышеизложенное, мы делаем акцент не на критике цифровых технологий как таковых, а на настороженном отношении к формированию «цифрового общества», т. к. общество должно быть всегда человеческим, а не цифровым или каким-либо иным. В этой связи мы солидарны с мнением ученого Р. В. Насырова, который отмечает, что процесс оптимизации, интенсификации и цифровизации образования придает обучению характер поверхностного соприкосновения со знаниями, но не способствует их усвоению. Стоит ли удивляться тому, что после завершающих трех лет обучения в школе, «натаскивания на ЕГЭ» у значительной части молодежи по закону Павлова в виде приобретенного рефлекса возникает отвращение к образованию в целом.

Решение проблемы демотивации образования в направлении внедрения еще более изощренных цифровых технологий в данную сферу аналогично ситуации, когда изобретают все более и более эффективные «костыли», но забыли о лечении самого перелома. Важно понять, что подобная ситуация

не является абсурдной для производителей костылей, вот для них-то с коммерческой точки зрения хроническая «хромота» большинства людей была бы идеальной. Речь идет о том, что направления, формы и темпы цифровизации в сфере образования не носят объективного характера, а предопределены особенными интересами производителей гаджетов и цифровых технологий [11, с. 25].

Правовой нигилизм как сознательное отрицание правовых норм широко распространен среди молодежи и является следствием как дефицита правового просвещения, так и кризиса доверия к институтам власти. Так, в 2024 г. из 666 260 лиц, совершивших преступления, 21 069 — несовершеннолетние [12]. Социологические исследования демонстрируют недостаточный, по мнению самой молодежи, уровень правового образования. При ответе на вопрос учащихся школ, ПТУ, колледжей и вузов на вопрос «Дало ли изучение права в образовательных учреждениях необходимые знания и навыки?» 56 % респондентов ответили, что смогли получить в процессе обучения необходимые и достаточные правовые знания, 20,5 % ответили отрицательно, 23,5 % однозначно ответить затруднились [13, с. 571].

На наш взгляд, девиантное поведение, особенно в подростковой среде, усиливается в условиях дефицита правовой социализации и отсутствия позитивных правовых моделей.

Любое воспитание ребенка начинается в семье, в т. ч. и правовое. К сожалению, в настоящее время утрачено значительное число важных семейно-нравственных традиций, обеспечивающих передачу и сохранение семейных ценностей. Разрушен психологический уклад семьи. Отношение родителей к детям изменилось. Так, одной из острых проблем является равнодушие отдельных родителей, когда им нет дела до своих детей, когда родители откупаются подарками, потакают детским прихотям [14, с. 67–68].

Семья не является единственным институтом социализации молодого поколения. Формирование правовой культуры требует согласованных усилий семьи, школы и государства. Однако в действительности наблюдается слабая координация и фрагментарность мероприятий по правовому воспитанию. Правовая атмосфера, способствующая усвоению норм, в семьях, как правило, отсутствует [15, с. 52]. Школы ограничиваются формальными мероприятиями, а государственные органы не всегда координируют свою деятельность.

Необходима система, в которой правовое воспитание становится элементом культурной среды подростка: в школе, семье, во внешкольных орга-

низациях, в цифровом пространстве. Только при межведомственном и межинституциональном подходе возможно преодоление современных вызовов.

Отметим, что для правового воспитания в России фактически сформировалась достаточная нормативная основа. Базовыми выступают положения Конституции Российской Федерации¹, гарантирующие права и свободы человека и гражданина, а также определяющие правовое государство и гражданское общество как приоритетные ориентиры государственной политики.

Помимо Конституции Российской Федерации, значимыми нормативными актами являются:

- федеральный закон Российской Федерации «Об образовании в Российской Федерации»², предусматривающий воспитательную функцию образования, включая правовое просвещение;

- Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей»³;

- федеральный проект «Молодежь России» на 2024–2030 гг.⁴;

- Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2030 г.⁵

Правовое воспитание также включено в Стратегию национальной безопасности Российской Федерации⁶ и иные документы, определяющие приоритеты внутренней политики в гуманитарной сфере.

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Российская газета. 1993. 25 декабря. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.09.2025).

² Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 № 273-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Паспорт национального проекта «Молодежь России» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2030 года. URL: www.tsprk-mo.ru/storage/app/uploads/public/677/f92/32d/677f9232dbf5d315262788.pdf (дата обращения: 14.09.2025).

⁶ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Практическую реализацию правового воспитания обеспечивают федеральные и региональные структуры. Министерство просвещения Российской Федерации проводит уроки права в школах, включает темы правового воспитания в учебные планы. Росмолодежь реализует программы поддержки молодежных инициатив в правозащитной сфере, такие как грантовые конкурсы, форумы («Территория смыслов», «Машук» и др.), школы правозащитников.

Министерство внутренних дел Российской Федерации, Генеральная прокуратура Российской Федерации, Следственный комитет Российской Федерации и уполномоченные по правам человека в Российской Федерации активно вовлекаются в организацию просветительских мероприятий, лекций, конкурсов и правовых диктантов. Особое внимание уделяется профилактике экстремизма и правонарушений в молодежной среде.

На региональном уровне функционируют центры правового просвещения, школьные службы примирения, правовые клубы и патриотические объединения, способствующие правовой социализации подростков.

Согласно данным ВЦИОМ за 2023 г., только 19 % молодежи считают, что они хорошо осведомлены о своих правах. При этом 42 % признают, что воспринимают право как нечто внешнее и навязанное, а не как внутреннюю ценность [16]. Исследование РАНХиГС показывает, что более половины молодых людей не доверяют судебной системе и не считают ее источником справедливости [10].

Таким образом, несмотря на наличие обширной нормативной базы и большого количества мероприятий, наблюдается разрыв между формальной реализацией правового воспитания и фактическим уровнем правовой культуры молодежи, что свидетельствует о необходимости пересмотра стратегий правового просвещения с учетом цифровой среды и социокультурных реалий.

В условиях цифровой трансформации образовательной и социальной среды традиционные формы правового воспитания постепенно утрачивают эффективность. Молодежь все чаще получает информацию не из официальных источников, а из социальных сетей, блогов, видеохостингов и мес-

сенджеров. Это требует адаптации правового просвещения к цифровым форматам.

Особое значение имеют федеральные онлайн-проекты, такие как «Правовой диктант», «Юридический марафон», и видеоканалы, где в популярной форме объясняются юридические понятия и нормы поведения.

Важным направлением становится практическое участие молодежи в правозащитной и просветительской деятельности. Это позволяет не только усваивать правовые знания, но и закреплять их через опыт общественной пользы.

Во многих регионах реализуются студенческие правозащитные проекты: «Школа молодого юриста», «Правовой волонтер», «Юридическая клиника». В таких инициативах молодежь оказывает бесплатные консультации населению, проводит правовые уроки для школьников, организует мероприятия по повышению правовой культуры.

Одной из наиболее результативных форм правового воспитания в школьной среде, по нашему мнению, является внедрение службы школьной медиации, направленной на ненасильственное разрешение конфликтов. Такие практики не только формируют правовую культуру, но и способствуют снижению уровня агрессии и девиантности в подростковой среде.

Кроме того, позитивным является применение симуляционных игр (суды, дебаты, ролевые кейсы), правовых турниров, интерактивных викторин, направленных на формирование навыков правового мышления и аргументации.

Таким образом, перспективные формы правового воспитания способны объединить в себе элементы цифровизации, практического участия, интерактивного обучения и партнерства между образовательными, общественными и государственными институтами.

Современные вызовы, стоящие перед системой правового воспитания молодежи, требуют не только обновления подходов, но и переосмысления целей и содержания самой воспитательной деятельности. Правовое воспитание должно стать не формальной частью образовательного процесса, а интегральным элементом социализации личности в условиях цифровой трансформации, глобализации и усложнения социокультурной среды.

Список источников

1. Мудрик А. В. Воспитание: явление, институт, понятие // Известия ВГПУ. Серия: Современные проблемы воспитания. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospitanie-yavlenie-institut-ponyatie> (дата обращения: 14.09.2025).

2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Русская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТМП», 2006.
3. Козлов А. А. О патриотическом и гражданском воспитании. СПб.: Изд-во «ЭлекСис», 2005. 228 с.
4. Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1982. Т. 2. 359 с.
5. Перевалов В. Д. Теория государства и права. 3-е изд., испр. и доп. М., 2013.
6. Синюкова Т. В. Правовое воспитание в современных условиях // Потенциал современной науки. 2015. № 3 (11). С. 121–125.
7. Рассолова Е. А. Правовое воспитание старшеклассников // Вестник университета Российской академии образования. 2007. № 1. С. 45–47.
8. Сытник Г. П. Вызов национальной безопасности // Государственное управление в сфере национальной безопасности: словарь-справочник / сост. Г. П. Сытник, В. И. Абрамов, В. Ф. Смолянюк [и др.]; под общ. ред. Г. П. Сытника. Киев: НАДУ, 2012. 495 с.
9. Отчет о подростковой преступности за 2023 год // МВД России: официальный сайт. URL: <https://mvd.rf> (дата обращения: 01.07.2025).
10. Правовая культура молодежи: аналитический доклад. М., 2022.
11. Насыров Р. В. Цифровое общество как усмешка истории: монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. 113 с.
12. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2024 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328> (дата обращения: 01.07.2025).
13. Шамитова Г. Ш. Правовой нигилизм молодежи как социальная проблема // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. № 2. С. 569–571.
14. Богданов А. В., Румянцев Н. В., Хазов Е. Н. Роль и значение семьи, общества и государства в правовом воспитании несовершеннолетних // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. С. 66–70.
15. Низамова Х. М. Правовое воспитание дошкольников // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2014. № 3 (8). С. 52–54.
16. ВЦИОМ. Молодежь и правосознание. URL: <https://wciom.ru> (дата обращения: 01.07.2025).

References

1. Mudrik A. V. Vospitanie: yavlenie, institut, ponyatie // Izvestiya VGPU. Seriya: Sovremennye problemy vospitaniya. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospitanie-yavlenie-institut-ponyatie> (data obrashcheniya: 14.09.2025).
2. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij / Russkaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. 4-e izd., dop. M.: ООО «А ТМР», 2006.
3. Kozlov A. A. O patrioticheskom i grazhdanskom vospitanii. SPb.: Izd-vo «ElekSis», 2005. 228 s.
4. Alekseev S. S. Obshchaya teoriya prava. M., 1982. T. 2. 359 s.
5. Perevalov V. D. Teoriya gosudarstva i prava. 3-e izd., ispr. i dop. M., 2013.
6. Sinyukova T. V. Pravovoe vospitanie v sovremennyh usloviyah // Potencial sovremennoj nauki. 2015. № 3 (11). S. 121–125.
7. Rassolova E. A. Pravovoe vospitanie starsheklassnikov // Vestnik universiteta Rossijskoj akademii obrazovaniya. 2007. № 1. S. 45–47.
8. Sytnik G. P. Vyzov nacional'noj bezopasnosti // Gosudarstvennoe upravlenie v sfere nacional'noj bezopasnosti: slovar'-spravochnik / sost. G. P. Sytnik, V. I. Abramov, V. F. Smolyanyuk [i dr.]; pod obshch. red. G. P. Syтника. Kiev: NADU, 2012. 495 s.
9. Otchet o podrostkovej prestupnosti za 2023 god // MVD Rossii: oficial'nyj sajt. URL: <https://mvd.rf> (data obrashcheniya: 01.07.2025).
10. Pravovaya kul'tura molodezhi: analiticheskij doklad. M., 2022.
11. Nasyrov R. V. Cifrovoe obshchestvo kak usmeshka istorii: monografiya. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2022. 113 s.
12. Kratkaya harakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Federacii za yanvar' — dekabr' 2024 goda. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328> (data obrashcheniya: 01.07.2025).

13. Shamitova G. Sh. Pravovoj nигilizm molodezhi kak social'naya problema // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2009. T. 14. № 2. S. 569–571.
14. Bogdanov A. V., Rumyancev N. V., Hazov E. N. Rol' i znachenie sem'i, obshchestva i gosudarstva v pravovom vospitanii nesovershennoletnih // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2020. № 2. S. 66–70.
15. Nizamova H. M. Pravovoe vospitanie doskol'nikov // Azimut nauchnyh issledovaniy: pedagogika i psihologiya. 2014. № 3 (8). S. 52–54.
16. VCIOM. Molodezh' i pravosoznanie. URL: <https://wciom.ru> (data obrashcheniya: 01.07.2025).

Информация об авторе

К. А. Синкин — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

K. A. Sinkin — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 24.09.2025; одобрена после рецензирования 15.01.2026; принята к публикации 19.06.2026.

The article was submitted 24.09.2025; approved after reviewing 15.01.2026; accepted for publication 19.06.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 22–26.

Altai Law Journal. 2026. № 2 (54). P. 22–26.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.195(6)

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СУДА ПРИСЯЖНЫХ НА ПРИМЕРЕ СТРАН АФРИКАНСКОГО КОНТИНЕНТА

Татьяна Алексеевна Гаврилова

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия,
lucky21girl@yandex.ru

Аннотация. Текущее исследование посвящено анализу исторического пути формирования и становления института присяжных заседателей в странах Африки. В современной юридической литературе при анализе исторического пути развития суда присяжных более пристальное внимание всегда уделяется европейским странам, принимая континентальную (французскую) и английскую модели за основные. При этом хотя африканская модель во многом является рецепцией континентальной, она также имеет свою теоретическую и практическую значимость. Пройдя весьма сложный и интересный путь развития, в настоящее время суд присяжных закрепился в правовых системах таких стран, как Гана, Конго, Сьерра-Леоне, Бенин, Чад и Кот-д'Ивуар. Каждой из указанных выше республик присущи свои функциональные различия суда присяжных. Необходимо отметить, что, хотя функционирование суда присяжных в Африке осуществляется в условиях экономической отсталости и сильного влияния социокультурных традиций, ценностей и обычаев, данный правовой институт является довольно востребованным и эффективным.

Ключевые слова: суд присяжных, институт присяжных заседателей, Африка, Африканский континент, присяжные заседатели, уголовный процесс, уголовное судопроизводство

Для цитирования: Гаврилова Т. А. Историко-правовой анализ становления и развития суда присяжных на примере стран Африканского континента // Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 22–26.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE JURY TRIAL ON THE EXAMPLE OF THE COUNTRIES OF THE AFRICAN CONTINENT

Tatyana A. Gavrilova

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia, lucky21girl@yandex.ru

Abstract. Within the framework of this study, a comprehensive analysis of the process of formation of the institution of jurors in African countries is given. In modern legal literature, when analyzing the historical development of the jury trial, close attention is always paid to European countries, taking the continental (French) and English models as the main ones. At the same time, although the African model is in many ways a reception of the continental one, it also has its theoretical and practical significance. Having gone through a very difficult and interesting development path, the jury trial is now entrenched in the legal systems of countries such as Ghana, Congo, Sierra Leone, Benin, Chad and Côte d'Ivoire. Each of the above-mentioned republics has its own functional differences in activity of the jury trial. It should be noted that although the functioning of the jury trial in Africa is carried out in conditions of economic backwardness and the strong influence of socio-cultural traditions, values and customs, this legal institution is quite popular and effective.

Keywords: jury trial, institute of jurors, Africa, African continent, jurors, criminal procedure, criminal legal proceedings

For citation: Gavrilova T. A. Historical and Legal Analysis of the Formation and Development of the Jury Trial on the Example of the Countries of the African Continent. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2026;2:22–26 (In Russ.).

В системе судопроизводства африканских стран суд присяжных появился в период колонизации. Становление объяснялось проведением Британией своей имперской политики, которая была направлена на установление юридических институтов на данных территориях.

В ходе этого процесса колонизированные территории были поделены на 4 группы [1, с. 274]. Выделяя отдельные страны первой группы, стоит более подробно остановиться на развитии суда присяжных в Гамбии и Сьерра-Леоне. Эти страны имели более продолжительную и документированную историю развития данного правового института.

Первоначально оба государства были историческими колониями Великобритании. В 1787 г. была основана Сьерра-Леоне, в начале 20-х гг. XIX в. присоединена Гамбия. На территории Гамбии суд присяжных просуществовал недолго: с середины 40-х до конца 60-х гг. [1, с. 275].

Несмотря на многие черты сходства между моделями суда присяжных в обеих странах, стоит отметить ряд отличительных черт, присущих институту присяжных заседателей в Гамбии.

Во-первых, коллегия присяжных в Гамбии состояла исключительно из 12 человек. Во-вторых, при численном составе коллегии меньше 12 человек решение принималось только в случае наличия единогласия. В-третьих, с 1886 г. стало возможным принимать вердикт на основании большинства в 2/3 голосов [2, с. 33]. В-четвертых, по общему правилу, установленному Верховным судом в 1889 г., за исключением дел, по которым в качестве санкции применялась смертная казнь, дела рассматривались составом из дюжины присяжных заседателей.

В середине XIX в. Верховным судом Ганы был закреплен численный состав коллегии (свыше 6 человек) для рассмотрения гражданских и уголовных дел. Вынесенное коллегией решение имело силу только в случае единогласия. Такое правило действовало до 1876 г., когда по делам о наиболее тяжких преступлениях в состав коллегии стали входить 12 человек. В начале XX в. в результате реформы в Гане ряд изменений коснулся и суда присяжных.

Отныне судьи первой инстанции обладали правом вынесения вердикта на основании большинства голосов, даже если перевес был всего в один голос (семь против пяти), а также могли отклонять вердикт коллегии и направлять дело на новое рассмотрение [2, с. 33].

Верховный суд получил возможность отменять приговор суда по причине незаконности решения и состава коллегии. Также он получил право требовать формирования новой коллегии с привлечением не более четырех представителей неместного населения.

Во второй половине XIX в. властями Нигерии был принят закон, согласно которому коллегия из семи человек рассматривала дела о составах, за которые в качестве санкции была предусмотрена смертная казнь. Через два года произошло расширение института присяжных заседателей и был принят закон, согласно которому устанавливалась обязанность рассматривать все уголовные дела в составе из 12 присяжных (в случае необходимости законом было предусмотрено уменьшение коллегии в два раза).

В результате объединения в 1886 г. Нигерии и Лагоса была установлена обязательность рассмотрения дел, по которым в качестве меры наказания могла быть применена смертная казнь, составом из 12 присяжных (на основании Первого Уголовно-процессуального кодекса). По всем остальным делам допускалась коллегия из 8 человек, если жителями региона являлись не более половины ее членов. Решение о виновности лица в совершении преступлений, санкционируемых смертной казнью, принималось единогласно [3, с. 90].

В странах второй группы, к которым были отнесены Кения и Южная Родезия, в состав коллегии присяжных могли входить только представители европейской расы. Это порождало проблемы, связанные с вопросами институциональной адаптации к многонациональным и многокультурным обществам, в которых имел место расовый критерий для присяжных.

Граждане Кении имели право исполнять обязанности присяжных заседателей до 1963 г. После получения страной независимости суд присяжных был ликвидирован. Граждане могли участвовать в судопроизводстве через институт ассессоров (народных представителей) [4, с. 100].

Различия между присяжным заседателем и ассессором заключаются в поставленных перед ними вопросах. Присяжные заседатели решают вопрос только о виновности или невиновности подсудимого. Ассессоры также решают вопросы привлечения осужденного к уголовной ответственности и выбора вида и размера наказания. То есть ассессоры выступают народными судьями, чьи полномочия намного шире, чем круг обязанностей присяжного заседателя.

Суд присяжных в Южной Родезии был упразднен в 1927 г. До этого момента он функционировал как институт только уголовного процесса. Уголовные дела рассматривались в составе одного квалифицированного судьи и коллегии присяжных или одного судьи и двух заседателей. Гражданское судопроизводство осуществлялось судьей единолично [5, с. 240].

К странам третьей группы принято относить Занзибар и Йемен. Одной из предпосылок введения суда присяжных в этих странах являлось наиболее сильное влияние Британской Индии. Рассмотрение всех уголовных дел в Йемене проходило при участии коллегии присяжных, что было вызвано протекторатом британцев. Власти имели право назначать судебные процессы по любой категории преступлений. Представители африканских колоний имели право выступать в качестве присяжных, однако они не всегда могли обойти языковой и имущественный цензы [5, с. 246].

Власти Занзибара при формировании института присяжных заседателей основывались на кенийском опыте. Судебная система состояла из двух уровней: Сессионного суда и Высокого суда. На первом уровне с участием присяжных рассматривались дела только после четкого распоряжения местного правительства. На втором уровне такая форма отправления правосудия была обязательной. В начале XX в. с участием присяжных стали рассматриваться дела по тяжким преступлениям.

В 1908 г. в Занзибаре был создан судебный орган, после чего все связи с системой судопроизводства Бомбея были прекращены. Апелляционные жалобы начиная с 1902 г. рассматривались в Апелляционном суде Восточной Африки. Этот судебный орган рассматривал дела в апелляции из Уганды, Кении и Ньясаленда. Решение считалось принятым только при единогласии коллегии присяжных [6, с. 37].

На основании уголовно-процессуального законодательства от 1908 г. было введено правило, согласно которому все европейцы, представшие перед судом по обвинению в тяжком преступлении, должны быть судимы с участием присяжных.

В качестве присяжного заседателя мог выступать только мужчина-европеец, достигший 21-летнего и не достигший 60-летнего возраста. Вердикт принимался единогласным решением коллегии. С начала 40-х гг. прошлого века суд присяжных был исключен из судебной системы Занзибара [7, с. 20].

Четвертая группа стран состояла из стран Южной Африки. К ним относились колония Трансва-

аль, Капская колония, Оранжевое Свободное Государство и Наталь. Становление суда присяжных являлось одним из направлений реформы системы уголовного судопроизводства. Каждая из колоний прошла свой путь становления суда присяжных как уголовно-процессуального института [8, с. 82].

В Капской колонии в 1831 г. было введено правило, согласно которому уголовные дела подлежат рассмотрению судом в составе из девяти мужчин-присяжных, которых отобрали по возрастному и имущественному признаку. Исполнение обязанностей присяжных носило безвозмездный характер, вердикт выносился единогласно. Среди основных требований к кандидату в присяжные было определено владение иностранным языком и наличие на праве собственности или аренды имущества на определенную стоимость [8, с. 83].

В колонии Наталь суд присяжных появился после ее аннексии в 1844 г. В качестве присяжного заседателя мог быть избран мужчина, достигший 21 года и не достигший 60 лет, любой расовой принадлежности. Стороны обладали правом заявить отвод не более трем присяжным. Если имело место неправомерное поведение коллегии или была обнаружена ошибка в вынесенном заседателями решении, то такой вердикт отменялся [9, с. 95].

В состав коллегии в колонии Трансвааль входило двенадцать человек. Решение считалось принятым только в случае единогласия. В конце 50-х гг. XIX в. был введен возрастной ценз — 30 лет. В 1877 г. в результате реформы количество присяжных было сокращено до девяти человек. Также в процедуре рассмотрения дела принимали участие судьи, предварительно обучавшиеся в Великобритании. В 1969 г. суд присяжных в Трансваале был упразднен [9, с. 100].

В 1854 г. суд присяжных был введен в судебную систему Оранжевого Свободного Государства. В него входило 6 или 9 человек, принимающих решение единогласно. Начиная с конца XIX в. присяжные могли рассчитывать на получениеточных выплат. Имущественный ценз, которому должен соответствовать присяжный заседатель (мужчина в возрасте от 21 года до 60 лет), состоял в выполнении одного из условий:

- владение на праве собственности недвижимостью стоимостью не менее 100 шиллингов;
- выплаты не менее 20 шиллингов в год в качестве арендатора [9, с. 100].

Функции по отбору членов коллегии исполнял секретарь суда. Каждая сторона могла заявить отвод трем заседателям.

Говоря о чертах сходства и различия, можно выделить следующие особенности, присущие отдельно взятым территориям:

1. Представители неевропейских рас могли претендовать на участие в качестве присяжных в Капской колонии.

2. В колонии Наталь вердикт коллегии считался вынесенным большинством голосов.

3. В качестве присяжных заседателей в Трансваале и Оранжевом Свободном Государстве могли выступать только белые мужчины [10, с. 426].

Местное население было ограничено в своих избирательных правах, несмотря на то, что среди требований к личности кандидата расовый признак не был закреплен.

После принятия Конституции Союза требования к присяжным были ужесточены и стали включать в себя не только возрастной и половой цензы, но и наличие необходимых квалификаций и регистрацию лица в качестве избирателя. Население посчитало такие требования излишними и отказывалось участвовать в отправлении правосудия. Власти, не желая допущения расовых предрассудков, в 1969 г. упразднили институт присяжных [8, с. 84].

XIX век — это период ослабления британского влияния на колониальные земли. По этой причине, а также из-за роста волнений населения против расистских практик институт присяжных заседателей на территориях Южной Африки пришел в упадок.

Посредством суда присяжных власти Британии старались укрепить свое господство в африканском регионе. По мере усиления британского влияния на колониальные земли росла и зона применения института присяжных заседателей. Одним из основных его назначений стал контроль за местным населением со стороны британцев.

Процесс становления и развития суда присяжных в разных частях африканского континента происходил по-разному. Несмотря на это, выделим некоторые общие сложности, среди которых можно отметить:

- недостаточное количество кандидатов, отвечающих всем требованиям закона;
- проблемы соотношения английского права с местными обычаями [2, с. 32].

Африканская юридическая концепция к тому времени еще не сформировалась. Этот факт отрицательно сказывался на функционировании суда присяжных. До признания многих африканских территорий независимыми государствами данный правовой институт считался неэффективным, хотя

и продолжал функционировать в правовых системах большинства территорий.

Южная Африка, которая в начале XIX в. являлась колонией Великобритании, одной из первых внедрила суд присяжных в свою правовую систему. В 1827 г. в Кейптауне прошел первый судебный процесс при участии коллегии присяжных.

Постепенно доверие к суду присяжных пошло на спад. В 1926 г. из компетенции присяжных были изъяты гражданские дела, а в 1969 г. на основании 34-го Закона об упразднении жюри присяжных — и уголовные [5, с. 240].

Возрождение суда присяжных в странах Южной Африки связано с распадом апартеида. С этого момента постепенно начинает внедряться судопроизводство с участием присяжных в гражданский и уголовный процесс.

В 1991 г. под руководством Нельсона Манделы в Южной Африке было создано новое правительство. В качестве эксперимента была предпринята попытка ввести гибридное (смешанное) судопроизводство. Квалифицированный судья выбирал одного или двух граждан в качестве народных заседателей. Такая гибридная форма могла рассматривать как уголовные, так и гражданские дела [3, с. 95].

Суд назначал народных судей исходя из целесообразности для осуществления правосудия. Это необходимо было сделать до начала представления сторонами доказательства по делу. По общему правилу народные заседатели совместно с судьей решали вопрос о виновности или невиновности подсудимого по делам об убийствах. Однако последний имел право попросить суд провести заседание без участия народных заседателей.

В период с 1963 по 1976 г. суд присяжных был упразднен на территориях, получивших независимость: Кения, Танзания, Южная Африка, Республика Бурунди [2, с. 33].

В современных реалиях на Африканском континенте суд присяжных выступает частью уголовно-процессуальных систем Ганы, Конго, Сьерра-Леоне, Бенина, Чада и Кот-д'Ивуара. Функции и значимость суда присяжных в каждой из указанных выше республик имеют свои отличия.

В целом суд присяжных в Африке довольно востребован и эффективен, хотя и функционирует в условиях экономической отсталости и сильных социокультурных традиций, ценностей и обычаев.

Присущие суду присяжных на современном этапе проблемы, связанные с критериями, предъявляемыми к кандидатам в присяжные, порядком формирования коллегии, установлением минимума

голосов для принятия вердикта, выделением среди вердиктов мажоритарного, единогласного или большинства голосов, имеют длинную историю, начиная с ранней стадии формирования данного

правового института. Несмотря на сильное и долгое британское влияние, суд присяжных, являясь его прямым наследием, имеет целый ряд недостатков и нуждается в полноценном реформировании.

Список источников

1. Монахов Г. Д., Бадмадоржиев Г. Е., Гордеев К. В. История развития и современное состояние института гражданского участия в отправлении правосудия по уголовным делам в ЮАР и странах Восточной Африки (Кении, Танзании и Руанде) // Современный ученый. Серия: Юридические науки. 2023. № 1. С. 272–277.
2. Батырбаев Б. С., Токтобаев Б. Т. Эволюция суда присяжных заседателей в уголовном процессе африканских стран в период колонизации: опыт и актуальность // Российско-азиатский правовой журнал. 2024. № 1. С. 32–37.
3. Бернэм У. Суд присяжных заседателей. М.: Изд-во Моск. независимого ин-та междунар. права, 1997.
4. Боботов С. В., Чистяков Н. Ф. Суд присяжных: история и современность. М.: Манускрипт, 1992.
5. Крашенинникова Н. А., Лысенко О. Л., Трикоз Е. Н. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: в 2 т.; т. 1: Древний мир и Средние века. М.: Норма, 2012.
6. Романовская В. Б., Калинина Е. В., Остроумов Н. В. История права зарубежных стран: учебное пособие. Н. Новгород: Пламя, 2009.
7. Мупендана П. К., Сапогов В. М. Тенденции и проблемы развития постколониального права и государства в Африке // Московский юридический журнал. 2022. № 2. С. 15–24.
8. Гавристова Т. М. Африка: «постколониальная библиотека» // Азия и Африка сегодня. 2020. № 3. С. 80–85.
9. Емельяненко Е. Г. Постколониальная Африка: проблемы и перспективы // Мировая политика. 2020. № 2. С. 86–98.
10. Томсинов В. А. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Древность и Средние века. М.: ИКД ЗЕРЦАЛО-М, 2004.

References

1. Monahov G. D., Badmadorzhiev G. E., Gordeev K. V. Istoriya razvitiya i sovremennoe sostoyanie instituta grazhdanskogo uchastiya v otpravlenii pravosudiva po ugovolnym delam v YuAR i stranah Vostochnoj Afriki (Kenii, Tanzanii i Ruande) // Sovremennyy uchenyj. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2023. № 1. S. 272–277.
2. Batyrbaev B. S., Toktobaev B. T. Evolyuciya suda prisyzhnyh zasedatelej v ugovolnom processe afrikanskih stran v period kolonizacii: opyt i aktual'nost' // Rossijsko-aziatskij pravovoj zhurnal. 2024. № 1. S. 32–37.
3. Bernem U. Sud prisyzhnyh zasedatelej. M.: Izd-vo Mosk. nezavisimogo in-ta mezhdunar. prava 1997.
4. Bobotov S. V., Chistyakov N. F. Sud prisyzhnyh: istoriya i sovremennost'. M.: Manuscript, 1992.
5. Krasheninnikova N. A., Lysenko O. L., Trikoz E. N. Hrestomatiya po istorii gosudarstva i prava zarubezhnyh stran: v 2 t.; t. 1: Drevnij mir i Srednie veka. M.: Norma, 2012.
6. Romanovskaya V. B., Kalinina E. V., Ostroumov N. V. Istoriya prava zarubezhnyh stran: uchebnoe posobie. N. Novgorod: Plamya, 2009.
7. Mupendana P. K., Sapogov V. M. Tendencii i problemy razvitiya postkolonial'nogo prava i gosudarstva v Afrike // Moskovskij yuridicheskij zhurnal. 2022. № 2. S. 15–24.
8. Gavristova T. M. Afrika: «postkolonial'naya biblioteka» // Aziya i Afrika segodnya. 2020. № 3. S. 80–85.
9. Emel'yanenko E. G. Postkolonial'naya Afrika: problemy i perspektivy // Mirovaya politika. 2020. № 2. S. 86–98.
10. Tomsinov V. A. Hrestomatiya po istorii gosudarstva i prava zarubezhnyh stran. Drevnost' i Srednie veka. M.: IKD ZERCALO-M, 2004.

Статья поступила в редакцию 25.06.2025; одобрена после рецензирования 22.12.2025; принята к публикации 19.06.2026.

The article was submitted 25.06.2025; approved after reviewing 22.12.2025; accepted for publication 19.06.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 27–35.

Altai Law Journal. 2026. № 2 (54). P. 27–35.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340.111.5:351.74

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДОБРОВОЛЬНЫХ НАРОДНЫХ ДРУЖИН И МИЛИЦИИ В РСФСР В 1960–1970-Е ГГ.

Михаил Владимирович Кучин

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, misha.k.77@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования определяется поиском современных моделей общественно-государственного партнерства в правоохранительной сфере. Советский опыт системного привлечения граждан к охране правопорядка через добровольные народные дружины в 1960–1970-е гг. представляет уникальный историко-правовой феномен оптимизации ресурсов милиции. Целью статьи является анализ механизмов и эффективности взаимодействия ДНД и милиции в РСФСР указанного периода. Исследование базируется на историко-правовом (ретроспективном, сравнительно-правовом) и сравнительном методах. На основе архивных материалов, включая уникальную «Единую дислокацию постов и маршрутов патрулей г. Казани» (1974 г.), раскрывается региональная специфика и нормативное закрепление модели. Ключевой вывод: эффективность обеспечивалась не массовостью привлечения дружинников (до 61,7 % патрульных сил в Казани), а строгой организацией. Исторический опыт демонстрирует потенциал планового привлечения граждан к охране правопорядка без расширения штатов государственных органов, что сохраняет практическую значимость для современных дискуссий.

Ключевые слова: добровольные народные дружины, общественный порядок, сотрудники милиции

Для цитирования: Кучин М. В. Историко-правовой опыт взаимодействия добровольных народных дружин и милиции в РСФСР в 1960–1970-е гг. // Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 27–35.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

HISTORICAL AND LEGAL EXPERIENCE OF INTERACTION BETWEEN VOLUNTARY PEOPLE'S GUARD AND THE MILITIA IN THE RSFSR IN THE 1960^S–1970^S

Mikhail V. Kuchin

Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, Moscow, Russia, misha.k.77@mail.ru

Abstract. The relevance of the study is determined by the search for modern models of public-state partnership in the law enforcement sphere. The Soviet experience of attracting citizens to maintaining public order through Volunteer People's Squads (VNS) in the 1960s–1970s represents a unique historical and legal phenomenon of optimizing militia resources. The aim of the article is to analyze the mechanisms and effectiveness of the interaction between VNS and the militia in the RSFSR during this period. The study is based on historical-juridical (retrospective, comparative-juridical) and comparative methods. Based on archival records, including the unique "Unified Deployment of Posts and Patrol Routes of the City of Kazan" (1974), the regional specificity and regulatory consolidation of the model are revealed. The main conclusion is that the effectiveness of activity was ensured not by the mass involvement of volunteers (up to 61.7% of patrol forces in Kazan), but by strict organization. Historical experience demonstrates the potential of systematically involving citizens in law enforcement without expanding government staff, which remains practically relevant for contemporary discussions.

Keywords: voluntary people's squads, public order; militia officers

For citation: Kuchin M. V. Historical and Legal Experience of Interaction Between Voluntary People's Guard and the Militia in the RSFSR in the 1960^S–1970^S. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2026;2:27–35 (In Russ.).

Потребность в безопасности является базовой потребностью для любого общества вне зависимости от этапа его исторического развития и типа государства [1, с. 393]. Эта потребность обуславливает развитие различных форм и методов ее удовлетворения как средствами и методами, имеющимися в распоряжении государства, так и альтернативными методами, которые имеют не государственную, а социальную природу. Государство ценно прежде всего тем, что гарантирует безопасность общества и индивида, проживающих на его территории, а это возможно только при наличии устойчивого правопорядка [2, с. 75].

В отечественной правовой науке сложилось понимание правопорядка как состояния упорядоченности общественных отношений, основанного на праве и законности, представляющего собой цель и результат правового регулирования [3, с. 103]. В рамках такого взгляда на правопорядок его правовая природа проявляется в том, что он формируется исключительно на основе правовых норм и представляет собой систему правоотношений, в которых реализуются субъективные права и юридические обязанности участников. Правопорядок при таком подходе не может возникнуть вне правового поля, поскольку его элементами выступают правомерное поведение субъектов, реализация правовых норм, законность как режим, который характеризуется соблюдением правовых предписаний, обеспечивающий перевод идеальных требований права в реальное, фактическое правомерное поведение субъектов права [4, с. 21]. Теория функций государства позволяет рассматривать охрану правопорядка не как изолированную задачу, а как органическую составляющую государственного управления обществом, тесно связанную с экономической, социальной, политической функциями государства. В истории наше-

го государства наиболее активное взаимодействие милиции и общественных организаций правоохранительной направленности достигло пика именно в советский период. Важно отметить то, что добровольные народные дружины были действенными субъектами охраны общественного порядка, они фактически разгружали милицию, что находит подтверждение в архивных материалах.

В этой связи накопленный историко-правовой опыт нуждается в глубоком анализе с целью изучения возможности применения отработанной и хорошо зарекомендовавшей себя модели вовлечения граждан в общественные процессы. Здесь под взаимодействием [5, с. 167] добровольных народных дружин (далее — ДНД) и милиции следует понимать их «согласованные действия» при выполнении задач по охране общественного порядка. Такого плана согласованные действия на протяжении советского периода претерпевали различные изменения и принимали новые формы. Главным образом это было следствием изменения политической конъюнктуры внутригосударственной политики. Однако в немалой степени это связано с изменениями структуры системы органов внутренних дел, реорганизация которой практически не прекращалась. В этом контексте очень точно высказывание Т. Л. Матиенко, раскрывающее суть происходивших событий: «советская система органов внутренних дел на всем протяжении истории перманентно переживала реорганизации и реформы» [6, с. 30]. Партийные комитеты (райкомы, горкомы КПСС) выступали связующим звеном между милицией и ДНД. Они утверждали командиров дружин, согласовывали дислокацию постов, организовывали совместные совещания по итогам квартала. Например, в г. Казани изменение маршрутов патрулирования ДНД требовало визы начальника ГОВД и секретаря горкома.

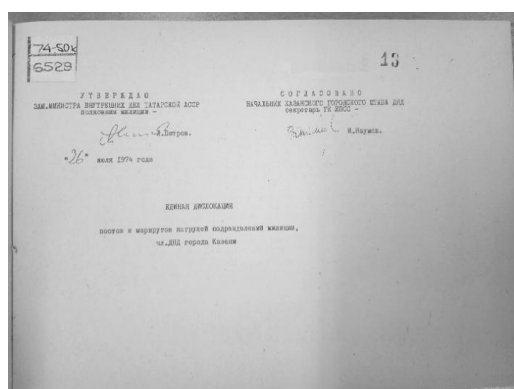

Источник фото — URL: https://dzen.ru/a/Y-D8DgDVyxl_z2jt

Характерный пример системного взаимодействия милиции и добровольных народных дружин нашел свое детальное отражение в «Единой дислокации постов и маршрутов патрулей подразделений милиции, членов ДНД города Казани» (далее — «Дислокация») от 26 июля 1974 г. Данный документ детально регламентировал порядок патрулирования, устанавливал количество смен, вид несения службы (стационарный, мобильный, пеший) [7, с. 6–8]. Он также содержал схему связи патрульно-постовых нарядов каждого районного отдела внутренних дел (далее — РОВД) с дежурной частью и картографические схемы движения общественного городского транспорта [7, с. 44, 81, 116, 140, 178, 211, 241].

«Дислокация» являлась основным документом, необходимым для координации действий дежурных сил, средств и наружных нарядов, находящихся на маршрутах патрулирования. Тем интереснее

тот факт, что в данный документ были включены добровольные народные дружинники, для которых по аналогии с сотрудниками милиции были уточнены и детально расписаны их обязанности (рис. 1). Это свидетельствует о строгой иерархии взаимодействия: дружинники подчинялись старшему оперативного наряда милиции или участковому уполномоченному, который координировал их действия, исключая дублирование функций. В «Дислокации» зафиксированы не только маршруты, но и каналы экстренной связи с дежурной частью РОВД и соседними нарядами милиции. Кроме того, в «Дислокации» был определен численный состав патруля, состоящего исключительно из добровольных народных дружинников, маршрут их движения, порядок связи и номера телефонов, уточнены особые обязанности для каждого патруля, которые определялись исходя из характеристик маршрута [7, с. 75–80].

УЧАСТИЕ ДНД, ВОСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ПОСТЫ И МАРШРУТЫ			
№ п/п	Маршрут патрулирования	Время	Задания
1	Центр маршрута: от поста № 1 до поста № 2 по маршруту: от поста № 1 до поста № 2 по маршруту: от поста № 1 до поста № 2	8.30-23.30	Устанавливать порядок при посадке граждан в автобусы, троллейбусы и трамваи, выездах и выездах на работу, в школу, в магазин и т.д., поддерживать порядок в общественном транспорте.
2	Центр маршрута: от поста № 3 до поста № 4 по маршруту: от поста № 3 до поста № 4 по маршруту: от поста № 3 до поста № 4	8.30-23.30	Устанавливать порядок при посадке граждан в автобусы, троллейбусы и трамваи, выездах и выездах на работу, в школу, в магазин и т.д., поддерживать порядок в общественном транспорте.
3	Центр маршрута: от поста № 5 до поста № 6 по маршруту: от поста № 5 до поста № 6 по маршруту: от поста № 5 до поста № 6	8.30-23.30	Устанавливать порядок при посадке граждан в автобусы, троллейбусы и трамваи, выездах и выездах на работу, в школу, в магазин и т.д., поддерживать порядок в общественном транспорте.
4	Центр маршрута: от поста № 7 до поста № 8 по маршруту: от поста № 7 до поста № 8 по маршруту: от поста № 7 до поста № 8	8.30-23.30	Устанавливать порядок при посадке граждан в автобусы, троллейбусы и трамваи, выездах и выездах на работу, в школу, в магазин и т.д., поддерживать порядок в общественном транспорте.
5	Центр маршрута: от поста № 9 до поста № 10 по маршруту: от поста № 9 до поста № 10 по маршруту: от поста № 9 до поста № 10	8.30-23.30	Устанавливать порядок при посадке граждан в автобусы, троллейбусы и трамваи, выездах и выездах на работу, в школу, в магазин и т.д., поддерживать порядок в общественном транспорте.
6	Центр маршрута: от поста № 11 до поста № 12 по маршруту: от поста № 11 до поста № 12 по маршруту: от поста № 11 до поста № 12	8.30-23.30	Устанавливать порядок при посадке граждан в автобусы, троллейбусы и трамваи, выездах и выездах на работу, в школу, в магазин и т.д., поддерживать порядок в общественном транспорте.
7	Центр маршрута: от поста № 13 до поста № 14 по маршруту: от поста № 13 до поста № 14 по маршруту: от поста № 13 до поста № 14	8.30-23.30	Устанавливать порядок при посадке граждан в автобусы, троллейбусы и трамваи, выездах и выездах на работу, в школу, в магазин и т.д., поддерживать порядок в общественном транспорте.
8	Центр маршрута: от поста № 15 до поста № 16 по маршруту: от поста № 15 до поста № 16 по маршруту: от поста № 15 до поста № 16	8.30-23.30	Устанавливать порядок при посадке граждан в автобусы, троллейбусы и трамваи, выездах и выездах на работу, в школу, в магазин и т.д., поддерживать порядок в общественном транспорте.
9	Центр маршрута: от поста № 17 до поста № 18 по маршруту: от поста № 17 до поста № 18 по маршруту: от поста № 17 до поста № 18	8.30-23.30	Устанавливать порядок при посадке граждан в автобусы, троллейбусы и трамваи, выездах и выездах на работу, в школу, в магазин и т.д., поддерживать порядок в общественном транспорте.
10	Центр маршрута: от поста № 19 до поста № 20 по маршруту: от поста № 19 до поста № 20 по маршруту: от поста № 19 до поста № 20	8.30-23.30	Устанавливать порядок при посадке граждан в автобусы, троллейбусы и трамваи, выездах и выездах на работу, в школу, в магазин и т.д., поддерживать порядок в общественном транспорте.

Рис. 1. «Единая дислокация постов и маршрутов патрулей подразделений милиции, членов ДНД города Казани» от 26 июля 1974 г.

Изучение «Дислокации» показало, что ежедневно в г. Казани для обеспечения охраны общественного порядка на посты и маршруты патрулирования одновременно привлекались 1255 человек, из них 481 были сотрудники милиции (38,3 %) и 774 — добровольные народные дружинники (61,6 %). Эти количественные данные наглядно показывают, что соотношение дружинников было примерно в 1,6 раза больше, чем милиционеров, а по некоторым районам г. Казани (Ленинский и Кировский р-ны) численность дружинников от

общего количества одновременно задействованных на постах и маршрутах доходила до 70 % (таблица 1). Из этого следует, что массовое участие добровольных народных дружинников в охране общественного порядка и оперативная обстановка в городе не только позволяли освободить часть сотрудников милиции от патрулирования, делегировав данные функции добровольным народным дружинникам, но и давала возможность перераспределить личный состав милиции, охватив тем самым наибольший спектр задач.

Источник фото — URL: https://dzen.ru/a/YV7iWKevzkwPZ3t?utm_medium=organic&utm_source=yandexsmartcamera

Таблица 1

Количество задействованных единовременно для охраны общественного порядка сотрудников милиции и добровольных народных дружинников г. Казани в 1974 г. [7, с. 5–240]

г. Казань и его районы	Всего единовременно задействовано на постах и маршрутах патрулирования (человек)	Всего задействовано сотрудников милиции	% от количества задействованных	Всего задействовано добровольных народных дружинников	% от количества задействованных
г. Казань	1255	481	38,3	774	61,7
Бауманский район	169	74	43,7	95	56,2
Вахитовский район	162	62	38,2	100	61,7
Кировский район	189	57	30,1	132	69,8
Ленинский район	190	55	28,9	135	71,1
Московский район	174	73	41,9	101	58
Приволжский район	186	90	48,3	96	51,6
Советский район	185	70	37,8	115	62,1

Несмотря на то что задачи по охране общественного порядка, стоявшие перед дружинниками, мало чем отличались от задач, стоявших перед сотрудниками милиции, необходимо подчеркнуть, что дружинники выполняли вспомогательные и профилактические функции под общим руководством милиции, но не имели полномочий сотрудников милиции (арест, расследование и т. д.). Добровольные народные дружинники, согласно «Дислокации», должны были: «Поддерживать общественный порядок на маршруте. Пресекать распитие спиртных напитков в неустановленных местах, доставлять в отдел милиции с улиц и других общественных мест пьяных граждан, бродяг, попрошайек, безнадзорных детей и подростков.

Следить за соблюдением ПДД водителями автотранспорта и пешеходами» [7, с. 41–43]. Критически важным элементом взаимодействия был порядок передачи информации. При выявлении правонарушений дружинники обязаны были немедленно информировать ближайший наряд милиции, а задержанных доставлять в отдел только совместно с сотрудником ОВД. Это подчеркивало вспомогательную роль ДНД и их интеграцию в оперативную цепочку милиции.

Вместе с тем именно здесь четко просматриваются партнерские отношения, закрепленные в локальном распорядительном документе: с одной стороны, государственные органы охраны правопорядка в лице сотрудников милиции, с другой

стороны, общественность, безвозмездно выполняющая обязанности по охране правопорядка в лице

граждан, образующих добровольные народные дружины.

Газета «Советская Россия» от 21 марта 1959 г.
№ 68 (831)

Газета «Советская Россия» от 12 марта 1959 г.
№ 61 (824)

Исходя из «Дислокации», численность дружинников на маршруте составляла, как правило, пять человек, и несение службы в редких случаях осуществлялось совместно с сотрудником милиции. Несение службы дружинниками на маршрутах патрулирования осуществлялось согласно «Дислокации» только в третью смену и по четыре часа (летом с 19:00 до 23:00, зимой с 18:30 до 22:30). Сотрудники милиции несли службу по восемь часов в первую смену (летом с 22:00 до 06:00, зимой с 00:00 до 08:00), во вторую смену (летом с 09:00

до 18:00, зимой с 08:00 до 17:00) и в третью смену (летом с 18:00 до 02:00, зимой с 17:00 до 01:00) [7, с. 3–4]. Выбор смены для добровольных народных дружинников был не случаен, поскольку дежурство являлось дополнительной обязанностью, помимо основной работы. Разница в соотношении продолжительности несения службы на первый взгляд кажется значительной, но следует помнить о том, что дежурство ДНД являлось субсидиарной, вспомогательной функцией по отношению к милиции.

Источник фото — URL: <https://fishki.net/2291021-narodnye-druzhiny-v-sssr.html>

Аналогичная ситуация с привлечением к несению службы только самих дружинников, без участия милиции, наблюдалась в этот период и в г. Ленинграде. В отчете о работе Ленинградского механического института (далее — ЛМИ) за 1974–1975 гг. указано: «ДНД ЛМИ, наконец, смогла перейти к той форме работы, которой требует райком КПСС, т. е. дежурство только силами дружинников» [8, с. 46]. Дружинники были организованы в особые группы — «десятки», в каждой из которых было по 10–14 человек. Было составлено расписание дежурства по факультетам и «десяткам». При этом каждая «десятка» закреплялась за куратором из районного отдела милиции, который проводил перед дежурством инструктаж, выдавал задания на основе оперативной сводки и анализировал итоги работы. Расписание дежурств утверждалось совместно райкомом КПСС и ОВД, что обеспечивало синхронизацию с графиками патру-

лирования милиции. Из вышеизложенного следует то, что в Советском Союзе в рассматриваемый исторический период не было единых стандартов по количеству членов ДНД, задействованных на маршрутах патрулирования. Решения о количестве дружинников, одновременно находящихся в патруле, принимались партийными органами совместно с ОВД в зависимости от конкретной ситуации.

Необходимо отметить, что в целом охрана правопорядка представляет собой систему мер государственного и общественного воздействия, направленных на предотвращение правонарушений, выявление и пресечение противоправных деяний, восстановление нарушенных прав и привлечение нарушителей к ответственности. В этой связи целесообразность рассматриваемого принципа формирования дежурств оперативных групп была проверена на практике и подтвердила свою эффективность.

Источник фото — URL: <https://fishki.net/2291021-narodnye-druzhiny-v-sssr.html>

За 1974–1975 гг., исключая летний период 1975 г., дружинниками ЛМИ было сделано 2720 человеко-выходов. Силами добровольных народных дружинников было задержано всего 1280 правонарушителей, из них 82 за мелкое хулиганство, 872 за появление в нетрезвом виде в общественных местах, отправлено в РУВД 975 человек. Проведено три городских и пять районных рейдов усиленным составом ДНД, а также три ночных рейда. За октябрь, ноябрь была создана фактически новая дружина: было принято около 400 новых членов ДНД. Численность ДНД ЛМИ была доведена до 750 человек, т. е. на 100 человек больше, чем в 1973 г. Увеличилась партийно-комсомольская прослойка.

А в рядах добровольных народных дружинников ЛМИ к 1975 г. состояло 173 коммуниста и 508 комсомольцев, или 90,8 % [8, с. 46–47]. Успешные показатели (2720 выходов, 1280 задержаний) стали возможны благодаря централизованной отчетности: старший дружинников сдавал письменный рапорт в дежурную часть РОВД, где фиксировались все инциденты. Эти данные включались в ежедневные сводки милиции и влияли на планирование совместных рейдов. Обучение дружинников велось под эгидой милиции.

В Казани сотрудники РОВД проводили ежемесячные тренинги по правовым нормам, методам задержания и первой помощи. Аналогично в Ле-

нинграде кураторы из милиции инструктировали «десятки» перед дежурствами, патрулированием и совместными рейдами.

Советская периодическая печать на страницах газет активно освещала выдержки из докладов Съездов КПСС, в которых декларировалось вовлечение граждан в охрану общественного порядка, привлечение к данной деятельности товарищеских судов и общественных организаций, в первую очередь профсоюзов как самых многочисленных общественных организаций [9, с. 2]. Важно отметить, что именно XXI съезд КПСС наметил путь постепенного перехода ряда функций органов государственного аппарата к общественным организациям, что в целом отражало курс на «отмирание» государства. Особо подчеркивалось,

что данная концепция являлась ленинским путем развития советского общества [9, с. 2].

В контексте рассматриваемого вопроса интересно мнение современников, руководителей партийных органов КПСС, обладавших достоверной информацией о результатах совместной работы милиции и ДНД. Из информационного сообщения секретаря Свердловского обкома КПСС П. А. Мишина следует, что благодаря активному участию добровольных народных дружинников в 1960 г. пресечено 860 преступлений и задержано более 300 преступников, раскрыто 15 % преступлений (рис. 2). Далее П. А. Мишин подчеркивает, что такого активного участия общественности в борьбе с уголовной преступностью ранее органы милиции в своей практике не имели [10, с. 485].

¹ Фамилия не воспроизводится.

² Григорьев Константин Александрович (Род. 1926). Руководящий работник органов госбезопасности. Окончил Свердловскую межкравую школу НКГБ СССР (1945), Свердловский юридический институт (1950). В 1944 г. инструктор Красноярского района ВЛКСМ Омской области, помощник оперуполномоченного районного деления НКГБ по Омской области. В 1944–1946 гг. курсант, заведующий специбюлетек Свердловской межкравой школы НКГБ–МГБ СССР. В 1946–1950 гг. оперуполномоченный, старший оперуполномоченный УМГБ по Свердловской области. В 1950–1960 гг. заместитель начальника отделения, начальник отделения, начальник секретариата УМГБ–УМВД–УКГБ при СМ СССР по Свердловской области. С 1960 г. уполномоченный УКГБ при СМ СССР по Свердловской области в г. Свердловск-44. С 1964 г. в аппарате КГБ при СМ СССР (г. Москва). Член компартии с 1948 г.

³ Речь идет о секретном предприятии ядерно-оружейного комплекса по производству высокообогащенного урана в г. Свердловск-44 (Новоуральск), которое имело различные наименования: комбинат № 813, предприятие п/я 318, с 1967 г. – Средне-Уральский машиностроительный завод, с 1975 г. – Уральский электрохимический комбинат. Подробнее см.: Артемов Е.Т., Бедель А.З. Угрожение урана. Екатеринбург, 1999.

⁴ Речь идет о Средне-Уральском управлении управления строительства (г. Свердловск-44).

⁵ См. примечание 2) к документу № 110.

№ 114. Из информационного сообщения секретаря Свердловского обкома КПСС П.А. Мишина¹ в Отдел административных и торгово-финансовых органов ЦК КПСС по РСФСР «О работе добровольных народных дружин в Свердловской области»

№ 180, [г. Свердловск] 8 июля 1961 г.

До 1958 года борьба с антиобщественными проявлениями в области проводилась, главным образом, административными органами с незначительным привлечением к этой работе бригад содействия милиции, в которых насчитывалось в то время 12800 бригадмилейцев. Естественно, что бригады содействия милиции не выполняли главной задачи по предупреждению нарушений общественного порядка в городах и районах области и не представляли из себя большой общественной силы, которая бы противостояла неустойчивой части граждан. До создания добровольных народных дружин уличные преступления в области составляли почти 40–50% ко всем зарегистрированным преступлениям, а нарушений общественного порядка в городах и районах области было 152 тысячи случаев в год.

Положение с состоянием общественного порядка настоятельно требовало, чтобы в эту работу включалась сама общественность. По

дующем уличные преступления составляли в 1959 году – 33,6%, а в 1960 году – 26,2 процента к общему числу преступлений.

Благодаря активному участию народных дружин в охране общественного порядка в области только в 1960 году на 22000 случаев сократились нарушения общественного порядка. В этом же году дружинниками пресечено было 860 преступлений и задержано более 300 преступников. Интересно отметить, что дружинники стали активно участвовать в раскрытии уголовных преступлений. Так, в 1960 году с помощью дружинников и общественности в области раскрыто 15 процентов преступлений. Такого широкого и активного участия общественности в борьбе с уголовной преступностью ранее органы милиции в своей практике не имели.

Работа добровольных народных дружин, товарищеских судов и других общественных организаций, бесспорно, повлияла и на состояние преступности в целом. Характерны следующие данные:

	1958 г.	1960 г.	В 1960 г. по отношению к 1958 году (+ –)
Зарегистрировано уголовных преступлений	16607	13036	– 21,6%
В т.ч. уличные преступления	7461	3434	– 45,7%
Нарушений общественного порядка (в т.ч. мелкое хулиганство и подобрано пьяных)	152840	124350	– 20%

В первом полугодии 1961 года уличные преступления составили 35 процентов, против 66% в первом полугодии 1958 года.

Вышеприведенные данные позволяют сделать вывод, что добровольные народные дружины, товарищеские суды и другие самодеятельные органы трудящихся являются большой общественной силой, которая действительно способна справиться с нарушителями социалистического правопорядка. [...]»

После опубликования Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 года «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» работа добровольных народных дружин и других общественных организаций еще более

16 Зап. 639

481

485

Рис. 2. Из информационного сообщения секретаря Свердловского обкома КПСС П. А. Мишина в Отдел административных и торгово-финансовых органов ЦК КПСС по РСФСР «О работе добровольных народных дружин» № 180 от 8 июля 1961 г. // ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 64. Д. 98. Л. 116–117, 119–127. Копия. Машинопись (изображение взято с сайта: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/139918#mode/inspect/page/1/zoom/4>)

В качестве итога подчеркнем, что практика массового, планового и документально закреплённого привлечения ДНД (в количестве, значительно превышающем штат милиции) на регулярную патрульную службу была не формальностью, а реально работавшей и эффективной моделью взаимодействия ДНД и милиции в СССР. Таким образом, эффективность взаимодействия обеспечивалась не масштабом привлечения, а их четкими и согласованными действиями. Иерархия подчинения (от начальника РОВД до куратора наряда), унифицированные процедуры (рапорты, инструктажи), совместное планирование («Дислокация») и партийный контроль создавали механизм оперативной интеграции граждан в охрану порядка. Уникальность «Дислокации» 1974 г. заключается в документальной фиксации этой системы, где дружинники выступали не «помощниками», а структурированным компонентом патрульно-постовой службы. Этот исторический опыт представляет значительный интерес для по-

иска современных моделей вовлечения граждан в охрану правопорядка. Включение добровольных народных дружинников в Единую «Дислокацию» свидетельствует о том, что участие дружинников в мероприятиях по охране общественного порядка носило плановый и предсказуемый характер. Государственные и общественные формы охраны правопорядка являются объективными процессами, обусловленными сущностью правопорядка, государства и общества, а их разграничение позволяет определить оптимальные пределы государственного вмешательства в общественную жизнь, а также обеспечить эффективное вовлечение граждан в охрану правопорядка без «размывания» государственной ответственности за результаты этой деятельности. Опыт привлечения добровольных народных дружинников в СССР очень важен сегодня, поскольку эта модель демонстрирует потенциал общественного участия в охране порядка без расширения штата государственных органов.

Список источников

1. Малахов В. П., Эриашвили Н. Д. Типология права и правосознания. Концептуальное единство и многообразие: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2023.
2. Гойман В. И. Общая теория государства и права: курс лекций / под ред. д-ра юрид. наук, профессора В. И. Гоймана. М.: МЮИ МВД России, 1996. Вып. I.
3. Мелехин А. В. Теория государства и права: учебник. М.: Маркет ДС, 2007.
4. Старилов Ю. Н. От правильного понимания и уважения законности к ее верховенству // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2017. № 3. С. 21.
5. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000. 1074 с.
6. Матиенко Т. Л. Реорганизация органов внутренних дел в период «перестройки» и распада СССР: уроки историко-правового опыта // Исторический журнал правоохранительных органов. 2025. № 1 (1). С. 28–37.
7. Единая дислокация постов и маршрутов патрулей подразделений милиции, членов ДНД г. Казани. Полиграфкомбинат им. Камиля Якуба Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли при Совете Министров ТАССР. Российская национальная библиотека. Казань, 1974. 241 с.
8. Справки о работе комитета ВЛКСМ института (учебно-воспитательная, научная, лекционная работа, деятельность ФОПа, ДНД, ССО) ЦГАИПД СПб. Ф. Р635^к. Оп. 3. Д. 163.
9. Платковский В. Строительство коммунизма и государство // Советская Россия. 1959. 7 марта. № 57 (820).
10. Общество и власть. Российская провинция 1917–1985: Документы и материалы в 6 т. Свердловская область Т. 2. 1942–1985. Из информационного сообщения секретаря Свердловского обкома КПСС П. А. Мишина в Отдел административных и торгово-финансовых органов ЦК КПСС по РСФСР «О работе добровольных народных дружин в Свердловской области». г. Свердловск, 8 июля 1961 г. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО) Ф. 4. Оп. 64. Д. 98.

References

1. Malahov V. P., Eriashvili N. D. Tipologiya prava i pravosoznaniya. Konceptual'noe edinstvo i mnogoobrazie: monografiya. M.: YuNITI-DANA: Zakon i pravo, 2023.
2. Gojman V. I. Obshchaya teoriya gosudarstva i prava: kurs lekcij / pod red. d-ra yurid. nauk, professora V. I. Gojmana. M.: MYuI MVD Rossii, 1996. Vyp. I.
3. Melekhin A. V. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. M.: Market DS, 2007.

4. Starilov Yu. N. Ot pravil'nogo ponimaniya i uvazheniya zakonnosti k ee verhovenstvu // Vestnik VGU. Seriya: Pravo. 2017. № 3. S. 21.
5. Efremova T. F. Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj. M., 2000. 1074 s.
6. Matienko T. L. Reorganizaciya organov vnutrennih del v period «perestrojki» i raspada SSSR: uroki istoriko-pravovogo opyta // Istoricheskij zhurnal pravoohranitel'nyh organov. 2025. № 1 (1). S. 28–37.
7. Edinaya dislokaciya postov i marshrutov patrul'ej podrazdelenij milicii, chlenov DND g. Kazani. Poligrafkombinat im. Kamilya Yakuba Upravleniya po delam izdatel'stv, poligrafii i knizhnoj trgovli pri Sovete Ministrov TASSR. Rossijskaya nacional'naya biblioteka. Kazan', 1974. 241 s.
8. Spravki o rabote komiteta VLKSM instituta (uchebno-vospitatel'naya, nauchnaya, lekcionnaya rabota, deyatel'nost' FOPa, DND, SSO) CGAIPD SPb. F. R635^K. Op. 3. D. 163.
9. Platkovskij V. Stroitel'stvo kommunizma i gosudarstvo // Sovetskaya Rossiya. 1959. 7 marta. № 57 (820).
10. Obshchestvo i vlast'. Rossijskaya provinciya 1917–1985: Dokumenty i materialy v 6 t. Sverdlovskaya oblast' T. 2. 1942–1985. Iz informacionnogo soobshcheniya sekretarya Sverdlovskogo obkoma KPSS P. A. Mishina v Otdel administrativnyh i trgovno-finansovyh organov CK KPSS po RSFSR «O rabote dobrovol'nyh narodnyh družin v Sverdlovskoj oblasti». g. Sverdlovsk, 8 iyulya 1961 g. Centr dokumentacii obshchestvennyh organizacij Sverdlovskoj oblasti (CDOOSO) F. 4. Op. 64. D. 98.

Статья поступила в редакцию 22.01.2026; одобрена после рецензирования 22.04.2026; принята к публикации 19.06.2026.

The article was submitted 22.01.2026; approved after reviewing 22.04.2026; accepted for publication 19.06.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 36–41.

Altai Law Journal. 2026. № 2 (54). P. 36–41.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 94:32(3)+94:34(3)

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВЕ ЛИЧНОСТИ В ГОСУДАРСТВАХ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

Евгений Викторович Лоос¹, Дмитрий Александрович Шапоров²

¹ Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, elev_01@mail.ru

² Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Барнаул, Россия

Аннотация. Реализация и эффективная правовая защита прав личности на честь и достоинство требуют понимания природы этих категорий. Анализ их эволюции в историческом контексте помогает раскрыть сущность и закономерности развития данных феноменов.

В статье исследуются представления о чести и достоинстве личности в государствах Древнего Востока (Египте, Месопотамии, Индии и Китае). Общественное и государственно-правовое развитие этих стран имело схожие черты: сформировавшееся государство стало инструментом классового господства, часто принимая форму восточной деспотии. Поскольку идеологической основой деспотизма выступала религия, обожествлявшая правителя. Это существенно повлияло на формирование представлений о чести и достоинстве в рассматриваемый период.

Ключевые слова: честь, достоинство, личность, Древний Восток, права человека

Для цитирования: Лоос Е. В., Шапоров Д. А. Политико-правовые представления о чести и достоинстве личности в государствах Древнего Востока // Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 36–41.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

POLITICAL AND LEGAL IDEAS ABOUT THE HONOR AND DIGNITY OF A PERSON IN THE STATES OF THE ANCIENT EAST

Evgeny V. Loos¹, Dmitry A. Shaporev²

¹ Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, elev_01@mail.ru

² The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Altai branch, Barnaul, Russia

Abstract. The implementation and effective legal protection of the individual's rights to honor and dignity require an understanding of the nature of these concepts. An analysis of their evolution in the historical context helps to reveal the essence and patterns of development of these phenomena.

This article explores the ideas of personal honor and dignity in ancient Eastern states (Egypt, Mesopotamia, India, and China). The social and state-legal development of these countries had common features: the emerging state became an instrument of class domination, often taking the form of oriental despotism. Since religion—deifying the ruler—served as the ideological foundation of despotism, this profoundly influenced the formation of ideas about honor and dignity during this period.

Keywords: honor, dignity, personality, the Ancient East, ideas, human rights

For citation: Loos E. V., Shaporev D. A. Political and Legal Ideas about the Honor and Dignity of a Person in the States of the Ancient East. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2026;2:36–41 (In Russ.).

Значимость категорий чести и достоинства личности не подлежит сомнению. В этом единодушны ученые, исследующие эти феномены во всех сферах научного знания. Честь и достоинство личности, возникнув изначально как категории онтологические, а позднее трансформировавшись в категории нравственные и социальные, в наше время прочно закрепились как категории правовые. Это обусловлено той важнейшей ролью, которую они играют в жизни человека. К тому же честь и достоинство личности имеют диалектичную природу, и в этой связи их исследование на каждом из периодов развития социума неизменно остается актуальным. Отношения человека и государства при этом являются важнейшим признаком, характеризующим природу той или иной цивилизации, а государство — как правовое или не правовое.

Честь и достоинство личности возникали и развивались по всему земному шару в разное время и по различному пути, в зависимости от религии, культуры, морали, философии, той или иной локальной цивилизации. Будучи известными с глубокой древности, эти феномены далеко не всегда были тождественны нынешним представлениям о них.

В истории человечества выделяют несколько крупных этапов развития, среди которых важное место занимает эпоха Древнего Востока. К ней относят Египет, государства Месопотамии (Шумер, Ассирия, Вавилон), а также Индию и Китай. Развитие общества и государственно-правовых институтов в этих странах шло схожим путем.

На формирование представлений о чести и достоинстве в Древнем Востоке оказали влияние особенности развития древневосточного государства. В большинстве стран оно утвердилось в форме так называемой восточной деспотии, став инструментом классового господства. Вся полнота власти, не ограниченной законом, принадлежала монарху, обожествляемому и правящему посредством войска и чиновничества. Идеологической основой деспотизма стала религия, обожествлявшая личность и власть главы государства.

Одним из типичных государств Древнего Востока был Древний Египет. Аксиологическим приоритетом его социальной системы была принадлежность к господствующим классам. По этому признаку и определялось достоинство личности. Наивысшим достоинством обладал фараон. Служение фараону считалось великой честью, о чем многократно упоминается в исторических источниках. Соответственно, чем ближе по иерархии

располагался к фараону сановник, тем выше было его достоинство.

Приближение ко двору фараона повышало достоинство, в т. ч. и беднейших слоев населения. Добиться же этого можно было различными способами. К примеру, среди простого люда особым уважением пользовалась профессия писца, которая, кроме того, что обеспечивала стабильный доход, давала возможность подняться по социальной лестнице. Во многих исторических источниках подчеркивается привилегированное положение писцов по сравнению с представителями других профессий¹.

Повышало достоинство человека в Древнем Египте и достижение мастерства в любом деле. «Не делай различия между сыном (знатного) мужа и простолюдином; приближай к себе человека за дела его рук, и будет исполняться всякое ремесло [...] для (царственного) владыки мощи», — записано в древнеегипетском историческом документе «Поучении Гераклеопольского царя своему сыну Мерикара» [2, с. 19].

Одной из особенностей Древнего Египта было относительно высокое по меркам Древнего Востока положение женщин, что очевидно связано с пережитками матриархата. Женщины обладали личными и имущественными правами, иногда даже занимали высшие государственные посты. Например, Хатшепсут, дочь фараона Тутмоса I, стала его преемницей. Тем не менее мужчины сохраняли явное превосходство, закрепленное в законах и обычаях.

Понятия человеческого достоинства в современном его смысле в Древнем Египте не существовало. Рабы приравнивались к вещам, а за преступления применялись жестокие наказания, унижавшие человеческое достоинство: отрезание частей тела, кастрация, смертная казнь в изощренных формах (сажание на кол, варение в кипятке, замуровывание в стене, скармливание крокодилам и т. д.).

Вместе с тем в древнеегипетской культуре присутствовали и нравственные идеалы, которым вынуждены были следовать даже правители. Их основой была вера в загробную жизнь и посмертное воздаяние за грехи. В Поучении Гераклеопольского царя содержатся призывы к милосердию: не притеснять вдов, не карать опрометчиво, не убивать без причины, ведь «пребывание там (в загробной жизни) — это вечность, ...что же до снискавшего

¹ См., напр.: Поучение Ахтоя, сына Дуауфа, своему сыну Пиопи; Папирус Саллье I; Папирус Анастаси II; Папирус Анастаси III; Папирус Анастаси IV и т. д.

это без совершения греха, он будет существовать там, подобно богу, вольно шагая, подобно владыкам вечности» [2, с. 18].

В «Книге мертвых» — известном древнеегипетском источнике — перечислены деяния, неугодные богам и осуждаемые обществом: притеснение бедных, причинение страданий, убийство, ложь, лицемерие, жадность, стяжательство, разврат, мужеложество, присвоение чужого имущества и т. д. [2, с. 104]. Однако же между содержанием подобных исторических документов и реальным положением вещей в древнеегипетском обществе существовал значительный разрыв. Вероятно, такие тексты служили способом приукрасить действительность и скрыть ее неблагоприятные стороны — черта, характерная для тоталитарных режимов.

Таким образом, честь и достоинство в Древнем Египте зависели от социального положения, материального благосостояния, гендерной принадлежности, наличия особых навыков, которыми не обладали другие люди. Беднейшие слои населения практически не имели возможности претендовать на эти нематериальные блага. Рабы рассматривались как имущество — они принадлежали государству, храмам и общинам. Границы между статусом рабов и низших слоев крестьян были значительно размыты [1, с. 131–132].

Культуру, возникшую в Месопотамии, в истории часто называют аналогом европейской Античности. Шумерское государство не было единым, его структура включала в себя значительное количество самостоятельных городов и областей. Со временем государство становилось все более централизованным, в нем существенно укрепилась деспотическая власть. Царь стал обладать неограниченной властью, которая легитимировалась религией. Основными источниками права в Древней Месопотамии были писанные акты, выражавшие волю правителей отдельных царств. Много внимания в них уделялось восхвалению и возвышению царей, описанию их положительных качеств и добрых дел. Главной целью таких описаний было обоснование полезности и законности царской власти. Шумеро-аккадское законодательство было более гуманным в сравнении с законами Древнего Египта. В нем декларировались восстановление справедливости, защита бедных, сирот, вдов и т. д. Законы карали клевету, разного рода оскорбления. Вместе с тем проводились четкие границы между рабовладельцами и рабами. Рабы были совершенно бесправны.

Типичным рабовладельческим государством был и Древний Вавилон. Наиболее известным

и информативным памятником древневавилонского права стал свод Законов Хаммурапи, выбитый на базальтовом столбе. Это первый известный сборник законов, который освещал рабовладельческий строй и частную собственность. Рабы составляли низший общественный слой и рассматривались законом как вещь, находящаяся в полной собственности хозяина. Свободное население Вавилона, в свою очередь, делилось на полноправных (авилум — человек, муж) и неполноправных (мушкенум — покорные). На явное различие в их достоинстве указывает, в частности, дифференциация ответственности за преступления в зависимости от принадлежности к тому или иному социальному сословию. Так, в Законах Хаммурапи закреплено: «Если человек ослепил глаз сыну человека, его глаз должны ослепить. Если он сломал человеку кость, ему должны сломать кость. Если глаз мушкенуму он ослепил или кость мушкенуму сломал, он должен отвесить 1 мину серебра. ...Если человек выбил зуб человеку, равному ему, ему (самому) должны выбить зуб. Если он выбил зуб мушкенуму, он должен отвесить 1/3 мины серебра» [2, с. 183].

Наряду с сословным делением градация населения в Вавилоне происходила и по роду профессиональных занятий. Высшую ступень иерархической лестницы занимали придворные служащие, на самой низкой стояли купцы, предприниматели, ремесленники, поденщики. Система социальных ролей была строгой. Выход за рамки своей социальной роли влек за собой наказание. Честь и достоинство также определялись занятой ступенью иерархической лестницы. «Если человек ударил человека, который выше него, (то) всенародно он должен быть бит шестьдесятю ударами плети из воловьей кожи. Если кто-либо из людей кого-либо из людей, кто равен ему, по щеке ударил, он должен отвесить одну мину серебра», — читаем в Законах Хаммурапи [2, с. 184].

В целом Законы Хаммурапи были вполне типичны для рабовладельческого государства того времени. Имело место гендерное неравенство, целью наказания были возмездие и устрашение, широко практиковалась смертная казнь (существовало более 30 ее видов), суровые членовредительские наказания.

В Древнем Вавилоне высоким статусом обладали воины, являвшиеся опорой государства и имевшие ряд социальных гарантий. Так, взыскание по имеющимся долгам воина не могло быть обращено на земельные наделы и скот, которые были ему пожалованы. Однако взамен на во-

инов возлагалась обязанность беспрекословно выступить в поход при поступлении соответствующего приказа царя. В случае отказа воин подлежал смертной казни, а тот человек, который выступал в поход вместо этого воина, получал его земельный надел.

Большое число социальных, экономических, политических структур, религия, письменность были заимствованы у Вавилона Ассирией. В качестве особенности стоит отметить, что в Средне-ассирийских законах много внимания уделено регламентации взаимоотношений между мужчиной и женщиной, а также защите женской чести и половой неприкосновенности. Вместе с тем совершенно очевидно было закреплено гендерное неравенство: «Если женщина подняла руку на мужчину и была в том уличена, она должна уплатить 30 мин олова, и ей должно дать 20 палочных ударов... Сверх наказаний для жены человека, записанных в табличке, человек может бить свою жену, таскать [за волосы], повреждать и прокалывать ее уши. Вины в том нет» [2, с. 237].

Особенностью Древней Индии является то, что социальное расслоение ее родовой общины привело не к формированию классов, как в других государствах Востока, а к возникновению особых сословных групп — варн. Таких групп существовало четыре: брахманы (священнослужители, жрецы), кшатрии (воины, правители), вайшьи (земледельцы, ремесленники) и шудры (слуги). В памятнике древнеиндийского права, известном как Законы Ману, четко прописано предназначение каждой из варн: «Обучение, изучение Веды, жертвоприношение, ...раздачу и получение милостыни... — для брахманов. Охрану подданных, раздачу милостыни, жертвоприношение, изучение Веды и непри- верженность к мирским утехам... для кшатрия. Пастьбу скота и также раздачу милостыни, жертвоприношение, изучение Веды, торговлю, ростовщичество и земледелие — для вайшьи. Но только одно занятие... для шудры — служение этим варнам со смирением» [3, с. 31].

Варны были строго разграничены, смешения их не допускалось. «Убитые при защите коровы, брахмана, царя, друга, имущества, жены или своей жизни попадают на небеса. А также те, кто защищает варны от смешения» [2, с. 508]. Изначально видимого имущественного расслоения между представителями различных варн не существовало, а вайшьи являлись свободной и полноправной частью населения. Однако в дальнейшем произошла консолидация двух высших варн, и постепенно сложился особый порядок регулярных отчислений производимого продукта в их пользу,

который стал носить обязательный характер. В результате в поздневедическую эпоху земледельцы рассматривались уже как податное население. Варна шудр формировалась по большей части за счет завоевания других народов, однако активно пополнялась за счет беднейшей части индийского населения и неплатежеспособных должников. В соответствии с отнесением человека к той или иной варне оценивалось и его достоинство.

Закрепление неравенства варн четко прослеживается во всех дхармашастрах. Так, размер процентов по долгам для шудр был существенно больше, чем для брахманов. Личный статус и пол преступника и потерпевшего учитывались при назначении наказания. Более высокий статус преступника смягчал ответственность, в то время как более высокий статус потерпевшего отягчал ее. Так, убийство брахмана считалось тягчайшим преступлением, тогда как сам брахман не мог быть наказан смертной казнью даже за убийство. «Совершившие великие прегрешения, все, кроме брахмана, должны быть подвергнуты телесному наказанию. Для брахмана не (должно быть) телесного наказания. Брахмана следует изгнать из своих владений, заклеив его. ...Какой частью тела низший по варне совершит проступок по отношению к высшему по варне, именно ту у него и следует отрубить» [2, с. 510].

С течением времени по мере усиления социального расслоения по имущественному признаку в Древней Индии сформировались, наряду с варнами, наследственные социальные группы — касты. Всего существовало более 3 тысяч каст. Низшая каста «неприкасаемых» была презируема и находилась вне варн индийского общества.

Довольно своеобразным в Древней Индии было положение женщины. Отношение к ней было двойственным. Имея приниженный, зависимый от мужа, почти рабский статус в качестве жены, она одновременно высоко почиталась в качестве матери. «Мать превосходит почтенностью отца в тысячу раз. ...Где женщины почитаются, там боги радуются», — записано в Законах Ману [3, с. 64, 93]. Вместе с тем в соответствии с древнеиндийскими источниками женщины не могут быть независимы по причине их слабой и изменчивой природы. «В детстве ей полагается быть под властью отца, в молодости — мужа, по смерти мужа — [под властью] сыновей: пусть женщина [никогда] не пользуется самостоятельностью» [3, с. 204]. Жена считалась собственностью мужа даже после его смерти.

Поведение людей, причисленных к той или иной касте, их общение друг с другом и с пред-

ставителями других каст были жестко регламентированы. «Нельзя ни брак заключать с человеком иного разряда, ни сменить свое занятие либо образ жизни на другие, ни сочетать несколько занятий, кроме как если это будет кто-либо из философов (брахманов) — им же таковое дозволено по достоинству» [2, с. 461].

Вместе с тем в жизни нередко встречались отступления от правил. Место человека в индийском, как и в любом другом, обществе, на наш взгляд, в значительной степени определялось его имущественным положением. В Законах Ману можно найти упоминание о брахманах-ремесленниках, брахманах-актерах или даже брахманах-слугах. Документом предписано относиться к ним «как к шудрам». В то же время в древней литературе встречается описание высокого положения богатых купцов. Они пользовались большой властью и вопреки предписаниям дхармашастр причислялись к варне кшатриев.

Качества, возвышающие достоинство человека в глазах окружающих, кратко и емко изложены в Законах Ману: «Богатство, родство, возраст, [надлежащее исполнение] обрядов и пятое — священное знание — достойны уважения, [причем] каждое последующее важнее [предшествующего]. Десятилетнего брахмана и столетнего царя следует считать отцом и сыном, но из них двоих отец — брахман» [3, с. 63].

Брахманизм, ведическая религия и идеология жрецов категорически отрицались и подвергались жесткой критике со стороны представителей древнеиндийской материалистической философской школы чарваков-локаятиков. Чарваки считали, что закон кармы — выдумка сторонников религии, а религиозные писания основаны на фантазии определенной кучки людей, которые материально заинтересованы в этом. Источник зла на земле надо усматривать не в свойствах человеческой природы, не в неизбежных страданиях, якобы предопределенных свыше, а в жестокости и несправедливости, существующих в обществе [4, с. 43]. Подобная концепция была важным шагом на пути к утверждению человеческого достоинства.

На становление и развитие политико-правовой системы Древнего Китая существенное влияние оказало противоборство двух диаметрально противоположных философских учений: конфуцианства и легизма. Главная идея конфуцианства — гармония, равновесие, мера во всем. Средством поддержания порядка по Конфуцию является не закон, а соблюдение традиций и норм морали. Гармоничное человеческое общество — это общество сыновней любви, почитания старших, в т. ч.

вышестоящих по иерархической лестнице. «Сын Неба — это отец и мать народа, и поэтому он является правителем всей Поднебесной. Совершенномудрые, взяв [это] за образец для упорядочения имен, назвали правителей отцами и матерями [народа] и ясно определили, [что] гуманность, любовь, мораль и уступчивость являются основой пути правителя» [2, с. 621].

На смену конфуцианству пришли легисты. Они полностью отрицали религию и мораль. При легистах была установлена абсолютная власть правителя, который с помощью жесткого закона определял всю жизнь своих подданных — людей порочных и слабых от природы, не имеющих ни ценности, ни чести, ни достоинства. Легистами были упразднены все аристократические наследственные титулы, а ранги знатности присваивались за личные заслуги. Самую привилегированную часть общества составляли обладатели чиновничьих рангов из числа военных.

Право в Китае считалось уделом нецивилизованных дикарей, не понимавших предписаний морали. Система права была представлена исключительно системой наказания и распространялась только на простонародье. Для представителей же правящей элиты единственно возможным должно было быть поведение, соответствующее моральным нормам. Единственно возможным наказанием за отступление от этих норм являлась публичная констатация «аморального поведения». Однако такое позорящее наказание могло привести даже к самоубийству наказываемого.

Наказания были очень жестокими¹, несоизмеримыми совершенному проступку. Практиковалась коллективная ответственность, когда уничтожался весь род преступника. Наказание напрямую зависело от положения преступника и потерпевшего в существовавшей социальной иерархии.

На последнем этапе существования древнекитайского государства возникло новое учение — ханьское конфуцианство. Ханьские конфуцианцы, как и легисты, притворяли в жизнь идею равенства всех членов общества перед законом. Однако, признавая обязательность наказаний, они претворяли в жизнь принцип их дифференциации.

Характерным для Древнего Китая было пониженное положение женщины: «[Чуньюй И], ругая своих дочерей, сказал: "Родилось [столько] детей, [но] не родился сын! [А от вас] нет никакой пользы..."» [2, с. 624]. Женщина не могла оставить мужа, в т. ч. и в загробной жизни: «Эр-ши сказал:

¹ Практиковалось пять видов наказаний: татуирование, отрезание носа, кастрация, отрезание ноги и смерть. Шан Ян ввел дополнительно еще 3 вида: продавливание темени, выламывание ребер и варка в большом котле.

"Не имеющих детей [обитательниц] задних дворцов (гарема) прежнего императора не следует прогонять", и приказал всем им сопровождать покойника [в мир иной]; умертвленных было огромное множество» [2, с. 613].

Вместе с тем в некоторых философских учениях Древнего Китая выдвигаются идеи изначально-го равенства людей и ценности человека в целом, формируя основы человеческого достоинства. Основатель даосизма Лао Цзы утверждал: «Дао — это Великое, Небо — это Великое, Земля — это

Великое, и человек также — Великое. На свете существуют четыре Великих вещи, и жизнь человека — это одна из них» [5, с. 21].

Таким образом, в странах Древнего Востока феномены чести и достоинства личности отражали классовую сущность общества и находились в прямой зависимости от социального положения и материального благосостояния индивида. Вместе с тем в сознании народа начали зарождаться идеи нравственной ценности и достоинства человека в их современном понимании.

Список источников

1. Лоос Е. В., Семенюк Р. А. Политико-правовые представления о чести и достоинстве личности в Древнем Египте // Евразийский юридический журнал. 2022. № 10. С. 131–132.
2. История Древнего Востока. Тексты и документы: учебное пособие / под ред. В. И. Кузищина. М.: Высш. шк., 2002. 719 с.
3. Законы Ману / пер. С. Д. Эльмановича, Г. И. Ильина. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 496 с.
4. Бродов В. В. Индийская философия нового времени. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. 283 с.
5. Дао Де Цзин / пер. с древнекит. и коммент. А. Кувшинова. 4-е изд., пер. и доп. М.: Профит стайл, 2001. 169 с.

References

1. Loos E. V., Semenyuk R. A. Politiko-pravovye predstavleniya o chesti i dostoinstve lichnosti v Drevnem Egipte // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2022. № 10. S. 131–132.
2. Istoriya Drevnego Vostoka. Teksty i dokumenty: uchebnoe posobie / pod red. V. I. Kuzishchina. M.: Vyssh. shk., 2002. 719 s.
3. Zakony Manu / ver. S. D. El'manovicha, G. I. Il'ina. M.: EKSMO-Press, 2002. 496 s.
4. Brodov V. V. Indijskaya filosofiya novogo vremeni. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1967. 283 s.
5. Dao De Czin / per. s drevnekit. i komment. A. Kuvshinova. 4-e izd., per. i dop. M.: Profit stajl, 2001. 169 s.

Библиографический список

1. Безроднова К. В. Честь и достоинство как теоретико-правовые понятия: историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. 162 с.
2. Власова О. В. Достоинство человека как нравственно-правовая ценность: общетеоретическое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2011. 54 с.
3. Дробышевский С. А., Протопопова Т. В. Идея человеческого достоинства в политико-юридических доктринах и праве: монография. Красноярск: ИПК СФУ, 2009. 160 с.
4. Лоос Е. В. Государственно-правовое обеспечение защиты чести и достоинства личности: монография. Барнаул: БЮИ МВД России, 2026. 152 с.

Информация об авторе

Д. А. Шапоров — кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

D. A. Shaporev — Candidate of Science (Historical), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 22.04.2026; одобрена после рецензирования 28.05.2026; принята к публикации 19.06.2026.

The article was submitted 22.04.2026; approved after reviewing 28.05.2026; accepted for publication 19.06.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 42–47.

Altai Law Journal. 2026. № 2 (54). P. 42–47.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340

ПРАВОТВОРЧЕСТВО: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ

Алевтина Викторовна Никулина

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, alik-112@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию сущности понятия «правотворчество». Автор акцентирует внимание на многогранности данного явления правовой действительности и рассматривает его в качестве важного инструмента в системе правового регулирования. Для эффективного применения данного инструмента необходимо глубоко осмыслить сущность правотворчества. В связи с этим автором анализируются исторические аспекты развития теории правотворчества через призму концепций правопонимания, а также сложившиеся современные подходы к трактовке исследуемого понятия. Подчеркивается важность учета социальных потребностей общества при придании устоявшимся правилам поведения юридической формы. Отдельное внимание уделяется соотношению правотворчества с такими часто используемыми в научной литературе понятиями, как «нормотворчество» и «законотворчество», в результате чего автор приходит к выводу об их синонимичности.

Ключевые слова: теория правотворчества, естественно-правовая теория, естественное право, позитивное право, правотворчество, нормотворчество, законотворчество, социальный интерес

Для цитирования: Никулина А. В. Правотворчество: теоретические проблемы понимания // Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 42–47.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

LAW-MAKING: THEORETICAL PROBLEMS OF UNDERSTANDING

Alevtina V. Nikulina

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, alik-112@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the essence of the concept of «lawmaking». The author emphasizes the multifaceted nature of this phenomenon in legal reality and considers it as an important tool in the system of legal regulation. In order to use this tool effectively, it is necessary to deeply understand the essence of lawmaking. In this regard, the author analyzes the historical aspects of the development of the theory of lawmaking through the prism of the legal understanding concepts, as well as the current approaches to interpreting the concept under study. The article highlights the importance of considering the social needs of society when giving legal form to established rules of behavior. Special attention is paid to the relationship between lawmaking and the concepts of «rulemaking» and «law-making» that are often used in scientific literature. As a result, the author concludes that these concepts are synonymous.

Keywords: theory of lawmaking, natural law theory, natural law, positive law, lawmaking, rulemaking, law-making, social interest

For citation: Nikulina A. V. Law-Making: Theoretical Problems of Understanding. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2026;2:42–47 (In Russ.).

В непростых условиях становления российской правовой государственности современное общество сталкивается с перманентным расширением круга социальных потребностей. При этом побочный эффект данного явления проявляется в столкновении, а иногда и противоборстве интересов. В этой связи острее ощущается необходимость поиска наиболее эффективных инструментов в системе правового регулирования, которые могут способствовать преодолению складывающегося диссонанса. Как отмечал Е. Б. Пашуканис, «юридический момент возникает там, где есть обособленность и противоположность интересов» [1, с. 85].

В рамках настоящего исследования предлагаем сделать акцент на таком элементе механизма правового регулирования, как правотворчество. Определение сущности данного явления и выступает целью публикации.

Русский правовед И. А. Ильин отмечал, что «любая правовая категория должна пройти через процесс аналитического разложения и по возможности получить дифференцированное название» [2, с. 38]. Соглашаясь с обозначенной точкой зрения, мы заложили в основу методологии диалектический метод познания в совокупности с такими общенаучными приемами, как анализ и синтез. Кроме того, для изучения динамики становления концепта правотворчества был использован исторический подход.

Теория правотворчества, являющаяся одной из фундаментальных составляющих юридической науки, претерпела значительные эволюционные изменения на протяжении всей истории своего становления. Современная теория правотворчества окончательно сформировалась во второй половине XX в., однако ее концептуальные основы были заложены гораздо раньше и определялись складывающимися правовыми концепциями и направлениями философской мысли, что подчеркивает ее многогранность и глубину.

Правотворчество имеет неразрывную связь с правопониманием, поскольку сложившиеся на том или ином этапе общественного развития концепции понимания права так или иначе оказывают влияние на волю законодателя, выраженную в конечном итоге в нормативном правовом акте.

Таким образом, осуществление правотворческой деятельности предопределено позицией «правотворца» в вопросах понимания права и установления роли государства в процессе юридизации сложившихся и устоявшихся в обществе правил поведения.

Следовательно, процесс становления теории правотворчества необходимо анализировать через призму концепций правопонимания, условно разделив его на три ключевых этапа.

Начало первого этапа связано с периодом Античности, в рамках которого зародилась идея естественного права, развитая в трудах древнегреческих философов, таких как, Сократ, Платон, Ксенофонт, Аристотель, Гиппий и др. Именно древнегреческие мыслители определили дихотомию, которая легла в основу разграничения права на естественное и позитивное [3, с. 201]. Они постулировали существование двух подходов к пониманию права, в частности, Гиппий первым противопоставил природу «фюсис» и исходящее от нее «естественное право» и закон «номос», создаваемый государством. При этом закон лишь отчасти гарантирует естественные права [4, с. 211].

Теорию естественных прав активно развивали римские философы (Ульпиан, Модестин и др.), проводя дифференциацию между естественным правом и правом гражданским, исходящим от государства.

Средневековый период был ознаменован существенной трансформацией концепции естественного права, которая стала отождествляться с божественным законом. Данный процесс предполагал наделение естественного права атрибутами вечности и неизменности, что отражало доминирующее мировоззрение того времени, в котором теологические догматы играли ключевую роль в формировании правовых норм и принципов.

Таким образом, на первом этапе закладываются истоки дуализма источников формирования права: естественное право (сотворенное вечной природой, Богом), с одной стороны, и «рукотворный» закон, с другой стороны (право есть результат правотворческой деятельности государства). Естественно-правовая доктрина фундаментально определила и закрепила методологические основы правотворчества.

В период XVI–XVIII вв. сложившаяся естественно-правовая концепция начинает освобождаться от религиозного наполнения и «представляет собой систему правил, обусловленных человеческой природой. Эти правила существуют наряду с позитивным правом» [4, с. 203].

Второй этап развития теории правотворчества обусловлен появлением философско-мировоззренческой установки рационализма, согласно которой разум положен в основу человеческого поведения и является фундаментальным источником права (Г. Гроций, Б. Спиноза, Дж. Локк). Постепенно

процесс формирования права начинают связывать с существованием общества, акцентируя внимание на его социальном «подтексте». Появляется теория общественного договора (Т. Гоббс), доктрина народного суверенитета (Ж.-Ж. Руссо). Нельзя не упомянуть об исторической школе права, приверженцы которой (Г. Гуго, Ф. Савиньи, Г. Пухта) выступали против идеи разделения права на естественное и положительное, что в последующем привело к развитию позитивизма.

Начало XX в. послужило отправной точкой для третьего (современного) этапа развития теории правотворчества, обусловленного кризисом сложившихся к тому моменту правовых концепций. В отечественной правовой доктрине активное формирование данной теории пришлось на период развития советской юридической науки, при этом немаловажным условием ее становления явилось постепенное преодоление дуализма позитивного и естественного подхода к пониманию права с учетом его культурно-исторической составляющей.

Исследованию концепта правотворчества было посвящено немало научных работ таких авторов, как С. С. Алексеев, В. М. Горшенев, В. Н. Карташов, А. С. Пиголкин и др. Как писал А. С. Пиголкин, «...правотворчество есть форма деятельности государства, которая направлена на создание правовых норм; это процесс создания и развития действующего права как единой и внутренне согласованной системы общеобязательных норм» [5, с. 200].

Идеологизированная правовая доктрина, сложившаяся в период существования советского государства, трактовала правотворчество как форму государственного управления обществом, которая завершает процесс становления права и отражает социальные факторы этого процесса в виде возведения воли классов, стоящих у власти, в общеобязательные правила — правовые нормы [6, с. 576]. Советское государство — источник и гарант права.

В современной правовой теории вопрос трактовки понятия «правотворчество» носит дискуссионный характер. Анализ доктринальных источников позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время к пониманию правотворчества сложилось два основных подхода.

Первый подход рассматривает данное правовое явление в узком смысле и сводит его к деятельности компетентных государственных и негосударственных органов (органы местного самоуправления, профсоюзы), которая связана с принятием, изменением или отменой нормативных правовых актов.

Нередко в научной среде данная деятельность метафорично представляется в качестве «монополии», цель которой — лоббирование интересов «узкого круга лиц» в условиях переходного общества.

Однако по всем демократическим канонам и в соответствии с конституциями многих стран, осуществляющих демократический транзит (в т. ч. согласно ч. 1 ст. 3 Конституции Российской Федерации), главным носителем социальных интересов является само общество, а компетентные органы государственной власти призваны выражать эти интересы [7, с. 312].

В рамках второго подхода правотворчество рассматривается в широком (социальном) аспекте и, по сути, отождествляется с процессом правообразования. Процесс правообразования, в свою очередь, включает в себя не только правотворческий, но и весь предшествующий ему подготовительный процесс формирования права.

С точки зрения С. В. Синюкова, «правообразование представляет собой естественный исторический процесс формирования права, в ходе которого общество производит оценку сложившейся социальной правовой действительности, вырабатывает взгляды, анализирует накопленный правовой опыт и, следовательно, создает соответствующие нормы права» [8, с. 115].

Таким образом, в рамках широкого подхода понятие «правотворчество» приобретает несколько иное значение и охватывает уже более широкий круг правовых явлений, в которых имеют место учет и анализ потребностей в нормативном правовом регулировании общественных отношений, создание правовых норм, замена и отмена норм, действующих ранее.

Несмотря на сложившиеся в науке подходы к определению правотворчества, в современной юридической литературе можно столкнуться с другими точками зрения, предлагающими иные определения изучаемого понятия: правотворчество трактуется как способ создания нормы права; как форма государственной деятельности; как законотворчество; как нормотворчество и т. д. Очевидна проблема терминологической неопределенности, что приводит к подмене одних понятий другими.

В этой связи настоящее исследование будет неполным, если оставить без должного анализа такие понятия, как «законотворчество» и «нормотворчество», которые часто рассматриваются в качестве синонимов правотворчества.

Некоторые авторы разграничивают обозначенные понятия по их смысловому наполнению. Например, В. А. Томин представляет правильным и логичным уяснение сути обозначенных выше терминов посредством использования смыслового значения первой части слова — «закон», «норма», «право». Под законотворчеством он «понимает деятельность по принятию правовых актов в виде законов, под нормотворчеством — деятельность по изданию нормативных правовых актов, а под правотворчеством — деятельность по изданию правовых актов вообще» [9, с. 4].

По нашему мнению, такой подход не имеет под собой должного теоретического обоснования, поскольку основан только лишь на семантическом анализе сложносоставных слов.

М. А. Матвеева акцентирует внимание на социальной основе нормотворчества, служащей отправной точкой для развития права в целом. Результатом нормотворчества, по мнению М. А. Матвеевой, выступают не только нормы права, но и нормы морали, религиозные нормы, обычаи, ритуалы и др. Таким образом, правотворчество рассматривается в качестве правовой составляющей нормотворчества [10, с. 197].

Н. М. Конин и С. В. Синюков в своих работах приходят к выводу о тождественности сопоставляемых категорий. Однако Н. М. Конин считает, что понятия «правотворчество» и «нормотворчество» являются тождественными, безусловно, ввиду того, что они выступают формами управления, т. е. деятельностью, которая проявляется в предписываемых участникам правоотношений нормах, правилах и регламентах, которые становятся нормами права, требованиями и правилами после того, как пройдут установленную процедуру рассмотрения и утверждения компетентным органом государственного управления [11, с. 122].

В свою очередь, С. В. Синюков дополняет, что понятия «нормотворчество» и «правотворчество» являются тождественными только в том случае, если применительно к нормотворчеству речь идет об установлении норм права, а в случае с правотворчеством имеется в виду создание права в целом [8, с. 115].

Являясь относительно новым в правовой науке, нормотворчество рассматривается как процесс по изданию только нормативных правовых актов. К такому выводу приходит в своих работах И. В. Куртык, определяя деятельность в сфере нормотворчества в качестве составного элемента деятельности правотворческой, которая направлена на издание нормативных правовых актов [12, с. 57].

При этом И. В. Куртык предлагает использовать термин «нормотворчество» только применительно к деятельности исполнительных органов государственной власти [12, с. 57].

С нашей точки зрения, такая позиция может быть подвергнута критике, поскольку термин «нормотворчество» также употребляется в ином контексте, например «локальное нормотворчество», «корпоративное нормотворчество», «муниципальное нормотворчество».

К. Н. Дмитриевцев, акцентируя внимание на нормотворчестве, трактует его как «деятельность специально уполномоченных государственных органов и должностных лиц, суть которой сводится к созданию правовых норм, отражающих существующие тенденции развития личности, общества и государства, деятельность, представляющая собой нахождение компромисса, возникающего в результате учёта общего и частного в интересах всех социальных объектов» [13, с. 9].

М. Б. Румянцев не находит тождественности между правотворчеством, нормотворчеством и законотворчеством. Он рассматривает правотворчество как «единный способ регулирования общественных отношений на всех уровнях их функционирования. При этом законотворчество показывает уровень правотворческой деятельности по регулированию общественных отношений с помощью норм права. Нормотворчество, в свою очередь, показывает порядок выработки норм права, необходимых для регулирования этих отношений» [14, с. 118].

Обозначенная позиция вступает в противоречие с общепризнанной в теории права точкой зрения, в рамках которой к способам правового регулирования относятся запрет, дозволение, рекомендации, позитивное обязывание и др. В этой связи приравнивание процесса правотворчества к способам правового регулирования представляется некорректным.

По нашему мнению, правотворчество — это, прежде всего, элемент механизма правового регулирования, выступающий правовым инструментом, назначение которого сводится к принятию, изменению либо отмене норм права. Следовательно, общепринятые термины «законотворчество», «нормотворчество» следует рассматривать как вариации понятия «правотворчество», не противопоставляя их друг другу. В противном случае представляется логичным введение в научный оборот наряду с понятиями «правоотношение» и «правонарушение» таких понятий, как «нормоотношение», «законоотношение», «нормонарушение».

и т. д., что вряд ли поспособствует разрешению проблемы терминологической неопределенности, а скорее, напротив, усугубит ее.

Одним из способов преодоления споров относительно понимания соотношения обозначенных выше понятий могло бы стать закрепление их определений на законодательном уровне, и подобные попытки уже предпринимались. В конце 2014 г. Министерство юстиции Российской Федерации разработало и разместило для всеобщего обсуждения проект федерального закона Российской Федерации «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», в котором, помимо понятия, видов, форм нормативных правовых актов и иных вопросов, было закреплено определение правотворчества. Однако проект закона так и остался на уровне обсуждения, хотя закрепленные в нем нормы-дефиниции можно было бы применять с целью преодоления проблемы терминологических разногласий, в т. ч. в научной среде.

Подводя итоги настоящего исследования, следует отметить, что, несмотря на продолжительную историю становления теории правотворчества, теоретические проблемы понимания понятия «пра-

вотворчество» продолжают оставаться актуальными. Сложившиеся подходы к трактовке изучаемого концепта имеют как положительные стороны, так и определенные недостатки.

В этой связи мы предлагаем рассматривать правотворчество как созидательную деятельность компетентных государственных и негосударственных органов, основанную на принципе социального компромисса, в результате которой определенные положения, обусловленные общественными потребностями, возводятся через правовой акт в юридические нормы в целях эффективного функционирования общества и государства.

Приведенное определение, с нашей точки зрения, наиболее полно отражает сущность правотворчества, поскольку правотворческий процесс в период становления правового государства невозможно связать только лишь с его деятельностью ввиду того, что в новых условиях перспектива преобразовательной деятельности касается общества в целом, ее возможности находят свое отражение в активном правотворчестве общественных организаций, социальных групп и народа [7, с. 314].

Список источников

1. Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм. М.: Наука, 1980. 160 с.
2. Ильин И. А. Понятие права и силы. М., 1994. 622 с.
3. Синюков С. В. К истории правотворчества как социальной системы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2025. № 3 (127). С. 200–211.
4. Федотова О. А. Договорная теория возникновения государства и права (старшие софисты) // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2010. № 1. С. 210–216.
5. Пиголкин А. С. Общая теория права. М., 1998. 383 с.
6. Марксистско-ленинская теория государства и права: основные понятия / отв. ред. Н. П. Фарберов, Р. О. Халфина. М., 1970. 624 с.
7. Сорокин В. В. Теория государства и права переходного периода: учебник. Барнаул, 2007. 511 с.
8. Синюков С. В. О понятии правотворчества // Известия Саратовского университета. 2011. № 2. С. 114–116.
9. Томин В. А. Правотворческая деятельность субъектов Российской Федерации: учебное пособие. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. 96 с.
10. Матвеева М. А. Правотворчество как юридическая деятельность: проблемы теоретического осмысления // Труды Института государства и права РАН. 2016. № 5 (57). С. 191–201.
11. Конин Н. М. Административное право России в вопросах и ответах: учебное пособие. М., 2013. 256 с.
12. Куртяк И. В. Нормотворческие правоотношения в системе правотворчества // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 1 (27). С. 56–62.
13. Дмитриевцев К. Н. Процесс правотворчества в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1994. 26 с.
14. Румянцев М. Б. Правообразование и правотворчество в России: монография. Чебоксары: Среда, 2023. 360 с.

References

1. Pashukanis E. B. *Obshchaya teoriya prava i marksizm*. M.: Nauka, 1980. 160 s.
2. Il'in I. A. *Ponyatie prava i sily*. M., 1994. 622 s.
3. Sinyukov S. V. K istorii pravotvorchestva kak social'noj sistemy // *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina*. 2025. № 3 (127). S. 200–211.
4. Fedotova O. A. Dogovornaya teoriya vozniknoveniya gosudarstva i prava (starshie sofisty) // *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina*. 2010. № 1. S. 210–216.
5. Pigolkin A. S. *Obshchaya teoriya prava*. M., 1998. 383 s.
6. Marksistsko-leninskaya teoriya gosudarstva i prava: osnovnye ponyatiya / otv. red. N. P. Farberov, R. O. Halfina. M., 1970. 624 s.
7. Sorokin V. V. *Teoriya gosudarstva i prava perekhodnogo perioda: uchebnik*. Barnaul, 2007. 511 s.
8. Sinyukov S. V. O ponyatii pravotvorchestva // *Izvestiya Saratovskogo universiteta*. 2011. № 2. S. 114–116.
9. Tomin V. A. *Pravotvorcheskaya deyatel'nost' sub'ektov Rossijskoj Federacii: uchebnoe posobie*. SPb.: Sankt-Peterburgskij yuridicheskij institut (filial) Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii, 2017. 96 s.
10. Matveeva M. A. Pravotvorchestvo kak yuridicheskaya deyatel'nost': problemy teoreticheskogo osmysleniya // *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*. 2016. № 5 (57). S. 191–201.
11. Konin N. M. *Administrativnoe pravo Rossii v voprosah i otvetah: uchebnoe posobie*. M., 2013. 256 s.
12. Kurtyak I. V. Normotvorcheskie pravootnosheniya v sisteme pravotvorchestva // *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 2012. № 1 (27). S. 56–62.
13. Dmitriyev K. N. *Process pravotvorchestva v Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk*. N. Novgorod, 1994. 26 s.
14. Romyancev M. B. *Pravoobrazovanie i pravotvorchestvo v Rossii: monografiya*. Cheboksary: Sreda, 2023. 360 s.

Статья поступила в редакцию 05.02.2026; одобрена после рецензирования 02.03.2026; принята к публикации 19.06.2026.

The article was submitted 05.02.2026; approved after reviewing 02.03.2026; accepted for publication 19.06.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 48–54.

Altai Law Journal. 2026. № 2 (54). P. 48–54.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 347.965:94(571.14)

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТУРЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Сергей Петрович Шатилов¹, Елена Адольфовна Чибурова²

¹ Сибирский государственный университет путей сообщения, Новосибирск, Россия, shatilov_sp@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-9403-9294>

² Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, chiburovae@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6313-6070>

Аннотация. Статья посвящена комплексному историко-правовому анализу приоритетных направлений деятельности адвокатуры Новосибирской области в период Великой Отечественной войны. В работе рассматриваются вопросы трансформации функционального содержания адвокатской деятельности в условиях мобилизационной перестройки государственного механизма, включая динамику кадрового обеспечения, изменение режима и объемов оказания правовой помощи населению, специфику юридического сопровождения военнослужащих и членов их семей, а также развитие информационно-разъяснительной, агитационной и финансово-мобилизационной работы адвокатских образований.

Ключевые слова: адвокатура, Великая Отечественная война, Новосибирская область, юридическая помощь, военное время, кадровое обеспечение, агитационно-разъяснительная работа, финансовая мобилизация, правовое регулирование, историко-правовой анализ

Для цитирования: Шатилов С. П., Чибурова Е. А. Приоритетные направления деятельности адвокатуры в годы Великой Отечественной войны (на материалах Новосибирской области) // Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 48–54.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

PRIORITY AREAS OF ACTIVITY OF THE ADVOCACY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (BASED ON MATERIALS FROM THE NOVOSIBIRSK REGION)

Sergey P. Shatilov¹, Elena A. Chiburova²

¹ Siberian State Transport University, Novosibirsk, Russia, shatilov_sp@mail.ru

² Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, chiburovae@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6313-6070>

Abstract. The article is devoted to a comprehensive historical and legal analysis of the priority areas of the advocacy of the Novosibirsk region during the Great Patriotic War. It examines the issues of functional content transformation of the legal profession in the context of the mobilization restructuring of the state mechanism, including the dynamics of staffing, changes in the regime and volume of legal assistance to the population, the specifics of legal support for military personnel and their families, as well as the development of information and explanatory, campaigning and financial mobilization work of law firms. The conducted research allows us to conclude that in the extreme conditions of wartime, the advocacy of the region evolved into a multifunctional institution that effectively combined traditional human rights functions with the implementation of public law tasks of organizational, ideological and mobilization nature, which indicates a high degree of adaptability and civic mobilization of the legal community.

Keywords: advocacy, the Great Patriotic War, Novosibirsk region, legal aid, wartime, staffing, propaganda and explanatory work, financial mobilization, legal regulation, historical and legal analysis

For citation: Shatilov S. P., Chiburova E. A. Priority Areas of Activity of the Advocacy during the Great Patriotic War (Based on Materials from the Novosibirsk Region). Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2026;2:48–54 (In Russ.).

Вопросы приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов в условиях социально-политических трансформаций сохраняют устойчивую актуальность для историко-правовой науки. Особый исследовательский интерес вызывает трансформация деятельности адвокатуры, публично-правовая природа которой в мирное время реализуется через оказание квалифицированной юридической помощи и судебное представительство, тогда как введение режима военного положения объективно обуславливает необходимость содержательной и институциональной реорганизации адвокатуры. Великая Отечественная война способствовала нормативному закреплению качественно новых направлений функционирования адвокатуры, порожденных потребностями мобилизационной экономики.

Оказание квалифицированной юридической помощи населению исторически являлось и в настоящее время продолжает оставаться основополагающим, конституционно значимым направлением деятельности адвокатуры, определяющим ее публично-правовую природу и социальное предназначение. В условиях военного времени данная функция приобретает особую значимость, трансформируясь из ординарной профессиональной обязанности в важнейший инструмент обеспечения социальной стабильности, защиты прав и законных интересов граждан, включая военнослужащих, членов их семей и иные категории населения, затронутых чрезвычайными обстоятельствами. Анализ количественных показателей деятельности адвокатского корпуса Новосибирской области в период Великой Отечественной войны позволяет проследить динамику возрастания нагрузки на адвокатов, обусловленную как объективным увеличением численности населения региона вследствие эвакуационных процессов, так и расширением перечня правовых вопросов, требовавших безотлагательного разрешения в условиях военного времени [1, с. 26].

Начало военных действий повлекло за собой резкое увеличение числа обращений граждан за юридической помощью. Согласно отчетным данным, во втором полугодии 1941 г. за юридической помощью обратилось 42 203 лица, что на сто девяносто один процент превышает показатель первого полугодия 1941 г., когда было зарегистрировано 14 503 обращения. В структуре обращений второго полугодия количество обращений по уголовным делам составило 24 033, что на двести пятьдесят семь процентов превышает показатель первого полугодия (6724). Количество обращений

по гражданским делам достигло 18 170, что на сто тридцать три процента больше, чем в первом полугодии (7779). В рамках оказания юридической помощи во втором полугодии было предоставлено 13 554 консультации, что на сто пятьдесят семь процентов превышает показатель первого полугодия (5264). Бесплатная юридическая помощь оказана в 12 649 случаях, что на сто сорок пять процентов больше, чем в первом полугодии (5158).

Адвокатами составлено 15 198 документов, что на сто семьдесят восемь процентов превышает показатель первого полугодия (5472), из них на безвозмездной основе — 6490, что на восемьдесят семь процентов больше, чем в первом полугодии (3459). Представительство в судах по платным уголовным делам составило 8150 выступлений, что на двести восемьдесят четыре процента превышает показатель первого полугодия (2125). По платным гражданским делам зафиксировано 851 выступление. Количество выступлений по бесплатным уголовным делам достигло 4328, что на двести один процент больше, чем в первом полугодии (1441). По бесплатным гражданским делам зафиксировано 122 выступления, что на пятьдесят шесть процентов превышает показатель первого полугодия (78) [2, л. 65].

По состоянию на 1 июля 1943 г. общее количество лиц, обратившихся за юридической помощью, составило 23 296 человек. В указанный период адвокатами проведено уголовных дел в суде первой инстанции 1912, в суде второй инстанции — 1667. Проведено гражданских дел в суде первой инстанции 1046, в суде второй инстанции — 263. Составлено 1986 кассационных жалоб, надзорных жалоб — 562, ходатайств о помиловании — 263. Дано 5312 устных консультаций [3, л. 2об.].

По состоянию на 1 июля 1944 г. общее количество лиц, обратившихся за юридической помощью, составило 23 790 человек. Проведено 11 921 уголовных дел в суде первой инстанции, в суде второй инстанции — 2728. Проведено 2121 гражданских дел в суде первой инстанции, в суде второй инстанции — 923. Составлено 2049 кассационных жалоб, надзорных жалоб — 811, ходатайств о помиловании — 298. Дано 5403 устных консультаций [4, л. 4].

В качестве иллюстрации деятельности отдельно взятой юридической консультации могут быть приведены показатели работы Татарской юридической консультации за период с 1 января по 1 сентября 1944 г. Общее количество обращений за указанный период составило 658. Проведено 144 уголовных дел в суде первой инстанции, из них на

безвозмездной основе — 4. В порядке статьи 55 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР проведено 89 дел. Проведено 45 гражданских дел, из них платных — 37, бесплатных — 8. В суде второй инстанции проведено 26 уголовных дел, из них платных — 18, бесплатных — 8. По уголовным делам составлено 76 кассационных жалоб, надзорных жалоб — 29, ходатайств о помиловании — 7. По гражданским делам составлено 34 исковых заявлений, кассационных жалоб — 16, надзорных жалоб — 4, проектов договоров — 4, прочих юридических документов — 71 [5, л. 154–155].

Сравнительный анализ среднемесячной нагрузки на одного адвоката в 1942 г. по различным регионам РСФСР свидетельствует о том, что адвокаты Новосибирской области несли наиболее высокую профессиональную нагрузку. Так, среднемесячное количество дел на одного адвоката в Новосибирской области составляло 12,2 при 6 кассационных и надзорных жалобах. Для сопоставления: в Архангельской области аналогичные показатели составляли 3,7 и 2,5 соответственно, в Приморском крае — 6,7 и 2, в Башкирской АССР — 7,3 и 5,7, в Тамбовской области — 9,2 и 4,3, в Чувашской АССР — 7,8 и 4,8 [6, л. 124]. Указанная тенденция, характеризующаяся стабильно высокой нагрузкой на адвокатский корпус Новосибирской области, сохранялась на протяжении всего периода Великой Отечественной войны.

Таким образом, приведенные статистические данные наглядно демонстрируют, что в период Великой Отечественной войны адвокатура Новосибирской области, несмотря на мобилизационные потери и организационные трудности, сумела обеспечить реализацию своей главной функции — оказания юридической помощи населению — в объемах, существенно превышающих показатели предвоенного периода. Возрастание количественных показателей по всем направлениям деятельности (консультирование, составление документов, представительство в судах) при одновременном значительном увеличении доли бесплатной правовой помощи свидетельствует о высоком уровне профессиональной мобилизации адвокатского сообщества и его готовности к выполнению публично-правовых задач в экстремальных условиях военного времени.

Одним из приоритетных направлений деятельности адвокатов Новосибирской области в рассматриваемый период являлось оказание юридической помощи военнослужащим и членам их семей. При разрешении вопросов о назначении пособий семьям мобилизованных перед адвокатами возни-

кали нестандартные правовые ситуации, требовавшие смыслового толкования чрезвычайных указов военного времени.

В частности, подлежал разрешению вопрос о правах женщин, состоявших с призванными в фактических брачных отношениях без государственной регистрации брака. Несмотря на отсутствие официального оформления супружества, адвокатами давалось утвердительное заключение о праве таких лиц на получение пособия, поскольку лишение фактической супруги средств к существованию по формальному признаку признавалось несправедливым [7, с. 355].

Иным образом разрешался вопрос о матери военнотруженика, воспитывавшей еще одного ребенка. Разъяснялось, что право на выплату принадлежит исключительно самой матери как нетрудоспособной иждивенке мобилизованного сына. Наличие второго ребенка не являлось основанием для дополнительных начислений, если он не находился на содержании призванного.

Отдельного рассмотрения требовали случаи с детьми супруги мобилизованного от предыдущего брака. Получение пособия на таких детей допускалось при соблюдении двух обязательных условий: дети должны были находиться на иждивении призванного до момента мобилизации и быть им официально усыновленными. При отсутствии документального акта об усыновлении право на выплату в отношении пасынков и падчериц не возникало [8, л. 123 об.].

Во исполнение Директивы НКЮ СССР от 6 мая 1943 г. № Д-21 и Приказа НКЮ РСФСР от 30 августа 1943 г. № 55 на места были направлены указания активизировать работу по оказанию помощи военнотруженикам и их семьям, оповестить население через местную печать о бесплатной юридической помощи, установить дежурство в райвоенкоматах и отделах государственного обеспечения. В сельской местности по согласованию с руководством районных организаций нуждающиеся лица направлялись непосредственно в юридические консультации [3, л. 3].

Наиболее убедительно роль адвокатуры в военный период данного направления деятельности раскрывается через статистические данные. Так, по Новосибирской области зафиксированы следующие цифры. В третьем квартале 1941 г. адвокатами Новосибирской области юридическая помощь мобилизованным и их семьям оказана в 1550 случаях, из них дано устных консультаций — 667, составлено документов — 883 [8, л. 139].

На 1 июля 1943 г. общее количество обратившихся за юридической помощью составило 2962 человека. Составлено 290 жалоб, заявлений — 963. Проведено 600 бесед, лекций и докладов — 120 [3, л. 3]. На 1 июля 1944 г. число обратившихся достигло 3499 человек. Составлено 191 жалоб, заявлений — 943. Дано 2092 устных консультаций. Проведено 609 бесед, лекций и докладов — 210 [4, л. 5].

На протяжении всего периода времени данное направление деятельности находилось под пристальным вниманием Президиума коллегии адвокатов Новосибирской области. Так, в планах работы президиума предусматривались пункты о проведении проверок выполнения юридических консультаций, о введении дежурств для оказания юридической помощи в юридических консультациях, призывных пунктах, на пунктах комиссии по выдаче пособий семьям мобилизованных [8, л. 129].

Приведенные данные подтверждают значительный объем работы, выполненной адвокатами Новосибирской области в сфере оказания правовой поддержки военнослужащих и членов их семей в условиях военного времени.

Деятельность адвокатов Новосибирской области в рассматриваемый период отнюдь не ограничивалась оказанием правовой помощи в ее узкопрофессиональном понимании. Напротив, она включала в себя значительный по масштабу объем информационно-разъяснительной и агитационной работы, содержание которой находилось в прямой зависимости от чрезвычайных условий военного времени. Основными площадками для проведения устных бесед и тематических докладов служили помещения избирательных участков, где концентрировались значительные массы местного населения, что позволяло охватить более широкую аудиторию.

Содержательное наполнение указанных мероприятий определялось двумя взаимосвязанными факторами: оперативной обстановкой на фронтах и текущими директивами высшего партийно-государственного руководства. Вследствие этого ключевыми предметами обсуждения становились обращения И. В. Сталина и В. М. Молотова, которые воспринимались как акты прямого действия, требовавшие немедленного разъяснения. Наряду с этим анализу подвергались чрезвычайные указы и постановления союзных и республиканских органов государственной власти, а также официальные сводки о ходе боевых действий, что в совокупности формировало у граждан целостное

представление о текущих событиях [9, с. 212–213].

Параллельно с политико-правовым просвещением адвокатами велась разъяснительная работа, касавшаяся хозяйственных и бытовых мобилизационных мероприятий. В рамках данной деятельности населению детально разъяснялись как государственная необходимость, так и конкретный порядок участия в сборе металлического лома, имевшего критическое значение для оборонной промышленности. Кроме того, ввиду массового притока эвакуированных контингентов разъяснению подлежали основания и процедура административного уплотнения жилой площади, что напрямую затрагивало повседневный уклад множества семей [8, л. 123 об.].

В дополнение к вышеперечисленному в период войны на адвокатуру была возложена особая обязанность по проведению разъяснительной работы в рамках мероприятий Наркомата юстиции СССР и НКЮ РСФСР, направленных на укрепление трудовой дисциплины и искоренение прогулов на промышленных предприятиях. Так, 23 ноября 1942 г. НКЮ РСФСР предписал председателям президиумов коллегий адвокатов в обязательном порядке ознакомить аппараты НКЮ АССР и управлений НКЮ с содержанием Постановления СНК СССР от 18 октября 1942 г. № 1704 [10, л. 47–48]. Данным актом предусматривалось существенное снижение хлебных норм для рабочих, осужденных за прогул, на весь период со дня вынесения обвинительного приговора и вплоть до фактического отбытия наказания. Соответственно, главной целью означенного ознакомления являлось формирование в трудовых коллективах устойчивого понимания неотвратимости и строгости мер ответственности за подрыв производственной дисциплины в условиях военного времени.

О масштабах проделанной работы наглядно свидетельствуют следующие количественные показатели. Только за шесть месяцев с начала Великой Отечественной войны в тридцати двух областях СССР силами адвокатского корпуса было проведено 4858 бесед и докладов [6, л. 50], что указывает на общегосударственный размах данной работы. При этом следует отметить, что агитационно-разъяснительная деятельность адвокатуры носила не локальный, а повсеместный характер. Применительно же к Новосибирской области статистика выглядела следующим образом. На 15 июля 1941 г. во исполнение Указа Правительства от 26 июня 1941 г. адвокатами области было проведено 138 лекций, докладов и бесед [8, л. 123].

В последующем, за второе полугодие 1941 г., количество прочитанных лекций и докладов составило 112 [11, л. 2 об.]. Во втором полугодии 1943 г. данный показатель достиг отметки в 120 [3, л. 3]. Применительно к деятельности отдельно взятой Томской юридической консультации в 1943 г. было зафиксировано 93 доклада и беседы [5, л. 126]. Наконец, в первом полугодии 1944 г. число лекций и докладов возросло до 210 [4, л. 15].

В 1944 г. агитационно-разъяснительная деятельность адвокатов Новосибирской области не только сохранила прежнюю интенсивность, но и претерпела существенное расширение, приобретя при этом планомерный и организационно оформленный характер. Поскольку основная масса практикующих юристов была сосредоточена в областном центре, наибольший объем внепроцессуальной работы пришелся именно на город Новосибирск. Так, на базе городских юридических консультаций было введено регулярное дежурство на агитационном пункте железнодорожного вокзала, осуществлявшееся дважды в неделю, что гарантировало перемещающимся гражданам бесперебойный доступ к оперативным правовым разъяснениям. Одновременно с этим на промышленном объекте «Завод № 280» прикомандированными адвокатами ежемесячно проводилось по три тематические беседы, посвященные вопросам соблюдения трудовой дисциплины и охраны социалистической собственности [4, л. 7].

Помимо устных форм взаимодействия, письменное участие адвокатов в правовом просвещении выражалось в направлении мотивированных заключений в редакцию ведущей областной газеты «Советская Сибирь» по всему спектру юридических вопросов, поступающих от населения. Кроме того, в трех стационарных госпиталях на ежемесячной основе организовывалось по три беседы с ранеными военнослужащими, в ходе которых разъяснялись нюансы их правового статуса и объемом полагающихся социальных гарантий. Дополнительно к этому было установлено обязательное дежурство адвокатов в помещениях районных Советов депутатов трудящихся и военных комиссариатов Центрального, Дзержинского, Октябрьского и Кагановичского районов, что обеспечивало максимальную территориальную доступность правовой поддержки.

Наконец, на периферийных территориях аналогичная по своей сути работа велась с непременно учетом местной специфики и локальных хозяйственных задач. В качестве характерного примера уместно привести деятельность Татар-

ской юридической консультации, силами которой среди местного населения проводились беседы, посвященные вопросам развития животноводства в Барабинской степи и охраны социалистической собственности [4, л. 8]. Подобная дифференциация тематики наглядно свидетельствует о гибкости подходов адвокатуры к выполнению возложенных на нее агитационных функций, а также о стремлении органично увязать правовую пропаганду с конкретными народнохозяйственными потребностями отдельных территорий области.

В экстремальных условиях рассматриваемого периода наряду с оказанием квалифицированной правовой помощи населению, а также с информационно-разъяснительной и агитационной работой сформировалось и получило устойчивое развитие самостоятельное направление деятельности, связанное с мобилизацией финансовых и материальных ресурсов на оборонные и социальные нужды. Возникновение указанного направления было обусловлено патриотическим подъемом, охватившим все слои советского общества перед лицом внешней угрозы и побуждавшим представителей юридической профессии к добровольному принятию дополнительных финансовых обязательств в пользу государства и общества.

Согласно сводным статистическим сведениям, по состоянию на 1 апреля 1942 г. коллегиями адвокатов РСФСР было внесено в фонд обороны страны 1 179 500 рублей [6, л. 50]. При этом необходимо особо отметить, что означенная денежная сумма не включала в себя отчисления однодневного заработка членов адвокатского сообщества, которые производились в отдельном порядке и подлежали самостоятельному учету.

Применительно к масштабам Новосибирской области мобилизация и перераспределение денежных ресурсов выглядели следующим образом. В течение первого квартала 1942 г. Президиум коллегии адвокатов Новосибирской области перечислил денежные средства в общем размере 81 462 рубля. Указанная сумма была распределена по нескольким целевым направлениям, каждое из которых имело самостоятельное значение в контексте решения неотложных задач, продиктованных условиями военного времени. В частности, непосредственно в фонд обороны страны было направлено 30 000 рублей, что составляло наиболее весомую долю от совокупного объема произведенных отчислений. В специализированный фонд помощи эвакуированным адвокатам, вынужденно покинувшим места постоянного проживания, было ассигновано 10 000 рублей. В фонд помощи

адвокатам освобожденных от оккупации областей перечислено 15 000 рублей. На нужды жилищного строительства для эвакуированных граждан было переведено 3000 рублей. Отчисления однодневной заработной платы членов коллегии составили 8462 рубля. Кроме того, на приобретение облигаций государственного военного займа была направлена сумма в размере 1000 рублей [6, л. 79].

В продолжение 1942 г. адвокатами Новосибирской области были мобилизованы и переданы по целевому назначению дополнительные финансовые ресурсы, направленные на укрепление материально-технической базы действующей армии и оказание адресной социальной поддержки. В частности, на строительство танковой колонны силами адвокатского сообщества региона было собрано и перечислено 135 500 рублей. В фонд строительства авиационного соединения, поименованного эскадрилей «За Родину», направлено 61 000 рублей. В качестве материальной поддержки адвокатам города Ленинграда было передано 10 000 рублей. На оказание прямой помощи семьям граждан, мобилизованных в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, было направлено 51 000 рублей [12, л. 9–9 об.].

Следует подчеркнуть, что патриотическая и благотворительная деятельность адвокатов Новосибирской области не носила характера разовой помощи, вызванной эмоциональным накалом первых месяцев войны. Напротив, работа по систематическому изысканию, аккумулярованию и целевому перераспределению денежных ресурсов на оборонные и социальные нужды осуществлялась на планомерной основе и продолжалась на протяжении всего последующего периода Великой Отечественной войны. Данная деятельность наглядно свидетельствует о высокой степени гражданской мобилизованности и корпоративной солидарности представителей юридической профессии, вносивших посильный вклад в достижение общей цели разгрома врага и восстановления мирного уклада жизни.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что если в ординарных условиях мирного периода предназначение адвокатского кор-

пуса исчерпывалось оказанием правовой помощи и судебным представительством, то военное время обусловило не только интенсификацию традиционной работы, но и формирование принципиально иных направлений, не свойственных адвокатуре вне чрезвычайной обстановки.

Существенной трансформации подверглось содержание правовой помощи, оказываемой военнослужащим и их семьям. Помимо кратного количественного роста обращений, адвокаты столкнулись с правовой неопределенностью, требовавшей толкования чрезвычайных актов военного времени применительно к статусу фактических супругов, иждивенцев и иных лиц. Самостоятельным направлением стала информационно-разъяснительная работа, объем и содержание которой находились в прямой зависимости от оперативной обстановки и директивных указаний. Адвокаты разъясняли акты высших органов власти, сводки с фронтов, а также положения законодательства о трудовой дисциплине и мобилизационных обязанностях.

Наконец, под воздействием патриотических настроений оформилось такое направление, как целевая финансовая мобилизация на нужды обороны и социальной поддержки. Систематические отчисления на строительство боевой техники, помощь эвакуированным коллегам и семьям призванных в РККА выходили за рамки профессиональной компетенции и свидетельствовали о высоком уровне гражданской ответственности адвокатского сообщества.

Таким образом, в военный период адвокатура региона эволюционировала в многофункциональный институт, обеспечивающий государственную стабильность, общественный порядок и обороноспособность. Она выполняла организационные, идеологические, мобилизационные задачи, а также информировала и просвещала население, формируя правосознание и правовую культуру. В чрезвычайных условиях адвокатура играла ключевую роль в правовом регулировании, укрепляя государство и подчеркивая свою значимость в поддержании законности и эффективном функционировании правовой системы страны.

Список источников

1. Девицина И. В. Организационно-функциональное построение Челябинской областной коллегии адвокатов в годы Великой Отечественной войны // Научный поиск: мат-лы седьмой научно-практ. конф. аспирантов и докторантов. Челябинск, 2015. С. 25–29.
2. Государственный архив Новосибирской области (далее — ГАНО). Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 57.
3. ГАНО. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 83.
4. ГАНО. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 86.

5. ГАНО. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 79.
6. ГАНО. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 56.
7. Шатилов С. П. Деятельность адвокатуры в годы Великой Отечественной войны // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): мат-лы международной научно-теоретической конф-ции: в 2 т. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2016. С. 354–356.
8. ГАНО. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 44.
9. Мишина Д. В. Адвокатура СССР в годы Великой Отечественной войны // Ученый совет. 2026. Т. 23. № 3 (255). С. 211–215.
10. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб.). Ф. 24. Оп. 26. Д. 1307.
11. ГАНО. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 60.
12. ГАНО. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 72.

References

1. Devicina I. V. Organizacionno-funkcional'noe postroenie Chelyabinskoy oblastnoj kollegii advokатов v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Nauchnyj poisk: mat-ly sed'moj nauchno-prakt. konf-cii aspirantov i doktorantov. Chelyabinsk, 2015. S. 25–29.
2. Gosudarstvennyj arhiv Novosibirskoj oblasti (dalee — GANO). F. R-1110. Op. 1. D. 57.
3. GANO. F. R-1110. Op. 1. D. 83.
4. GANO. F. R-1110. Op. 1. D. 86.
5. GANO. F. R-1110. Op. 1. D. 79.
6. GANO. F. R-1110. Op. 1. D. 56.
7. Shatilov S. P. Deyatel'nost' advokatury v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (navstrechu 300-letiyu rossijskoj policii): mat-ly mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoy konf-cii: v 2 t. SPb.: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2016. S. 354–356.
8. GANO. F. R-1110. Op. 1. D. 44.
9. Mishina D. V. Advokatura SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Uchenyj sovet. 2026. T. 23. № 3 (255). S. 211–215.
10. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (CGAIPD SPb.). F. 24. Op. 26. D. 1307.
11. GANO. F. R-1110. Op. 1. D. 60.
12. GANO. F. R-1110. Op. 1. D. 72.

Информация об авторах

С. П. Шатилов — кандидат юридических наук, доцент.

Е. А. Чибурова — кандидат исторических наук.

Information about the authors

S. P. Shatilov — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

E. A. Chiburova — Candidate of Science (Historical).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 03.04.2026; одобрена после рецензирования 07.05.2026; принята к публикации 19.06.2026.

The article was submitted 03.04.2026; approved after reviewing 07.05.2026; accepted for publication 19.06.2026.

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 55–61.

Altai Law Journal. 2026. № 2 (54). P. 55–61.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 351.741

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ НИКАРАГУА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ПРИМЕНЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРЕСЕЧЕНИЯ ПОЛИЦИЕЙ

Алексей Геннадьевич Гришаков

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, grishakovag@buimvd.ru

Аннотация. В статье дан сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и Республики Никарагуа. Автором рассмотрены основные принципы деятельности Национальной полиции Никарагуа, а также порядок, основания и запреты на применение специальных мер административного пресечения. Перечислены ситуации, при возникновении которых допускается применение огнестрельного оружия в полиции Никарагуа. Акцентировано внимание на запретах, связанных с применением силы и использованием огнестрельного оружия.

Ключевые слова: активное сопротивление, агрессивное поведение, порядок применения силы, специальные меры административного пресечения, права и обязанности полиции, реальная угроза, запреты и ограничения, летальные виды оружия, устройства несмертельного действия

Для цитирования: Гришаков А. Г. Сравнительно-правовой анализ отдельных положений нормативных правовых актов Российской Федерации и Республики Никарагуа, регламентирующих применение специальных мер административного пресечения полицией // Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 55–61.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF CERTAIN PROVISIONS OF THE REGULATORY LEGAL ACTS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF NICARAGUA GOVERNING THE APPLICATION OF SPECIAL ADMINISTRATIVE MEASURES BY THE POLICE

Alexej G. Grishakov

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, grishakovag@buimvd.ru

Abstract. This article provides a comparative legal analysis of the legislation of the Russian Federation and the Republic of Nicaragua. The author examines the fundamental principles of the Nicaraguan National Police, as well as the procedures, grounds, and prohibitions for the use of special administrative measures. The article lists the situations in which the use of firearms by the Nicaraguan police is permitted, focusing on prohibitions related to the use of force and the use of firearms.

Keywords: aggressive behavior, the procedure for the use of force, special administrative measures, the rights and responsibilities of the police, real threat, lethal weapons, non-lethal devices

For citation: Grishakov A. G. A Comparative Legal Analysis of Certain Provisions of the Regulatory Legal Acts of the Russian Federation and the Republic of Nicaragua Governing the Application of Special Administrative Measures by the Police. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2026;2:55–61 (In Russ.).

© Гришаков А. Г., 2026

Специальные меры административного пресечения занимают особое место в системе мер административного принуждения в правоохранительной деятельности полиции. К таким мерам законодатель относит применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Вместе с тем применение огнестрельного оружия является крайней мерой правового принуждения [1, с. 43]. При этом полномочия на применение мер принуждения, в т. ч. оружия, составляют неотъемлемую часть правового статуса сотрудников правоохранительных органов, что обусловлено спецификой их деятельности по поддержанию правопорядка [2, с. 45].

Применение специальных мер административного пресечения в целях поддержания правопорядка осуществляется сотрудниками полиции во всем мире [3, 4], не являются исключением и страны Латинской Америки и Карибского бассейна. Так, законодательство о рациональном применении силы и использовании огнестрельного оружия в Республике Никарагуа устанавливает, что применение силы должно быть пропорциональным, необходимым и соответствующим возникшей угрозе¹. Более того, нормативные правовые акты, касающиеся применения силы и огнестрельного оружия сотрудниками национальной полиции, содержат как основополагающие принципы, так и конкретные ограничения, призванные гарантировать защиту прав граждан и законность действий полиции.

В рамках научной статьи нами поставлена цель провести сравнение отдельных норм законодательства Российской Федерации и Республики Никарагуа в контексте специальных пресекающих мер, используемых полицией двух государств. Проведенный сравнительно-правовой анализ норм Федерального закона Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»² и Наставления о рациональном применении силы и огнестрельного оружия при выполнении полицейских обязанностей с соблюдением конституционных норм Республики Никарагуа от 19 июля 2021 г.³ (далее — Наставление Республики Никарагуа), устанавливающих порядок, основания и запреты применения специальных мер административного

пресечения, позволил нам выявить как схожие положения, так и определенные отличия.

Первое, на что обратим внимание, это внутренняя структура Наставления Республики Никарагуа, состоящая из большого количества разделов, глав, статей и приложений, регулирующих алгоритмы действий сотрудников национальной полиции в случаях применения силы и оружия. Так, в разделе «Основные принципы деятельности полиции и порядок применения силы» глава третья содержит общие принципы, к которым отнесены: законность, абсолютная необходимость, своевременность, соответствие, пропорциональность, подотчетность и контроль. При этом в российском законодательстве принципы применения специальных мер административного пресечения отдельно в главе «Применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия» не закреплены, т. к. данные меры используются в соответствии с общими принципами правоохранительной деятельности полиции.

Принцип подотчетности и контроля предусматривает обязанность сотрудника Национальной полиции Никарагуа при применении огнестрельного оружия составить подробный отчет о случившемся с отражением уровня примененной силы, причин применения, количества произведенных выстрелов и информации о пострадавших или погибших. Кроме этого, указанная обязанность дублируется в статье 13 «Обязанности». В Российской Федерации сотрудник полиции о каждом случае применения огнестрельного оружия также обязан сообщить непосредственному начальнику либо руководителю ближайшего территориального органа с предоставлением соответствующего рапорта в течение 24 часов с момента применения. Данная обязанность закреплена в правовой норме, регулирующей порядок применения огнестрельного оружия.

В разделе «Права и обязанности» глава первая закрепляет норму, наделяющую сотрудников Национальной полиции Никарагуа рядом прав, возникающих при осуществлении ими своих функций, связанных с применением силы и огнестрельного оружия. В частности, сотрудник полиции вправе не исполнять приказы или указания руководства о применении специальных мер административного пресечения, если они являются явно незаконными или произвольными. Во второй главе законодатель уточнил, что при использовании огнестрельного оружия сотрудник полиции не может ссылаться на подчинение приказу, если он знал, что применение оружия было явно незаконным.

¹ Закон об организации, функциях, карьере и специальном режиме социального обеспечения Национальной полиции: Закон Республики Никарагуа от 28.06.2014 № 872. URL: <https://www.asamblea.gob.ni>.

² О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 07.02.2011 № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ URL: <https://lib.sibli.ru>.

Сотрудник полиции Российской Федерации не может в оправдание своих действий при выполнении служебных обязанностей ссылаться на незаконные требования, приказы и распоряжения вышестоящих должностных лиц. Применение сотрудником полиции мер государственного принуждения, в т. ч. и огнестрельного оружия, допустимо только в случаях, предусмотренных федеральным законом. Эти требования закреплены в главе, устанавливающей принципы деятельности полиции, в частности законности.

Кроме этого, первая глава раздела «Права и обязанности» включает право сотрудников полиции Республики Никарагуа получать постоянное образование, подготовку и тренинги по вопросам применения силы и оружия в соответствии с национальными и международными стандартами в области прав человека. При этом статьей 16 «Полицейское снаряжение» предусмотрено, что перед получением полицейского снаряжения, к которому относится огнестрельное оружие, полицейский обязан пройти соответствующую подготовку по обращению с оружием, боеприпасами, средствами и устройствами несмертельного действия.

Более того, заслуживает внимания право на получение психологической поддержки в целях преодоления стрессов, вызванных применением силы и огнестрельного оружия, и право на юридическую консультацию и защиту за счет Национальной полиции Никарагуа в случаях, когда сила или оружие были применены в рамках внутренних нормативов и при исполнении служебных обязанностей.

В российском законодательстве сотрудник полиции также обязан проходить специальную подготовку и периодическую проверку на профессиональную пригодность к действиям в условиях, связанных с применением специальных мер административного пресечения. В то же время в отличие от нормативного правового акта Никарагуа сотрудник полиции Российской Федерации, не прошедший проверку на профессиональную пригодность к действиям в условиях, связанных с применением огнестрельного оружия, проходит аттестацию на соответствие замещаемой должности с отстранением от выполнения обязанностей, связанных с возможным применением огнестрельного оружия. Право сотрудников российской полиции на получение психологической и юридической помощи регламентируется отдельными нормативными правовыми актами.

Представляет интерес и более детальная регламентация обязательных действий сотрудников Национальной полиции Никарагуа после примене-

ния силы или использования огнестрельного оружия. В частности, сотрудник полиции обязан без промедления принять необходимые меры для оказания медицинской помощи или обеспечения доступа к соответствующим медицинским службам лицам, получившим травмы или жалующимся на плохое самочувствие, если этому не препятствуют внешние или непреодолимые обстоятельства.

В случаях, когда полицейский обладает соответствующей подготовкой, он должен приступить к оказанию первой помощи в пределах своих технических возможностей до прибытия специализированной помощи. При тяжелых травмах сотрудник полиции обязан транспортировать пострадавшего в ближайшее медицинское учреждение, если специализированная помощь не может прибыть на место происшествия вовремя. Кроме того, следует принять меры для информирования членов семьи погибших, раненых или пострадавших лиц либо тех, кого они сами укажут, за исключением случаев, когда это невозможно по объективным причинам [5, с. 30].

Российское законодательство также возлагает на сотрудника полиции обязанность оказать гражданину, получившему телесные повреждения в результате применения специальных мер административного пресечения, первую помощь и принять меры по предоставлению ему медицинской помощи в возможно короткий срок. Заметим, что в отличие от Наставления Республики Никарагуа федеральный закон Российской Федерации возлагает обязанность уведомления близкого родственника или близкого лица гражданина, получившего телесные повреждения в результате применения огнестрельного оружия, на полицию, а не на сотрудника полиции, непосредственно применившего данную меру пресечения, в возможно короткий срок, но не более 24 часов.

Напомним, что о каждом случае причинения гражданину ранения либо наступления его смерти в результате применения сотрудником полиции огнестрельного оружия уведомляется прокурор в течение 24 часов. В отличие от российского законодательства данное требование не отражено в правовой норме, определяющей действия сотрудников Национальной полиции Никарагуа после применения силы или использования огнестрельного оружия.

В первой главе «Ведомственное снаряжение» IV раздела Наставления Республики Никарагуа определено, что огнестрельное оружие, боеприпасы, средства и устройства несмертельного действия, используемые сотрудниками полиции

при выполнении служебных обязанностей и осуществлении конституционной миссии, являются частью их полицейского снаряжения и предоставляются национальной полицией в рамках служебной деятельности. Кроме того, сотрудники Национальной полиции Никарагуа, как и полицейские других стран, перед получением ведомственного снаряжения обязаны пройти соответствующую подготовку по обращению с оружием, боеприпасами, средствами и устройствами несмертельного действия.

Российское законодательство также содержит норму, указывающую, что перечень состоящих на вооружении полиции специальных средств, огнестрельного оружия и патронов к нему, боеприпасов устанавливается Правительством Российской Федерации. При этом не допускается принятие на вооружение полиции специальных средств, огнестрельного оружия и патронов к нему, боеприпасов, которые наносят чрезмерно тяжелые ранения или служат источником неоправданного риска. Более того, в состоянии необходимой обороны, в случае крайней необходимости или при задержании лица, совершившего преступление, сотрудник полиции при отсутствии у него необходимых специальных средств или огнестрельного оружия вправе использовать любые подручные средства, а также по основаниям и в порядке, которые установлены федеральным законом, применять иное не состоящее на вооружении полиции оружие.

В отличие от российского законодательства нормативный правовой акт Республики Никарагуа устанавливает два уровня сопротивления полиции, классифицируемые как пассивное и активное. Пассивным сопротивлением признается поведение, выражающееся в действии или бездействии одного или нескольких лиц, не содержащее насилия, с целью отказа от подчинения законным приказам, отданным напрямую полицейскими. В свою очередь, пассивное сопротивление подразделяется на «скрытую угрозу», «сотрудничающий» и «не сотрудничающий» [5, с. 31].

Активное сопротивление выражается в действии или бездействии одного или нескольких лиц с применением насилия, запугивания или угрозы с целью отказа от подчинения законным приказам, отданным напрямую полицейскими, которое подразделяется на «физическое сопротивление», «нелетальное нападение» и «летальное нападение». В то же время в Российской Федерации сотрудник полиции при применении специальных мер административного пресечения действует с уче-

том создавшейся обстановки, характера и степени опасности действий лиц, в отношении которых применяются данные меры, характера и силы оказываемого ими сопротивления.

Нормативный правовой акт Республики Никарагуа, в отличие от отечественного законодательства, устанавливает три уровня применения силы, допустимые, когда исчерпаны мирные альтернативы, при решении какой-либо ситуации. К превентивным уровням относятся «полицейское присутствие» и «вербальные переговоры». Реактивные уровни включают в себя «физический контроль» и «менее летальные защитные техники». Крайний уровень — «летальная сила».

Далее нельзя не отметить, что нормативный правовой акт Республики Никарагуа предусматривает пять ситуаций, при возникновении которых допускается применение огнестрельного оружия:

- для самообороны или защиты других лиц при реальной и неминуемой угрозе смерти или серьезных травм;
- во время совершения преступления, представляющего серьезную угрозу жизни и физической неприкосновенности лиц;
- при возникновении реальной и неминуемой угрозы смерти или серьезных травм вследствие сопротивления лица, подлежащего задержанию;
- когда жизнь лица подвергается реальной, актуальной и неминуемой угрозе со стороны беглеца. В этой ситуации применение летальной силы оправдано только против лица, которое в процессе побега создает явную, очевидную и немедленную угрозу, способную причинить серьезные травмы или смерть;
- при реальной или неминуемой угрозе смерти полицейскому или другому лицу со стороны одного или группы лиц. Применение летальной силы в этой ситуации оправдано только при очевидном, явном и немедленном действии со стороны лица, применяющего предметы или оружие, способные причинить тяжкие телесные повреждения или смерть.

Обращаем внимание, что в отличие от российского законодательства не допускается применение огнестрельного оружия против задержанного лица, которое находится под стражей или содержится под арестом и совершает побег, за исключением случаев, когда он создает смертельную угрозу для других лиц. Также сотрудник Национальной полиции Никарагуа не вправе применить огнестрельное оружие для остановки транспортного средства, разрушения запирающих устройств, эле-

ментов и конструкций, препятствующих проникновению в жилые и иные помещения, подачи сигнала тревоги или вызова помощи и для пресечения функционирования беспилотных аппаратов.

Наставление Республики Никарагуа содержит специальную норму, детализирующую порядок применения огнестрельного оружия посредством последовательных действий сотрудника национальной полиции. В частности, полицейский должен:

- демонстративно извлечь оружие, одновременно представившись;
- представиться как полицейский, даже если он в форме или имеет средства идентификации, соответствующие его должности;
- четко предупредить лицо или группу лиц о намерении использовать огнестрельное оружие, предоставив им достаточно времени для осознания ситуации и принятия решения;
- осуществить контроль, обездвиживание и конвоирование в соответствии с действующими процедурами, если лицо или группа нарушают общественный порядок;
- применить оружие и, если позволяет ситуация, произвести прицельный выстрел в определенную часть тела с целью снизить или устранить летальные действия лица или группы, если предполагаемый нарушитель продолжает агрессивное поведение и существует неминуемая смертельная угроза.

В то же время указанный порядок не применяется, если его соблюдение создает риск смерти или тяжелых травм для полицейских или других лиц либо если предупреждение заведомо неуместно или неэффективно. Данная правовая норма, как и в российском законодательстве, направлена на защиту жизни и здоровья как гражданина, так и сотрудника полиции.

В Наставлении Республики Никарагуа предусмотрена правовая норма, раскрывающая реальную или неминуемую угрозу, при которой допускается применение огнестрельного оружия сотрудниками национальной полиции. Так, реальная или неминуемая угроза рассматривается в следующих ситуациях:

- при прямой угрозе смерти или тяжких телесных повреждений в отношении себя или других лиц;
- когда у лица или группы лиц имеется одно или несколько летальных видов оружия и есть признаки намерения их использовать, даже если

впоследствии выяснится, что оружие было имитированным;

- когда имеется обоснованное подозрение, что подозреваемый может иметь летальное оружие, например: если он находится в группе из двух и более лиц, одно из которых имеет оружие, произвело выстрелы или причинило вред другим при попытке получить оружие в обстоятельствах, свидетельствующих о намерении применить его против полицейских или других лиц, а также при действиях, указывающих на неминуемое применение оружия;

- если лицо, будучи вооруженным, стремится получить преимущество путем укрытия, маскировки или улучшения своей позиции для нападения;

- если лицо имеет реальную или высокую вероятность немедленного причинения смерти или тяжелых травм даже без оружия;

- если лицо пытается скрыться после того, как причинило или попыталось причинить смерть или серьезные травмы полицейским или другим лицам.

И наконец, нормативный правовой акт Республики Никарагуа, в отличие от российского законодательства, предусматривает более широкий спектр действий сотрудников национальной полиции, запрещенных при применении силы и использовании огнестрельного оружия. В частности, запрещается:

- контролировать человека с применением приемов самообороны, ограничивающих дыхание или кровоснабжение мозга;

- помещать человека в наручники в положение, ограничивающее его дыхание;

- производить более двух предупредительных выстрелов;

- стрелять по толпе или по неидентифицированному лицу, за исключением отдельных случаев, разрешенных для специальных подразделений, прошедших соответствующую подготовку;

- стрелять из движущегося транспортного средства или по нему, за исключением случаев, когда отказ от выстрела явно приведет к тяжелым ранениям сотрудников или третьих лиц и нет иной альтернативы для их предотвращения;

- стрелять по предполагаемому правонарушителю, не определенному визуально, через окна, двери, стены или иные препятствия;

- стрелять по предполагаемому нарушителю в тех случаях, когда доступны другие уровни

применения силы и они могут быть эффективными;

- стрелять при наличии неминуемой угрозы для третьих лиц;
- стрелять для усмирения лиц, совершающих исключительно акты повреждения имущества;
- стрелять для задержания лиц, действия которых могут привести лишь к нанесению ран;
- стрелять по лицам, совершающим исключительно административные правонарушения;
- извлекать, демонстрировать или манипулировать огнестрельным оружием, если его возможное применение в данной ситуации не является уместным или если обстоятельства не требуют явно его использования для контроля опасной ситуации;
- стрелять с целью умерщвления животного, если отсутствует чрезвычайная ситуация, представляющая угрозу для полицейского или третьих лиц.

Отдельная норма Наставления Республики Никарагуа посвящена детализации производства предупредительных выстрелов при применении силы. Так, сотрудник национальной полиции должен всеми возможными способами избегать предупредительных выстрелов, если это может подвергнуть опасности жизнь или физическую

неприкосновенность третьих лиц. Однако в случае крайней необходимости он обязан принять все меры предосторожности, которые подсказывает ему здравый смысл. Ни при каких обстоятельствах не допускается производство *двух и более предупредительных выстрелов* (выделено авт. — А. Г.).

По результатам сравнительно-правового анализа отдельных положений нормативных правовых актов Республики Никарагуа и Российской Федерации, регламентирующих порядок и основания применения специальных мер административного пресечения сотрудниками полиции, следует констатировать, что законодательство Национальной полиции Никарагуа по внутренней структуре является наиболее сложным и в отдельных случаях чрезмерно детализированным. При этом практика применения силы и огнестрельного оружия полицейскими Никарагуа в преобладающем большинстве случаев мало чем отличается от аналогичной практики российских полицейских. Зеркальное сходство имеет и субъективное восприятие правового регулирования имеющихся оснований применения специальных мер административного пресечения сотрудниками полиции обеих стран.

Список источников

1. Костенников М. В., Куракин А. В. Правовое регулирование применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции // Административное право и процесс. 2024. № 11. С. 43–50.
2. Ляпин Д. О. Правомерное применение оружия для остановки транспортного средства как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Уголовное право. 2024. № 6. С. 45–52.
3. Мишина Ю. В., Строева О. А. Применение специальных мер административного пресечения в деятельности правоохранительных органов зарубежных стран // Современное общество и право. 2025. № 4 (77). С. 51–57.
4. Насанжаргалын Ганбадрал. Организационно-правовые проблемы применения специальных средств органами полиции Монголии // Административное и муниципальное право. 2011. № 5. С. 56–59.
5. Гришаков А. Г. Порядок и основания применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции Российской Федерации и Республики Никарагуа: сравнительно-правовой анализ законодательства // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы двадцать четвертой Международной научно-практ. конф-ции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2026. С. 30–31.

References

1. Kostennikov M. V., Kurakin A. V. Pravovoe regulirovanie primeneniya ognestrel'nogo oruzhiya sotrudnikami policii // Administrativnoe pravo i process. 2024. № 11. S. 43–50.
2. Lyapin D. O. Pravomernoe primeneniye oruzhiya dlya ostanovki transportnogo sredstva kak obstoyatel'stvo, isklyuchayushchee prestupnost' deyaniya // Ugolovnoye pravo. 2024. № 6. S. 45–52.
3. Mishina Yu. V., Stroeveva O. A. Primeneniye special'nyh mer administrativnogo presecheniya v deyatel'nosti pravoohranitel'nyh organov zarubezhnyh stran // Sovremennoye obshchestvo i pravo. 2025. № 4 (77). S. 51–57.
4. Nasanzhargalyn Ganbadral. Organizacionno-pravovye problemy primeneniya special'nyh sredstv organami policii Mongolii // Administrativnoe i municipal'noe pravo. 2011. № 5. S. 56–59.

5. Grishakov A. G. Poryadok i osnovaniya primeneniya ognestrel'nogo oruzhiya sotrudnikami policii Rossijskoj Federacii i Respubliki Nikaragua: sravnitel'no-pravovoj analiz zakonodatel'stva // Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami: mat-ly dvadcat' chetvertoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii. Barnaul: BYuI MVD Rossii, 2026. S. 30–31.

Информация об авторе

А. Г. Гришаков — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. G. Grishakov — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 17.02.2026; одобрена после рецензирования 20.03.2026; принята к публикации 19.06.2026.

The article was submitted 17.02.2026; approved after reviewing 20.03.2026; accepted for publication 19.06.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 62–70.

Altai Law Journal. 2026. № 2 (54). P. 62–70.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 347.97

ВЛИЯНИЕ ФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА НА РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЮРИСДИКЦИИ В РОССИЙСКОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ

Кирилл Игоревич Даровских

Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия,

kirilldarovskih@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-7284-2323>

Аннотация. В статье проведен анализ судебного федерализма как элемента организации судебной власти в федеративных государствах. Отдельно рассматриваются его элементы в контексте видов организации судебных систем. Основное внимание уделено российской судебной системе, которая, несмотря на формальную федеративность, функционирует по унитарному принципу ввиду высокой степени судебной централизации. Обсуждаются проблемы реализации судебного федерализма в России, включая вопросы языковой политики и организационного положения мировых судей. Сделан вывод о необходимости переосмысления концепции судебного федерализма или признания унитарной природы российского судоустройства.

Ключевые слова: федерализм, унитарное государство, судебный федерализм, судебный унитаризм, юрисдикция, судебная власть

Для цитирования: Даровских К. И. Влияние формы государственного устройства на распределение юрисдикции в российской судебной системе // Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 62–70.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

THE IMPACT OF THE STATE STRUCTURE ON ALLOCATION OF JURISDICTION WITHIN THE RUSSIAN JUDICIAL SYSTEM

Kirill I. Darovskikh

State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia, kirilldarovskih@mail.ru,

<https://orcid.org/0009-0009-7284-2323>

Abstract. The article analyzes judicial federalism as an element of the organization of the judicial branch in federal states. Its components are examined in the context of different types of judicial system organization. Particular attention is paid to the Russian judicial system, which, despite its formal federal structure, operates according to a unitary principle due to a high extent of judicial centralization. The article discusses the challenges of implementing judicial federalism in Russia, including issues related to language policy and the organizational status of magistrates. The conclusion on the necessity of reconsideration of the concept of judicial federalism and recognition of the unitary nature of the Russian judicial system is made.

Keywords: federalism, unitary state, judicial federalism, judicial unitarism, jurisdiction, judicial power

For citation: Darovskikh K. I. The Impact of the State Structure on Allocation of Jurisdiction Within the Russian Judicial System. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2026;2:62–70 (In Russ.).

При распределении объема властных полномочий в федеративном государстве необходимо учитывать стремление политико-территориальных единиц к самостоятельности, в т. ч. в сфере судостроительства. В этом смысле федерализм, положенный в основу организации судебной системы, образует элементы судебного федерализма, который возникает одновременно с судебной властью в федерациях.

Некоторые исследователи указывают, что содержание принципа судебного федерализма производно от избранной модели федеративного устройства [1, с. 82]. Тем не менее федеративные государства не во всех случаях порождают федеративные судебные системы, т. е. организация судебной системы не обязательно является отличительным признаком, делающим конкретное государство федеративным. Поэтому если федерализм предопределяет федерацию, то судебный федерализм является не необходимостью, а опциональной особенностью судебной власти в таком государстве.

Судебный федерализм тесно связан в первую очередь с федерализмом Соединенных Штатов Америки (далее — США) как с самой старой и существующей до настоящего времени федерацией, а потому и роль судебной власти в федеральном государстве, и теория судебного федерализма относятся к американским исследователям. Последняя стала формулироваться относительно недавно, начиная с 1939 г., когда судья Верховного Суда США Феликс Франкфуртер впервые упомянул понятие «федерализм» в решении по делу *Hale v. Vimco Trading, Inc.*, поскольку до него суд никогда не использовал это понятие. В современной форме теория судебного федерализма (традиционно называемого новым) возникла в 1970-х гг. как реакция на использование практики Верховного суда США в конституционно значимых для штатов делах. Одним из первых проявлений этого стало дело Верховного суда штата Калифорния *The People of the State of California v. Robert Page Anderson*, в котором суд указал, что наказание в виде смертной казни является жестоким или необычным, дав, таким образом, самостоятельное толкование Восьмой поправке к Конституции США. В этом смысле акцент судебного федерализма сделан на рассмотрении споров о применении конституционных норм, регулирующих осуществление всех ветвей власти в федерации, т. е. влиянии судов на федерализм. С другой стороны, федерализм также оказывает влияние на организационную структуру судов [2, с. 61]. Иными словами, по аналогии с федерализмом можно говорить об институциональ-

ном и идейно-теоретическом аспектах судебного федерализма.

В литературе судебный федерализм рассматривают преимущественно в контексте процессов централизации и децентрализации, в т. ч. сопутствующего распределения полномочий. Например, его определяют как организацию правосудия в федеративном государстве [3, с. 6], принцип устройства судебной власти в федеративном государстве [1, с. 80], институциональную форму, а также правовой режим устройства и функционирования судебной власти [4, с. 94] или вовсе как отношения между национальными и субнациональными судами [5, с. 68].

В действительности, если рассматривать несложные судебные системы, то этих определений вполне достаточно для общего понимания судебного федерализма. В этом смысле они несколько его упрощают, сводя к тому или иному аспекту, поэтому некоторые исследователи предлагают рассматривать три измерения судебного федерализма: институциональное, юрисдикционное и судебно-правовое (*jurisprudential*) [6, с. 979]. Институциональное измерение касается существования отдельных судебных систем на федеральном и региональном уровнях (как минимум по одному суду на каждом); юрисдикционное — распределения собственно юрисдикции между этими судебными системами; судебно-правовое — определения источников права, применимых к разрешению споров в национальных и субнациональных судах (в случае если наряду с федеральным законодательством существует юридически обязательное региональное законодательство). Некоторые исследователи, ввиду того, что язык и этническое разнообразие часто являются ключевыми причинами создания федеративного государства, дополнительно рассматривают, как решается языковой вопрос при отправлении правосудия [7, с. 105], поскольку, например, российское политико-территориальное устройство основано на территориальном и этническом принципах.

Соотношение характеристик внутри каждого из этих критериев позволяет наиболее полно проанализировать и классифицировать судебные системы федеративных государств в зависимости от особенностей их (государств) политико-территориального устройства, поскольку каждая федерация (которых всего 12 % от общего числа государств — членов Организации Объединенных Наций) сочетает в себе уникальные характеристики, в т. ч. относительно организации судебной власти. Тем не менее в первую очередь предполагается

рассмотреть вопросы, относящиеся к судостроительству.

Проблема заключается в том, что разные исследователи предлагают по-разному дифференцировать судебные системы в зависимости от того, как они вписаны в федеративное устройство государства, или если похожим образом, то включают разные судебные системы. Это связано с противоречивыми факторами влияния внутри них, т. е. в сочетании одновременно унитарных и федеративных начал, в результате чего затруднительно определить, являются ли такие судебные системы более или менее централизованными, а потому их часто относят к смешанным видам. В результате пространство между дуалистическими и интегрированными судебными системами заполнено гибридными системами, отражающими широкий спектр разнообразия в условиях федерализма [8, с. 22].

Так или иначе дифференциация осуществляется на основе степени централизации или децентрализации судебной системы, однако если в российской литературе она носит исключительно полярный характер, т. е. выделяют децентрализованный, централизованный, а также смешанный вид организации федеративных судебных систем в федеративных государствах [1, с. 82; 4, с. 96; 9, с. 464], подчеркивая, таким образом, прямую связь с видами федерализма. В зарубежной, напротив, несколько осторожно подходят к прямому сопоставлению федерализма и судебного федерализма, а потому дифференциация построена на основе не противопоставления, а градации, которая затрагивает все существующие виды судебных систем в федеративных государствах в целом, а не только федеративные. В таком случае выделяют следующие виды организации судебных систем: дуалистические (dual court), интегрированные или общие (shared) [10, с. 1; 11, с. 66], а также в некоторых случаях унитарные (single court) [12, с. 4]. Причем о последнем уместнее было бы говорить в рамках принципа судебного унитаризма, однако ввиду его неразработанности он рассматривается вместе с судебным федерализмом.

Дуалистическая судебная система предполагает, что на национальном и субнациональном уровнях действуют самостоятельные судебные системы, между которыми судебная власть в государстве распределена таким образом, что субнациональные суды используют законодательство, язык своей политико-территориальной единицы (если федерация полностью или частично построена по этническому принципу), а их звеньевое, инстан-

ционное или территориальное устройство обязательно соответствует федеральному. Это также означает, что каждая судебная система имеет собственную структуру судов. Тем не менее споры, в которых участвуют стороны из разных политико-территориальных единиц и которые затрагивают переданные центру полномочия, разрешаются на национальном уровне.

Иными словами, дуалистическая судебная система представляет собой совокупность действующих параллельно нескольких (более двух) судебных систем разного уровня, между которыми распределена юрисдикция. В исходном виде такая организация судебной системы представляет собой наибольшую степень децентрализации.

Основной принцип построения интегрированной судебной системы заключается в единстве, но при условии, что нижестоящие суды являются субнациональными, а вышестоящие — национальными. Наименование «интегрированная» объяснимо необходимостью вписать эти нижестоящие суды в единую судебную систему государства, поскольку в ней не могут действовать две параллельные судебные системы, однако именно федеральная судебная система становится определяющей судебную политику в государстве. При этом также уместно и наименование «общая», что смещает акцент с интеграции нижестоящих судов на распределение юрисдикции между национальными и субнациональными судами. В таком случае разделение судебной власти невозможно, поскольку применяется принцип ее единства, а различие между федеральной и региональной юрисдикциями как самостоятельными видами размывается.

Такая централизация в рамках интегрированной судебной системы предполагает, что окончательное решение принимается федеральными судами, но в отличие от дуалистической судебной системы это происходит не по ограниченному кругу оснований, а в ординарном порядке обжалования, например через кассацию (ревизию) или даже апелляцию.

Наибольшая степень централизации судебной системы в федеративном государстве достигается исключительно при унитарном виде организации. Необходимо подчеркнуть, что такой вид организации не является вариантом организации судебной системы унитарного государства, применяемым к федеративному. Представляется, что его нужно определять в контексте такого минимального (или нулевого) проявления судебного федерализма, которое является судебным унитаризмом. Иными словами, это наиболее полное проявление унитар-

ных начал в судебной системе федеративного государства.

Таким образом, унитарная судебная система предполагает единую структуру судов, которая полностью находится под контролем федерации. Судебная власть не подлежит разделению, однако в отличие от интегрированных судебных систем разделение юрисдикции не имеет никакого значения, поскольку самостоятельность у субнациональных судебных систем отсутствует.

В этом смысле достаточно неоднозначно разрешается вопрос о месте современной российской судебной системы в представленной классификации. Согласно ч. 1 ст. 1 Конституции Российской Федерации¹ Россия — федеративное государство, что, как было отмечено выше, не обязательно указывает на федеративную судебную систему.

Изначально вектор развития российской судебной системы был направлен на реализацию принципа судебного федерализма, поскольку необходимо было учесть национально-государственное устройство Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее — РСФСР), т. е. согласно Концепции судебной реформы² перейти от унитарной судебной системы к федеративной посредством учреждения двух судебных систем — республиканской и федеральной. Последняя предполагала четырехзвенную организацию судов, состоящую из мировых судов, федеральных районных судов, федеральных окружных судов и Верховного Суда РСФСР, на котором замыкались бы обе судебные системы. Следует отдельно подчеркнуть, что мировые суды относились к федеральной судебной системе, поскольку республикам предоставлялась возможность создать собственные судебные системы с учетом основных принципов судостроительства или признать юрисдикцию федеральных судов. Кроме того, наряду с Конституционным Судом РСФСР могли действовать республиканские органы конституционного контроля по европейской модели организации конституционного правосудия. Судопроизводство предполагалось осуществлять как на русском, так и на национальных языках.

Такая организация судебной системы была бы возможной только потому, что Концепция су-

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (в ред. от 06.10.2022) // Российская газета. 1993. № 237.

² О Концепции судебной реформы в РСФСР [Электронный ресурс]: постановление Верховного Совета Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 24.10.1991 № 1801-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

дебной реформы декларировала отказ от единства судебной системы. Тем не менее это не означало, что проект российской судебной системы относился к дуалистическим, напротив, предполагался ряд мер по централизации. Например, республиканским судам было бы необходимо использовать федеральное законодательство (или его обязательные элементы); в федеральные окружные суды могли быть обжалованы решения высших судов субъектов Федерации, а Верховный Суд действовал как надзорная инстанция на всей территории РСФСР. Все эти признаки указывают на то, что в таком виде российская судебная система является интегрированной: несмотря на организационно развитые, наряду с федеральной, судебные системы республик, решения, выносимые в их рамках, не являются окончательными, а также не полностью основываются на местном законодательстве. Таким образом, это делает их самостоятельность достаточно ограниченной и включенной в общую российскую судебную систему. В этом смысле совершенно необоснованно Концепция судебной реформы критикуется за излишний конфедерализм [13].

Тем не менее организация судебной системы, которая предполагалась Концепцией, не была реализована. Это стало невозможно в том числе потому, что большая часть полномочий, так или иначе связанных с судебной властью, сосредоточена у Федерации согласно действующей Конституции: установление системы федеральных органов судебной власти, порядка их организации и деятельности (п. «г» ст. 71); судостроительство, уголовное и гражданское законодательство (п. «о» ст. 71); отсутствие упоминания конституционных (уставных) судов (ч. 3 ст. 118).

Единственным, что связывает субъекты России с осуществлением судебной власти, являются мировые суды. Таким образом, российская судебная система на федеральном уровне (в рамках общей юрисдикции) представлена пятью звеньями (районные, областные и иные равные им федеральные суды уровня субъекта, апелляционные, кассационные суды и Верховный Суд Российской Федерации), а на субъектном — одним, собственно мировыми судьями, которые не составляют систему. Иными словами, в российской судебной системе присутствует организационный дисбаланс между национальными и субнациональными судами.

К судебной системе субъектов в научной литературе сложилось неоднозначное мнение. С одной стороны, некоторые исследователи считают, что необходимо перейти к федерально-региональной

организации судебной системы, подразумевающей федеральную судебную систему и судебную систему субъектов [14, с. 113]. С другой стороны, указывают, что нет необходимости создавать вторые, конкурирующие с федеральной, судебные системы [3, с. 10], и, более того, рассматривают это как «сепаратистские тенденции, которые могут явиться стимулятором развала федеративного государства» [15, с. 93]. Однако правовая реальность такова, что субъекты в России не могут иметь самостоятельные судебные системы¹, что подтвердил Конституционный Суд Российской Федерации.

Необходимо обратить внимание, каким образом разрешается языковой вопрос в российской судебной системе. Согласно ст. 68 Конституции Российской Федерации, помимо государственного языка (русского), республики в составе России вправе устанавливать свои государственные языки, при этом согласно ст. 10 федерального конституционного закона Российской Федерации «О судебной системе Российской Федерации»², судопроизводство и делопроизводство в федеральных судах общей юрисдикции уровня субъекта, а также у мировых судей могут, помимо русского, вестись также на государственном языке республики, на территории которой находится суд. Однако республиканские языки не используются соответствующими российскими судами, а в некоторых случаях даже прямо отказываются это делать [16].

В действительности российская судебная система организована таким образом, что использовать иной язык, кроме русского, нецелесообразно. Многонациональных федеративных государств, в которых один язык (он же, как правило, официальный) является языком большинства населения, а языки национальных меньшинств используются на субнациональном уровне, существует не очень много. Например, в Эфиопии или Нигерии ввиду того, что решения субнациональных судов могут быть обжалованы на федеральном уровне, все материалы дела либо изначально ведутся на двух языках, либо переводятся для вышестоящих судебных инстанций. При этом в России такие механизмы отсутствуют, поскольку использование республиканских языков создало бы дополнительную

нагрузку на организацию работы судов. Например, при полном переходе судов субъектов на республиканские языки потребовалось бы переводить дела, обжалуемые в вышестоящие суды, в которых возможно использовать только русский язык (апелляционные и кассационные). Также возможно было бы вести судопроизводство и делопроизводство изначально на двух языках (в т. ч. в случае, если обе стороны исключительно русскоговорящие). В обеих ситуациях был бы необходим либо большой штат переводчиков, либо судебные составы и работники аппарата, профессионально владеющие двумя, а в некоторых кавказских республиках — тремя и более языками. Таким образом, повсеместное использование русского языка в судебной системе указывает не столько на централизацию, сколько на удобство коммуникации между большинством граждан, владеющих русским языком, в то время как остальным может быть предоставлен переводчик *ad hoc*. Так или иначе это не должно умалять существующее право республик на использование собственного языка в судопроизводстве и делопроизводстве.

Тем не менее остальные обстоятельства указывают на высокую степень централизации в организации российской судебной системы. Изначально элементы судебного федерализма были реализованы волей народа, принявшего Конституцию в 1993 г., путем установления конституционных (уставных) судов и мировых судей в субъектах России. В таком случае принцип судебного федерализма можно было рассматривать как сочетание централизации, выраженной в принципе единства судебной системы, и децентрализации, подтверждением которой служили вышеназванные суды субъектов [17, с. 19]. При этом некоторые исследователи относили российскую судебную систему к смешанному виду организации только на основании существования конституционных (уставных) судов, указывая при этом, что в остальном она является строго централизованной [18, с. 9]. Таким образом, если во многих африканских государствах конституционные возможности, предоставляемые федеративным устройством, часто подрываются политической практикой [19, с. 1], то в России конституционно закрепленное и реализуемое разделение судебной системы на федеральные суды и суды субъектов не свидетельствует о действительной реализации принципа судебного федерализма. В этом смысле вектор развития российской судебной системы связан в значительной степени с унитаризацией организационной структуры.

¹ По делу о проверке конституционности ряда положений Устава — Основного Закона Читинской области [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 01.02.1996 № 3-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Статья 1 федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (в ред. от 23.07.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 1.

Более того, даже применительно к изначальному тексту Конституции, согласно которому могли функционировать конституционные (уставные) суды, нельзя говорить о том, что судебный федерализм значительно повлиял на организацию судебной системы в России. Благодаря упразднению этих судов возможно наглядно на примере оставшихся и относящихся к субъектам мировых судей показать, что судебный федерализм как принцип формирования и функционирования судов к существующей российской судебной системе не применим.

Следует отметить, что в исторической перспективе институциональное положение мировых судей складывалось неоднозначно. Первоначально учрежденный в ходе судебной реформы 1864 г. институт мировых судей (включая съезды мировых судей) осуществлял правосудие на местах (в уездах и городах, которые делились на мировые округа и участки) и не был связан с вышестоящими судами (в частности, окружными). Такая институциональная самостоятельность достигалась за счет двухзвенной организации мировой юстиции, при которой дело, рассмотренное по первой инстанции у мирового судьи, обжаловалось на съезде мировых судей, а высший надзор за ними сосредоточивается в кассационных департаментах Сената и в лице министра юстиции, согласно ст. 64 Учреждения судебных установлений [20]. Безусловно, мировые судьи и их съезды не являлись в полной мере самостоятельной системой мировых судей в рамках общей судебной системы Российской империи, которая подразумевала исключительно унитарную организацию, но и не являлась частью общих судебных мест (окружных судов и судебных палат). Несмотря на это, Концепция судебной реформы определила их место в системе федеральных судов и исключила прямую инстанционную подчиненность высшему судебному органу — Верховному Суду РСФСР.

Мировые судьи организованы в современной российской судебной системе иначе. Согласно ч. 1 ст. 1 федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации»¹ мировые судьи являются судьями общей юрисдикции субъектов Российской Федерации, но входят в единую судебную систему Российской Федерации. Однако в случае, когда все остальные суды являются федеральными,

это фактически означает, что мировые судьи входят в общефедеральную судебную систему.

Централизация мировых судей складывается из ряда признаков. Во-первых, та же статья определяет, что они осуществляют правосудие именем Российской Федерации. Во-вторых, они имеют единое с федеральными судьями финансирование, статус и используемое законодательство. В-третьих, мировые судьи могут избираться населением соответствующего судебного участка, однако фактически это право субъекты не используют (например, в Москве мировые судьи назначаются на должность Московской городской Думой по представлению Председателя Московского городского суда, основанному на заключении квалификационной коллегии судей города Москвы, согласно закону города Москвы «О мировых судьях в городе Москве»²). Напротив, имперские мировые судьи преимущественно избирались. В-четвертых, поскольку иных судей, кроме мировых, относящихся к субъекту, нет, их решения обжалуются непосредственно в федеральных судах, причем на уровне субъекта только в апелляционном порядке (в районных судах). В-пятых, федеральные органы государственной власти воспринимают мировых судей как нижестоящее звено судебной системы, которое рассматривает незначительные дела, не связанные с местной спецификой, а судейское сообщество — как кадровый потенциал для федеральных судов [21, с. 33].

При этом с субъектами институт мировых судей связывает организационное обеспечение их деятельности (имеется в виду материально-техническое обеспечение и оплата труда работников аппарата), осуществляемое за счет бюджета субъекта, а также возможность устанавливать флаг и помещать изображение герба субъекта в зале судебных заседаний. Все это, конечно, не является сколько-нибудь существенными признаками децентрализации.

Следует признать, что мировые судьи не столько интегрированы в единую судебную систему России, сколько фактически являются федеральными «судами» начального звена. Это означает, что российскую судебную систему следует относить к унитарному виду организации судебных систем, поскольку в ней реализована единая структура судов без разделения на национальную

¹ Статья 6270 федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации» от 17.12.1998 № 188-ФЗ (в ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 51.

² О мировых судьях в городе Москве [Электронный ресурс]: закон города Москвы от 31.05.2000 № 15 (в ред. от 31.10.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и субнациональные юрисдикции, отсутствует самостоятельность мировых судей.

Иными словами, федеративная форма политико-территориального устройства в России в настоящий момент не оказывает влияния на распределение юрисдикции, а ввиду отсутствия практической реализации принципа судебного федерализма необходимо констатировать существование преимущественно унитарных начал в организации судебной системы. Более того, фактическое положение мировых судей свидетельствует о тенденции к дальнейшей централизации для приведения его к соответствию с юридическим.

Тем не менее в целом форма политико-территориального устройства оказывает влияние на распределение юрисдикции, однако это влияние носит не абсолютный, а опосредованный характер, зависящий от степени децентрализации или централизации в государстве вообще. Анализ судебных систем ряда федеративных государств

показал, что, основываясь на принципе судебного федерализма, они характеризуются более высоким уровнем институциональной, юрисдикционной, судебно-правовой и в некоторых случаях языковой самостоятельности субнациональных судов. При этом в России наблюдается несоответствие между формой политико-территориального устройства (федерация) и видом организации судебной системы, что позволяет характеризовать российскую судебную систему как унитарную по существу, несмотря на формальное разделение федеральных судов и судей субъектов. Отсюда следует, что в настоящее время принцип судебного федерализма в России институционально не реализуется. Это обосновывает необходимость критического переосмысления либо самой концепции российской федеративности в сфере судостроительства, либо признания существующей судебной системы унитарной по своей природе.

Список источников

1. Макеева Ю. К. Принцип судебного федерализма: понятие, содержание и модели реализации // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2024. № 3. С. 77–90.
2. Aroney N. Federalism and courts: research avenues // A Research Agenda for Federalism Studies / J. Kincaid ed. Cheltenham & Northampton, 2019. P. 61–75.
3. Малько А. В., Гуляков А. Д. Судебный федерализм в контексте генезисного и историко-типологического подходов // Право и государство: теория и практика. 2016. № 7. С. 6–10.
4. Мельникова Г. В. Судебный федерализм: сущность и институционально-правовые признаки // Юрист-Правовед. 2007. № 6. С. 93–96.
5. Winkle J. W. Dimensions of Judicial Federalism // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1974. Vol. 416. P. 67–76.
6. Gordon J. F. Comparative judicial federalism // International Journal of Constitutional Law. 2023. Vol. 21. № 4. P. 976–1010.
7. Steytler N., Ayele Z. The Judiciary in Federal Systems in Africa // Perspectives on Federalism. 2020. Vol. 12. № 2. P. 102–134.
8. Delaney E. F. Judicial Federalism in Comparative Perspective // Federalism and the Courts in Africa: Design and Impact in Comparative Perspective / Y. T. Fessha, K. Kössler ed. L. & N.Y., 2020. P. 15–27.
9. Конституционное право субъектов Российской Федерации / отв. ред. В. А. Кряжков. М., 2002. 864 с.
10. Fessha Y. T., Kössler K. Federalism and the Courts // Encyclopedia of Contemporary Constitutionalism / J. Cremades, C. Hermida ed. Cham, 2021. P. 1–14.
11. Zglinski J. The new judicial federalism: the evolving relationship between EU and Member State courts // European Law Open. 2023. № 2. P. 345–371.
12. Saunders C. Courts in Federal Countries // International IDEA Constitution Brief. 2019. March. P. 1–9.
13. Туганов Ю. Н., Аулов В. К. Криминологическая политика Российской Федерации: концепция судебной реформы и мировая юстиция // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 5. С. 624–636.
14. Попондопуло В. Ф. Система третьей власти: от горизонтальной власти к вертикальной // Закон. 2004. № 10. С. 113–118.
15. Чепурнова Н. М. Конституционные принципы судебной власти и проблемы формирования судебной системы в субъектах Российской Федерации. Ростов-н/Д, 1999. 222 с.

16. Суд отказался говорить по-татарски. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3516001> (дата обращения: 25.07.2025).
17. Нелюбина А. А. Мировые судьи в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. 226 с.
18. Вайман А. Б. Судебная власть в республиках Российской Федерации: конституционные основы: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. 233 с.
19. Kössler K., Fessha Y. T. Introduction // *Federalism and the Courts in Africa: Design and Impact in Comparative Perspective* / Y. T. Fessha, K. Kössler ed. L. & N.Y., 2020. P. 1–14.
20. Судебные уставы 20 ноября 1864 года. URL: <https://www.prilib.ru/item/372590> (дата обращения: 09.09.2025).
21. Павликов С. Г. Системы судов субъектов Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 50 с.

References

1. Makeeva Yu. K. Princip sudebnogo federalizma: ponyatie, sodержanie i modeli realizacii // *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 4: Gosudarstvo i pravo*. 2024. № 3. S. 77–90.
2. Aroney N. Federalism and courts: research avenues // *A Research Agenda for Federalism Studies* / J. Kincaid ed. Cheltenham & Northampton, 2019. P. 61–75.
3. Mal'ko A. V., Gulyakov A. D. Sudebnyj federalizm v kontekste genezisnogo i istoriko-tipologicheskogo podhodov // *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2016. № 7. S. 6–10.
4. Mel'nikova G. V. Sudebnyj federalizm: sushchnost' i institucional'no-pravovye priznaki // *Yurist"-Pravoved"*. 2007. № 6. S. 93–96.
5. Winkle J. W. Dimensions of Judicial Federalism // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1974. Vol. 416. P. 67–76.
6. Gordon J. F. Comparative judicial federalism // *International Journal of Constitutional Law*. 2023. Vol. 21. № 4. P. 976–1010.
7. Steytler N., Ayele Z. The Judiciary in Federal Systems in Africa // *Perspectives on Federalism*. 2020. Vol. 12. № 2. P. 102–134.
8. Delaney E. F. Judicial Federalism in Comparative Perspective // *Federalism and the Courts in Africa: Design and Impact in Comparative Perspective* / Y. T. Fessha, K. Kössler ed. L. & N.Y., 2020. P. 15–27.
9. *Konstitucionnoe pravo sub"ektov Rossijskoj Federacii* / otv. red. V. A. Kryazhkov. M., 2002. 864 s.
10. Fessha Y. T., Kössler K. Federalism and the Courts // *Encyclopedia of Contemporary Constitutionalism* / J. Cremades, C. Hermida ed. Cham, 2021. P. 1–14.
11. Zglinski J. The new judicial federalism: the evolving relationship between EU and Member State courts // *European Law Open*. 2023. № 2. P. 345–371.
12. Saunders S. Courts in Federal Countries // *International IDEA Constitution Brief*. 2019. March. P. 1–9.
13. Tuganov Yu. N., Aulov V. K. Kriminologicheskaya politika Rossijskoj Federacii: koncepciya sudebnoj reformy i mirovaya yusticiya // *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*. 2021. T. 15. № 5. C. 624–636.
14. Popondopulo V. F. Sistema tret'ej vlasti: ot gorizonta'noj vlasti k vertikal'noj // *Zakon*. 2004. № 10. S. 113–118.
15. Chepurnova N. M. Konstitucionnye principy sudebnoj vlasti i problemy formirovaniya sudebnoj sistemy v sub"ektah Rossijskoj Federacii. Rostov-n/D, 1999. 222 s.
16. Суд отказался говорить по-татарски. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3516001> (дата обращения: 25.07.2025).
17. Nelyubina A. A. Mirovye sud'i v Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2000. 226 s.
18. Vajman A. B. Sudebnaya vlast' v respublikah Rossijskoj Federacii: konstitucionnye osnovy: dis. ... kand. yurid. nauk. Kazan', 2007. 233 s.
19. Kössler K., Fessha Y. T. Introduction // *Federalism and the Courts in Africa: Design and Impact in Comparative Perspective* / Y. T. Fessha, K. Kössler ed. L. & N.Y., 2020. P. 1–14.

20. Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 goda. URL: <https://www.prilib.ru/item/372590> (data obrashcheniya: 09.09.2025).

21. Pavlikov S. G. Sistemy sudov sub"ektov Rossijskoj Federacii: konstitucionno-pravovoe issledovanie: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2010. 50 s.

Статья поступила в редакцию 18.11.2025; одобрена после рецензирования 22.12.2025; принята к публикации 19.06.2026.

The article was submitted 18.11.2025; approved after reviewing 22.12.2025; accepted for publication 19.06.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 71–78.

Altai Law Journal. 2026. № 2 (54). P. 71–78.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 340.13:342.9

ПООЩРЕНИЕ КАК МЕТОД ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Сергей Владимирович Евтушенко

Нижегородский институт управления — филиал РАНХиГС, Нижний Новгород, Россия,

nn.pokrovka@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрена специфика поощрения по российскому законодательству. Посредством освещения соответствующих признаков анализируется состояние поощрения как ведущего общего метода государственного управления. Поднимаются спорные вопросы закрепления и применения данного метода государственного управления. Излагаются авторские предложения, направленные на повышение эффективности применения поощрения.

Ключевые слова: поощрение, государственное управление, метод, стимулирование

Для цитирования: Евтушенко С. В. Поощрение как метод государственного управления // Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 71–78.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

ENCOURAGEMENT AS A METHOD OF PUBLIC ADMINISTRATION

Sergey V. Yevtushenko

Nizhny Novgorod Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Nizhny Novgorod, Russia, nn.pokrovka@yandex.ru

Abstract. The article considers the specifics of the encouragement under Russian legislation. By highlighting the relevant features, the state of encouragement as the leading general method of public administration is analyzed. Controversial issues regarding the consolidation and application of the method of public administration are raised. The author's proposals aimed at improving the effectiveness of encouragement are presented.

Keywords: encouragement, public administration, method, stimulation

For citation: Yevtushenko S. V. Encouragement as a Method of Public Administration. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2026;2:71–78 (In Russ.).

© Евтушенко С. В., 2026

Отправление государственного управления наряду с применяемыми формами и реализуемыми функциями ставит на повестку дня поиск и применение соответствующих методов. Такое положение обусловлено тем, что указанная деятельность носит целенаправленный характер и связывается с достижением запрограммированного результата, разрешением соответствующих задач. На существовании органической связи между методами и осуществлением управленческого воздействия четко акцентирует внимание Ю. Н. Старилов, по мнению которого «метод управления представляет собой правовое средство, которое используется для достижения целей, задач и осуществления функций государственной управленческой деятельности» [1, с. 622]. В то же время нужно сделать принципиальное уточнение, что для осуществления публичного администрирования важно не только достижение запрограммированного результата, но и его «цена», т. е. понесенные при этом организационные, материальные, финансовые, репутационные и иные издержки. Здесь проявляется подготовленность и творческий потенциал субъектов государственного управления, их способность видеть реальное состояние общественных отношений и, что весьма важно, перспективы их развития. Очевидно, что в ряде случаев складывающаяся ситуация в значительной степени ограничивает выбор применяемого инструментария, особенно в правоохранительной сфере, в условиях действия специальных правовых режимов, мощного санкционного прессинга со стороны недружественных стран, однако существует возможность выбора. В этой связи отмечается, что «в большинстве случаев преимущественно от государственной администрации зависит выбор стимулов и ограничений, убеждающего или предостерегающего, поощрительного или принудительного влияния на подведомственные сферы деятельности» [2, с. 4].

Широкий спектр решаемых управленческих задач обусловил наличие разнообразных методов государственного управления. Такое положение, с одной стороны, позволяет подыскать и в дальнейшем использовать наиболее качественный инструментарий, а с другой — усложняет выбор, что требует должной подготовки уполномоченных субъектов, принятия ими ответственности не только за полученный результат, но и за применяемые методы. Ознакомление со специальной литературой позволяет заключить, что возник очевидный дисбаланс, когда повышенное доктринальное внимание акцентируется на характеристике государственного принуждения, его форм и отдельных мер в ущерб

освещению других методов. Такому положению имеется логическое объяснение, и обусловлено это возможностью оперативного достижения поставленных целей, т. е. оптимизацией издержек.

С учетом объема решаемых задач различают общие и специальные методы. Первые носят универсальный характер и получили широкое применение, т. к. дают возможность достигать запрограммированных результатов в самых разнообразных ситуациях. Специальные же методы имеют ограниченное применение и чаще всего детальную привязку к конкретным обстоятельствам. Традиционно к числу универсальных методов государственного управления относят государственное принуждение, убеждение, поощрение. Они характеризуют добровольность или недобровольность исполнения требований субъекта объектом управления. Очевидно, что существующие между ними различия гораздо емче и требуют самого тщательного изучения. Как было отмечено выше, субъект государственного управления в ряде случаев необоснованно применяет потенциал государственного принуждения, что приводит к его трансформации в свой антипод, в качестве которого выступает государственное насилие. В этой связи важно учитывать пределы названного метода государственного управления [3] и принимать меры по его ограничению.

Формирование гражданского общества, движение по пути создания правового государства требует активизации потенциала самоорганизации социальных общностей, отдельных субъектов. «Критерий добровольного обеспечения должного поведения объекта государственного управления позволяет выделить универсальные методы воздействия: убеждение и государственное принуждение» [4, с. 164]. Признавая наличие очевидной связи между убеждением и поощрением, следует признать их самостоятельный статус в арсенале методов государственного управления. В специальных публикациях ряд авторов ошибочно отождествляют вышеуказанные методы, что не отвечает действительности и негативно сказывается на практике правотворчества и правореализации [5, с. 198]. Мы разделяем позицию В. М. Баранова, который убедительно доказал самостоятельный статус поощрения, опасность его отождествления с убеждением [6, с. 5–6]. Несмотря на это, поощрение с позиции общетеоретической характеристики требует дополнительного осмысления. В этой связи мы остановимся на исследовании поощрения как методе государственного управления посредством рассмотрения присущих ему признаков.

Поощрение выступает в качестве самостоятельного важного метода государственного управления, который весьма близок к убеждению, но не поглощается последним. В этой связи целесообразно не искать дополнительные, зачастую искусственно изобретенные аргументы в пользу поощрения, а показывать существующие закономерности, свойственные данному методу. Не меньшее доктринальное и прикладное значение имеет рассмотрение взаимодействия между соответствующими методами. Вариативность применяемого управленческого инструментария, с одной стороны, позволяет наиболее эффективно достигнуть поставленных целей, а с другой — всемерно актуализирует проблему выбора. Методы государственного управления изначально ориентированы на разрешение определенных задач. Их оптимальное соотношение позволяет наиболее эффективно оказать управленческое воздействие. В свою очередь, подбор и последующее применение несбалансированной системы методов приводят к противоположному результату, снижают эффективность управленческой деятельности. Принципиально важно, чтобы в практике управления была исключена необоснованная конкуренция методов, что влечет за собой разбалансирование механизма государственного управления, приводит к ускорению процессов энтропии.

Поощрение выступает в качестве важного элемента государственной политики, которая направлена на всемерную активизацию поведения субъектов, в отношении которых потенциально могут быть применены данные меры. Успешное применение поощрения позволит повысить эффективность деятельности государства, отдельных органов государственной власти, должностных лиц, а также «сэкономить» на реализации мер государственного принуждения. Важно, чтобы государственная поощрительная политика в комплексе охватывала все сферы российского общества, а не ограничивалась, например, трудовой деятельностью и государственной службой [7].

Поощрение является важным средством позитивного стимулирования. Именно за счет его применения стимулируется нужное поведение со стороны поощряемого. Стимулирование означает побуждение к нужному, выгодному для общества и государства поведению. Посредством поощрения усиливается соответствующая мотивация, развивается правовая активность соответствующих субъектов. Наряду с этим должна развиваться самооценка и укрепляться уверенность лиц, в отношении которых применяются меры поощрения,

в том, что их поведение получило независимое признание в силу наличия объективно признаваемого факта заслуги. Не следует сбрасывать со счетов, что принуждение обладает еще и стимулирующим потенциалом, но к нужному варианту поведения принуждаемый сподвигается посредством наступающих правоограничений (лишений), т. е. через соответствующие лишения.

Поощрение урегулировано нормами действующего российского законодательства, в силу чего оно носит правовой характер. Нормативное правовое регулирование призвано в комплексе охватить все аспекты указанного государственно-правового явления. «Метод поощрения опирается на соответствующую нормативно-правовую базу, состоящую из материальных и процессуальных норм» [8, с. 183]. Качественное применение методов поощрения во многом предопределено состоянием его нормативного правового опосредования. Субъект правотворчества создает идеальную модель, которая призвана наиболее качественно упорядочить деятельность по его применению с учетом существующего уровня правового сознания. Важно, чтобы в комплексе сочетались материально-правовые и процессуально-процедурные компоненты регулирования. Материальные нормы призваны определить фактические основания, вид, размер поощрения, его последствия, субъекты, в отношении которых оно может быть реализовано, лиц, уполномоченных применять указанный метод. Процессуальные нормы регламентируют поощрительное производство, т. е. устанавливают порядок применения конкретных мер поощрения. Важно, чтобы нормативное правовое регулирование создавало оптимальные правовые условия для реализации указанного метода, своевременно профилировало сбои в функционировании поощрительного механизма.

Обращает на себя внимание низкий уровень систематизации поощрительного законодательства. В настоящее время поощрительные нормы содержатся в значительном числе разрозненных нормативных правовых актов различной юридической силы. Такое положение в ряде ситуаций провоцирует юридические ошибки. Ситуация в значительной степени усложняется в силу широкого использования бланкетного нормативного правового регулирования в данной области [9]. Специфика поощрения, его многоуровневое регулирование не позволяют использовать кодификацию как наиболее совершенную форму систематизации. В этой связи принятие поощрительного кодекса видится иллюзорным. Вместе с тем напряженность поощ-

рительного законодательства весьма велика и требует повышенного внимания со стороны субъектов правотворчества.

Следует принимать во внимание специфику технико-юридического конструирования поощрительного законодательства, его отраслевую неоднородность. В этой связи предлагается идти по пути специализации законодательства с учетом соответствующих видов поощрения и области их применения. При этом целесообразно уделять особое внимание нормативному правовому регулированию государственных наград, которые являются высшей формой государственного поощрения [10, с. 80].

Поощрение закрепляется посредством поощрительных норм, которые, будучи качественной разновидностью правовых норм, обладают определенной спецификой. Ее удалось всесторонне проанализировать в специальной литературе [6]. При этом не ослабевает интенсивность дискуссии по поводу закрепления поощрения в структуре нормы права. В правовой теории отсутствует единство по данному вопросу. Рядом авторов предлагается использовать правовую конструкцию «поощрительная санкция» [11]. При внешней привлекательности выделения в качестве разновидности правовой санкции ее поощрительной составляющей, мы полагаем, речь должна идти об изложении поощрений в соответствующих диспозициях. Наша точка зрения ранее получила поддержку в специальной литературе [12]. Мы не будем приводить дополнительную аргументацию в пользу нашей позиции в силу того, что она может увести от характеристики других признаков поощрения.

Фактическим основанием поощрения выступает заслуга. «Заслуга — единое и, пожалуй, единственное фактическое и юридическое основание государственного поощрения» [13, с. 236]. Соглашаясь с признанием заслуги в качестве фактического основания поощрения, следует возразить против обоснованности считать ее юридическим основанием. Как нами было отмечено выше, нормативным правовым основанием выступает действующее российское законодательство, в котором закрепляется весь необходимый комплекс правил, посредством которых реализуется указанный метод. Наличие заслуги, ее своевременное выявление и объективная оценка запускают процесс применения поощрения. Проблема заключается в качественном нормативном правовом закреплении соответствующих заслуг и наличии квалифицированных субъектов, которые могут дать их объективную оценку. Следует признать значительную

сложность нормативного правового обособления соответствующей заслуги, ее соотнесения с применяемой мерой поощрения.

Между поощрением и заслугой должна быть установлена прямая связь. Неслучайно в правоприменительных актах о поощрении широкое применение получил оборот «за заслуги» и производные от него. В этой связи применение поощрения без заслуги является очевидным нарушением и должно повлечь за собой депоощрение. Для нормализации ситуации целесообразно нормативно закрепить соответствующую иерархию заслуг и соотнести их с соответствующими мерами поощрения. Такое положение будет способствовать предупреждению необоснованного расширения пределов поощрительного усмотрения.

Поощрение применяется специально уполномоченными субъектами в пределах их компетенции. Данная характеристика особенно четко проявляется применительно к государственным наградам [14]. Право награждения государственными наградами на федеральном уровне предоставлено Президенту Российской Федерации, а на региональном — высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации. Данная тенденция свойственна и зарубежному наградному законодательству [15]. Вместе с тем было бы ошибочным ограничивать четкую связь между мерой поощрения и субъектом его применения исключительно наградным правом. Так, правом применения соответствующих мер поощрения к сотрудникам органов внутренних дел в соответствии со ст. 48 федерального закона о службе в органах внутренних дел наделяются должностные лица, начиная от непосредственного начальника и заканчивая Президентом Российской Федерации¹. Применение поощрения неуполномоченным субъектом является существенным дефектом поощрительной деятельности и должно повлечь за собой признание соответствующего поощрительного акта ничтожным и запускать механизм депоощрения.

Важной характеристикой поощрения является его реализация посредством соответствующих мер, т. е. речь идет о дозированном позитивном государственно-правовом воздействии. «Мера — это качественно-количественная характеристика правовой действительности, описывающая состо-

¹ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 30.06.2011 № 342-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 49 (ч. 1), ст. 7020.

яние и динамику правовых явлений как изнутри, с позицией содержания и значения этих явлений, так и извне — с позицией действия и границ явлений объективной действительности» [16, с. 67]. Именно в мере заключается степень оказываемого позитивного воздействия в отношении поощряемого. Мера поощрения выступает его качественно-количественной характеристикой. Именно она позволяет преодолеть неопределенность государственно-поощрительного воздействия. Субъект правотворчества закрепляет определенную меру-модель, которая в дальнейшем конкретизируется в правоприменительном акте и реализуется в отношении отдельного поощряемого посредством применения конкретного объема позитивно-стимулирующего воздействия, т. е. речь идет об определенной дозе. В этой связи можно констатировать, что мера поощрения выступает в качестве его первичного элемента. Ее суть сводится к тем благам, которые адресованы поощряемому.

Нормативное правовое закрепление и последующее применение меры поощрения самым непосредственным образом связаны со справедливостью поощрения. В подавляющем числе случаев у субъекта правоприменения существует возможность выбора отдельной меры поощрения или отказа от применения поощрения в целом. При этом следует учитывать, что речь идет об определенной взаимосвязи между общим предписанием, изложенном в соответствующем нормативном правовом акте, и индивидуальном правоприменительном акте. В идеале справедливость поощрения должна восприниматься не только правоприменителем и поощренным, но и другими субъектами, что будет способствовать повышению эффективности такого воздействия.

Применение поощрений влечет за собой наступление соответствующих последствий, которые заключены в их конкретной мере. В отличие от государственного принуждения, которое приводит к соответствующим лишениям, поощрительное воздействие не влечет за собой правоограничения, урона, претерпевания лишений поощряемым, а вызывает положительные последствия. Речь может идти о духовно-нравственных, материальных, статусных или комплексных позитивных последствиях. Их оптимальное сочетание позволяет достигнуть максимального воздействия. Д. Н. Бахрах отмечает, что поощрение состоит «в моральном одобрении, наделении правами, льготами, материальными ценностями и иными благами» [17, с. 74]. Благоприятные последствия в результате применения поощрения выступают не самоцелью, а элементом механизма

позитивного стимулирования должного перспективного поведения. При этом поощряемый может отказаться от принятия меры поощрения в силу различных причин. В этом случае он не будет претерпевать позитивной трансформации.

Поощрение оказывает воздействие на сознание и волю поощряемого лица. В отличие от мер государственного принуждения меры поощрения не ограничивают волю субъектов воздействия, а иницируют их волевые устремления в направлении интересов государства и общества на определенном этапе развития. При этом оказывается информационное воздействие и в отношении других субъектов, которым становится известно о факте применения соответствующих мер поощрения. Развитие современных информационных технологий значительно усиливает позитивный эффект поощрения. Наряду с этим может иметь место и обратная ситуация, когда применяется необоснованное поощрение, в этом случае достигается контрпродуктивный эффект [18, с. 253].

Являясь сложным явлением, поощрение образует соответствующую систему, которая находится в состоянии развития. При этом речь идет о многовекторном совершенствовании, что получило выражение в появлении новых видов мер поощрения, а также изменении ранее существующих. Интенсификация данного процесса обусловлена деятельностью субъектов правотворчества, которые реагируют на существующие общественные запросы. Вместе с тем не стоит идеализировать ситуацию. Диалектика общественного развития обуславливает как организацию, так и дезорганизацию системы государственного поощрения. Важно учитывать, что дезорганизация выполняет сигнальную функцию и требует принятия мер по совершенствованию поощрительной политики. Наряду с этим в случае ее усиления может наступить нарушение равновесия системы поощрений и в конечном итоге минимизация позитивного стимулирующего воздействия. В этой связи нужно принимать меры по своевременной диагностике и незамедлительной нейтрализации дезорганизующих и активизации позитивных факторов.

Поощрение реализуется в установленном процессуальном порядке, который выступает в качестве ее соответствующей правоприменительной формы. «Процессуальная форма как один из главных систематизирующих факторов упорядочивает все элементы содержания, обуславливает их организацию и взаимодействие, создает необходимый правовой режим для продуктивного ее осуществления» [19, с. 143]. В системе административного

процесса, в ее оперативно-распорядительном блоке выделяется «производство по делам о государственном поощрении (поощрительное производство)» [20, с. 33].

Одной из специфических черт поощрительного производства является отсутствие в нем факультативной стадии, в качестве которой выступает пересмотр ранее принятого решения. В этой связи у поощряемого отсутствует легальная возможность в пересмотре ранее принятого решения. Широкие дискретные поощрительные полномочия весьма проблематично оспорить заинтересованными сторонами, что создает существенные возможности для злоупотребления. Выходом из сложившейся ситуации могло бы стать внесение изменений в процессуальный сегмент поощрительного законодательства. Нормализация сложившегося положения возможна посредством усиления общественного контроля за осуществлением реализации поощрения различными субъектами¹.

Завершая освещение заявленной проблемы, мы намеренно отказываемся от формулирования очередной дефиниции поощрения и хотим акцентировать внимание на отдельных вопросах, которые имеют большое значение, но не получили своего освещения в силу ограниченного объема публикации. Полагаем, что следует уделить повышенное внимание специфике закрепления и применения поощрения в условиях бурного развития современных информационно-коммуникационных технологий. Большое значение имеет определение специфики поощрения в конкретной сфере и области деятельности и выработка адресных рекомендаций. Не получила необходимого освещения специфика применения поощрения в условиях специальных правовых режимов. Практика государственного управления нуждается в рекомендациях по разрешению вопросов конкуренции поощрения с другими методами публичного администрирования.

Список источников

1. Общее административное право: учебник: в 2 ч. / под ред. Ю. Н. Старилова. 2-е изд., пересмотр. и доп. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. 820 с.
2. Осинцев Д. В. Методы государственного управления (административно-правовой аспект): монография. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2013. 212 с.
3. Макарейко Н. В. Пределы государственного принуждения // Вестник Нижегородской академии МВД России. Серия: Юридическая наука и практика. 2014. № 1 (25). С. 35–39.
4. Административное право: учебник / Р. Р. Алиуллов, Е. О. Бондарь, Я. Л. Ванюшин [и др.]; под ред. д-ра юрид. наук, проф. А. И. Каплунова. СПб., 2024. 472 с.
5. Конин Н. М. Административное право России. Общая и Особенная части: курс лекций. М.: Юрист, 2004. 559 с.
6. Баранов В. М. Поощрительные нормы советского социалистического права. Саратов, 1978. 145 с.
7. Дьяченко Е. В. Поощрительно-правовая политика современной России: общетеоретический анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. 26 с.
8. Фиалковская И. Д. Сущность, признаки и виды административного поощрения // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2014. № 6. С. 183–188.
9. Кожокарь И. П., Кипарисов Ф. Г. Бланкетные нормы российского права: монография / под ред. В. М. Баранова. М.: Проспект, 2024. 304 с.
10. Милушева Т. В., Горбунова М. Ю. Особенности юридической техники закрепления поощрений в российском праве // Правовая культура. 2021. № 1 (41). С. 76–81.
11. Дьяченко Е. В. Поощрения как позитивные санкции нормы права (общетеоретический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 31 с.
12. Баранов В. М., Девяшин И. В., Чевычелов В. В. Поощрительная санкция в российском праве: реальность или искусственно-ложная юридическая конструкция. Н. Новгород, 2005.
13. Баранов В. М., Чернявский А. Г., Девяшин И. В., Пешехонов Д. А. Депоощрение по российскому праву (доктрина, практика, техника). М.: ИНФРА-М, 2017. 448 с.
14. Кокурина О. Ю. Государственные награды в России: телеологические и аксиологические основания правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 508 с.

¹ Об основах общественного контроля в Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 21.07.2014 № 212-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 30 (ч. 1), ст. 4213.

15. Капусткин А. С. Законодательство о государственных наградах. Опыт стран Содружества Независимых Государств и возможность его применения в России // Юридический мир. 2010. № 10. С. 53–56.
16. Куликов Е. А. Категория меры в праве: вопросы теории: монография. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. 178 с.
17. Бахрах Д. Н. Поощрение в деятельности публичной администрации // Журнал российского права. 2006. № 7. С. 74–76.
18. Графов Д. Б. Система социального рейтинга в КНР как информационно-коммуникационная технология поощрения и наказания // Власть. 2020. № 2. С. 250–259.
19. Панова И. В. Юридический процесс: понятие, структура, виды // Правовая наука и реформа юридического образования: сборник научных трудов. Вып. 9: Новое законодательство Российской Федерации: проблемы становления и развития. Воронеж, 1998. С. 143.
20. Макарейко Н. В. Административно-процессуальное право: учебное пособие. М.: Юрист, 2008. 173 с.

References

1. Obshchee administrativnoe pravo: uchebnik: v 2 ch. / pod red. Yu. N. Starilova. 2-e izd., peresmotr. i dop. Voronezh: Izdatel'skij dom VGU, 2016. 820 s.
2. Osincev D. V. Metody gosudarstvennogo upravleniya (administrativno-pravovoj aspekt): monografiya. Ekaterinburg: Izd-vo UMC UPI, 2013. 212 s.
3. Makarejko N. V. Predely gosudarstvennogo prinuzhdeniya // Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. Seriya: Yuridicheskaya nauka i praktika. 2014. № 1 (25). S. 35–39.
4. Administrativnoe pravo: uchebnik / R. R. Aliullov, E. O. Bondar', Ya. L. Vanyushin [i dr.]; pod red. d-ra yurid. nauk, prof. A. I. Kaplunova. SPb., 2024. 472 s.
5. Konin N. M. Administrativnoe pravo Rossii. Obshchaya i Osobennaya chasti: kurs lekcij. M.: Yurist, 2004. 559 s.
6. Baranov V. M. Pooshchritel'nye normy sovetskogo socialisticheskogo prava. Saratov, 1978. 145 s.
7. D'yachenko E. V. Pooshchritel'no-pravovaya politika sovremennoj Rossii: obshcheteoreticheskij analiz: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2006. 26 s.
8. Fialkovskaya I. D. Sushchnost', priznaki i vidy administrativnogo pooshchreniya // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo. 2014. № 6. S. 183–188.
9. Kozhokar' I. P., Kiparisov F. G. Blanketnye normy rossijskogo prava: monografiya / pod red. V. M. Baranova. M.: Prospekt, 2024. 304 s.
10. Milusheva T. V., Gorbunova M. Yu. Osobennosti yuridicheskoy tekhniki zakrepleniya pooshchrenij v rossijskom prave // Pravovaya kul'tura. 2021. № 1 (41). S. 76–81.
11. D'yachenko E. V. Pooshchreniya kak pozitivnye sankcii normy prava (obshcheteoreticheskij aspekt): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2011. 31 s.
12. Baranov V. M., Devyashin I. V., Chevychelov V. V. Pooshchritel'naya sankciya v rossijskom prave: real'nost' ili iskusstvenno-lozhnaya yuridicheskaya konstrukciya. N. Novgorod, 2005.
13. Baranov V. M., Chernyavskij A. G., Devyashin I. V., Peshekhonov D. A. Depooshchrenie po rossijskomu pravu (doktrina, praktika, tekhnika). M.: INFRA-M, 2017. 448 s.
14. Kokurina O. Yu. Gosudarstvennye nagrody v Rossii: teleologicheskie i aksiologicheskie osnovaniya pravovogo regulirovaniya: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2015. 508 s.
15. Kapustkin A. S. Zakonodatel'stvo o gosudarstvennyh nagradah. Opyt stran Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv i vozmozhnost' ego primeneniya v Rossii // Yuridicheskij mir. 2010. № 10. S. 53–56.
16. Kulikov E. A. Kategoriya mery v prave: voprosy teorii: monografiya. Barnaul: Izd-vo AltGU, 2013. 178 s.
17. Bahrah D. N. Pooshchrenie v deyatel'nosti publichnoj administracii // Zhurnal rossijskogo prava. 2006. № 7. S. 74–76.
18. Grafov D. B. Sistema social'nogo rejtinga v KNR kak informacionno-kommunikacionnaya tekhnologiya pooshchreniya i nakazaniya // Vlast'. 2020. № 2. S. 250–259.

19. Panova I. V. Yuridicheskij process: ponyatie, struktura, vidy // Pravovaya nauka i reforma yuridicheskogo obrazovaniya: sbornik nauchnyh trudov. Vyp. 9: Novoe zakonodatel'stvo Rossijskoj Federacii: problemy stanovleniya i razvitiya. Voronezh, 1998. S. 143.

20. Makarejko N. V. Administrativno-processual'noe pravo: uchebnoe posobie. M.: Yurist", 2008. 173 s.

Статья поступила в редакцию 21.01.2026; одобрена после рецензирования 15.02.2026; принята к публикации 19.06.2026.

The article was submitted 21.01.2026; approved after reviewing 15.02.2026; accepted for publication 19.06.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 79–83.

Altai Law Journal. 2026. № 2 (54). P. 79–83.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.9

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЕЛЫ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО СОБИРАНИЮ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Валерий Романович Кисин¹, Екатерина Александровна Терехова²

^{1, 2} Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ srgmlh@yandex.ru

² katepost0057@mail.ru

Аннотация. В статье излагаются доводы, актуализирующие необходимость повышения внимания законодателя и правоприменителей к вопросам доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях. Выявляются пробелы нормативной регламентации некоторых предусмотренных нормами КоАП РФ процессуальных действий по собиранию доказательств. Обосновывается необходимость изменения соответствующих норм кодекса, предлагается его дополнение нормами, обеспечивающими возможность совершения ныне неизвестных административно-деликтному законодательству, но необходимых для собирания доказательств процессуальных действий.

Ключевые слова: административно-деликтное законодательство, собирание доказательств, процессуальные действия, осмотр, электронные носители информации, очная ставка, предъявление для опознания, конституционные гарантии

Для цитирования: Кисин В. Р., Терехова Е. А. Некоторые пробелы нормативного регулирования процессуальных действий по собиранию доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях // Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 79–83.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

SOME GAPS IN THE NORMATIVE REGULATION OF PROCEDURAL ACTIONS FOR THE COLLECTION OF EVIDENCE IN PROCEEDINGS ON ADMINISTRATIVE OFFENSES

Valery R. Kisin¹, Ekaterina A. Terekhova²

^{1, 2} Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, Moscow, Russia

¹ srgmlh@yandex.ru

² katepost0057@mail.ru

Abstract. The article presents arguments that actualize the need to increase the attention of legislators and law enforcement officers to the issues of evidence in proceedings on administrative offenses. The gaps in the normative regulation of some procedural actions for the collection of evidence provided for by the norms of the Administrative Code of the Russian Federation are identified. The necessity of changing the relevant norms of the Code is substantiated, and it is proposed to supplement it with norms that ensure the possibility of performing procedural actions currently unknown to administrative-tort legislation, but necessary for collecting evidence.

Keywords: administrative-tort legislation, collection of evidence, procedural actions, inspection, electronic media, confrontation, presentation for identification, constitutional guarantees

For citation: Kisin V. R., Terekhova E. A. Some Gaps in the Normative Regulation of Procedural Actions for the Collection of Evidence in Proceedings on Administrative Offenses. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2026;2:79–83 (In Russ.).

Административно-деликтное законодательство характеризуется стойкой тенденцией к ужесточению мер административной ответственности, перманентным расширением перечня деяний, влекущих ее. Устанавливаемые за совершение многих из них административные наказания по характеру содержащихся в них правоограничений и обременений аналогичны некоторым видам уголовных наказаний. Причем максимальные размеры и сроки некоторых из них превосходят установленные Уголовным кодексом Российской Федерации (далее — УК РФ) минимальные размеры и сроки одноименных или аналогичных по сути уголовных наказаний. Более того, в некоторых случаях они больше максимального размера штрафа, предусмотренного многими статьями УК РФ за преступления против интересов государственной службы, общественного порядка и общественной безопасности, за некоторые посягательства на здоровье, честь и достоинство человека¹. Аналогичны по характеру (содержанию) и правоограничения, которые могут предшествовать назначению административного наказания² и следуют за ним, тем, которые предусмотрены уголовно-процессуальным и уголовным законодательством.

Совершение предусмотренных многими из указанных и других норм Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее — КоАП РФ) действий лицом, привлеченным к административной ответственности за такие же действия, влечет уголовную ответственность³. В связи с этим обстоятельства, установленные в ходе производства по делам о таких административных правонарушениях, фактически порождают уголовно-правовые последствия.

Очевидно, что все это требует гарантий обоснованности привлечения лица к административной ответственности, принципиально не уступающих тем, что свойственны уголовному процессу. Обоснованность административной ответственности предполагает, что выводы правоприменителя о наличии в действиях (бездействии) лица, привлечен-

ного к административной ответственности, состава того или иного административного наказания основаны на доказательствах (подтверждены фактами). Доказывание события административного правонарушения, виновности лица в его совершении и других обстоятельств, указанных в ст. 26.2 КоАП РФ, является обязанностью должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении. В этих целях им производятся предусмотренные КоАП РФ процессуальные действия по собиранию (выявлению, фиксации) доказательств.

Следует заметить, что по смыслу ст. 26.2 КоАП РФ допустимы только те доказательства, которые собраны (получены) посредством совершения тех действий, которые предусмотрены законом. Определенный КоАП РФ их перечень следует считать исчерпывающим, т. к., во-первых, в области законодательства об административных правонарушениях установление порядка производства по делам об административных правонарушениях отнесено к исключительной компетенции РФ (ст. 1.3 КоАП РФ) и в этот порядок не могут вноситься какие-либо дополнения, изменения подзаконными нормативными актами или законами субъектов РФ. Во-вторых, в ходе этого производства не могут совершаться процессуальные действия, предусмотренные законом, регулирующим иные общественные отношения (имеющие другой предмет регулирования)⁴.

Вместе с тем КоАП РФ не содержит норм, предусматривающих возможность осуществления некоторых действий, необходимых для собирания доказательств ряда административных правонарушений, орудиями совершения которых являются электронные носители информации.

Так, необходимость осмотра электронных носителей информации в рамках производства по делам об административных правонарушениях обусловлена появлением и увеличением в кодексе количества составов, объективная сторона которых выражается в действиях, совершаемых в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет. К их числу относятся, например, составы, предусмотренные ст. 13.53 КоАП РФ (поиск заведомо экстремистских материалов),

¹ Например, см.: ч. 2.1 ст. 14.18, ч. 2 ст. 14.31, ч. 1 ст. 14.32, ч. 3 ст. 19.8 КоАП РФ и ст. 115, 116.1, 128.1, 214, 285, 286 и др. УК РФ.

² Например, административное задержание и задержание подозреваемого; арест имущества; правовое содержание состояния административной наказанности и судимости (при назначении более мягкого уголовного наказания, чем лишение свободы).

³ Например, см.: ст. 6.1.1 КоАП РФ и ст. 116.1 УК РФ, ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ и ст. 158.1 УК РФ, ст. 20.3.2 КоАП РФ и ст. 280.1 УК РФ, ст. 20.3.3 КоАП РФ и ст. 280.2 УК РФ, ст. 20.3.1 КоАП РФ и ст. 282 УК РФ и др.

⁴ Например, Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, Таможенным кодексом Евразийского экономического союза, Налоговым кодексом Российской Федерации от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации».

ч. 3–5 ст. 20.1 КоАП РФ (мелкое хулиганство), ст. 20.3.1 (возбуждение ненависти либо вражды), ст. 20.3.2 (публичные призывы к нарушению территориальной целостности), а также ст. 7.12 (нарушение авторских прав в цифровой среде) и др. Телефоны, планшеты, ноутбуки, содержащие информацию, свидетельствующую о совершении лицом действий, образующих объективную сторону таких правонарушений, могут быть обнаружены в результате проведения предусмотренного нормами КоАП РФ личного досмотра, досмотра вещей, находящихся при физическом лице, транспортно-го средства. Однако в КоАП РФ нет норм, предоставляющих правоприменителям право доступа к такой информации, и в то же время он предусматривает, например, составление протокола об административном правонарушении, предусмотренном ст. 13.53 КоАП РФ, должностными лицами органов внутренних дел при непосредственном обнаружении ими признаков этого правонарушения. Очевидно, что их обнаружение требует осмотра информации, содержащейся на электронных устройствах, нормативной регламентации оснований и порядка его проведения.

Однако в них могут содержаться сведения о переписке граждан, полученных ими сообщениях, информация о соединениях между абонентами, сведения об их частной жизни. Доступ к такой информации ограничен статьями 23 и 24 Конституции Российской Федерации, провозглашающими и гарантирующими право каждого на тайну частной жизни, переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Реализация этого ограничения нашла отражение в нормах Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)¹, требующих получения судебного решения для совершения следственных действий, ограничивающих указанное право, либо согласия лица, в отношении которого проводится такое следственное действие, как осмотр жилища.

В целях предоставления правоприменителям необходимых процессуальных средств для обнаружения признаков указанных выше и подобных им административных правонарушений, доказывания виновности лица в их совершении, предупреждения безосновательного, произвольного ограничения конституционных прав граждан совершением в отношении них непредусмотренных законом действий представляется целесообразным дополнение КоАП РФ нормой, определяющей фактические и процессуальные основания осмотра элек-

тронных носителей информации, обнаруженных у граждан при проведении в отношении них предусмотренных кодексом процессуальных действий. Фактическим основанием могут быть признаны данные, позволяющие полагать, что в электронном устройстве содержится информация, имеющая доказательственное значение по делу об административном правонарушении. Процессуальным основанием предлагаемого осмотра следует признать судебное решение, санкционирующее его проведение. В свою очередь, это потребует нормативного закрепления необходимости до получения такого решения изъятия, упаковки и опечатывания устройства с целью недопущения уничтожения, изменения содержащейся в нем информации.

Пробелом нормативного регулирования рассматриваемого процессуального действия является предусмотренное КоАП РФ ограничение возможности осмотра места совершения лишь двух видов административных правонарушений в области безопасности дорожного движения (ст. 28.1.1 КоАП РФ) и помещений, территорий, принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю, используемых для осуществления им предпринимательской деятельности (ст. 27.8 КоАП РФ). Очевидно, что предписанием ст. 27.7 КоАП РФ безосновательно ограничена возможность для обнаружения доказательств производства осмотра мест совершения многих других видов административных правонарушений (например, связанных с уничтожением, повреждением имущества, повреждением дорог, дорожных сооружений, специальных знаков, агитационного, информационного материала, самовольным подключением к электрическим, газовым и другим энергосетям и пр.).

Осмотр места совершения административного правонарушения, если таковым не является жилище, не влечет каких-либо правоограничений участников производства по делу об административном правонарушении, поэтому существующее законодательное ограничение возможности его проведения не представляется обоснованным, учитывающим потребности правоприменительной практики.

Устранение пробела нормативного регулирования проведения осмотра жилища, которое может быть местом совершения административного правонарушения (например, предусмотренного ч. 1 ст. 5.35, ст. 6.1.1, 7.17, 7.21, 7.22, 20.4 и др.), а также жилого помещения, принадлежащего индивидуальному предпринимателю и используемого им для предпринимательской деятельности, требует

¹ Статьи 177, 182, 184–186 УПК РФ.

внесения в КоАП РФ нормы, предусматривающей возможность их осмотра только с согласия проживающих там лиц или на основании судебного решения. Реализация предложения об истребовании разрешения (санкции) суда на проведение некоторых видов осмотра потребует внесения в КоАП РФ нормы, определяющей судебный порядок получения такого разрешения.

Наличие пробела обнаруживается и в нормативном регулировании процессуальных действий по собиранию доказательств, отражающих идеальные (сохраненные в сознании, памяти) следы административного правонарушения. Из их числа КоАП РФ известны лишь опрос свидетеля, потерпевшего, понятого и не отличающегося от него, по существу, получение объяснения от лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении.

Нормативное регулирование этого вида производства исходит из того, что его возбуждение возможно лишь в отношении установленного лица при очевидности совершенного им административного правонарушения. Однако реакция правоохранительных органов (их должностных лиц) на совершение правонарушения состоит не только в возбуждении дела об административном правонарушении посредством составления в отношении конкретного (известного) лица одного из предусмотренных ч. 4 ст. 28.1 КоАП РФ документов или в вынесении определения об истребовании сведений, но и в принятии мер по установлению лица, совершившего правонарушение в условиях неочевидности [1, с. 29–30].

Так, п. 1 ч. 1 ст. 12 федерального закона Российской Федерации «О полиции» возлагает на нее обязанность осуществлять проверку заявлений и сообщений об административных правонарушениях, принимать по таким заявлениям и сообщениям предусмотренные законом меры. Отсутствие сведений о лице, совершившем административное правонарушение, о котором поступило заявление (сообщение), не освобождает должностное лицо от исполнения этих обязанностей. Информацией о приметах лица, например, повредившего чужое имущество (ст. 7.17), нанесшего побои (ст. 6.1.1), оскорбление (ст. 5.61), совершившего мелкое хулиганство (ст. 20.1) и др., могут располагать потерпевший, свидетели. Составы некоторых из этих правонарушений появились в административно-деликтном законодательстве вследствие декриминализации соответствующих преступлений, при расследовании которых могло осуществляться такое следственное действие, как предъявление для

опознания такого лица или его фотографии. При сохранении тех же подлежащих установлению признаков составов непредусмотренность подобного действия в КоАП РФ представляется правовым пробелом, требующим устранения¹.

Пробелом правового регулирования является и отсутствие в КоАП РФ нормы, предоставляющей правоприменителям возможность устранить (оценить) противоречия, обнаруженные в показаниях разных ранее опрошенных участников производства по делам об административных правонарушениях. По многим из них такие показания являются основным или единственным доказательством его совершения. В уголовном судопроизводстве процессуальным средством устранения имеющихся в показаниях разных лиц противоречий является такое следственное действие, как очная ставка.

Целесообразность нормативного закрепления возможности осуществления такого же процессуального действия в процессе доказывания обстоятельств, имеющих значение для дела об административном правонарушении, объясняется следующими соображениями.

Во-первых, проведение очной ставки позволяет должностному лицу, осуществляющему производство по делу об административном правонарушении, выявить причины противоречий в показаниях ранее опрошенных участников производства (лица, в отношении которого ведется производство, потерпевшего, свидетелей) и оценить достоверность сообщаемых ими сведений.

Во-вторых, проведение очной ставки привносит в производство по делу об административном правонарушении дополнительные элементы состязательности, поскольку предоставляет участникам производства процессуальные инструменты защиты собственных правовых интересов в исходе дела (возможность опровержения недостоверных показаний другого участника очной ставки, выяснения у него дополнительных и уточнение уже сообщенных сведений).

¹ При этом действующему административному законодательству известна возможность предъявления лица или его фотографии для опознания в целях установления личности иностранного гражданина или лица без гражданства, незаконно находящегося на территории Российской Федерации и не имеющего действительного документа, удостоверяющего личность. См.: О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 04.11.2025), ч. 7–11 ст. 10.1 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30, ст. 3032.

Следует заметить, что авторами проекта Процессуального КоАП РФ¹ была предпринята попытка регламентировать возможность одновременного допроса судом свидетелей (ст. 8.20), однако предоставление такого права исключительно суду необоснованно сужает процессуальные возможности других органов и должностных лиц. Кроме того, может возникнуть необходимость проведения очной ставки и между иными участниками производства (например, между лицом, в отношении которого ведется производство, и потерпевшим).

Восполнение отмеченных, как и иных имеющихся, пробелов нормативного регулирования процессуальных действий по собиранию доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях [2, 3, 4] призвано расширить возможности правоприменителей по собиранию доказательств, обеспечив обоснованность привлечения к административной ответственности, устранить предпосылки произвольного ограничения прав и свобод участников производства, вызванного стремлением получения необходимых для дела доказательств.

Список источников

1. Кисин В. Р., Попугаев Ю. И. Этапы реализации административной ответственности и проблемы их правового регулирования // Административное право и процесс. 2015. № 8. С. 29–30.
2. Дугенец А. С. Проблемы направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения лиц, совершивших административные правонарушения // Сибирское юридическое обозрение. 2020. № 1. С. 89–92.
3. Мурзина Л. И., Бельденкова М. В., Кузнецова А. С. Проблемные аспекты применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Молодежная инициатива: сборник статей VII Международной научно-практ. конф-ции (Пенза, 5–6 июня 2023 г.). Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2023. С. 109–116.
4. Чужакова Е. А. Актуальные вопросы осуществления процессуальных действий по собиранию доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях // Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности: взаимодействие науки, нормотворчества и практики (памяти профессора С. Е. Вицина) (к 50-летию образования Московской высшей школы милиции МВД СССР): сборник научных трудов Всероссийской научно-практ. конф-ции (Москва, 18 июня 2025 г.). М.: Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, 2025. С. 31–34.

References

1. Kisin V. R., Popugaev Yu. I. Etapy realizacii administrativnoj otvetstvennosti i problemy ih pravovogo regulirovaniya // Administrativnoe pravo i process. 2015. № 8. S. 29–30.
2. Dugenece A. S. Problemy napravleniya na medicinskoe osvidetel'stvovanie na sostoyanie op'yaneniya lic, sovershivshih administrativnye pravonarusheniya // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2020. № 1. S. 89–92.
3. Murzina L. I., Bel'denkova M. V., Kuznecova A. S. Problemnye aspekty primeneniya mer obespecheniya proizvodstva po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah // Molodezhnaya iniciativa: sbornik statej VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii (Penza, 5–6 iyunya 2023 g.). Penza: Penzenskij gosudarstvennyj agrarnyj universitet, 2023. S. 109–116.
4. Chuzhakova E. A. Aktual'nye voprosy osushchestvleniya processual'nyh dejstvij po sobiraniyu dokazatel'stv v proizvodstve po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah // Voprosy sovershenstvovaniya pravoohranitel'noj deyatel'nosti: vzaimodejstvie nauki, normotvorchestva i praktiki (pamyati professora S. E. Vicina) (k 50-letiyu obrazovaniya Moskovskoj vysshej shkoly milicii MVD SSSR): sbornik nauchnyh trudov Vserossijskoj nauchno-prakt. konf-cii (Moskva, 18 iyunya 2025 g.). M.: Moskovskij universitet MVD Rossii im. V. Ya. Kikotya, 2025. S. 31–34.

Статья поступила в редакцию 17.02.2026; одобрена после рецензирования 07.05.2026; принята к публикации 19.06.2026.

The article was submitted 17.02.2026; approved after reviewing 07.05.2026; accepted for publication 19.06.2026.

¹ Проект Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/06-20/00102945) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 84–92.

Altai Law Journal. 2026. № 2 (54). P. 84–92.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 351.741

СОТРУДНИЧЕСТВО ПОЛИЦИИ С ВОЛОНТЕРАМИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ В ГОРОДЕ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Юлия Леонидовна Корабельникова

Академия управления МВД России, Москва, Россия, korable79@yandex.ru,

<https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0002-2461-9049>

Аннотация. Статья посвящена исследованию правового статуса волонтеров и волонтерских организаций, основных направлений их участия в мероприятиях правоохранительной направленности, осуществляемых совместно с различными подразделениями полиции в условиях городской среды. Это позволило раскрыть характерные черты сотрудничества, особенности привлечения к добровольческой деятельности в городах, выявить проблемы правового и организационного характера, оказывающие влияние на эффективность совместной деятельности. В результате намечены пути совершенствования участия волонтеров и волонтерских организаций в мероприятиях правоохранительной направленности в городских условиях, что определяется расширением участия негосударственных субъектов в данной деятельности, развитием государственно-частного партнерства в современной системе обеспечения городской безопасности.

Ключевые слова: полиция, участие граждан в охране общественного порядка, безопасность города, волонтеры, волонтерские организации

Для цитирования: Корабельникова Ю. Л. Сотрудничество полиции с волонтерами по обеспечению безопасности в городе: основные направления, проблемы и перспективы // Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 84–92.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

POLICE AND VOLUNTEER COOPERATION TO ENSURE CITY SECURITY: MAIN DIRECTIONS, PROBLEMS, AND PROSPECTS

Yulia L. Korabelnikova

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, korable79@yandex.ru,

<https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0002-2461-9049>

Abstract. This article examines the legal status of volunteers and volunteer organizations and the main areas of their participation in law enforcement activities carried out jointly with various police units in urban settings. This study explores the characteristics of collaboration and the specifics of engaging in volunteer activities in cities, as well as the legal and organizational issues that impact the effectiveness of joint efforts. As a result, ways to improve the participation of volunteers and volunteer organizations in law enforcement activities in urban settings are outlined. They are determined by the increased involvement of non-state actors in these activities and the development of public-private partnerships in the modern urban security system.

Keywords: police, citizens participation in maintaining public order, city security, volunteers, volunteer organizations

For citation: Korabelnikova Yu. L. Police and Volunteer Cooperation to Ensure City Security: Main Directions, Problems, and Prospects. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2026;2:84–92 (In Russ.).

Возникновение новых и расширение существующих опасностей и угроз, получающих распространение в российских городах, обуславливают поиск новых решений в обеспечении их безопасности. Одним из перспективных направлений сотрудничества полиции с гражданами и их объединениями является взаимодействие с волонтерами и волонтерскими организациями. МВД России принимает активное участие в развитии добровольческой деятельности и повышении количества граждан, участвующих в ней. В последние годы наблюдается положительная динамика значений показателей развития сферы добровольчества (волонтерства). В настоящее время 98 % граждан России знают о деятельности добровольцев, 28 % — участвуют в этой деятельности, а 67 % — планируют стать добровольцами (волонтерами). По состоянию на конец 2025 г. число зарегистрированных добровольцев в России составило 9,3 млн человек [1]. При этом за 2025 год доля молодых людей, вовлеченных в добровольческую деятельность, составила 23,7 %, а к 2030 г. ожидается ее увеличение до 45 %¹. И государством, и обществом волонтерство признается важным ресурсом для решения серьезных социальных проблем, повышения эффективности их практической деятельности, способом позитивного развития молодежи, которая является сегодня основой для построения гражданского общества и развития его потенциала. Добровольчество как социальный феномен носит сугубо нравственный характер. В связи с этим современный период развития России, характеризующийся формированием и защитой в государстве традиционных культурно-нравственных ценностей, приобретает еще большую глубину обращения к внутренней сущности человека [2, с. 24]. В результате поддержка добровольчества становится одним из приоритетных направлений российской государственной политики на современном этапе.

Учитывая стремительное развитие добровольческого движения в России, которое за относительно короткий срок существования стало одним из значимых направлений социально-экономического развития страны, в 2013 г. в Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект «О добровольчестве (волонтерстве)»²,

¹ Об утверждении Концепции содействия развитию добровольческой (волонтерской) деятельности в Российской Федерации до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 декабря 2025 г. № 4064-р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.03.2026).

² О добровольчестве (волонтерстве): законопроект № 300326-6 // Официальный сайт системы обеспечения за-

который позволил бы решить проблему с определением правового статуса волонтеров и волонтерских организаций, установить на законодательном уровне принципы и упорядочить организационную основу их деятельности. Это представляется чрезвычайно важным, прежде всего, при осуществлении деятельности в сфере обеспечения безопасности в связи с необходимостью обладания и применения волонтерами специальных профессиональных навыков. Но данный законопроект подвергся критике, в т. ч. положения, связанные с предложением ведения учета волонтеров и их участия в добровольческой деятельности. Тем не менее необходимость правового регулирования волонтерской деятельности привела к тому, что в 2018 г. соответствующие положения отдельной главой включены в федеральный закон Российской Федерации «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)». В данном законе впервые дано определение добровольца, являющегося достаточно размытым, указываются цели, которые не ясны. Также им урегулированы права и обязанности волонтеров, правовые условия осуществления организаторами данной деятельности, полномочия органов публичной власти в сфере волонтерства и различные формы поддержки добровольческой деятельности.

Важным представляется создание единой информационной системы в сфере развития волонтерства, что, как указывалось выше, подвергалось ранее критике. Однако это необходимо, поскольку позволяет не только оказывать влияние на развитие данного направления, но и осуществлять учет, использование для дальнейшей профессиональной деятельности. Следует отметить, что положения, содержащиеся в законе, постоянно совершенствуются. Однако представляется недостаточным регулирование правового статуса и одного из ключевых направлений современной включенности добровольческих организаций (волонтеров) в обеспечение безопасности в рамках закона о благотворительности. В связи с изложенным значимой проблемой для юридической науки и практики, требующей научного обоснования, до настоящего времени остается необходимость всестороннего законодательного регулирования правового статуса волонтеров и волонтерских организаций, в т. ч. решение правовых и организационных вопросов осуществления их деятельности. Необходимо закрепление соответствующих положений, устанавли-

вающих законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/300326-6?ysclid=mli7i4lar2653599642> (дата обращения: 11.02.2026).

ливающих их содействие полиции, что требует специальных навыков и предопределяет моральную и юридическую ответственность за осуществляемую деятельность.

Для более полного обоснования необходимости детального регулирования деятельности волонтерских организаций и волонтеров, осуществляемой во взаимодействии с полицией, в т. ч. по обеспечению городской безопасности, целесообразно проанализировать основные направления их деятельности в данной сфере. К ним относится прежде всего участие волонтеров в поиске лиц, пропавших без вести, а также обеспечение информационной безопасности, профилактика социально опасных форм поведения граждан (незаконного потребления и оборота наркотических средств и их прекурсоров, домашнего насилия), обеспечение безопасности дорожного движения, профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, содействие полиции в охране общественного порядка. Большинство из них нашли отражение в нормах федерального закона Российской Федерации «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)», устанавливающих цели волонтерской деятельности¹.

Традиционно добровольческие организации значительное внимание уделяют оказанию помощи в мероприятиях по поиску лиц, пропавших без вести. Организационные основы данной совместной деятельности определены в утвержденных методических рекомендациях, отдельный раздел которых посвящен особенностям организации поиска в городских условиях². В настоящее время в городах большинства субъектов Российской Федерации сформированы добровольческие поисковые отряды, способные в кратчайшие сроки привлечь широкий круг активных граждан, обладающих компетенциями по проведению поисковых мероприятий [3]. Общее число участников добровольческих поисковых отрядов составляет более 20 тыс. добровольцев. В 2025 г. при их активном участии установлено местонахождение более семи

тысяч граждан, в т. ч. 3230 несовершеннолетних [1]. Результаты взаимодействия способствуют закреплению позитивной динамики в поиске пропавших. Ежегодно наблюдается снижение общего количества разысканных без вести пропавших лиц, а также фиксируется рост разыскиваемых несовершеннолетних. Например, Всероссийская ассоциация волонтерских организаций «Поиск пропавших детей» объединяет 38 организаций и инициатив. За 15 лет работы волонтерами найдены более 25 тыс. человек, проведено более 420 рейдов по борьбе с эксплуатацией детей, а обучение правилам безопасности прошли свыше 150 тыс. детей в городах России. Во многих российских городах в целях организации поиска функционируют отряды ассоциации (общественная организация «Питер-Поиск», «Поиск пропавших детей — Архангельск», «Поиск пропавших детей — Владимир», поисковый отряд «АстраПоиск» и др.). В 2025 г. ассоциация «Поиск пропавших детей» и сервис «Где мои дети» начали сотрудничество, которое заключается в том, что пользователи сервиса получают пуш-уведомления о детях, пропавших в их городе. Это позволяет ускорить распространение информации о несовершеннолетних, находящихся в розыске, и повысить эффективность проводимых поисковых мероприятий [4].

Несомненно, помощь волонтеров необходима и востребована при реализации данного направления деятельности. Однако отдельные территориальные органы МВД России указывают и на проблемные вопросы, возникающие при взаимодействии с волонтерами: предпринимаемые в отдельных случаях попытки подмены сотрудников полиции; несанкционированное распространение информации в СМИ; нездоровая конкуренция между волонтерскими организациями, которая приводит к отказам их участия в поисковых мероприятиях, если другая организация уже оказывает помощь в поиске без вести пропавшего; проведение поисковых мероприятий самостоятельно, без контроля и ведома сотрудников полиции [5, с. 102]. Тем не менее их участие в поисковых мероприятиях позволяет в значительной степени увеличить вероятность в достижении цели по розыску, сократить время поисков, что является в большинстве случаев решающим фактором для сохранения жизни человека.

Другой важной сферой сотрудничества полиции с волонтерскими организациями является обеспечение безопасности дорожного движения. Так, в настоящее время в Российской Федерации насчитывается свыше 200 добровольческих организаций, оказывающих содействие подразделениям

¹ О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве): федеральный закон Российской Федерации от 11.08.1995 № 135-ФЗ (в действ. ред.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.06.2025).

² Алгоритм взаимодействия государственных органов, волонтерских организаций и добровольцев при организации и осуществлении розыска без вести пропавших граждан, в том числе несовершеннолетних [Электронный ресурс]: методические рекомендации, утв. Следственным комитетом Российской Федерации, МВД России, МЧС России, 2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

Госавтоинспекции в профилактической деятельности [6]. Они проводят разъяснительную работу в сфере безопасности дорожного движения, освещают мероприятия по профилактике аварийности, участвуют в организации и проведении конференций, конкурсов, благотворительных акций и программ, а также занятий с обучающимися с целью повышения уровня правового сознания и безопасного поведения на дороге. Например, центры региональной общественной организации содействия предупреждению дорожно-транспортных происшествий «Союз безопасности дорожного движения» (далее — РОО СБДД) функционируют в шестнадцати городах Подмосковья. Важным направлением деятельности центров является оказание безвозмездной оперативной помощи лицам, попавшим в ДТП, по оформлению документов и юридическому консультированию как онлайн, так и при личном обращении в любой из центров. Также их деятельность направлена на реализацию социально значимых программ и проведение мероприятий по пропаганде безопасности дорожного движения. Во взаимодействии с Управлением Госавтоинспекции ГУ МВД России по Московской области реализуются проекты, направленные на повышение безопасности дорожного движения. Например, регулярно проводятся информационно-профилактические беседы: на улицах подмосковных городов с водителями и пешеходами с вручением памяток с важнейшими ПДД для передвижения в городе и световозвращающих аксессуаров; в наиболее многолюдных местах в городских округах о важности использования детских удерживающих устройств. Постоянно проводятся профилактические занятия в образовательных организациях (например, «Стоп-гаджет!», «Осторожно, зима» и т. д.). В рамках регулярной акции «Трафареты дорожной безопасности» сотрудники Госавтоинспекции и РОО СБДД вместе с жителями подмосковных городов наносят на тротуарах вблизи нерегулируемых пешеходных переходов предупреждающие надписи, которые делают переходы более безопасными (например, «Сними наушники», «Убедись в безопасности»)¹.

С 1973 г. в России функционирует общероссийская общественная детско-юношеская организация по пропаганде безопасности дорожного движения «Юные инспекторы движения» (далее — ЮИД),

которая объединяет более 500 тыс. участников в возрасте от 8 до 18 лет. Местные отделения организации создаются в городах, причем в городах федерального значения и городах с числом жителей свыше одного миллиона человек — в каждом административном округе (районе), а также на базе образовательных организаций, молодежных и детских общественных объединений. Их деятельность направлена на формирование культуры поведения в дорожной среде и обучение навыкам безопасного участия детей в дорожном движении. Сотрудники ГАИ курируют отряды ЮИД, являются их наставниками, участвуют в организации и проведении обучающих мероприятий, конкурсов, занятий с детьми и подростками. Члены ЮИД участвуют в регулярных профилактических мероприятиях, проводимых сотрудниками Госавтоинспекции. Например, в средних специальных учебных заведениях Республики Татарстан создано более 1,4 тыс. отрядов ЮИД, объединяющих 18 тыс. участников, в городах Татарстана действуют 6 филиалов детских юношеских автошкол, после окончания которых более 300 человек ежегодно сдают квалификационные экзамены на право управления транспортными средствами. В школах ряда городов создаются кадетские классы ГИБДД (например, в Калуге), ежегодно выпускники отряда ЮИД становятся курсантами образовательных организаций МВД России².

Важную роль в содействии обеспечению безопасности дорожного движения играют общественные организации правоохранительной направленности, которые осуществляют патрулирование территории городов, в т. ч. при проведении профилактических и массовых мероприятий (например, «Дорожный патруль — Калуга 40», «Волонтер по обеспечению безопасного движения на Дону»). Данная работа позволяет организовать оперативное информирование подразделений ГАИ о фактах управления автотранспортом в состоянии опьянения, совершения иных грубых нарушений ПДД. Например, в г. Йошкар-Оле члены общественного движения «Дорога для трезвых» участвуют совместно с сотрудниками Госавтоинспекции в профилактических мероприятиях, при этом осуществляют общественный контроль за действиями инспекторов ДПС и поведением самих водителей, проводят разъяснительные беседы с водителями

¹ Официальный сайт Региональной общественной организации содействия предупреждению дорожно-транспортных происшествий «Союз безопасности дорожного движения». URL: <https://souzbdd.ru/> (дата обращения: 12.05.2025).

² Официальный сайт общероссийской общественной детско-юношеской организации по пропаганде безопасности дорожного движения «Юные инспекторы движения». URL: <https://юидроссии.рф/> (дата обращения: 13.05.2025).

о последствиях управления транспортными средствами в состоянии опьянения¹.

В результате участие добровольческих организаций в обеспечении безопасности дорожного движения способствует воспитанию навыков безопасного участия в дорожно-транспортной среде начиная с детского возраста, оказывает содействие в разработке, совершенствовании и реализации государственной политики в области предупреждения дорожно-транспортных происшествий и снижении тяжести их последствий.

Потенциал волонтерских организаций активно используется в работе по противодействию незаконному обороту и употреблению наркотиков. В 2025 г. с привлечением молодежных движений реализован ряд межведомственных операций. Проведено более 207 тыс. антинаркотических мероприятий, в которых приняли участие свыше 1,7 млн человек².

Волонтерские организации осуществляют взаимодействие с полицией также по другим направлениям обеспечения безопасности в российских городах. В сфере профилактики правонарушений среди несовершеннолетних осуществляется организация их внеурочной деятельности. Особое внимание уделяется взаимодействию с общероссийским общественно-государственным движением детей и молодежи «Движение первых», в состав которого включены 11,4 тыс. состоящих на учете несовершеннолетних.

Продолжается развитие общественного движения правоохранительной направленности «Юный друг полиции» (далее — ЮДП), осуществляющего деятельность посредством работы отрядов, которые формируются на базе общеобразовательных организаций. Такие отряды сформированы во многих городах России, например в Саратовской области, в городах Саратов, Балаково, Балашов, Хвалынский, Энгельс, Маркс, Вольск и т. д. Общая численность участников движения составляет 15 832 человека, сформировано 1085 отрядов в образовательных организациях, где по результатам освоения обучающего компонента Программы внеурочной деятельности «ЮДП» выпускникам 9-х и 11-х классов вручают соответствующие сертификаты. Развитию движения в Саратовской области способствует Координационный совет по раз-

витию регионального движения «ЮДП», в состав которого входят представители территориальных органов МВД России [7].

Волонтерские организации во взаимодействии с полицией участвуют в обеспечении информационной безопасности граждан. Например, созданное на территории Южного административного округа города Москвы волонтерское молодежное движение «Кибердружина ЮАО» осуществляет содействие полиции в борьбе с противоправным контентом в сети Интернет, связанным с пропагандой наркотических и психотропных веществ, экстремизмом и терроризмом, административными правонарушениями и иной противозаконной информации. Так, в 2024 г. штабом «Кибердружины ЮАО» было отобрано и направлено в ЦПЭ УВД по ЮАО ГУ МВД России по г. Москве 1995 ссылок, в Роскомнадзор — 12 294 ссылки по антинаркотическому направлению, противоправный контент в каждой из которых был подтвержден [8].

Вторым важным видом деятельности является формирование у граждан цифровой культуры посредством создания позитивного контента по информированию о различных видах онлайн-мошенничества с целью его предупреждения, проведения лекций по информационной безопасности, взаимодействия с образовательными организациями с целью профилактики негативного влияния интернета на молодежь³. Подобные кибердружины и киберпатрули созданы во многих городах как региональные (например, центр информационной безопасности и психологической помощи молодежи Ханты-Мансийского автономного округа Югры в Сургуте⁴) и межрегиональные волонтерские организации (например, кибердружина Общероссийского народного фронта, объединяющая более 50 тыс. волонтеров⁵), в т. ч. на базе образовательных организаций различных ступеней образования (например, кибердружины Приволжского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева» в Нижнем Новгороде⁶, ТОГАПОУ «Тамбовский

³ Официальный сайт «Кибердружины ЮАО». URL: <https://kd112.ru/> (дата обращения: 22.05.2025).

⁴ Официальный сайт центра информационной безопасности и психологической помощи молодежи Ханты-Мансийского автономного округа Югры. URL: <https://cybersquad.ru/> (дата обращения: 22.05.2025).

⁵ Официальный сайт сетевого издания «Общероссийский народный фронт», зарегистрировано Роскомнадзором 30.12.2016, свид. о регистрации ЭЛ № ФС 77–68368. URL: <https://onf.ru/cyberguard> (дата обращения: 22.11.2025).

⁶ Официальный сайт Приволжского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия».

¹ Официальный сайт Общественного движения «Дорога для трезвых». URL: <https://дорогадлятрезвых.рф/> (дата обращения: 13.05.2025).

² 5 декабря отмечается Международный день добровольца // Официальный сайт МВД России. URL: <https://szao.77.mvd.ru/news/item/74494491> (дата обращения: 15.03.2026).

бизнес-колледж»¹, МБОУ «АСОШ № 50»² в г. Абаза Республики Хакасия).

Таким образом, помощь волонтеров в обеспечении безопасности городов в различных сферах — это проявление активной гражданской позиции, сложная работа, осуществляемая ими на безвозмездной основе. При этом она не должна рассматриваться как компенсация недостаточной численности сотрудников полиции или оперативности реагирования ими на сообщения о правонарушениях. Участие волонтеров является важным и необходимым дополнением деятельности полиции, позволяет формировать у граждан чувство гражданской ответственности за безопасность города (района, улицы, двора), повышать уровень правовой культуры и правосознания граждан, формировать привычку законопослушного поведения, в т. ч. несовершеннолетних, вовлекаемых в эту деятельность.

С целью совершенствования организационно-правовых основ сотрудничества органов внутренних дел с волонтерскими организациями представляется целесообразным создание региональных (в городах федерального значения) и муниципальных (в городских и муниципальных округах) реестров волонтеров и добровольческих (волонтерских) организаций, цели которых предусматривают участие в обеспечении безопасности городов в рамках единой информационной системы в сфере развития добровольчества (волонтерства). Их создание рационально на базе Единой информационной системы в сфере развития добровольчества (волонтерства) — Добро.рф — с обеспечением доступа территориальных органов МВД России на городском (районном) уровне к актуальным данным.

Это обусловлено тем, что волонтерские организации участвуют в мероприятиях по обеспечению безопасности прежде всего по месту нахождения, что позволяет обеспечить оперативность их привлечения и сопричастность в обеспечении высокого уровня общественной безопасности. С одной стороны, территориальным органам внутренних дел доступ к реестру позволит объективно оценивать потенциал волонтерских организаций имени В. М. Лебедева». URL: <https://vrb.rgup.ru/pages/kiberdruzhdina> (дата обращения: 22.05.2025).

¹ Официальный сайт Регионального ресурсного центра «КиберДружина» на базе ТОГАПОУ «Тамбовский бизнес-колледж». URL: <https://tbccollege.ru/KyberDruzhdina> (дата обращения: 22.05.2025).

² Официальный сайт Кибердружины Хакасия — город Абаза. URL: <https://cybersquad19.ru/> (дата обращения: 22.05.2025).

ций, которые возможно привлекать к обеспечению безопасности в городе, а также уровень профессиональной компетентности волонтеров для привлечения к участию в определенной деятельности, а волонтерам — учитывать данную деятельность при поступлении в вузы или при трудоустройстве, например, умения и навыки, приобретенные в ходе волонтерской деятельности, могут учитываться при поступлении на службу в правоохранительные органы. С другой стороны, система учета поможет стать инструментом учета и оптимизации волонтерского труда, выявления недобросовестности волонтеров.

Опыт взаимодействия волонтерских организаций с полицией показывает положительную динамику и рост привлечения добровольцев к совместной деятельности. Заключение соответствующих соглашений³ способствует повышению эффективности координации совместной деятельности в вопросах розыска лиц, пропавших без вести, профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и других направлений сотрудничества. В ряде субъектов Российской Федерации созданы советы (координационные советы) по вопросам добровольчества (волонтерства),

³ Соглашение о взаимодействии между УМВД по Тульской области и волонтерской организацией «Мы вместе» от 25 марта 2015 г. // Официальный сайт УМВД России по Тульской области. URL: <https://71.mvd.pf/news/item/3250815/> (дата обращения: 16.11.2025); Соглашение об информационном взаимодействии между Управлением МВД России по Орловской области, Департаментом здравоохранения Орловской области и Орловской региональной общественной организацией по поиску пропавших, защите и спасению людей в условиях чрезвычайных ситуаций «Поисково-спасательный отряд "Сармат"» от 26 июля 2023 г. // Официальный сайт ПСО «Сармат». URL: <https://rescue-team.ru/doc/regional/> (дата обращения: 16.11.2025); Соглашение о взаимодействии при организации и проведении поисковых спасательных мероприятий в отношении лиц, пропавших без вести, в том числе несовершеннолетних, самовольно ушедших из семей и детских учреждений и лиц, пропавших в природной среде № 58-24 от 7 декабря 2018 г. (г. Санкт-Петербург) // Официальный сайт ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. URL: https://78.mvd.pf/slujba/Administrativnie_reglamenti/Soglasheniya_o_vzaimodejstvii (дата обращения: 16.11.2025); Соглашение о взаимодействии между УМВД России по Тверской области и Тверской региональной общественной волонтерской организацией «Поисково-спасательный отряд "Сова"» от 07.08.2014 // Официальный сайт поисково-спасательного отряда «Сова». URL: <https://poisktvr.ru/> (дата обращения: 06.11.2025); Об утверждении соглашения с Рязанской областной общественной организацией «Поисково-спасательный отряд "Мещера"»: приказ УМВД России по Рязанской области от 23 мая 2019 г. № 271 и др.

в состав которых включаются сотрудники территориальных органов МВД России. Основными задачами советов является развитие взаимодействия с волонтерскими движениями, организациями и содействие их развитию в регионах и городах¹. Данные меры направлены на упорядочение взаимодействия органов внутренних дел с добровольческими (волонтерскими) организациями и совершенствование правовых и организационных основ сотрудничества.

Во-первых, в качестве необходимых мер, направленных на совершенствование сотрудничества полиции с волонтерами при обеспечении безопасности в российских городах, предлагаются следующие: закрепление типового соглашения о взаимодействии территориальных органов внутренних дел с добровольческими (волонтерскими) организациями на основании установленного постановлением Правительства Российской Федерации порядка взаимодействия² с возможностью учета национальных и региональных, социально-экономических, культурных, религиозных и других особенностей; продолжение практики заключения таких соглашений; взаимодействие

¹ О создании Совета по вопросам добровольчества (волонтерства): постановление Правительства Саратовской области от 24 января 2018 г. № 32-П (в ред. ПП Саратовской области от 15.09.2025 № 724-П) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.12.2025); О Координационном совете в сфере добровольчества (волонтерства) при Губернаторе Московской области: постановление губернатора Московской области от 22 марта 2018 г. № 116-ПГ (в ред. постановления губернатора Московской области от 15.10.2024 № 379-ПГ) // Официальный сайт Правительства Московской области. URL: www.mosreg.ru (дата обращения: 06.11.2025).

² Об утверждении общих требований к порядку взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, исполнительных органов субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, подведомственных им государственных и муниципальных учреждений, иных организаций с организаторами добровольческой (волонтерской) деятельности и добровольческими (волонтерскими) организациями и перечня видов деятельности, в отношении которых федеральными органами исполнительной власти, исполнительными органами субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления утверждается порядок взаимодействия государственных и муниципальных учреждений с организаторами добровольческой (волонтерской) деятельности, добровольческими (волонтерскими) организациями: постановление Правительства Российской Федерации от 28 ноября 2018 г. № 1425 (в ред. постановления Правительства Российской Федерации от 24 января 2025 г. № 40) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.12.2025).

с региональными и муниципальными органами исполнительной власти с целью реализации теоретического и практического обучения добровольцев (волонтеров) на базе образовательных организаций дополнительного образования и ресурсных центров по поддержке добровольчества (волонтерства); на постоянной основе освещение совместной деятельности полиции с добровольческими (волонтерскими) организациями в региональных и муниципальных СМИ с целью популяризации добровольчества, а также формирования положительного образа не только сотрудников полиции, но и членов волонтерских организаций, что позволит привлечь дополнительные ресурсы для обеспечения безопасности в городе.

Во-вторых, с целью исключения недобросовестности при осуществлении деятельности добровольцами совместно с органами публичной власти, в т. ч. с сотрудниками полиции, выражающейся в подмене волонтерами сотрудников полиции; несанкционированном распространении ими информации в СМИ; нездоровой конкуренции между волонтерскими организациями; проведении поисковых мероприятий самостоятельно, без контроля и ведома сотрудников полиции, необходимо закрепление организационно-правовых основ их деятельности на законодательном уровне.

И безусловно, важную роль играет дальнейшее совершенствование нормативно-правовой основы деятельности добровольцев (волонтеров). С целью наиболее полного и всестороннего урегулирования правового статуса волонтеров и волонтерских организаций, закрепления их прав, обязанностей, порядка взаимодействия с органами публичной власти, прежде всего с органами полиции, а также, что имеет важное значение, полномочий и соответствующей им ответственности за осуществляемую деятельность необходимо принятие отдельного федерального закона, регламентирующего добровольческую (волонтерскую) деятельность. Это приведет к сокращению злоупотреблений и нарушений со стороны добровольцев, а также формализма со стороны органов публичной власти, в т. ч. подразделений полиции, при взаимодействии с волонтерами и добровольческими организациями.

Список источников

1. Число добровольцев в России в 2025 году превысило 9 млн человек // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/chislo_dobrovolcev_v_rossii_v_2025_godu_prevysilo_9 mln_chelovek.html (дата обращения: 12.11.2025).
2. Методическое пособие для органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и образовательных организаций по вопросам развития волонтерского движения. М., 2016. 157 с.
3. Кожевникова О. В., Скуратова И. Н. Взаимодействие полиции с институтами гражданского общества // Государственная и муниципальная власть в Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития: сборник мат-лов VI Всероссийской научно-практ. конф-ции, посвященной 30-летию Конституции Российской Федерации (12 декабря 2023 г.). Чебоксары: ЧКИ РУК, 2024. С. 79–82.
4. Поиск пропавших детей и «Где мои дети» запустили совместный проект // Официальный сайт Ассоциации «Поиск пропавших детей». URL: <https://poiskdetei.ru/poisk-propavshih-detej-i-gde-moi-deti-zapustili-sovmestnyj-proekt/> (дата обращения: 07.11.2025).
5. Константинов А. В., Михайленко Н. В. Оказание добровольческими (волонтерскими) организациями помощи органам внутренних дел в мероприятиях по поиску лиц, пропавших без вести // Криминологический журнал. 2023. № 3. С. 99–103.
6. Информационно-справочные материалы по взаимодействию органов внутренних дел Российской Федерации с добровольными волонтерскими организациями в 2023 году // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/мониторинг-взаимодействия-с-институтами> (дата обращения: 06.11.2025).
7. В Саратовской области подведены итоги работы по развитию движения «Юный друг полиции» в 2024 году // Официальный новостной сайт «Саратов 24». URL: <https://saratov24.tv/news/dvizhenie-yunyy-drug-politsii-za-god-provelo-950-meropriyatij-v-saratovskoy-oblasti/> (дата обращения: 21.11.2025).
8. Отчет о работе «Кибердружины ЮАО» за 2024 год // Официальный сайт «Кибердружины ЮАО». URL: <https://kd112.ru/reports> (дата обращения: 22.11.2025).

References

1. Chislo dobrovol'cev v Rossii v 2025 godu prevysilo 9 mln chelovek // Oficial'nyj sajт Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/chislo_dobrovolcev_v_rossii_v_2025_godu_prevysilo_9 mln_chelovek.html (data obrashcheniya: 12.11.2025).
2. Metodicheskoe posobie dlya organov ispolnitel'noj vlasti sub"ektov Rossijskoj Federacii i obrazovatel'nyh organizacij po voprosam razvitiya volonterskogo dvizheniya. M., 2016. 157 s.
3. Kozhevnikova O. V., Skuratova I. N. Vzaimodejstvie policii s institutami grazhdanskogo obshchestva // Gosudarstvennaya i municipal'naya vlast' v Rossijskoj Federacii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya: sbornik mat-lov VI Vserossijskoj nauchno-prakt. konf-cii, posvyashchennoj 30-letiyu Konstitucii Rossijskoj Federacii (12 dekabrya 2023 g.). Cheboksary: ChKI RUK, 2024. S. 79–82.
4. Poisk propavshih detej i «Gde moi deti» zapustili sovmestnyj proekt // Oficial'nyj sajт Associacii «Poisk propavshih detej». URL: <https://poiskdetei.ru/poisk-propavshih-detej-i-gde-moi-deti-zapustili-sovmestnyj-proekt/> (data obrashcheniya: 07.11.2025).
5. Konstantinov A. V., Mihajlenko N. V. Okazanie dobrovol'cheskimi (volonterskimi) organizacijami pomoshchi organam vnutrennih del v meropriyatiyah po poisku lic, propavshih bez vesti // Kriminologicheskij zhurnal. 2023. № 3. S. 99–103.
6. Informacionno-spravochnye materialy po vzaimodejstviyu organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii s dobrovol'nymi volonterskimi organizacijami v 2023 godu // Oficial'nyj sajт MVD Rossii. URL: <https://мвд.рф/мониторинг-взаимодействия-с-институтами> (data obrashcheniya: 06.11.2025).
7. V Saratovskoj oblasti podvedeny itogi raboty po razvitiyu dvizheniya «Yunyy drug policii» v 2024 godu // Oficial'nyj novostnoj sajт «Saratov 24». URL: <https://saratov24.tv/news/dvizhenie-yunyy-drug-politsii-za-god-provelo-950-meropriyatij-v-saratovskoy-oblasti/> (data obrashcheniya: 21.11.2025).

8. Otchet o rabote «Kiberdruzhiny YuAO» za 2024 god // Oficial'nyj sajt «Kiberdruzhiny YuAO». URL: <https://kd112.ru/reports> (data obrashcheniya: 22.11.2025).

Информация об авторе

Ю. Л. Корабельникова — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

Yu. L. Korabelnikova — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 16.12.2025; одобрена после рецензирования 10.02.2026; принята к публикации 19.06.2026.

The article was submitted 16.12.2025; approved after reviewing 10.02.2026; accepted for publication 19.06.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 93–98.

Altai Law Journal. 2026. № 2 (54). P. 93–98.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 347.6:342.13

ЭВОЛЮЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ НОРМ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Анастасия Владиславовна Мирошниченко

Омская академия МВД России, Омск, Россия, patrusheva_avp@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу современных представлений о гендерных нормах и их влиянию на правовое регулирование брачно-семейных отношений в России. В условиях глобальных изменений и трансформации традиционных ценностей гендерные нормы становятся важным фактором, определяющим динамику семейных отношений и правовое поле их регулирования. В работе рассматриваются их ключевые аспекты и развитие. Особое внимание уделяется тому, как современное состояние гендерных норм влияет на формирование правовых норм, регулирующих брак, семью и родительские обязанности. Автор анализирует вызовы, с которыми сталкивается российское общество в контексте изменения гендерных ролей и идентичностей, а также перспективы адаптации законодательства к новым реалиям. В заключение предлагаются возможные пути совершенствования правового регулирования брачно-семейных отношений в России с учетом указанных вызовов и проблем.

Ключевые слова: гендерные нормы, правовое регулирование, брачно-семейные отношения, современное общество, трансформация, традиционные ценности, равенство полов, защита прав детей, усовершенствование законодательства

Для цитирования: Мирошниченко А. В. Эволюция гендерных норм и их влияние на правовое регулирование брачно-семейных отношений в России: вызовы и перспективы // Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 93–98.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

EVOLUTION OF GENDER NORMS AND THEIR IMPACT ON THE LEGAL REGULATION OF MARITAL AND FAMILY RELATIONS IN RUSSIA: CHALLENGES AND PROSPECTS

Anastasia V. Miroshnichenko

Omsk Order of Honor Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russia, patrusheva_avp@mail.ru

Abstract. This article analyzes modern ideas about gender norms and their impact on the legal regulation of marital and family relations in Russia. In the context of global changes and the transformation of traditional values, gender norms have become an important factor determining the dynamics of family relations and the legal framework for their regulation. The article explores the key aspects and development of gender norms. Special attention is given to how the current state of gender norms affects the formation of legal regulations governing marriage, family, and parental responsibilities. The author examines the challenges faced by Russian society in the context of changing gender roles and identities, as well as the prospects for adapting legislation to new realities. In conclusion, the author suggests possible ways to improve the legal regulation of marriage and family relations in Russia, taking into account these challenges and problems.

Keywords: gender norms, legal regulation, marital and family relations, modern society, transformation, traditional values, gender equality, protection of children's rights, improvement of legislation

For citation: Miroshnichenko A. V. Evolution of Gender Norms and their Impact on the Legal Regulation of Marital and Family Relations in Russia: Challenges and Prospects. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2026;2:93–98 (In Russ.).

Исследование эволюции гендерных норм и их влияния на правовое регулирование брачно-семейных отношений позволяет выявить существующие противоречия между традиционными нормами права и современными реалиями семейной жизни.

Своевременность социально-правового исследования проблем сферы защиты семьи, материнства, отцовства и детства обусловлена рядом значимых факторов:

1. Россия сталкивается с серьезными демографическими проблемами, такими как высокая смертность и низкая рождаемость, колоссальный уровень разводов, увеличение числа асексуальных личностей и приверженцев идеи отказа от деторождения и пр. По данным статистики, в первой половине 2024 г. в России было зарегистрировано 318 тыс. разводов, в то время как брак заключили 360 тыс. пар. В целом ежегодно в стране распадается от 600 до 700 тыс. семейных пар¹.

2. В настоящее время мир характеризуется высокой социальной мобильностью, ростом стрессовых нагрузок и экономических рисков, что негативно отражается на стабильности семейных отношений, эмоциональном благополучии детей, женщин, мужчин [1, 2].

3. Практика Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) формирует надежную основу для признания прав однополых пар, обеспечивая им доступ к тем же правам, какими обладают разнополые пары² (в Рекомендации 2010 г. Комитет министров призвал государства-члены обеспечить юридическое признание устойчивых союзов между лицами независимо от их пола, исключая дискриминацию между разнополыми и однополыми парами³) — это является одной из причин изменения привычных форм семейной организации, что ставит перед российским обществом новые задачи по поддержке традиционной модели семьи и сохранению ее базовых функций.

4. Законодательная база Российской Федерации не в полной мере учитывает современные ре-

алии функционирования семьи, имеются пробелы в регулировании, например, вопросов заключения брака, нахождения в нем и усыновления, что вызывает необходимость проведения дальнейших правовых исследований в данной сфере.

Отечественное семейное законодательство⁴, модернизация административной ответственности за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола, отказа от деторождения⁵ базируются на принципах укрепления семьи⁶, но, несмотря на это, наше общество все же столкнулось с кризисами традиционных духовно-нравственных ориентиров⁷ и социально-правового восприятия гендерных норм. Гендерные нормы определяются институционализированными установками в общественном сознании и нормативно закреплёнными юридическими требованиями, а также образом поведения, базирующимся на различиях, обусловленных полом субъекта, применяющимся в широком спектре социальных взаимодействий, включая брачно-семейные отношения, профессиональное функционирование и приватную сферу.

В связи с этим установление дополнительных административно-правовых мер является необходимым шагом для усовершенствования сферы защиты брачно-семейных отношений в России.

При рассмотрении судами общей юрисдикции дел об административных правонарушениях, связанных с пропагандой нетрадиционных сексу-

⁴ Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024; с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Первостепенной целью введения данных норм федеральным законодателем являлось создание условий для защиты ребенка от информации, которая способна спровоцировать у него склонность к нетрадиционным видам сексуальных отношений, смене пола. (Источник: По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н. А. Алексеева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.09.2014 № 24-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».)

⁶ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 (п. 84). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Официальная статистика. URL: <https://rosstat.gov.ru/search?q=разводы> (дата обращения: 29.08.2025).

² Access to registered same-sex partnerships: it's a question of equality. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09649069.2025.2499387#d1e97> (дата обращения: 28.08.2025).

³ Recommendation CM/Rec(2010)5 of the Committee of Ministers to member states on measures to combat discrimination on grounds of sexual orientation or gender identity (Adopted by the Committee of Ministers on 31 March 2010 at the 1081st meeting of the Ministers' Deputies). URL: <https://www.refworld.org/legal/resolution/coeministers/2010/en/72808> (дата обращения: 28.08.2025).

альных отношений среди несовершеннолетних, а также заявлений о признании права на заключение брака лицами одного пола, судебная практика¹ последовательно подчеркивает, что государственная политика в области защиты детства обладает высшим приоритетом и основывается на строгих принципах нормативно-правового закрепления прав несовершеннолетних, укрепления брачных отношений и оказания всесторонней поддержки институту семьи (ст. 4²).

В международной судебной практике специалисты обращают внимание и на то, что: 1) «...информация о факте трансгендерного перехода отца создаст для детей психотравмирующую ситуацию, которая будет иметь пролонгированный характер и окажет негативное влияние на их психическое здоровье и психологическое развитие...»³; или 2) брачный союз будет признан недействительным, если стороны не соответствуют биологическим критериям мужчины и женщины⁴.

В делах, рассматриваемых ЕСПЧ, истцы-транссексуалы указывали на невозможность вступления в брак из-за биологического критерия пола, установленного национальным правом. Это приводило к отказу в замене документов, ограничивая право-

способность и делая брак недоступным. Альтернативно брак определялся исключительно как союз лиц разного пола. Следовательно, даже при официальном признании лица, сменившего пол, мужчиной или женщиной возможность заключить брак с представителем противоположного пола оставалась сомнительной.

При этом ряд судей в особых мнениях высказывались за возможность расширительной трактовки положений ст. 12 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция)⁵ применительно к ситуациям прооперированных транссексуалов:

1) по мнению судьи Мартенса, «...прооперированный транссексуал относительно ст. 12 должен рассматриваться как относящийся к выбранному им самим полу с возможностью реализации права вступить в брак с лицом, принадлежащим к полу, противоположному тому, который он для себя выбрал...» (п. 4.6);

2) судья П. Ван Дийк в своем особом мнении не исключил возможности разработки автономного понятия «семья» касаясь ст. 12 Конвенции, что могло бы повлиять на трактовку права на брак в контексте гендерной идентичности⁶ и др.

Представляется, что современные подходы лидеров ряда зарубежных государств к проблематике легализации однополых партнерств демонстрируют выраженную концептуально противоположную позицию по сравнению с официальной позицией Российской Федерации. Например, еще в 2010 г. Закон Великобритании о равенстве⁷ содержал запрет на дискриминацию по девяти основаниям, включающим изменение пола и сексуальную ориентацию.

⁵ См.: «Мужчины и женщины, достигшие брачного возраста, имеют право вступать в брак и создавать семью в соответствии с национальным законодательством, регулирующим осуществление этого права». Источник: Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950; с изм. от 24.06.2013) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) (примечание: документ прекратил действие в отношении России с 16 марта 2022 г.) [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 28.02.2023 № 43-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Reports 1998-V, p. 2011 /30 июля 1998 г. URL: <http://www.echr-base.ru/pravov6.jsp> (дата обращения: 28.08.2025).

⁷ The Equality Act 2010. Employment law guide. London, 2010. P. 3. URL: <https://education-uk.org/documents/acts/2010-equality-act.html> (дата обращения: 01.10.2025).

¹ См., напр.: Решение Кировского районного суда (Калужская область) от 18.01.2019 по делу № 2А-1-93/2019; Решение Рассказовского районного суда (Тамбовская область) от 27.11.2018 по делу № 2А-1424/2018; Решение Киржачского районного суда (Владимирская область) от 15.10.2018 по делу № 2А-666/2018. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 15.11.2022).

² Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 24.07.1998 № 124-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ P.V. против Испании [P.V. v. Spain] № 35159/09: постановление от 30 ноября 2010 г. [вынесено III Секцией]. URL: hudoc.echr.coe.int/eng/?i=001-101943 (дата обращения: 05.05.2025).

⁴ См.: «...в деле «Беллинджер против Беллинджер» (Bellinger v. Bellinger) (EWCA Civ 1140 (2001 г.), 3 FCR 1, заявительница, первоначально зарегистрированная как мужчина, после хирургического изменения пола заключила брак с мужчиной...». Источник: Постановление ЕСПЧ от 11.07.2002 «Дело "I. против Соединенного Королевства"» (жалоба № 25680/94), (Страсбург, 11 июля 2002 г.) [рус., англ.]. URL: https://ecolug.ru/docs/T1LCkM6vAjQ3xCIecrdw/10?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 02.05.2025); Информация о постановлении ЕСПЧ от 11.07.2002 по делу «Кристина Гудвин (Christine Goodwine) против Соединенного Королевства» (жалоба № 28957/95) Отсутствие правового признания смены пола: допущено нарушение Статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В России заключение брака только между мужчиной и женщиной всегда было необходимым условием такого союза. В 2023 г. в Семейный кодекс Российской Федерации (далее — СК РФ) приняты изменения, устанавливающие основания для прекращения брака, если в результате смены пола одним из супругов были внесены соответствующие изменения в запись акта гражданского состояния, вводится запрет на любые медицинские манипуляции, включая лекарственную терапию, предназначенные для смены биологического пола человека и приобретения признаков другого¹.

Однако лечение врожденных патологий, отклонений в развитии, генетических и гормональных болезней, связанных с патологическим развитием половых органов, разрешено. Подобные вмешательства возможны только на основании приказов специализированных врачебных комиссий, состоящих в ведении Министерства здравоохранения Российской Федерации (ч. 2 ст. 45.1)².

При этом Клиническое руководство³ предписывает пациентам с диагнозом F 64.0 («Транссексуализм») прохождение длительного амбулаторного лечения продолжительностью не менее двух лет. Несмотря на то что смена половой принадлежности официально признана единственно эффективным способом терапии нарушений гендерной идентичности, среди ученых отсутствует единый взгляд на содержание понятия «смена пола», которое может подразумевать смену юридического статуса пола в официальных документах, проведение операций по изменению анатомии половых органов либо оба аспекта одновременно.

Неоднозначный подход к толкованию указанных понятий оказывает негативное влияние на понимание норм права, регулирующих брачно-семейные отношения.

На эту тему существуют противоречивые мнения, например «...юридическое препятствие браку между лицами, принадлежащими к одному биоло-

гическому полу, само по себе не ограничивает их право на вступление в брак...» [3]; или «при наличии добровольного согласия мужчины и женщины, а также при достижении ими брачного возраста, при отсутствии препятствий, установленных ст. 14 СК РФ, брак может быть зарегистрирован со дня подачи заявления⁴... (так как — прим. автора)... нет оснований полагать о наличии каких-либо препятствий к заключению брака лицом, сменившим пол. В частности, ст. 14 СК РФ не предусматривает среди подобных обстоятельств смену пола одним из будущих супругов...» [4] и др.

На наш взгляд, подобные умозаключения ошибочны, т. к. прекословят государственной политике и традиционным нравственным ценностям российского общества. Применение данного принципа приводит к законодательному разрешению на браки между женщинами-транссексуалами и женщинами, а также допускает возможность признания женщины-транссексуала юридическим родителем в статусе отца, и наоборот, относительно мужского пола, соответственно.

В настоящее время мнение отечественного законодателя, выраженное в федеральном законе Российской Федерации «Об актах гражданского состояния»⁵, позволяет утверждать, что основанием для внесения изменений в записи актов гражданского состояния является заключение органа ЗАГС, основанное на медицинском документе, подтверждающем смену пола. Заявления рассматриваются в течение месяца, после чего выдается свидетельство, формирующее гражданскую личность с правами и обязанностями, соответствующими новому полу.

В практике российских судов уже случались прецеденты, связанные со сменой пола и регулированием брачно-семейных отношений, например, 30 июля 2022 г. службой ЗАГС г. Иркутска был зарегистрирован брак между гражданами Р. и Ф. Спустя день, 1 августа 2022 г., Р. подал заявление о внесении изменений в записи актов о его рождении и браке, приложив справку формы № 087/у от 21 июня 2022 г. о смене пола с мужского на жен-

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 24.07.2023 № 386-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 21.11.2011 № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об утверждении клинического руководства «Модели диагностики и лечения психических и поведенческих расстройств»: приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 06.08.1999 № 311. URL: <https://vvgorod.narod.ru/books/prikaz311.pdf> (дата обращения: 30.04.2025).

⁴ Об утверждении форм бланков заявлений о государственной регистрации актов гражданского состояния, справок и иных документов, подтверждающих государственную регистрацию актов гражданского состояния [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 31.10.1998 № 1274. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Об актах гражданского состояния [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 15.11.1997 № 143-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ский. Справка утверждена приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации № 850н от 23 октября 2017 г. и представляет собой заключение врачебной комиссии о психическом состоянии пациента. Поскольку подпунктом «ж. 1» п. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации и п. 1 ст. 72 СК РФ брак определяется как союз мужчины и женщины, заявителям было отказано в удовлетворении требований. Кроме того, было выявлено, что гражданка Ф. в 2020 г. аналогичным образом изменила свой пол с мужского на женский. Суд, пояснив, что: «...факт того, что Р., имея на руках медицинский документ, позволяющий осуществить государственную регистрацию смены пола, вступил в брак, являясь мужчиной, а только потом изменил пол, свидетельствовал о наличии у него и у Ф. умысла, направленного на получение официального документа, подтверждающего государственную регистрацию брака между лицами одного пола. Принимая во внимание незаконность нахождения в браке лиц одного пола и полагая, что при получении на руки свидетельства о государственной регистрации заключения брака между двумя женщинами, физиологически являющимися мужчинами, Р. и Ф. смогут использовать данное обстоятельство как информационный повод для пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений...»¹, вынес решение о признании недействительным брака между гражданами Р. и Ф. и его аннулировании.

Также из открытых источников была получена информация о судебных решениях, касающихся споров о признании брака недействительным в связи со сменой пола одного из супругов и иных подобных дел, связанных с проблемами гендерной идентичности и брака, например: 1) решение суда в Тверской области (ноябрь 2022 г.) — прокуратура потребовала аннулировать брак после того, как один из супругов сменил пол²; 2) решение Центрального районного суда г. Тюмени (март 2023 г.) — прокуратура обратилась в суд с требованием признать брак недействительным после того, как один из супругов сменил пол³.

¹ О судебной практике по делу о смене пола. Журнал: ЗАГС. № 6. 2023. URL: <https://panor.ru/articles/o-sudebnoy-praktike-po-delu-o-smene-pola/93696.html#> (дата обращения: 02.05.2025).

² В Твери суд признал недействительным брак мужчины, который стал женщиной. URL: <https://www.afanasy.biz/news/society/203202> (дата обращения: 29.08.2025).

³ Суд признает брак недействительным, если в паре кто-то сменил пол. URL: <https://www.klerk.ru/buh/news/566513> (дата обращения: 29.08.2025).

В обоих случаях суд признал брак недействительным с момента смены пола. Эти решения отражают текущую судебную практику в России, где суды признают брак недействительным, если один из супругов меняет пол после его заключения, ссылаясь на Семейный кодекс Российской Федерации, определяющий брак как союз мужчины и женщины.

Для разрешения подобных правовых коллизий предлагается внести в ст. 14 СК РФ дополнительные административно-правовые меры в виде запрета на вступление в брак лицам, сменившим пол, наряду с существующим запретом на нахождение в браке лицам, если хотя бы одно из них сменило пол (ст. 16 СК РФ).

Представляется, что исполнение данного запрета будет регулироваться органами ЗАГСa путем осуществления стандартных процедур⁴. Людям, сменившим пол, запрещено становиться усыновителями, опекунами или попечителями, находиться в браке (а также вступать в брак — прим. авт.). Паспорт гражданина признается недействительным через 90 дней после изменения записи акта гражданского состояния, а лицо будет числиться в Едином государственном реестре как лицо, сменившее имя по причине смены пола (ст. 13.1)⁵. Далее при желании лица, сменившего пол, вступить в брак сотрудники органа ЗАГСa в обязательном порядке будут обязаны проверить все обстоятельства, препятствующие заключению брака, установленные ст. 14 СК РФ (ч. 8 ст. 27).

В заключение можно констатировать следующее.

Во-первых, исследование проблем защиты семьи, материнства, отцовства и детства является приоритетной задачей науки и практики, способствующей обеспечению устойчивого социального, демографического и морально-нравственного развития России.

Во-вторых, существует необходимость в разработке новых административно-правовых механизмов воздействия, которые будут учитывать интере-

⁴ Об утверждении Административного регламента предоставления государственной услуги по государственной регистрации актов гражданского состояния органами, осуществляющими государственную регистрацию актов гражданского состояния на территории Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 28.12.2018 № 307. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Об актах гражданского состояния [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 15.11.1997 № 143-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

сы всех участников брачно-семейных отношений, обеспечивая баланс между традиционными и современными подходами.

В-третьих, с целью обеспечения сохранности традиционных российских семейных ценностей в качестве конкретной дополнительной

административно-правовой меры предлагаем внести в Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ следующие изменения: часть 1 статьи 14 главы 3 в разделе II дополнить абзацем 6 следующего содержания: «лицами, из которых хотя бы одно лицо сменило пол».

Список источников

1. Головина А. Г. О некоторых аспектах нарушений гендерной идентичности в период adolescence // Современная терапия в психиатрии и неврологии. 2021. № 3–4. С. 10–14.
2. Петрушина Т. С. Вопросы благополучия и безопасности семьи в современном мире // Вестник науки. 2024. № 10 (79). Т. 4. С. 671–684.
3. Косарева И. А. Брачные права лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией в России и за рубежом // Нотариус. 2007. № 5. С. 41–44.
4. Шишкина Ю. С. Право лиц, сменивших пол, на вступление в брак // Вестник ВУиТ. 2011. № 75. С. 154–166.

References

1. Golovina A. G. O nekotorykh aspektakh narushenij gendernoj identichnosti v period adolescencii // Sovremennaya terapiya v psikiatrii i nevrologii. 2021. № 3–4. S. 10–14.
2. Petrushina T. S. Voprosy blagopoluchiya i bezopasnosti sem'i v sovremennom mire // Vestnik nauki. 2024. № 10 (79). T. 4. S. 671–684.
3. Kosareva I. A. Brachnye prava lic s netradicionnoj seksual'noj orientaciej v Rossii i za rubezhom // Notarius. 2007. № 5. S. 41–44.
4. Shishkina Yu. S. Pravo lic, smenivshih pol, na vstuplenie v brak // Vestnik VUiT. 2011. № 75. S. 154–166.

Информация об авторе

А. В. Мирошниченко — кандидат юридических наук.

Information about the author

A. V. Miroshnichenko — Candidate of Science (Law).

Статья поступила в редакцию 03.10.2025; одобрена после рецензирования 15.01.2026; принята к публикации 19.06.2026.

The article was submitted 03.10.2025; approved after reviewing 15.01.2026; accepted for publication 19.06.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 99–107.

Altai Law Journal. 2026. № 2 (54). P. 99–107.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.9:339.3

ОСОБЕННОСТИ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ ПОЛИЦИЕЙ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, ВЫРАЗИВШИХСЯ В НЕЗАКОННОЙ РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖЕ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ ФИЗИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ

Евгений Александрович Моляров

Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия, apiad.kafedra@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9075-7466>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности документирования полицией административных правонарушений, выражающихся в незаконной продаже спиртных напитков физическими лицами в условиях следующих типичных ситуаций: 1) продажа спиртных напитков осуществляется на торговом объекте; 2) в помещении, не предназначенном для ведения предпринимательской деятельности; 3) посредством интернет-магазинов и социальных сетей без официального оформления соответствующей предпринимательской деятельности; 4) с использованием приемов сокрытия факта продажи таких напитков от правоохранительного контроля. Предложено введение в законодательство новой меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях — административной проверочной закупки — с целью повышения качества документирования правонарушений.

Ключевые слова: полиция, административные правонарушения, незаконный оборот, розничная продажа, алкогольная продукция, спиртные напитки

Для цитирования: Моляров Е. А. Особенности документирования полицией административных правонарушений, выразившихся в незаконной розничной продаже спиртных напитков физическими лицами // Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 99–107.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

FEATURES OF DOCUMENTATION BY THE POLICE OF ADMINISTRATIVE OFFENSES RESULTING IN THE ILLEGAL RETAIL SALE OF ALCOHOLIC BEVERAGES BY INDIVIDUALS

Evgeny A. Molyarov

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russia,
apiad.kafedra@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9075-7466>

Abstract. The article discusses the specifics of police documentation of administrative offenses resulting in the illegal sale of alcoholic beverages by individuals in the following typical initial situations: 1) the sale of alcoholic beverages is carried out at a store; 2) in a facility not intended for conducting business; 3) through online stores and social networks without official registration of the relevant business activity; 4) the sale of alcoholic beverages is carried out using techniques to conceal the fact of the sale of such beverages from law enforcement control. The introduction of a new measure for ensuring proceedings in cases of administrative offenses, the “administrative verification purchase” is proposed in order to improve the quality of documentation of offenses.

Keywords: police, administrative offenses, illegal trafficking, retail trade, alcoholic products, alcoholic beverages

For citation: Molyarov E. A. Features of Documentation by the Police of Administrative Offenses Resulting in the Illegal Retail Sale of Alcoholic Beverages by Individuals. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2026;2:99–107 (In Russ.).

© Моляров Е. А., 2026

В соответствии с законодательством Российской Федерации розничная продажа спиртных напитков (особого вида алкогольной продукции, к которому относятся водка, коньяк, виноградная водка и бренди) является лицензируемым видом деятельности, которую могут осуществлять только юридические лица. Физическим лицам, в т. ч. индивидуальным предпринимателям, лицензии на продажу спиртных напитков не выдаются. Такая позиция исходит из смысла положений, предусмотренных п. 7, 9 ч. 1 ст. 2 и п. 1 ст. 16 Федерального закона Российской Федерации от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции». Поэтому розничная продажа спиртных напитков физическими лицами является незаконной деятельностью, за которую предусмотрено административное и даже уголовное наказание.

Желание быстрой и легкой наживы мотивирует отдельных граждан на занятие данной противоправной деятельностью, которая зачастую сопровождается распространением контрафактной алкогольной продукции, представляющей потенциальную опасность для жизни и здоровья граждан, употребляющих ее [1, с. 210–214]. Правоохранительные органы регулярно сталкиваются с фактами отравлений граждан, в т. ч. массовых, в результате распития незаконно распространенных спиртных напитков. Среди наиболее известных случаев, вызвавших широкий общественный резонанс, выделяются следующие. В сентябре 2025 г. в Ленинградской области употребление суррогатного алкоголя привело к смерти 19 человек [2]. Не менее печальная ситуация сложилась в 2021 г. в Екатеринбурге, где также произошло массовое отравление алкоголем. В результате этого инцидента 51 человек получил отравление, причем 44 человека не смогли выжить [3]. К сожалению, подобные случаи отравления алкоголем не являются редкостью и периодически происходят в различных регионах нашей страны. Такие примеры говорят о серьезности проблемы и необходимости разработки научно обоснованных предложений по совершенствованию противодействия нарушениям, возникающим на рынке спиртных напитков.

Административная ответственность за правонарушения в сфере оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции характеризуется достаточно сложной системой нормативных предписаний, закрепленных в Особенной части Кодекса Российской Федерации об адми-

нистративных правонарушений (далее — КоАП РФ) и Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Это обуславливает некоторые трудности в правоприменительной практике при квалификации правонарушений указанной категории [4, с. 241] и, соответственно, при определении предмета документирования в рамках производства по делам об административных правонарушениях.

Так, незаконная розничная продажа спиртных напитков физическими лицами квалифицируется по ст. 14.17.1 КоАП РФ. Первой частью представленной статьи установлена ответственность для физического лица, не являющегося индивидуальным предпринимателем. Второй частью данной статьи установлена ответственность для индивидуального предпринимателя. Если розничная продажа спиртных напитков физическим лицом совершается неоднократно (т. е. лицом, подвергнутое административному наказанию за аналогичное деяние в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию), то деяние квалифицируется по ст. 171.4 УК РФ. Розничная продажа алкогольной продукции физическим лицом, в т. ч. индивидуальным предпринимателем, несовершеннолетнему квалифицируется по ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ, а неоднократное совершение такого деяния — по ст. 151.1 УК РФ [5, с. 142–144].

«Розничная продажа алкогольной продукции» как понятие, отражающее ключевой признак рассматриваемых нами правонарушений, имеет сходство по своему смыслу с другими понятиями — «оптовая продажа алкогольной продукции» и «поставка алкогольной продукции», которые необходимо отличать для правильной квалификации правонарушений на рынке спиртных напитков. Так, под розничной продажей спиртных напитков обычно понимается продажа соответствующей продукции покупателю для личного, семейного, домашнего или иного использования, не связанного с осуществлением предпринимательской деятельности. Основным признаком оптовых продаж спиртных напитков является покупка данной продукции в больших количествах для дальнейшего ее использования в предпринимательской деятельности или иных целях, не связанных с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием» [6, с. 156]. Законодательством Российской Федерации понятие «оптовая продажа алкогольной продукции» не предусмотрено, вместо этого используется понятие «поставка алкогольной продукции», которое, в свою очередь, входит в объем родового понятия «оборот алкогольной про-

дукции». Принципиальным отличием поставки алкогольной продукции от ее продажи является то, что она должна основываться на письменном договоре поставки, ее выполнение должно сопровождаться рядом документов (товарно-транспортной накладной, счет-фактурой, актом приема передачи и др.). Поставка спиртных напитков осуществляется исключительно на основании соответствующей лицензии, которая физическим лицам, в т. ч. индивидуальным предпринимателям, не выдается. Незаконный оборот спиртных напитков физическими лицами в крупном размере¹, в частности поставка, закупка, хранение, перевозка, а также розничная продажа указанной продукции, без соответствующей лицензии квалифицируется по ст. 171.3 УК РФ.

Прежде чем рассмотреть особенности документирования незаконной розничной продажи спиртных напитков физическими лицами, определим понятие «документирование», под ним обычно понимается законная целенаправленная деятельность должностных лиц по фиксации в установленном порядке информации об объективных и субъективных признаках, характеризующих действие (бездействие) как административное правонарушение, на материальных объектах (носителях информации), обеспечивающих ей юридическую силу [7, с. 228]. Обратим внимание, что фиксация информации о правонарушении фактически начинается с момента его выявления. По результатам проведенного нами анкетирования сотрудников полиции, привлекаемых к противодействию правонарушениям на рынке спиртных напитков, выявлено, что более трети (37 %) испытывали затруднения в процессе документирования рассматриваемых правонарушений. Полагаем, что одной из причин этого является недостаточное научно-методическое обеспечение производства по делам об административных правонарушениях на рынке спиртных напитков. Следует добавить, что среди сотрудников полиции сегодня более востребована разработка методических рекомендаций применительно к конкретным типичным ситуациям, складывающимся в процессе документирования правонарушений на рынке спиртных напитков, поскольку обобщенные рекомендации по документированию правонарушений не могут в полной мере удовлетворить имеющиеся запросы сотрудников полиции.

¹ Крупным размером признается стоимость алкогольной продукции, превышающая сто тысяч рублей (см.: примечание к ст. 171.3 УК РФ).

Так, проведенный анализ дел об административных правонарушениях, а также изучение правоприменительной практики органов внутренних дел в сфере противодействия незаконной розничной продаже спиртных напитков физическими лицами позволяют констатировать наличие различных способов совершения указанных противоправных деяний, каждый из которых обладает определенной спецификой и требует особого подхода к документированию. Исходя из этого, мы предлагаем выделять следующие исходные типичные ситуации (отличающиеся друг от друга особенностями объективной стороны административного правонарушения), с которыми сотрудники полиции сталкиваются при документировании незаконной продажи спиртных напитков физическими лицами:

1. Розничная продажа спиртных напитков осуществляется физическим лицом на торговом объекте (81 % сотрудников в ходе анкетирования указали, что сталкивались с такой ситуацией при документировании правонарушения).

2. Розничная продажа спиртных напитков осуществляется физическим лицом в помещении, не предназначенном для ведения предпринимательской деятельности (39 %).

3. Розничная продажа спиртных напитков осуществляется физическим лицом посредством интернет-магазинов и социальных сетей без официального оформления соответствующей предпринимательской деятельности (3 %).

4. Розничная продажа спиртных напитков осуществляется физическим лицом с использованием приемов сокрытия факта продажи таких напитков от правоохранительного контроля (8 %).

С учетом предусмотренных административно-процессуальным законодательством поводов к возбуждению дел об административных правонарушениях можно выделить следующие наиболее часто используемые сотрудниками полиции источники информации об административных правонарушениях рассматриваемой категории:

- сообщения и заявления от соседей и жителей близлежащих территорий и иных очевидцев, наблюдавших осуществление незаконной розничной продажи спиртных напитков (66 %);

- материалы, полученные по результатам оперативно-розыскной деятельности или следственных действий, содержащие данные, указывающие на наличие события незаконной розничной продажи спиртных напитков физическими лицами (48 %);

- анонимные сообщения граждан не служат поводом к возбуждению дела об административном

правонарушении, однако анонимная информация может проверяться сотрудником полиции с последующим непосредственным обнаружением им события административного правонарушения (47 %);

- сообщения и заявления от добросовестных приобретателей в торговых объектах спиртных напитков, оказавшихся недоброкачественными, в результате чего ими (напитками) был причинен вред здоровью в виде отравления, или потребителями были обнаружены поддельные этикетки, несоответствие состава продукта заявленному качеству и т. п. (34 %);

- другие источники (3 %).

В условиях, когда в отдел полиции не поступают сообщения от граждан о правонарушениях на рынке спиртных напитков, сотрудникам полиции следует инициативно организовывать и проводить мероприятия, направленные на обнаружение данных правонарушений. Так, в ходе интервьюирования сотрудников полиции выявлены наиболее часто применяемые способы выявления правонарушений рассматриваемой категории:

- организация специальных операций, направленных на выявление и пресечение правонарушений на рынке алкоголя, например оперативно-профилактическое мероприятие «Алкоголь» (78 %);

- обход административного участка (35 %);

- опрос граждан (31 %);

- мониторинг сети Интернет, в т. ч. социальных сетей (16 %);

- другие способы (2 %).

Перейдем к рассмотрению особенностей документирования каждой отдельно приведенной выше типичной ситуации, возникающей при документировании незаконной розничной продажи спиртных напитков физическими лицами.

1. Розничная продажа спиртных напитков осуществляется физическим лицом на торговом объекте. Особенностью этой ситуации является то, что незаконная розничная продажа спиртных напитков осуществляется в строении, сооружении или здании, специально оснащенном оборудованием, предназначенным для выкладки, демонстрации товаров, обслуживания покупателей и проведения с ними денежных расчетов при продаже товаров. Торговыми объектами, используемыми для незаконной продажи спиртных напитков, могут выступать магазины (88 %), киоски (32 %), торговые палатки (2 %), автомагазины (1 %) и другие объекты (1 %). Рассматриваемый способ совершения правонарушения не является латентным, поскольку достаточно эффективно выявляется в рамках

обхода административного участка. Субъектами незаконной предпринимательской деятельности являются: 1) индивидуальные предприниматели, в т. ч. осуществляющие продажу крепких спиртных напитков наряду с пивом, пивными напитками, сидром, пуаре, медовухой (81 %); 2) продавцы, состоящие в трудовых отношениях с индивидуальным предпринимателем либо с организацией, которые продают в торговом объекте собственные (принадлежащие им) спиртные напитки, не поставив в известность об этом своего работодателя (47 %); 3) физические лица, незарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей и не состоящие в трудовых отношениях с индивидуальным предпринимателем либо организацией (64 %).

В качестве примера рассматриваемой ситуации можно привести Постановление по делу об административном правонарушении № 5-14/2025 от 10 марта 2025 г., вынесенное Тейковским районным судом (Ивановской области), из текста которого следует, что в период с 1 декабря 2024 г. по 23 декабря 2024 г. гр-ка Х, находясь в торговом павильоне, расположенном в г. Тейково Ивановской области, являясь физическим лицом, осуществляла незаконную розничную продажу спиртных напитков «Каспийская BELUGA...» с содержанием этилового спирта 37,4 % по цене 150 рублей за единицу товара без сопроводительных документов и лицензии. В ходе дачи показаний гр-ка Х пояснила, что она, осуществляя в магазине трудовую деятельность, накануне новогодних праздников решила подзаработать, приобрела у незнакомого мужчины пару коробок спиртных напитков вышеуказанного наименования для дальнейшей перепродажи в магазине, в котором работала, не поставив в известность своего работодателя. В отношении гр-ки Х был составлен протокол по ч. 1 ст. 14.17.1 КоАП РФ¹.

Особенностью документирования незаконной розничной продажи спиртных напитков в торговом объекте является необходимость осмотра торгового объекта в соответствии со ст. 27.8 КоАП РФ, по результатам которого составляется протокол осмотра принадлежащих индивидуальному предпринимателю или юридическому лицу помещений, территорий и находящихся там вещей и документов. В этом протоколе обязательно отражается информация о виде осматриваемого

¹ Постановление Тейковского районного суда (Ивановской области) от 10 марта 2025 г. по делу № 5-14/2025 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

торгового объекта, о наличии или отсутствии оборудования (приспособления), предназначенного для выкладки, демонстрации товаров, обслуживания покупателей и проведения с ними денежных расчетов при продаже товаров, о потребительском уголке и размещенных там документах о торговом объекте. С учетом положений ч. 2 ст. 494 ГК РФ и п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 октября 2006 г. № 18 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» обязательно указывается наличие на прилавках или витринах в торговом объекте спиртных напитков, а также отсутствие явного обозначения, что эти товары не предназначены для продажи.

Обнаруженные спиртные напитки изымаются в соответствии со ст. 27.10 КоАП РФ. Особенности изъятия спиртных напитков ранее нами были рассмотрены в научной статье «Особенности изъятия должностными лицами органов внутренних дел спиртных напитков, явившихся предметами административного правонарушения» [8].

При документировании важно правильно определить лицо, в отношении которого будет осуществляться производство по делу об административном правонарушении. Этим лицом может быть индивидуальный предприниматель, в т. ч. отсутствовавший в момент незаконной продажи спиртного напитка, если установлено, что он поручил продавцу в силу наличия трудовых отношений продавать спиртные напитки, а может быть и продавец, как в приведенном выше примере, если тот без ведома работодателя осуществлял продажу своего алкоголя. При этом следует учитывать, что продавец может давать показания в рамках дела против себя как виновного в правонарушении под давлением индивидуального предпринимателя (или руководителя организации), поскольку для индивидуальных предпринимателей (должностных лиц) и юридических лиц санкции за незаконную продажу спиртных напитков существенно строже.

Спецификой документирования продажи спиртных напитков на торговых объектах является совокупность подлежащих приобщению к материалам дела и изучению имеющихся документов (их копий) о субъекте незаконной предпринимательской деятельности, в частности, при документировании незаконной деятельности индивидуального предпринимателя изучаются: выписка из реестра ЕГРИП; свидетельство о государственной регистрации физического лица в качестве индивидуального предпринимателя; документы, подтверждающие право

пользования субъектом предпринимательской деятельности торгового объекта, в т. ч. договоры аренды помещения, земельного участка и др.; выписка из ЕГРН об объекте недвижимости; документы, свидетельствующие о наличии трудовых отношений продавца с индивидуальным предпринимателем; товарно-транспортные накладные на спиртные напитки и некоторые другие документы. Имеющиеся документы проверяются на подлинность.

2. Розничная продажа спиртных напитков осуществляется физическим лицом в помещении, не предназначенном для ведения предпринимательской деятельности. Особенностью этой ситуации является то, что незаконная розничная продажа спиртных напитков осуществляется в частном доме (38 %), квартире (33 %), гараже (10 %), в легковом или грузовом автомобиле (7 %), самодельной палатке (1 %) и других объектах (2 %), не предназначенных для торговли. Субъектами незаконной предпринимательской деятельности выступают физические лица. Данному способу административного правонарушения в большинстве случаев свойственны следующие признаки: конспирация, отсутствие внешних признаков торговли, продажа «для своих» или «по наводке», быстрое уничтожение следов правонарушения. Это значительно осложняет эффективное документирование правонарушения имеющимися в распоряжении полиции «административными средствами».

В качестве примера розничной продажи спиртных напитков физическим лицом в помещении, не предназначенном для ведения предпринимательской деятельности, можно привести Постановление по делу об административном правонарушении от 13 марта 2024 г. № 5-2/2024, вынесенное Седельниковским районным судом Омской области, в соответствии с которым гр-ка А, не являясь предпринимателем, находясь в своей квартире, продала другому гражданину 0,5 литра спиртного напитка домашней выработки — самогона крепостью 38,8 % — по цене 150 рублей. Правонарушение было выявлено сотрудниками полиции в рамках обхода административного участка и обнаружения гражданина, державшего в руке бутылку с самогом, при опросе которого сотрудники полиции установили, что спиртной напиток был приобретен у гр-ки А по месту ее проживания через окошко. Бутылка со спиртным напитком была изъята в присутствии двух понятых и в дальнейшем направлена на экспертизу с целью идентификации жидкости. Прибывшим по адресу полицейским гр-а А пояснила, что спиртных напитков она не продавала, в дальнейшем свою вину отрицала.

Судья, изучив имеющиеся в деле доказательства, приняла решение о признании гр-ки А виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.17.1 КоАП РФ¹.

Как видно из примера, ключевыми доказательствами по делу являются показания свидетелей и изъятая у покупателя алкогольная продукция. Обратим внимание на то, что осмотр жилища в рамках производства по делу об административном правонарушении не допустим.

3. Розничная продажа спиртных напитков осуществляется физическим лицом посредством интернет-магазинов и социальных сетей без официального оформления соответствующей предпринимательской деятельности. Особенностью этой ситуации является то, что незаконная сделка купли-продажи осуществляется дистанционным и анонимным способом в условиях отсутствия «очного контакта» продавца с покупателем, оплата зачастую производится безналичным способом, а спиртные напитки передаются через курьера. С учетом современного развития информационных технологий данный способ совершения правонарушения встречается нередко, но при этом латентен.

Вместе с тем в ходе интервьюирования сотрудники полиции, задействованные в противодействии правонарушениям на рынке спиртных напитков, указывали на высокую сложность документирования данного правонарушения в рамках административного дела. В ходе изучения дел об административных правонарушениях нами не обнаружено фактов документирования сотрудниками полиции представленного способа незаконной розничной продажи спиртных напитков, однако выявлены многочисленные упоминания о незаконной продаже спиртных напитков в сети Интернет.

Например, на официальном сайте Управления Роспотребнадзора упоминается о выявлении в 2023 г. web-сайта, посредством которого круглосуточно без лицензии продавалась алкогольная продукция. В целях предотвращения возможности приобретения неопределенным кругом лиц дистанционным способом алкогольной продукции Управление Роспотребнадзора по Воронежской области направило в суд исковое заявление о блокировке соответствующего сайта. Суд данное исковое требование удовлетворил [9]. В настоящий момент действует механизм внесудебного ограни-

чения доступа к информации в отношении оборота алкогольной продукции в соответствии со вступившим в силу Постановлением Правительства Российской Федерации от 5 июня 2018 г. № 651. Отметим, что в работе по блокированию web-сайтов, посредством которых реализуются спиртные напитки, активно участвует и Прокуратура Российской Федерации. Таким образом, ключевыми органами государственной власти, противодействующими незаконной продаже спиртных напитков посредством сети Интернет, выступают Роспотребнадзор, прокуратура и Роскомнадзор.

Анализируя особенности документирования незаконной продажи спиртных напитков посредством интернет-магазинов и социальных сетей, следует отметить, что такое документирование является относительно трудоемким, длительным процессом и представляет собой многокомпонентную систему действий, которая включает в себя мониторинг сети Интернет; фиксацию доказательств путем создания скриншотов web-страниц с информацией о продаже спиртных напитков; определение IP-адреса, номеров телефонов и других контактных данных лиц, администрирующих интернет-ресурс, с последующим их установлением и опросом; установление свидетелей правонарушения, в т. ч. покупателей, и заслушивание их показаний; принятие мер по обнаружению и изъятию спиртных напитков; составление протокола об административном правонарушении в отношении правонарушителя, а также некоторые другие действия.

4. Розничная продажа спиртных напитков осуществляется физическим лицом с использованием приемов сокрытия факта продажи таких напитков от правоохранительного контроля. Особенностью этой ситуации является сокрытие продавцом факта розничной продажи спиртных напитков. Известны различные способы сокрытия продажи спиртных напитков. Так, в ходе интервьюирования сотрудники полиции сообщали, что их внимание привлекали случаи продажи на торговых рынках самогона в пластиковых литровых бутылках с этикеткой с надписью «чистящее средство» или «дезинфицирующее средство», которые покупали граждане с последующим распитием в качестве крепкого спиртного напитка. В соответствии с решением Ленинградского районного суда г. Калининграда по делу от 14 февраля 2017 г. № 2-1075/7 был установлен факт продажи алкогольной продукции под видом подарка за покупку сувениров². Дарение, в свою очередь,

¹ Постановление Седельниковского районного суда (Омской области) от 12 марта 2024 г. по делу № 5-2/2024 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Постановление Ленинградского районного суда г. Калининграда от 14 февраля 2017 г. по делу № 2-1075/7

не относится к сделке купли-продажи, являющейся ключевым признаком рассматриваемых правонарушений. Практика производства по делам об административных правонарушениях указанной категории не сформирована, что вызывает серьезные затруднения у сотрудников полиции по их документированию.

Обнаружение каждого подобного приема сокрытия факта продажи спиртных напитков требует особого подхода к документированию административного правонарушения. Так, в случае выявления незаконной розничной продажи алкогольной продукции под видом подарка за приобретение другого товара (например, сувенира по цене,кратно превышающей его рыночную стоимость) А. С. Агеев абсолютно верно предлагает использовать предусмотренные законом возможности признания сделки притворной, т. е. совершенной с целью прикрыть другую сделку, и рассматривать ее как фактическую незаконную продажу с соответствующими правовыми последствиями [6, с. 160].

Обобщая практику документирования административных правонарушений, заключающихся в незаконной розничной продаже спиртных напитков физическими лицами, во всех перечисленных нами ситуациях отметим, что ключевыми доказательствами правонарушения и вины конкретного лица в его совершении являются: показания лица, в отношении которого ведется дело об административном правонарушении; показания свидетелей, потерпевших; рапорты сотрудников полиции, выявивших правонарушение; протокол осмотра принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю помещений, территорий и находящихся там вещей и документов; протокол личного досмотра, досмотра вещей, находящихся при физическом лице; протокол о досмотре транспортного средства; протокол об изъятии вещей и документов; вещественные доказательства в виде спиртных напитков; определение о назначении экспертизы и заключение эксперта; учредительные и другие документы о субъекте незаконной предпринимательской деятельности, а также о предмете правонарушения; некоторые другие документы. В связи с тем, что производство по делам об административных правонарушениях, выразившихся в незаконной розничной продаже спиртных напитков физическими лицами, требует значительных временных затрат, проводится административное расследование в соответствии со ст. 28.7 КоАП РФ.

[Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В целом учитывая сложность всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств, выразившихся в незаконной розничной продаже спиртных напитков физическими лицами, особенно когда это правонарушение носит скрытый и конспиративный характер, а его повторное совершение влечет уголовную ответственность, полагаем, что имеющихся в распоряжении сотрудников полиции законных средств документирования недостаточно. Так, Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях не предусмотрено производство процессуальных действий, которые позволяли бы документально зафиксировать непосредственно момент совершения противоправной сделки. Поэтому считаем, что сегодня назрела необходимость в рассмотрении возможности введения в КоАП РФ новой меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях — «административной проверочной закупки», аналогом которой являются оперативно-розыскное мероприятие «проверочная закупка», предусмотренное ст. 6 Федерального закона Российской Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», и контрольное (надзорное) мероприятие «контрольная закупка», предусмотренное ст. 67 Федерального закона Российской Федерации от 31 июля 2020 г. «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации».

Полагаем, что «административная проверочная закупка» могла бы служить средством усиления доказательственной базы всех документируемых правонарушений, выразившихся в нарушении правил сбыта товаров и продукции, а также оказания услуг. Это, в свою очередь, минимизировало бы возможности для оспаривания фактов правонарушений при рассмотрении дел.

Целью нового мероприятия могло бы выступать обеспечение правильного рассмотрения дела об административном правонарушении, выразившееся в нарушении правил продажи товаров и оказания услуг. Субъектом его проведения могли бы быть должностные лица, уполномоченные составлять соответствующие протоколы об административных правонарушениях. Основанием «административной проверочной закупки» целесообразно определить наличие достаточных данных, указывающих на признаки вышеуказанных административных правонарушений. Процедурные правила такой закупки должны в себя включать: вынесение распоряжения о проведении процессуального действия соответствующим руко-

водителем федерального органа исполнительной власти либо руководителем территориального органа федерального органа исполнительной власти; привлечение к мероприятию двух понятых либо применение видеозаписи; составление протокола с подробным описанием всех действий, выполненных в ходе административной проверочной закупки, предмета закупки, обстоятельств продажи.

Полагаем, что введение «административной проверочной закупки» в КоАП РФ создаст современный, адекватный вызовам времени и легальный инструмент для пресечения правонарушений в потребительской сфере, особенно в области незаконного оборота алкогольной продукции, в т. ч. совершаемых дистанционным способом посредством сети Интернет. Опыт проведения мероприятий по закупке товаров и услуг дистанционным способом с целью документирования незаконной деятельности в сети Интернет у сотрудников полиции уже имеется.

В качестве вывода отметим следующее. Анализ рассматриваемых административных правонарушений показывает разнообразие способов незаконной продажи спиртных напитков физическими лицами, каждое из которых имеет свою специфику и требует особого подхода к документированию. В связи с этим дальнейшие научные исследования с целью улучшения методического обеспечения документирования рассматриваемых административных правонарушений целесообразно осуществлять с учетом следующих исходных типичных ситуаций:

- розничная продажа спиртных напитков осуществляется физическим лицом на торговом объекте;

- розничная продажа спиртных напитков осуществляется физическим лицом в помещении, не предназначенном для ведения предпринимательской деятельности;

- розничная продажа спиртных напитков осуществляется физическим лицом посредством интернет-магазинов и социальных сетей без официального оформления соответствующей предпринимательской деятельности;

- розничная продажа спиртных напитков осуществляется физическим лицом с использованием приемов сокрытия факта продажи таких напитков от правоохранительного контроля.

Также предлагается рассмотрение целесообразности внесения изменения в КоАП РФ, а именно добавления новой меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях — «административной проверочной закупки», аналогом которой является ОРМ «проверочная закупка», и контрольного (надзорного) мероприятия «контрольная закупка» — с целью усиления имеющихся законных средств выявления и документирования правонарушений рассматриваемой категории, в частности предоставления законодательной возможности документальной фиксации непосредственно момента совершения незаконного сбыта товаров и реализации услуг, образующих административное правонарушение.

Список источников

1. Садовых К. В. Общественная опасность незаконных производства (или) оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции: вредность и прецедентность // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 4 (45). С. 210–214.
2. Почти 20 человек скончались от отравления самогоном в Ленобласти. Смертельный суррогат производила работница детсада // Lenta.ru — Новости России и мира сегодня. URL: <https://lenta.ru/news/2025/09/26/sem-chelovek-skonchalis-ot-otravleniya-samogonom-v-lenoblasti-surrogat-proizvodil-pensioner-i-prodaval-mestnym-zhitelyam/?ysclid=mkgcuf6gl5881015124> (дата обращения: 16.01.2026).
3. В Екатеринбурге осуждены продавцы контрафактного алкоголя, от которого погибли 44 человека // Kommersant.ru. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6147958?ysclid=m4im9m6dr3961464338> (дата обращения: 16.01.2026).
4. Грецкая А. С. Проблемы квалификации административных правонарушений в сфере оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции // Актуальные вопросы современной науки. 2013. № 30–2. С. 235–243.
5. Зарубин А. В. Некоторые вопросы ответственности за незаконную розничную продажу алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: мат-лы XXV Международной научно-практ. конф-ции (7–8 апреля). Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2022. Ч. 2. С. 142–144.
6. Агеев А. С. «Розничная продажа» как обязательный признак объективной стороны незаконной розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции: вопросы толкования и применения // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 8 (165). С. 154–161.

7. Анисифорова М. В. Особенности документирования сотрудниками полиции административных правонарушений, связанных с незаконным оборотом прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 2. С. 226–234.

8. Моляров Е. А. Особенности изъятия должностными лицами органов внутренних дел спиртных напитков, явившихся предметами административного правонарушения // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2025. № 4. С. 43–51.

9. Суд удовлетворил исковое заявление Управления Роспотребнадзора по Воронежской области о блокировке сайтов, реализующих круглосуточно в отсутствие лицензии алкогольную продукцию // Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/about/info/news_region/news_details_region.php?ELEMENT_ID=24150&ysclid=mjjnd571cj158859958 (дата обращения: 16.01.2026).

References

1. Sadovyh K. V. Obshchestvennaya opasnost' nezakonnyh proizvodstva (ili) oborota etilovogo spirta, alkohol'noj i spirtosoderzhashchej produkcii: vrednost' i precedentnost' // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. № 4 (45). S. 210–214.

2. Pochti 20 chelovek skonchalis' ot otravleniya samogonom v Lenoblasti. Smertel'nyj surrogat proizvodila rabotnica detsada // Lenta.ru — Novosti Rossii i mira segodnya. URL: <https://lenta.ru/news/2025/09/26/sem-chelovek-skonchalis-ot-otravleniya-samogonom-v-lenoblasti-surrogat-proizvodil-pensioner-i-prodaval-mestnym-zhitelyam/?ysclid=mkgcuf6gl5881015124> (дата обращения: 16.01.2026).

3. V Ekaterinburge osuzhdeny prodavcy kontrafaktnogo alkogolya, ot kotorogo pogibli 44 cheloveka // Kommersant.ru. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6147958?ysclid=m4im9m6dr3961464338> (дата обращения: 16.01.2026).

4. Greckaya A. S. Problemy kvalifikacii administrativnyh pravonarushenij v sfere oborota alkohol'noj i spirtosoderzhashchej produkcii // Aktual'nye voprosy sovremennoj nauki. 2013. № 30–2. S. 235–243.

5. Zarubin A. V. Nekotorye voprosy otvetstvennosti za nezakonnyu roznichnuyu prodazhu alkohol'noj i spirtosoderzhashchej pishchevoj produkcii // Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki: mat-l'y XXV Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii (7–8 aprelya). Krasnoyarsk: Sibirskij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2022. Ch. 2. S. 142–144.

6. Ageev A. S. «Roznichnaya prodazha» kak obyazatel'nyj priznak ob»ektivnoj storony nezakonnoj roznichnoj prodazhi alkohol'noj i spirtosoderzhashchej pishchevoj produkcii: voprosy tolkovaniya i primeneniya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2024. № 8 (165). S. 154–161.

7. Anisiforova M. V. Osobennosti dokumentirovaniya sotrudnikami policii administrativnyh pravonarushenij, svyazannyh s nezakonnyim oborotom prekursorov narkoticheskikh sredstv i psihotropnyh veshchestv // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2021. № 2. С. 226–234.

8. Molyarov E. A. Osobennosti iz»yatiya dolzhnostnymi licami organov vnutrennih del spirtnyh napitkov, yavivshihsy predmetami administrativnogo pravonarusheniya // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2025. № 4. S. 43–51.

9. Sud udovletvoril iskovoje zayavlenie Upravleniya Rospotrebnadzora po Voronezhskoj oblasti o blokirovke sajtoy, realizuyushchih kruglosutochno v otsutstvii licenzii alkohol'nuyu produkciyu // Oficial'nyj sayt Federal'noj sluzhby po nadzoru v sfere zashchity prav potrebitelej i blagopoluchiya cheloveka. URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/about/info/news_region/news_details_region.php?ELEMENT_ID=24150&ysclid=mjjnd571cj158859958 (дата обращения: 16.01.2026).

Информация об авторе

Е. А. Моляров — кандидат юридических наук.

Information about the author

E. A. Molyarov — Candidate of Science (Law).

Статья поступила в редакцию 27.01.2026; одобрена после рецензирования 04.03.2026; принята к публикации 19.06.2026.

The article was submitted 27.01.2026; approved after reviewing 04.03.2026; accepted for publication 19.06.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 108–114.

Altai Law Journal. 2026. № 2 (54). P. 108–114.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.7:61

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

Аннета Михайловна Шаганян¹, Олеся Дмитриевна Овчинникова²

¹ Уральский институт государственной противопожарной службы МЧС России, Екатеринбург, Россия, sha-anneta@mail.ru

² Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, olesya901@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема недостаточно эффективных гарантий защиты прав и свобод медицинских работников. Обеспокоенность вызывает общая тенденция нападений на медицинских работников в ходе осуществления ими своей профессиональной деятельности. Отмечается наличие подобного негативного явления не только в Российской Федерации, но и за рубежом. Авторами рассмотрены имеющиеся в законодательстве гарантии защиты прав медицинских работников с учетом предложений о совершенствовании и расширении защитного инструментария. Кроме того, изучен зарубежный опыт в данной сфере. Авторы приходят к выводу, что только комплексный характер мер законодательного, экономического, организационного и просветительского характера сможет обеспечить личную безопасность медицинских работников при осуществлении ими своей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: права, свободы, правовой статус, гарантии, защита, медицинские работники

Для цитирования: Шаганян А. М., Овчинникова О. Д. Правовые гарантии защиты прав медицинских работников // Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 108–114.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

LEGAL GUARANTEES FOR THE PROTECTION OF HEALTHCARE WORKERS' RIGHTS

Anneta M. Shaganyan¹, Olesya D. Ovchinnikova²

¹ Ural Institute of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Yekaterinburg, Russia, sha-anneta@mail.ru

² Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, olesya901@mail.ru

Abstract. This article examines the problem of insufficiently effective guarantees for the protection of the rights and freedoms of health care workers. The general trend of attacks on health care workers in the course of their professional activities is a cause for concern. This negative phenomenon is noted to exist not only in the Russian Federation but also abroad. The authors examine existing legislative guarantees for the protection of health care workers' rights, taking into account proposals for improving and expanding protective tools. Furthermore, international experience in this area is examined. The authors conclude that only a comprehensive approach of legislative, economic, organizational, and educational measures can ensure the personal safety of health care workers in the course of their professional activities.

Keywords: rights, freedoms, legal status, guarantees, protection, healthcare workers

For citation: Shaganyan A. M., Ovchinnikova O. D. Legal Guarantees for the Protection of Healthcare Workers' Rights. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2026;2:108–114 (In Russ.).

Одним из принципов правового государства выступает идея взаимной ответственности государства и личности. Она означает как минимум обязанность каждого знать, исполнять и соблюдать законодательство Российской Федерации, государство, в свою очередь, обязано обеспечить общественный порядок, общественную и личную безопасность населения.

Тема обеспечения личной безопасности индивида имеет одно из первостепенных значений, поскольку от состояния защищенности личности зависит в том числе степень доверия государственным структурам, удовлетворенность и уверенность в будущем.

Конституция Российской Федерации в статье 2 провозглашает, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита есть обязанность государства¹. Законодатель установил, что жизнь, здоровье и достоинство личности охраняются государством, никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Данное конституционное предписание распространяется на всех лиц независимо от пола, расы, национальности, профессионального или имущественного положения, вероисповедания, убеждений и т. п. Для реализации данного положения органы государственной власти и их должностные лица разрабатывают различные правовые инструменты, среди арсенала которых выделяются средства по обеспечению личной безопасности лиц, обладающих специальным (видовым) правовым статусом. К таким лицам традиционно относят высших лиц государства, судей, прокуроров, сотрудников силовых ведомств и иных лиц.

Тем не менее современные реалии свидетельствуют, что гарантии обеспечения личной безопасности ряда лиц, наделенных специальным (видовым) правовым статусом, а именно медицинского работника при исполнении им своих должностных обязанностей, имеют пробелы и несовершенства и становятся актуальной проблемой. Термин «обеспечение личной безопасности» охватывает такие понятия, как: реализация прав и свобод личности, защита и восстановление нарушенных прав.

Осуществляя свою деятельность, медицинские работники все чаще становятся объектами вер-

бального и физического насилия, им поступают угрозы такого насилия и агрессии, как правило, со стороны пациентов, их родственников, соседей и даже третьих людей. Правовая незащищенность рассматриваемой категории лиц, безнаказанность за подобные неправомерные деяния в их адрес способствуют (провоцируют) дальнейшую эскалацию насилия в их адрес.

Анализ актов агрессии, угроз насилия и нападений на медицинских работников свидетельствует о том, что в группе риска находится, прежде всего, персонал скорой помощи, приемных покоев, участковых врачей и медсестер, осуществляющих помощь пациентам на дому. Сегодня как никогда медицинские работники, особенно перечисленных выше категорий, нуждаются в правовой регламентации защиты их прав, и прежде всего, конечно, речь идет о неотчуждаемых правах: о праве на жизнь, здоровье, личную неприкосновенность, честь, достоинство и доброе имя.

Анализ уголовного и административного законодательства свидетельствует об отсутствии в соответствующих нормативных правовых актах положений, защищающих права медицинских работников. И даже появление в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) статьи 124.1 «Воспрепятствование оказанию медицинской помощи» не меняет сложившегося негативного положения, поскольку диспозиция данной нормы направлена в конечном итоге на защиту прав пациента².

Общеизвестно, что содержание правового положения лица, профессионально выполняющего те или иные дополнительные полномочия и обязанности, связанные с его специальным (видовым) правовым статусом, должно быть сбалансировано как определенными ограничениями его прав, повышенной юридической ответственностью, так и социальными и правовыми льготами и гарантиями. Исследовав правовое положение медицинских работников, можно с уверенностью констатировать, что соотношение прав, обязанностей, ответственности и гарантий (социальных и правовых) находится в совершенной диспропорции, поскольку содержит минимальный набор социальных гарантий (неконкурентная величина заработной платы большинства медицинских работников) и отсутствие специфических правовых гарантий. Под специфическими правовыми гарантиями следует

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.10.2022).

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.11.2025).

понимать тщательно проработанные положения норм права, направленные исключительно на правовую защиту прав медицинских работников при исполнении ими своих должностных регламентов.

Так, в Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации (далее — КоАП РФ) и УК РФ сформулирован ряд составов правонарушений и преступлений, где специальным субъектом выступает исключительно медицинский работник (так называемые «медицинские составы», «ятрогенные преступления и правонарушения»). Уровень повышенной юридической ответственности для такой категории лиц, от быстроты реакций и профессионализма которых зависят жизнь и здоровье пациентов, вполне оправдан. Однако с учетом ухудшения криминальной обстановки, ростом противоправных посягательств на медицинских работников назрела потребность введения в Особенную часть УК РФ нового состава преступления или квалифицирующего признака, предусматривающих ответственность за противоправные деяния, а именно угрозы насилия, нанесение телесных повреждений различной степени тяжести, посягательство на жизнь, захват в заложники медицинского работника при оказании медицинской помощи.

Безусловно, категории так называемых медицинских дел являются одними из самых сложных с точки зрения документирования, доказывания, расследования и рассмотрения в судах, поскольку представляют собой симбиоз медицинских и юридических аспектов.

Изучение правового статуса медицинского работника позволяет говорить о дисбалансе, при котором наблюдается гипертрофированность ответственности при минимизации гарантий правового статуса, в частности гарантий безопасности при осуществлении профессиональных обязанностей. Законодатель установил целый ряд «медицинских» составов преступлений и правонарушений (ст. 124, 235 УК РФ; ст. 6.31 КоАП РФ и др.), где специальным субъектом выступает медицинский работник, что оправдано высокой степенью ответственности за жизнь и здоровье пациента. Однако механизм защиты прав медицинского работника от посягательств при исполнении им обязанностей является фрагментарным и несистемным.

На сегодняшний день ключевой проблемой является отсутствие в уголовном и административном законодательстве специальных норм, где медицинский работник выступает не субъектом, а потерпевшим в силу своего профессионально-

го статуса. Имеющиеся составы применяются к агрессорам на общих основаниях.

Анализ правоприменительной практики демонстрирует, что нападение на врача скорой помощи чаще всего квалифицируется по ст. 116 УК РФ «Побои» или ст. 115 УК РФ, либо квалификация осуществляется в рамках административно-правовых отношений по ст. 6.1.1 КоАП РФ по признаку «нанесение побоев, причинивших физическую боль». В последнем случае суд назначил наказание в виде штрафа, хотя противоправные действия были совершены в отношении лица, исполняющего профессиональный долг в условиях, близких к экстремальным. Отсутствие квалифицирующего признака не позволяет суду учесть повышенную общественную опасность такого деяния, что ведет к ощущению безнаказанности.

Может показаться, что ст. 124.1 УК РФ «Воспрепятствование оказанию медицинской помощи» направлена на охрану интересов медицинского работника, однако нам кажется, что это не совсем так. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации № 78-УД23-5-А5 от 2023 г. отменило приговор по ч. 1 ст. 124.1 УК РФ, поскольку суд первой инстанции не установил, что именно воспрепятствование (угрозы в адрес врача) стало непосредственной причиной ухудшения состояния пациента, а не течение болезни. Таким образом, норма оказалась малоэффективной для оперативной защиты медиков от агрессии. Считаем, что состав охраняет в первую очередь интересы пациента (наступление тяжких последствий для его здоровья), а не медицинского работника.

Малоэффективность статьи 124.1 УК РФ как инструмента непосредственной защиты медицинского работника подтверждается отсутствием правоприменительной практики. Считаем, что предусмотренная законодателем так называемая медицинская норма (ст. 124.1 УК РФ) оказывается нефункциональной для защиты прав медицинского работника, что доказывает необходимость законодательного введения специальных составов (или соответствующих квалификационных признаков), где основным непосредственным объектом являются именно общественные отношения по обеспечению безопасности при осуществлении профессиональной деятельности медицинского работника.

Изучение правоприменительной практики позволяет предположить, что на сегодняшний день наблюдается ситуация, когда судебные органы компенсируют законодательный пробел, используя квалифицирующие признаки составов.

Прогрессивной является судебная тенденция, при которой суды все чаще признают профессиональную деятельность медиков, особенно в экстренных ситуациях, аналогом служебной, используя при квалификации п. «б» ч. 2 ст. 111, п. «а» ч. 2 ст. 112 УК РФ. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Татарстан по делу № 22-2567/2023 подтвердило квалификацию причинения средней тяжести вреда здоровью врачу приемного покоя по п. «а» ч. 2 ст. 112 УК РФ, указав, что он подвергся нападению именно в момент исполнения профессиональных обязанностей по оказанию экстренной помощи, что повышает общественную опасность деяния. Президиум Верховного Суда Российской Федерации считает, что «нанесение побоев или причинение вреда здоровью медицинскому работнику в связи с исполнением им своих профессиональных обязанностей следует квалифицировать по статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за преступления против личности с учетом квалифицирующего признака «в отношении лица в связи с осуществлением им служебной деятельности»¹.

Случаи угроз расправой (ст. 119 УК РФ) требуют доказательства реальности намерений, что в правоприменительной практике достаточно сложно. Как правило, запугивания родственников пациента, угрожающие «разобраться» с медицинским работником, характеризуются отсутствием конкретных действий, подтверждающих реальность угрозы, несмотря на психологическую травму, полученную медиком.

Оскорбление, предусмотренное ст. 5.61 КоАП РФ, карается незначительным штрафом и не содержит специального признака, что тоже можно отметить в качестве проблемы при квалификации вербальной агрессии и оскорблений.

На основании изложенного считаем, что необходимо выступить с инициативой по внесению в ст. 63 УК РФотягчающего обстоятельства «совершение преступления в отношении медицинского работника при исполнении им профессиональных обязанностей», это является минимально необходимой мерой. Так, это позволит унифицировать судебную практику и даст судам четкий ориентир для усиления наказания, не создавая при этом новых сложных составов.

Указанная проблема правовой защищенности медицинских работников permanently обсуждает-

ся среди представителей законодательной власти, деятелей науки и практики. Так, в 2021 г. в Министерстве здравоохранения Российской Федерации не поддержали инициативу депутатов «Справедливой России» ввести уголовную ответственность за нападения на медицинских работников. Причем в Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект, авторы которого уверены, что проблема приобретает «чрезвычайные масштабы», и предлагают ввести повышенную юридическую ответственность за противоправные действия в отношении медицинских работников, как и сотрудников силовых структур. В Министерстве здравоохранения Российской Федерации утверждают, что все необходимые нормы для защиты медицинских работников в законодательстве присутствуют [1].

Позднее проблему совершения противоправных действий в отношении медицинских работников обозначил кандидат юридических наук Е. В. Безручко, который подверг критике инициативу приравнять медицинских работников к сотрудникам силовых структур, убедительно аргументируя, что будет достаточным ввести соответствующие квалифицированные признаки в некоторые составы преступных деяний, сосредоточенных в разделе VII «Преступления против личности», тем самым продемонстрировав повышенную общественную опасность подобных действий в отношении медицинских работников.

Статистические данные свидетельствуют, что ежегодно происходит около ста тысяч нападений на медицинских работников, и их число постоянно растет. По данным Министерства здравоохранения Российской Федерации, только в России за 2022–2024 гг. было зафиксировано около трех тысяч случаев нападения на работников скорой помощи с причинением различной степени тяжести вреда здоровью. Очевидно, что проблема неадекватного поведения со стороны пациента (и (или) третьих лиц) требует особого внимания и серьезной проработки мероприятий (программ), содержащих организационные, технические и иные меры защиты, конечной целью которых будет минимизация подобных случаев. Излишне напоминать, что реальные цифры нападений на медицинских работников значительно выше официальных, поскольку этому способствует множество причин. К таким факторам следует отнести как несовершенство законодательства, предусматривающего незначительные санкции за подобные преступления и правонарушения, так и нежелание руководителей министерств здравоохранения субъектов Российской

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2023): утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 15.11.2023 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Федерации привлекать внимание к имеющейся проблеме.

Стоит отметить, что нападения на медицинских работников имеют место и в зарубежных странах. Так, за 2022–2024 гг. случаи нападения на работников здравоохранения были выявлены в семнадцати странах. В США, например, с агрессией пациентов сталкиваются около 90 % сотрудников скорой медицинской помощи. В Великобритании, согласно опросам, четыре из пяти работников здравоохранения также сталкиваются с угрозами, оскорблениями и физическим насилием, аналогичные показатели в Италии, КНР и ряде других стран [1]. Для преодоления развития данной негативной тенденции и минимизации ее проявлений, например, в США принят закон, который приравнивает нападение на врачей к нападениям на пожарных и полицейских и устанавливает за это уголовную ответственность. Согласно этому закону за нападение на медицинского работника виновное лицо может быть приговорено к лишению свободы, в т. ч. пожизненно в случае убийства медицинского работника. Кроме того, нормы указанного закона предусматривают создание специальных центров, где сотрудники скорой помощи могут пройти обучающие курсы по самообороне, а также оснащение тревожными кнопками на случай нападения. Законодательство ряда зарубежных стран также предусматривает в качестве мер защиты прав медицинских работников: ужесточение наказаний, сопровождаемых назначением крупных штрафов, сокращение сроков производства предварительного следствия и судебного разбирательства и т. п.

Таким образом, следует констатировать, что в современном российском законодательстве практически отсутствуют гарантии правовой защиты медицинских работников, или же они сведены к минимуму. Сегодня законодатели рассматривают вопрос о введении в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации нового пункта, расширяющего перечень отягчающих вину обстоятельств, с формулировкой: «совершение преступления в отношении медицинского работника при исполнении им служебных обязанностей» [1]. Безусловно, в случае нападения со стороны пациента или третьих лиц работник здравоохранения имеет полное право на необходимую оборону, иными словами, может правомерно причинить вред посягающему лицу. В этом случае действия медицинского работника будут квалифицироваться по ст. 37 УК РФ, поскольку в соответствии с п. 1 данной статьи не является преступлением причинение вреда лицу в состоянии необходимой обо-

роны, т. е. защита прав личности и охраняемых законом интересов общества или государства от социально опасной агрессии, если такая агрессия связана с угрозой жизни и здоровью медицинского работника [1]. Однако, как показывает российская судебная практика, при применении данной статьи институт необходимой обороны все еще несовершенен.

Помимо имеющихся в законодательстве приемов и средств защиты прав медицинских работников, депутатами Государственной Думы Российской Федерации предложены следующие меры (которые апробированы в некоторых субъектах Российской Федерации): возможность оснащения записывающей аудиоаппаратурой, оснащение машин скорой помощи и работников их бригад тревожной кнопкой оперативного вызова силовых подразделений, внесение агрессивных пациентов в так называемый черный список и т. п.

Для совершенствования отечественного законодательства и с целью изучения зарубежного опыта считаем необходимым остановиться на программах по обеспечению правовых гарантий прав медицинских работников таких государств, как США, Франция, Великобритания и др.

Так, в сорока штатах США (Калифорния, Техас, Нью-Йорк и др.) действуют законы, напрямую приравнивающие нападение на медицинского работника при исполнении обязанностей к нападению на полицейского или пожарного («assault on a first responder»). Так, в штате Южная Дакота (по данным на 2024 год) простое нападение на такого сотрудника считается преступлением 6-го класса. Если нападение произошло во время выполнения служебных обязанностей, то виновному грозит до двух лет тюремного заключения и штраф в размере 4000 долларов [2].

В текущем году Сенат США принимает первый документ, действующий на территории всего государства. Согласно ему, максимальное наказание за нападение на медицинского работника при исполнении профессиональных обязанностей предусматривает 20 лет тюрьмы. Кроме этого, врачам разрешат применять самооборону при условии невменяемости пациента или наличия психического заболевания в стадии обострения (агрессии) [3].

Также в США реализуются программы по оснащению транспорта и помещений медицинских учреждений тревожной сигнализацией, напрямую связанной с диспетчерскими полицией; посещению медицинским персоналом курсов самообороны.

Следует отметить рост насильственных действий в отношении медицинских работников при

исполнении своих профессиональных обязанностей и в Европе. В основном жертвами нападений становятся врачи, средний медицинский персонал, в результате агрессии у потерпевших фиксируют не только травмы, инвалидность и даже их гибель. В 2024 г. в Испании зафиксировано более 800 подобных случаев, причинами явилось длительное ожидание, разногласия по поводу назначения лечения [3].

Страны Европы демонстрируют «комбинированный подход» в решении обозначенной проблемы. Помимо норм уголовного законодательства, защищающих жизнь и здоровье, широко распространена практика незамедлительного удаления агрессора из медицинского учреждения с привлечением полиции на основании законов о нарушении общественного порядка. Во Франции активно используется институт «запрета на посещение», который через суд может быть наложен на агрессивного пациента в отношении конкретной больницы на длительный срок.

Отдельно следует указать на практику, сложившуюся в Великобритании и Австралии, где законодательство направлено на профилактику противоправного поведения и обязанность работодателя по обязательному обучению де-эскалации конфликтов, обеспечению техническими средствами защиты и ведению четкой отчетности по каждому инциденту. Невыполнение этих требований влечет крупные штрафы для организации. Это смещает фокус с наказания уже совершившего нападения пациента на предупреждение инцидента.

Анализ зарубежного законодательства позволяет сделать вывод о движении от точечных мер к созданию целостных систем защиты прав медицинских работников при реализации ими своих профессиональных обязанностей.

Представляется, что решение имеющихся проблем в области гарантий защиты прав медицинских работников невозможно с помощью установления каких-то единичных мер. В данном случае требуется комплексный, системный подход к созданию системы правовых и социальных гарантий, состоящих из законодательного, экономического, организационного и просветительского инструментария. Законодательные гарантии, помимо существующих (право на судебную защиту, квалифицированную юридическую помощь и т. д.), должны быть

отражены в федеральном законодательстве. Так, соответствующую трансформацию должен претерпеть ФЗ № 323 от 2011 г. «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», его следует дополнить отдельной статьей «Гарантии личной безопасности медицинских работников», закрепив в ней: а) обязанность работодателя по обеспечению безопасных условий труда (включая технические средства); б) право медицинского работника на отказ от оказания помощи (кроме экстренных случаев) в условиях явной угрозы его жизни и здоровью до момента обеспечения безопасности; в) порядок взаимодействия медицинского учреждения с органами внутренних дел по «тревожным» вызовам.

Кроме того, целесообразно будет расширить перечень административных правонарушений, добавив в КоАП РФ состав правонарушения «Воспрепятствование законной профессиональной деятельности медицинского работника, выразившееся в оскорблении, угрозе или ином противоправном действии, не повлекшем последствий, предусмотренных уголовным законом».

Не стоит забывать и о возможности создания совместных подзаконных нормативных актов Минздрава Российской Федерации и МВД Российской Федерации, содержащих модельные требования к безопасности (обязательное оснащение бригад скорой помощи и приемных отделений аудио- и видеофиксацией (с хранением данных на серверах), тревожными кнопками, средствами индивидуальной защиты (например, защитными экранами в регистратурах, средствами самозащиты для сотрудников скорой помощи)).

Отдельного внимания заслуживает необходимость проведения общегосударственной информационной кампании, направленной на разъяснение недопустимости насилия в отношении медицинских работников и правовых последствий таких действий.

Только такой многоуровневый подход, сочетающий четкие законодательные стимулы и запреты с практическими мерами по предотвращению насилия, способен создать реальные гарантии личной безопасности медицинских работников, тем самым исполнив конституционный долг государства и обеспечив устойчивое функционирование системы здравоохранения.

Список источников

1. КОММЕРСАНТ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6297175> (дата обращения: 05.12.2025).
2. URL: <https://www.criminaldefenselawyer.com/resources/south-dakota-assault-and-battery-laws.htm>.

3. Как в разных странах усиливают меры защиты медработников. URL: <https://24.kz/ru/news/in-the-world/713857-kak-v-raznykh-stranakh-usilivayut-mery-zashchity-medrabotnikov> (дата обращения: 15.12.2025).

References

1. KOMMERSANT. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6297175> (data obrashcheniya: 05.12.2025).
2. URL: <https://www.criminaldefenselawyer.com/resources/south-dakota-assault-and-battery-laws.htm>.
3. Как в разных странах усиливают меры защиты медработников. URL: <https://24.kz/ru/news/in-the-world/713857-kak-v-raznykh-stranakh-usilivayut-mery-zashchity-medrabotnikov> (data obrashcheniya: 15.12.2025).

Информация об авторах

А. М. Шаганиян — кандидат юридических наук, доцент.

О. Д. Овчинникова — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

A. M. Shaganyan — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

O. D. Ovchinnikova — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.01.2026; одобрена после рецензирования 24.04.2026; принята к публикации 19.06.2026.

The article was submitted 28.01.2026; approved after reviewing 24.04.2026; accepted for publication 19.06.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 115–121.

Altai Law Journal. 2026. № 2 (54). P. 115–121.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.7

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА И ГАРАНТИИ ЛИЧНОСТИ В СФЕРЕ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ

Наталья Александровна Шмойлова¹, Виктория Викторовна Молотова²

¹ Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, nataliasch@ya.ru

² Алтайское краевое Законодательное Собрание, Барнаул, Россия, advocatemolotova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема соотношения правовых и психологических аспектов реализации конституционных прав и свобод человека в сфере охраны здоровья. Анализируется взаимосвязь между нормативным закреплением права на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41 Конституции РФ) и его субъективным восприятием, осознанием и актуализацией в повседневных практиках индивида. Показано, что эффективность реализации данного права зависит не только от состояния правовой системы и системы здравоохранения, но и от уровня развития правового сознания личности, включающего когнитивный (знание прав), аксиологический (ценность здоровья как правового блага) и поведенческий (готовность к юридически значимому поведению, реализации и защите своих прав) компоненты.

Ключевые слова: конституционное право на здоровье, правовое сознание личности, значимость прав и свобод, правовая культура, реализация прав и свобод, право на медицинскую помощь, психология права, здоровье как ценность

Для цитирования: Шмойлова Н. А., Молотова В. В. Конституционные права и гарантии личности в сфере жизни и здоровья // Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 115–121.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

CONSTITUTIONAL RIGHTS AND GUARANTEES OF INDIVIDUAL IN THE SPHERE OF LIFE AND HEALTH

Natalia A. Shmoilova¹, Victoria V. Molotova²

¹ Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, nataliasch@ya.ru

² Altai Krai Legislative Assembly, Barnaul, Russia, advocatemolotova@mail.ru

Abstract. This article examines the relationship between the legal and psychological aspects of the implementation of constitutional human rights and freedoms in the field of healthcare. The relationship between the normative recognition of the right to health protection and medical care (Article 41 of the Constitution of the Russian Federation) and its subjective perception, awareness, and actualization in the daily practices of individuals is analyzed. It is shown that the effective implementation of this right depends not only on the state of the legal and healthcare systems, but also on the level of development of the individual's legal consciousness, which includes cognitive (knowledge of rights), axiological (the value of health as a legal good), and behavioral (readiness for legally significant behavior, the realization and protection of rights) components.

Keywords: constitutional right to health, individual legal consciousness, the significance of rights and freedoms, legal culture, the implementation of rights and freedoms, the right to medical care, the psychology of law, health as a value

For citation: Shmoilova N. A., Molotova V. V. Constitutional Rights and Guarantees of Individual in the Sphere of Life and Health. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2026;2:115–121 (In Russ.).

Конституция Российской Федерации в статье 41 провозглашает право каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь. Будучи фундаментальным, данное право относится к категории личных и социально-экономических прав и предполагает не только пассивные гарантии со стороны государства, но и активную позицию самого индивида в его реализации. В правовой действительности, однако, наблюдается устойчивый разрыв между формальным нормативным закреплением этого права и его фактическим воплощением в жизни граждан. Традиционный юридический анализ сосредоточивается на институциональных механизмах, материально-техническом обеспечении и законодательных пробелах. Между тем ключевым звеном, опосредующим переход права из объективной нормы в субъективную реальность, выступает правосознание личности и компонент субъективной значимости тех или иных категорий конституционных прав и свобод [1].

Правосознание представляет собой совокупность представлений, чувств, установок и ценностных ориентаций, выражающих отношение личности к праву, правовой действительности, собственным правам и обязанностям. В контексте права на жизнь и здоровье оно определяет, воспринимает ли индивид здоровье как охраняемое законом благо, знает ли он механизмы его защиты и готов ли активно их использовать. Таким образом, проблема реализации конституционного права на здоровье в значительной степени есть проблема содержания компонентов психологической структуры правосознания личности [2].

Цель настоящей статьи — проанализировать юридическое содержание конституционного права на жизнь и здоровье в российском законодательстве, а также выявить психологические детерминанты, которые способствуют либо препятствуют превращению права из декларации в жизненную практику.

Права на жизнь и здоровье неразрывно связаны между собой. Право на жизнь выступает основой всех прав человека, относится прежде всего к категории личных (гражданских) прав и традиционно включает в себя:

- запрет произвольного лишения жизни государством (смертная казнь, внесудебные расправы);
- обязанность государства защищать жизнь граждан от посягательств со стороны третьих лиц (обеспечение правопорядка);
- гарантии процессуальных прав, особенно для обвиняемых в преступлениях, караемых смертной казнью.

В Конституции Российской Федерации (ст. 20) и международных документах (ст. 3 Всеобщей декларации прав человека, ст. 2 Европейской конвенции о защите прав человека) право на жизнь фигурирует как фундаментальное личное право¹.

Право на здоровье, в свою очередь, представляет собой комплексное право, сочетающее элементы как личных, так и социально-экономических прав. Личный аспект связан с физической неприкосновенностью личности, свободой от пыток и бесчеловечного обращения (например, право на получение медицинской помощи в местах лишения свободы, запрет на недобровольные медицинские эксперименты). Социально-экономический аспект является основой и наиболее содержательной частью права на здоровье и заключается в следующем:

- доступность, приемлемость и качество медицинской помощи для всех;
- наличие инфраструктуры общественного здравоохранения (больницы, поликлиники);
- борьба с эпидемиями, санитарный надзор, вакцинация;
- здоровые условия труда и окружающей среды;
- просвещение в вопросах здоровья.

Данный аспект закреплён как социально-экономическое право в ст. 25 Всеобщей декларации прав человека и, что особенно важно, в ст. 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. Конституция РФ (ст. 41) также гарантирует право на охрану здоровья и медицинскую помощь².

В современной теории конституционного и международного публичного права границы между личной и социально-экономической категориями права на здоровье стираются и нивелируются. Право на жизнь всё чаще толкуется широко: не только как «негативное» право (не убей), но и как позитивная обязанность государства создавать условия для достойной жизни. Без реализации социально-экономического права на здоровье (доступ к лекарствам, чистая вода, медицинская помощь) право на жизнь становится формальным [3].

Ярким примером сращивания личных и социально-экономических прав может служить опыт

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одоб. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.; с изм. от 4 октября 2022 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. 2022. 6 окт. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.01.2026).

² Там же.

пандемии COVID-19, когда меры по охране здоровья (социально-экономическое право) были напрямую направлены на защиту права на жизнь (личное право).

Таким образом, право на жизнь в его классическом, узком понимании — это личное право. Право на здоровье — преимущественно социально-экономическое право, но с сильным личным компонентом. В широком и современном понимании право на жизнь неразрывно связано со здоровьем, представляет собой синтез личных и социально-экономических прав. Государство для реализации комплекса этих прав должно не только воздерживаться от произвола и обеспечивать правопорядок, но и активно созидать и содействовать созданию системы здравоохранения и здоровой среды обитания, обеспечивая превентивные меры для охраны жизни и здоровья [4].

На наш взгляд, право на здоровье обладает выраженной дуалистичной природой. Его лично-правовой компонент проистекает из права на физическую и психическую неприкосновенность (ст. 21 Конституции РФ) и включает:

- защиту от неправомерных медицинских экспериментов;
- запрет пыток и бесчеловечного обращения;
- право на информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство.

Основное же содержание права на здоровье раскрывается через его социально-экономическую сущность, прямо закрепленную в ст. 41 Конституции РФ и ст. 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. Здесь речь идет о позитивных обязательствах государства по созданию системы всеобщей доступности, приемлемости и качества медицинской помощи, проведению профилактических мероприятий, улучшению санитарно-гигиенической и экологической обстановки¹.

В современной правовой парадигме право на жизнь и здоровье следует рассматривать как синтетические или интегральные права. Их конституционно-правовое содержание формируется на стыке двух категорий:

- ядра личного права (защита от произвола, гарантии неприкосновенности);

- реализующего механизма социально-экономического права (создание инфраструктуры, распределение ресурсов, обеспечение доступа).

Игнорирование одного из аспектов ведет либо к формализации права на жизнь (когда провозглашенное право не подкреплено условиями для его реализации), либо к эрозии гарантий личной автономии в сфере здоровья (когда императивы общественного здравоохранения не соразмерны индивидуальной свободе).

Поскольку право на жизнь и здоровье образует комплексный конституционно-правовой институт, нормативная основа которого формируется из положений международного права, Конституции РФ и отраслевого законодательства, содержание данного права находит свое отражение на всех уровнях иерархии нормативных правовых актов.

На международно-правовом уровне Всеобщая декларация прав человека 1948 г. закрепляет право на жизнь в ст. 3: «Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность»; право на здоровье — в п. 1 ст. 25: «Каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи...». В Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. право на жизнь закреплено в п. 1 ст. 6: «Право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека. Это право охраняется законом. Никто не может быть произвольно лишен жизни». В пункте 1 ст. 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. закреплено право на здоровье: «Участвующие в настоящем Пакте государства признают право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья»².

На конституционно-правовом уровне (Конституция Российской Федерации 1993 г.) право на жизнь (личное право) закреплено в ч. 1 ст. 20: «Каждый имеет право на жизнь»; ч. 1 ст. 41 Конституции РФ закрепляет право на охрану здоровья и медицинскую помощь (социально-экономическое право): «Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений».

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 01.11.2011 № 323-ФЗ: одобрен Советом Федерации 09.11.2011 (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48, ст. 6724.

² Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Кроме того, ст. 7 Конституции РФ устанавливает, что Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, что формирует основу для реализации социальных прав, включая право на здоровье. Статья 42 Конституции РФ гарантирует право на благоприятную окружающую среду, что является ключевой предпосылкой для реализации права на здоровье.

Нормы Конституции и международных договоров детализируются и реализуются через систему федеральных законов и подзаконных актов и широко представлены на уровне отраслевого законодательства.

Уголовный кодекс РФ обеспечивает охрану права на жизнь путем установления ответственности за его незаконное лишение. Глава 16 «Преступления против жизни и здоровья» содержит составы: убийство (ст. 105), причинение смерти по неосторожности (ст. 109), доведение до самоубийства (ст. 110) и др. Также он защищает здоровье от преступных посягательств: умышленное причинение вреда здоровью (ст. 111, 112, 115), побои (ст. 116), истязание (ст. 117) и др.

Статья 4 Федерального закона Российской Федерации от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» закрепляет, что основными принципами охраны здоровья являются в том числе соблюдение прав граждан в сфере охраны здоровья, приоритет интересов пациента при оказании медицинской помощи, приоритет охраны здоровья детей. Статья 18 указанного закона закрепляет право на охрану здоровья, статья 19 — право на медицинскую помощь, статья 20 — информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство и право на отказ от него (конкретизация лично-правового аспекта). Закон детально регулирует организацию охраны здоровья, права и обязанности пациентов и медицинских работников, что составляет основу социально-экономической реализации права¹.

Раздел X Трудового кодекса Российской Федерации «Охрана труда» (ст. 209–231) закрепляет право каждого работника на условия труда, отвечающие требованиям безопасности и гигиены, что является прямой гарантией сохранения здоровья в социально-экономической сфере. Федеральный

закон Российской Федерации от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» устанавливает правовые основы для обеспечения благоприятной среды обитания как необходимого условия для здоровья населения, детализируя конституционную норму ст. 42.

Таким образом, право на жизнь и здоровье в Российской Федерации представляет собой многоуровневую правовую конструкцию. Его нормативное содержание вытекает из международных стандартов, получает статус высшей ценности и фундаментального права в Конституции РФ (ст. 20, 41) и реализуется через детализированные механизмы отраслевого законодательства (УК РФ, ФЗ № 323, ТК РФ и др.). Это подтверждает его синтетический характер: лично-правовое ядро (право на жизнь по ст. 20 Конституции РФ, ст. 3 Всеобщей декларации прав человека (далее — ВДПЧ)) обеспечивается и наполняется реальным содержанием через систему социально-экономических гарантий (право на охрану здоровья по ст. 41 Конституции РФ, ст. 25 ВДПЧ, ст. 12 МПЭСКП и отраслевые законы). Поскольку право на жизнь и здоровье имеет сложное содержание, его отражение в правосознании личности отличается многокомпонентной структурой и качественной спецификой, включающей в себя:

1. На когнитивном уровне (тип правовопонимания и уровень правовой грамотности, знание права) речь идет о том, насколько субъект правоотношений информирован о базовых конституционных правах и гарантиях в области его права на жизнь и здоровье, в частности, знаком ли он с содержанием ст. 41 Конституции РФ, федеральными законами (№ 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан», № 326-ФЗ об ОМС), о порядке обращения за помощью, правах пациента, механизмах обжалования. Междисциплинарные исследования в сфере правосознания отмечают фрагментарность и поверхностность этих знаний у значительной части испытуемых [5].

2. Аксиологический уровень (ценностный компонент правосознания, или субъективная степень значимости конституционных прав и свобод). Данный компонент правосознания указывает на то, насколько личность усваивает и разделяет нормы и принципы действующего законодательства в области охраны жизни и здоровья и какое место в системе иерархии права занимает право на жизнь и здоровье, готова ли личность отказаться или соразмерно ограничить право на охрану здоровья в пользу более значимой категории («феномен ценностного компромисса», например, отказ от права

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 01.11.2011 № 323-ФЗ: одобрен Советом Федерации 09.11.2011 (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48, ст. 6724.

на бесплатную медицинскую помощь в пользу свободы предпринимательской деятельности). Высокая личностная значимость личных и социально-экономических прав, в частности права на жизнь и здоровье, неразрывно связана с ценностью здоровья на уровне личностных приоритетов [6]. Это предполагает интернализацию здоровья как высшей личностной и социальной ценности, защищаемой законом. На этом уровне формируется внутренняя убежденность в допустимости и необходимости требовать от государства и его институтов обеспечения условий для здоровья.

3. Поведенческий уровень (готовность к юридически значимому поведению в правовом поле) предполагает наличие у субъекта правоотношений сформированных установок на активные действия по реализации и защите своих прав и свобод: обращение в медицинские учреждения, выбор врача, информированное согласие на медицинское вмешательство, обжалование действий (бездействия) медработников, ведение здорового образа жизни как исполнение конституционной обязанности заботиться о своем здоровье и др. (ч. 1 ст. 41 Конституции РФ).

Дисбаланс или слабость одного из компонентов правосознания личности может приводить к правовому инфантилизму в сфере здоровья: человек, обладая правом, не реализует его из-за недостаточного уровня правовых компетенций, низкого уровня правовой культуры или доверия к институтам правового регулирования, страха, пассивной гражданской позиции и др.

На наш взгляд, формирование зрелого правосознания и индивидуальной правовой культуры, ориентированных на эффективную реализацию права на жизнь и здоровье, детерминировано рядом факторов.

Социокультурный фактор и исторический контекст: исторически сложившаяся патерналистская модель отношения «врач — пациент», «государство — гражданин» часто подавляет индивидуальную правовую активность. Здоровье нередко воспринимается как дар или удача, а не как результат личных усилий и отстаивания своих прав [7].

Индивидуальный психологический опыт: негативный опыт взаимодействия с системой здравоохранения (хамство, халатность, отказ в помощи) формирует протест, недоверие и ощущение бессилия. Напротив, успешный опыт защиты своих интересов укрепляет веру в эффективность правовых механизмов [8].

Общий уровень правовой культуры общества: прозрачность и доступность правовой информа-

ции, деятельность правозащитных и пациентских организаций, освещение успешных судебных прецедентов по защите прав пациентов в СМИ повышают правовую грамотность и уверенность граждан.

Личностные характеристики: правовая самоэффективность (вера в свою способность достичь правового результата), внутренний локус контроля (склонность приписывать ответственность за свою жизнь и здоровье себе, а не внешним обстоятельствам), развитая ценность здоровья как такового — являются ключевыми психологическими предикторами активной правовой позиции.

Важно отметить, что даже развитый когнитивный компонент правосознания не является гарантией правопослушного и эффективного поведения в рамках правового поля. Исследования психологических компонентов правосознания с помощью полуструктурированного интервью и стандартизированного опросника «Значимость прав и свобод» В. В. Молотовой позволили установить, что при наличии формальных знаний личность может сталкиваться с внутренними барьерами, блокирующими правовую активность, может не разделять нормы и принципы, закрепленные в правовых актах, а также быть пассивной в реализации своих прав и свобод, имея определенные блоки мотивации и психологические барьеры [1].

Условно психологические препятствия для реализации права на здоровье, не связанные с бедностью когнитивного компонента правосознания личности, можно разделить на следующие группы:

- барьер легитимности — сомнение в реальной силе закона, убеждение, что «закон не работает» или «все решают связи и деньги»;

- барьер компетентности — страх перед сложностью бюрократических процедур, неумение правильно составить жалобу, иск, отсутствие навыков правовой коммуникации;

- эмоционально-ролевой барьер — страх испортить отношения с лечащим врачом, чувство вины за «беспокойство», восприятие себя как «просителя», а не как субъекта права;

- когнитивный диссонанс: осознание права на качественную помощь при одновременном наблюдении системных проблем (очереди, нехватка оборудования) приводит к психическому дискомфорту, который часто снимается не через действие, а через снижение значимости права («все так живут», «ничего не изменишь»).

Таким образом, реализация конституционного права на жизнь и здоровье представляет собой не только административно-правовую, но и пси-

холого-правовой процесс, укорененный в структуре правосознания личности. Право становится реальной силой, только когда оно переживается личностью как собственная ценность и инструмент жизнестроительства [9].

На наш взгляд, для преодоления разрыва между нормативным и психологическим содержанием необходима комплексная стратегия, направленная на формирование правовой культуры здоровья и развитие не только когнитивного, но и ценностного компонента правосознания личности:

1. В сфере образования — внедрение курсов правовой и медицинской грамотности, получение обучающими не только знаний, но и практических навыков взаимодействия с системой здравоохранения.

2. В информационной политике — систематическое просвещение через СМИ и цифровые платформы о конкретных правах пациента, успешных кейсах их защиты, создание доступных онлайн-

инструментов (конструкторы жалоб, интерактивные гайды).

3. В психолого-правовом сопровождении — развитие сети пациентских организаций, консультационных центров, служб психологической поддержки для людей, столкнувшихся с нарушением прав, помогающих преодолеть эмоциональные и процедурные барьеры.

4. В правоприменительной практике — обеспечение реальной, а не формальной доступности и эффективности внесудебных и судебных механизмов защиты, что создает позитивный опыт и укрепляет веру в закон.

Укрепление прав и конституционных гарантий в сфере жизни и здоровья напрямую связано с работой над правосознанием гражданина, превращением его из пассивного обладателя права в активного, ответственного и компетентного субъекта правовой жизни. Здоровье нации начинается не только с поликлиник и больниц, но и с правовой культуры каждого ее члена.

Список источников

1. Молотова В. В. Значимость конституционных прав и свобод: психологический аспект исследования правосознания личности // Конституция Российской Федерации: декларации и реальность: мат-лы Всероссийской научно-практ. конф-ции с международным участием, к 25-летию принятия Конституции РФ (Барнаул, 11 декабря 2018 г.) / под ред. Е. С. Аничкина, А. А. Васильева. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2018. С. 144–147.
2. Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М.: Юридическая литература, 2005. 576 с.
3. Алексеев С. С. Теория права. М.: БЕК, 1995. 320 с.
4. Молотова В. В. Ценностные основания правосознания личности // ЛОМОНОСОВ-2020: мат-лы Международного молодежного научного форума (Москва, 10–27 ноября 2020 г.) / отв. ред. И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов. М.: МАКС Пресс, 2020. С. 14–23.
5. Братусь Б. С. О соотношении правосознания и нравственного сознания личности // Вопросы психологии. 1973. № 4. С. 16–25.
6. Молотова В. В., Каширский Д. В. Разработка и валидизация опросника диагностики компонентов правосознания личности: значимости конституционных прав и свобод, удовлетворенности конституционными правами и свободами // Ананьевские чтения — 2019: Психология обществу, государству, политике: мат-лы Международной научной конф-ции (Санкт-Петербург, 22–25 октября 2019 г.) / под общ. ред. А. В. Шаболтас, О. С. Дейнека; отв. ред. И. А. Самуйлова. СПб.: Скифия-Принт, 2019. С. 278–280.
7. Шмойлова Н. А. Ценность здоровья в период всемирной пандемии COVID-19 // Актуальные проблемы исследования массового сознания: мат-лы 6-й Международной научно-практ. конф-ции (Москва, 19–20 марта 2021 г.) / отв. ред. В. В. Константинов. М.: Изд-во «Перо», 2021. С. 384–389.
8. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1909. 318 с.
9. Шмойлова Н. А. Ценность здоровья в структуре сознания самоактуализирующейся личности // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2020. № 2. С. 45–52.

References

1. Molotova V. V. Znachimost' konstitucionnyh prav i svobod: psihologicheskij aspekt issledovaniya pravosoznaniya lichnosti // Konstituciya Rossijskoj Federacii: deklaracii i real'nost': mat-ly Vserossijskoj nauchno-prakt. konf-cii s mezhdunarodnym uchastiem, k 25-letiyu prinyatiya Konstitucii RF (Barnaul,

11 dekabrya 2018 g.) / pod red. E. S. Anichkina, A. A. Vasil'eva. Barnaul: Izd-vo Altajskogo un-ta, 2018. S. 144–147.

2. Ebzeev B. S. Chelovek, narod, gosudarstvo v konstitucionnom stroe Rossijskoj Federacii. M.: Yuridicheskaya literatura, 2005. 576 s.

3. Alekseev S. S. Teoriya prava. M.: BEK, 1995. 320 s.

4. Molotova V. V. Cennostnye osnovaniya pravosoznaniya lichnosti // LOMONOSOV-2020: mat-ly Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma (Moskva, 10–27 noyabrya 2020 g.) / otv. red. I. A. Aleshkovskij, A. V. Andriyanov, E. A. Antipov. M.: MAKSS Press, 2020. S. 14–23.

5. Bratus' B. S. O sootnoshenii pravosoznaniya i npravstvennogo soznaniya lichnosti // Voprosy psihologii. 1973. № 4. S. 16–25.

6. Molotova V. V., Kashirskij D. V. Razrabotka i validizaciya oprosnika diagnostiki komponentov pravosoznaniya lichnosti: znachimosti konstitucionnyh prav i svobod, udovletvorennosti konstitucionnymi pravami i svobodami // Anan'evskie chteniya — 2019: Psihologiya obshchestvu, gosudarstvu, politike: mat-ly Mezhdunarodnoj nauchnoj konf-cii (Sankt-Peterburg, 22–25 oktyabrya 2019 g.) / pod obshch. red. A. V. Shaboltas, O. S. Dejneka; otv. red. I. A. Samujlova. SPb.: Skifiya-Print, 2019. S. 278–280.

7. Shmojlova N. A. Cennost' zdorov'ya v period vseмирnoj pandemii COVID-19 // Aktual'nye problemy issledovaniya massovogo soznaniya: mat-ly 6-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii (Moskva, 19–20 marta 2021 g.) / otv. red. V. V. Konstantinov. M.: Izd-vo «Pero», 2021. S. 384–389.

8. Petrazhickij L. I. Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriej npravstvennosti. SPb.: Tip. M. Merkusheva, 1909. 318 s.

9. Shmojlova N. A. Cennost' zdorov'ya v strukture soznaniya samoaktualiziruyushchejsya lichnosti // Voprosy psihicheskogo zdorov'ya detej i podrostkov. 2020. № 2. S. 45–52.

Сведения об авторах

Н. А. Шмойлова — кандидат психологических наук.

В. В. Молотова — кандидат психологических наук.

Information about the authors

N. A. Shmojlova — Candidate of Science (Psychological).

V. V. Molotova — Candidate of Science (Psychological).

Статья поступила в редакцию 22.02.2026; одобрена после рецензирования 25.03.2026; принята к публикации 19.06.2026.

The article was submitted 22.02.2026; approved after reviewing 25.03.2026; accepted for publication 19.06.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 122–129.

Altai Law Journal. 2026. № 2 (54). P. 122–129.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.58:323

ПОЛНОМОЧИЯ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ КОНТРСАНКЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Александр Александрович Шпиндлер

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, imp.shpindlier@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется конституционно-правовая роль Совета Безопасности Российской Федерации в осуществлении контрсанкционной политики. Рассматриваются проблемы нормативного закрепления его статуса и обосновывается необходимость принятия отдельного федерального закона. Выделяются три функциональных направления деятельности данного органа применительно к санкционной проблематике, а также раскрывается юридическая природа принимаемых им решений с их квалификацией в качестве ненормативных правовых актов.

Ключевые слова: Совет Безопасности РФ, контрсанкционная политика, специальные экономические меры, конституционный статус, межведомственные комиссии, научно-экспертный совет, санкционные угрозы, Стратегия национальной безопасности

Для цитирования: Шпиндлер А. А. Полномочия Совета Безопасности Российской Федерации по осуществлению контрсанкционной политики // Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 122–129.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

POWERS OF THE SECURITY COUNCIL OF THE RUSSIAN FEDERATION IN IMPLEMENTING COUNTERSANCTIONS POLICY

Alexander A. Shpindler

Altai State University, Barnaul, Russia, imp.shpindlier@gmail.com

Abstract. The article analyzes the constitutional and legal role of the Security Council of the Russian Federation in the implementation of countersanctions policy. The problems of the normative consolidation of its status are examined, and the necessity of adopting a separate federal law is substantiated. The article identifies three functional areas of activity of this body in relation to sanctions-related issues, and also reveals the legal nature of the decisions adopted by it, qualifying them as non-normative legal acts.

Keywords: Security Council of the Russian Federation, countersanctions policy, special economic measures, constitutional status, interdepartmental commissions, scientific and expert council, sanctions-related threats, National Security Strategy

For citation: Shpindler A. A. Powers of the Security Council of the Russian Federation in Implementing Countersanctions Policy. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2026;2:122–129 (In Russ.).

Президент Российской Федерации, являясь гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина (ст. 80), в установленном Основным Законом порядке принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, поддерживает гражданский мир и согласие в стране. Конституционным Судом Российской Федерации подтверждается, что Президент Российской Федерации играет ключевую роль в управлении системой публичной власти¹. Несмотря на то что защита конституционных прав граждан отнесена к задачам и других органов публичной власти, особый статус главы государства в соответствии с Основным Законом подчеркивает его руководящую роль в этих процессах.

В современных условиях данное конституционное положение приобретает особую значимость, поскольку Российская Федерация столкнулась с беспрецедентным по своему масштабу санкционным давлением. По состоянию на 24 февраля 2026 г., как подсчитало информационное агентство РИА Новости со ссылкой на открытые данные и сведения независимого аналитического портала Castellum, общее число санкций, введенных против Российской Федерации, превысило 31 500². Природа этих ограничений такова, что они посягают одновременно на суверенитет Российской Федерации, ее независимость, на конституционные права российских граждан и юридических лиц. Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях характеризует антироссийские санкции как введенные вне надлежащей международно-правовой процедуры и в противоречии с многосторонними международными договорами с участием России, отмечая, что они образуют угрозу государству³. В совокупности антироссий-

ские санкции можно называть в качестве угрозы национальной безопасности в значении, придаваемом этому понятию Стратегией национальной безопасности, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400⁴. Принимая во внимание, что добровольный отказ инициаторов санкций от их применения, как обоснованно отмечает В. В. Старженецкий, представляется маловероятным [1, с. 10], противодействие ограничительным мерам приобретает значение самостоятельного и, что особенно важно, долгосрочного направления государственной политики.

Вышеназванные обстоятельства обязывают главу государства принимать меры реагирования на угрозы. Для этого Конституцией РФ Президент РФ наделен рядом полномочий, среди которых особый интерес вызывает формирование Совета Безопасности (п. «ж» ст. 83 Конституции РФ) в целях содействия главе государства в реализации его полномочий по вопросам обеспечения национальных интересов и безопасности личности, общества и государства, охраны суверенитета, независимости и государственной целостности.

Между тем исследования контрсанкционных полномочий Совета Безопасности носят фрагментарный характер. Как правило, если они и затрагиваются в научной литературе, то преимущественно через призму смежных вопросов, например, анализа антисанкционных указов Президента РФ, в которых роль Совета Безопасности РФ освещается лишь косвенно. Самостоятельные же исследования, посвященные деятельности Совета Безопасности РФ, преимущественно остаются либо ретроспективными, либо сравнительно-правовыми. При этом в Конституции РФ закреплены цели формирования Совета Безопасности РФ: содействие Президенту РФ в реализации его полномочий по вопросам обеспечения национальных интересов и безопасности личности, общества и государства, а также поддержания гражданского мира и согласия в стране, охраны суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, предотвращения внутренних и внешних угроз (п. «ж» ст. 83 Конституции РФ).

Таким образом, целесообразно сфокусировать внимание на конституционной роли Совета Безопасности РФ и его значении в области противодействия законодательства Российской Федерации. 2026. № 12, ст. 1508. Соответствующая правовая позиция первоначально сформулирована в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 13.02.2018 № 8-П (Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 9, ст. 1435).

⁴ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (часть II), ст. 5351.

¹ О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации: заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.03.2020 № 1-3 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 12, ст. 1855.

² Число санкций против России превысило 31,5 тысячи // РИА Новости. 25.02.2026. URL: <https://ria.ru/20260225/sanktsii-2076526925.html> (дата обращения: 06.05.2026).

³ По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1362 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами акционерного общества «Санофи Россия» и компании «Вертекс Фармасьютикалз Инкорпорейтед»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12.03.2026 № 13-П // Собрание зако-

ствия санкциям. Это предполагает последовательный анализ проблем нормативного закрепления статуса Совета Безопасности РФ, рассмотрение его полномочий, в т. ч. по противодействию вводимым ограничениям, и обращение к принимаемым решениям.

Существенное расширение конституционных основ деятельности Совета Безопасности РФ связано с реформой 2020 г., закрепившей основные направления деятельности Совета Безопасности. Если прежняя редакция предполагала исключительно возможность Президента РФ формировать Совет Безопасности, то сейчас она раскрывается благодаря конституционному описанию основных направлений его деятельности. Расширение содержания п. «ж» ст. 83 Конституции РФ, однако, не дало ответа на вопрос о месте Совета Безопасности РФ в системе органов публичной власти. Конституция РФ раскрывает цели его формирования, оставляя за скобками вопрос о его правовой природе и функциональном назначении. В свою очередь, С. А. Авакьян, рассматривая место Совета Безопасности РФ в системе органов власти, склоняется к тому, что его, как и Государственный Совет РФ, по существу, следует относить к аппарату Президента РФ [2, с. 11–12]. В обоснование данной позиции он обращает внимание на то, что решения подобных органов оформляются не самостоятельными актами, а актами Президента РФ и сам выбор между их наименованием как «государственных органов» или «органов при Президенте» носит, по его мнению, терминологический характер.

То есть конституционная реформа 2020 г. способствовала укреплению статуса Совета Безопасности, поскольку ранее основополагающее начало его деятельности раскрывалось исключительно на уровне федерального закона и подзаконных актов, тогда как сейчас оно получило закрепление в Конституции РФ. Полномочия же Совета Безопасности РФ как и прежде регулируются федеральным законом Российской Федерации «О безопасности»¹ и Указом Президента РФ № 175 «О некоторых вопросах Совета Безопасности Российской Федерации» (далее — Указ Президента № 175)², что обеспечивает необходимую гибкость их регулирования при сохранении закрепленных в Конституции РФ целей.

¹ О безопасности: федеральный закон Российской Федерации от 28.12.2010 № 390-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1, ст. 2.

² О некоторых вопросах Совета Безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 07.03.2020 № 175 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 10, ст. 1323.

Несмотря на положительные аспекты конституционной реформы, институт Совета Безопасности РФ сохраняет ряд традиционных проблем, связанных с определением его статуса. Еще в 2012 г. А. Р. Рамазанов указывал на то, что в соответствии с Конституцией РФ для определения статуса Совета Безопасности РФ должен быть принят специальный федеральный закон, однако перспектива его принятия в обозримом будущем не просматривалась [3, с. 212]. По прошествии четырнадцати лет ситуация не изменилась, единого профильного федерального закона все еще не планируется. Указ Президента РФ от 6 мая 2011 г. № 590 «Вопросы Совета Безопасности Российской Федерации»³ был заменен Указом Президента № 175, утвердившим Положение о Совете Безопасности РФ и Положение об аппарате Совета Безопасности РФ. Продолжает действовать Указ Президента РФ от 25 мая 2012 г. № 715 «Об утверждении состава Совета Безопасности Российской Федерации»⁴.

С одной стороны, конституционное требование закрепления полномочий Совета Безопасности в федеральном законе может быть удовлетворено федеральным законом Российской Федерации «О безопасности», однако возникает следующая проблема: часть актов фактически дублирует друг друга. Например, состав Совета Безопасности рассматривается в ст. 15 федерального закона Российской Федерации «О безопасности», в п. 7 и 8 Положения о Совете Безопасности Российской Федерации, утвержденного Указом Президента № 175, при этом непосредственный состав субъектов дополнительно раскрывается в Указе Президента Российской Федерации от 25 мая 2012 г. № 715, который уже, в свою очередь, периодически уточняется отдельными указами Президента РФ, которые вносят в него изменения. С учетом изложенного можно констатировать избыточность актов регулирования статуса Совета Безопасности РФ. Решить эту проблему возможно путем создания самостоятельного федерального закона по аналогии с федеральным законом Российской Федерации № 394-ФЗ «О Государственном Совете РФ»⁵. Таким образом, приходится согласиться с мнением

³ Вопросы Совета Безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 06.05.2011 № 590 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 19, ст. 2721. Утратил силу.

⁴ Об утверждении состава Совета Безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 25.05.2012 № 715 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 22, ст. 2758.

⁵ О Государственном Совете Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 08.12.2020 № 394-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 50 (часть III), ст. 8039.

В. А. Мамедова, отметившего, что наличие подобного закона о Совете Безопасности РФ позволит усилить его особый конституционный статус как органа, обеспечивающего функционирование системы национальной безопасности Российской Федерации [4, с. 317].

Полномочия Совета Безопасности РФ по своему предназначению направлены на содействие Президенту РФ в реализации его конституционных полномочий и в этом смысле имеют производный характер. Однако содержательно они образуют комплекс инструментов, посредством которых Совет Безопасности РФ принимает участие в формировании и реализации государственной политики в сфере национальной безопасности. Анализ положений федерального закона Российской Федерации «О безопасности» и Положения о Совете Безопасности РФ, утвержденного Указом Президента № 175 (далее — Положение о Совете Безопасности РФ), позволяет назвать ряд направлений деятельности данного органа, среди которых с точки зрения целей настоящего исследования наибольшее значение представляют: мониторинг и оценка угроз национальной безопасности, стратегическое планирование в области обеспечения национальной безопасности, а также подготовка предложений Президенту РФ о применении специальных экономических мер. Указанные направления применимы и к санкциям, поскольку они направлены на те же конституционные ценности: суверенитет, государственную целостность, конституционные права граждан, защита которых отнесена к полномочиям Президента РФ, а следовательно, и Совета Безопасности РФ.

Согласно п. 3 Положения о Совете Безопасности РФ к его задачам относятся прогнозирование, выявление, анализ и оценка внутренних и внешних угроз национальной безопасности, выработка мер по их нейтрализации. Дополнительно п. 4 Положения относит к функциям Совета Безопасности проведение стратегической оценки на основе анализа информации о социально-политической и экономической ситуации в стране, о состоянии информационной безопасности, а также о деятельности федеральных органов исполнительной власти в области обеспечения национальной безопасности¹.

Применительно к контрсанкционной деятельности мониторинг приобретает особое значение в силу регулярности вводимых в отношении Российской Федерации санкций, ведь по состоянию на апрель 2026 г. ЕС ввел уже 20-й пакет ограничений, и нет никаких оснований полагать, что он

станет последним. Постоянное расширение круга ограничений, изменение их адресатов и механизмов реализации требуют анализа со стороны Совета Безопасности РФ, без которого гораздо сложнее своевременно реагировать на угрозы, а следовательно, и планировать действенные контрмеры. Совет Безопасности РФ, в постоянный состав которого включены Председатель Правительства РФ, министры финансов, обороны, руководители органов безопасности и иные должностные лица, выступает площадкой, на которой вполне удачно может проходить обмен мнениями, идеями в области противодействия санкциям.

Дополнительным подтверждением аналитической деятельности Совета Безопасности РФ служат его межведомственные комиссии². Для противодействия антироссийским санкциям особое значение имеют следующие три: по безопасности в экономической и социальной сферах, по проблемам стратегического планирования и по экологической безопасности. Прямую связь с контрсанкционной проблематикой демонстрирует деятельность последней из них.

Так, в марте 2026 г. на заседании Межведомственной комиссии по экологической безопасности рассматривался вопрос о развитии отрасли редких и редкоземельных металлов в целях обеспечения технологического суверенитета и национальной безопасности Российской Федерации³. В результате уже в мае 2026 г. Президент РФ провел оперативное совещание с постоянными членами Совета Безопасности РФ, на котором глава государства указал, что этот вопрос не случайно попал на повестку Совета Безопасности, поскольку имеет прямое отношение к обеспечению технологического суверенитета и национальной безопасности Российской Федерации⁴.

Еще одной иллюстрацией аналитической деятельности Совета Безопасности является пленарное заседание Научно-экспертного совета Совета Безопасности РФ, проходившего 18 декабря 2025 г., в рамках которого Секретарь Совета Безопасности С. К. Шойгу обозначил среди результатов деятельности совета выработку научно обоснованных подходов к обеспечению финансовой безопасности Российской Федерации в условиях

² Там же.

³ Межведомственная комиссия Совета Безопасности России рассмотрела вопрос о развитии отрасли редких и редкоземельных металлов // Совет Безопасности Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/4019/> (дата обращения: 10.04.2026).

⁴ Совещание с постоянными членами Совета Безопасности // Президент России: официальный сайт. 18 мая 2026 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/79771> (дата обращения: 18.05.2026).

¹ О некоторых вопросах Совета Безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 07.03.2020 № 175 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 10, ст. 1323.

вторичных санкций¹. Ранее, в мае 2024 г., на заседании Межведомственной комиссии по экологической безопасности рассматривались меры по нейтрализации внешних угроз национальной безопасности в области использования недр, а также вопросы установления экологического ущерба, причиненного компаниями, принявшими решение об уходе из России [5, с. 73].

При этом следует учитывать, что анализ реальной деятельности Совета Безопасности РФ затруднен ввиду закрытости данного государственного органа. Публикуемые в открытом доступе материалы, как правило, ограничиваются констатацией факта проведенного заседания и общего предмета обсуждения, не раскрывая его итогов и принятых решений.

Однако указанные примеры свидетельствуют о том, что аналитическое полномочие Совета Безопасности РФ применительно к контрсанкционной политике реализуется через разработку направлений контрсанкций на двух уровнях: межведомственном, объединяющем представителей профильных ведомств, и научно-экспертном, привлекающем академическую и отраслевую экспертизу. Такая организация обеспечивает аналитическую основу, необходимую для последующего принятия Президентом РФ соответствующих подзаконных актов.

Следующим направлением деятельности Совета Безопасности РФ применительно к контрсанкционной политике является стратегическое планирование. Согласно п. 4 Положения о Совете Безопасности РФ осуществление стратегического планирования в области обеспечения национальной безопасности отнесено к его функциям, причем оно охватывает оценку эффективности работы по реализации документов стратегического планирования, а также корректировку стратегических национальных приоритетов². Задачи же данного направления раскрываются в п. 3 Положения о Совете Безопасности РФ, согласно которому Совет Безопасности РФ участвует в формировании основных направлений государственной внешней и военной политики.

Стратегические полномочия Совета Безопасности реализуются путем подготовки и корректировки базовых документов государственной политики в сфере безопасности. Применительно к контрсанк-

ционной проблематике особое значение имеют два таких документа. Первый, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400, определяет общую квалификацию угроз национальной безопасности и формирует основу для реагирования на санкции³. Второй — Стратегия экономической безопасности РФ на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года»⁴. Принципиальное значение второго документа состоит в том, что он ориентирован на противодействие угрозам экономического характера, к числу которых относятся ограничительные меры, вводимые иностранными государствами в отношении Российской Федерации.

Участие Совета Безопасности в подготовке указанных стратегических документов носит ключевой характер. В соответствии с п. 25 Положения о Совете Безопасности Секретарь Совета Безопасности РФ организует работу по осуществлению стратегического планирования в области обеспечения национальной безопасности, по разработке и уточнению Стратегии национальной безопасности, иных концептуальных и доктринальных документов⁵. Тем самым Совет Безопасности РФ участвует в подготовке базовых документов стратегического планирования не на уровне формального согласования, а путем выработки их концептуальной основы, получающей впоследствии юридическое оформление в подзаконных актах Президента РФ. Применительно к контрсанкционной политике это означает, что основа реагирования на санкционное давление, закрепленная в Стратегии национальной безопасности и Стратегии экономической безопасности, формируется при содержательном участии Совета Безопасности РФ.

Если стратегическое планирование задает концептуальные основы контрсанкционной политики, то ее оформление обеспечивается посредством подготовки предложений Президенту РФ о применении специальных экономических мер. Это направление прямо закреплено в Положении о Совете Безо-

³ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (часть II), ст. 5351.

⁴ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20, ст. 2902.

⁵ О некоторых вопросах Совета Безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 07.03.2020 № 175 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 10, ст. 1323.

¹ 18 декабря Секретарь Совета Безопасности Российской Федерации Сергей Шойгу провел пленарное заседание Научно-экспертного совета // Совет Безопасности Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/3936/> (дата обращения: 10.04.2026).

² О некоторых вопросах Совета Безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 07.03.2020 № 175 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 10, ст. 1323.

ности РФ: согласно подп. «г» п. 3 Положения о Совете Безопасности РФ к задачам данного органа отнесена подготовка предложений Президенту РФ о применении специальных экономических мер в целях обеспечения национальной безопасности¹.

Данное полномочие реализуется в рамках процедуры, установленной Федеральным законом Российской Федерации от 30 декабря 2006 г. № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах». В соответствии с ч. 1 ст. 4 указанного закона решение о применении специальных экономических мер принимается Президентом РФ на основе предложений Совета Безопасности РФ². Внесение таких предложений Президенту РФ также возможно со стороны Совета Федерации, Государственной Думы или Правительства РФ, однако предложение Совета Безопасности РФ образует обязательный элемент процедуры, без которого решение о применении специальных экономических мер не может быть принято. Перечень конкретных ограничений и обязанностей, вытекающих из принятого Президентом решения, устанавливается Правительством РФ, а при необходимости Банком России. Иной, отличный от описанного, порядок установлен Федеральным законом Российской Федерации от 4 июня 2018 г. № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединённых Штатов Америки и иных иностранных государств», согласно которому соответствующие меры вводятся и отменяются Правительством РФ по решению Президента, а предложение Совета Безопасности в этой процедуре носит факультативный характер³.

Указанное различие в правовом регулировании отмечается и в научной литературе. Н. А. Тиханов обращает внимание на то, что предложение Совета Безопасности, согласно федеральному закону Российской Федерации № 281-ФЗ, следует считать обязательным элементом процедуры, тогда как согласно федеральному закону Российской Федерации № 127-ФЗ оно таковым не является [6, с. 69]. Подобная дифференциация представляется

особенно важной для понимания роли Совета Безопасности РФ в контрсанкционной политике, ведь таким образом он выступает не вспомогательной инстанцией, лишь сопровождающей принятие решений главы государства, а важнейшим участником процедуры применения специальных экономических мер с собственным значением.

Практическое значение данного полномочия подтверждается судебной практикой Верховного Суда Российской Федерации по делам об оспаривании актов Правительства РФ, принятых во исполнение президентских решений о применении специальных экономических мер. В таких делах Верховный Суд РФ исходит из конструкции, установленной федеральным законом Российской Федерации № 281-ФЗ, согласно которой решение о применении специальных экономических мер принимается Президентом РФ на основе предложений Совета Безопасности РФ, тогда как Правительство РФ на основании решения Президента РФ устанавливает перечень конкретных запретов, обязанностей и иных ограничений⁴.

Особого внимания заслуживает вопрос о юридической природе решений Совета Безопасности, поскольку, как представляется, именно через них функциональные полномочия данного органа получают свое правовое выражение. Указ Президента № 175 устанавливает, что решения Совета Безопасности РФ оформляются в виде протокола оперативного совещания⁵. Таким образом законодатель выделяет решения в отдельную правовую категорию, юридическая природа которой до конца не ясна. Несмотря на то что деятельность Совета Безопасности РФ обеспечивается Администрацией Президента РФ, его акты самостоятельны, т. к. Совет Безопасности РФ не относится к структуре Администрации. Поэтому непонятно, каким образом должен осуществляться контроль за исполнением его решений.

Природа таких актов может быть осмыслена следующим образом. На первом этапе протокол оперативного совещания Совета Безопасности РФ представляет собой акт совещательного органа, не обладающий юридической силой. Однако с момента его утверждения Президентом РФ он приобретает иное правовое значение, т. к. согласно п. 16 Положения о Совете Безопасности РФ вступившие

¹ О некоторых вопросах Совета Безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 07.03.2020 № 175; подп. «г» п. 3 Положения о Совете Безопасности Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 10, ст. 1323.

² О специальных экономических мерах и принудительных мерах: федеральный закон Российской Федерации от 30.12.2006 № 281-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 1 (часть I), ст. 44.

³ О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединённых Штатов Америки и иных иностранных государств: федеральный закон Российской Федерации от 04.06.2018 № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 24, ст. 3394.

⁴ Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 14 марта 2023 года № АПЛ23-31 (по делу об оспаривании Постановления Правительства Российской Федерации от 9 марта 2022 г. № 311) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ О некоторых вопросах Совета Безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 07.03.2020 № 175 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 10, ст. 1323.

в силу решения Совета Безопасности обязательны для исполнения государственными органами и должностными лицами¹. При этом круг адресатов подобной обязанности ограничен органами государственной власти и не распространяется на неопределенный круг лиц, что позволяет квалифицировать решения Совета Безопасности РФ после утверждения Президентом РФ как ненормативные правовые акты, имеющие внутриорганизационный характер в системе государственного управления.

Подобная квалификация дает ключ к объяснению того обстоятельства, что решения Совета Безопасности, как правило, не публикуются в открытых источниках. В соответствии с ч. 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации обязательной официальной публикации подлежат лишь нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина. Решения Совета Безопасности РФ, адресованные органам публичной власти, не имеют нормативно-го характера.

Дополнительные механизмы реализации решений Совета Безопасности РФ обусловлены особенностями его состава. Постоянные члены Совета Безопасности РФ, как правило, сами обладают правом законодательной инициативы или возможностью издавать подзаконные акты, направленные на реализацию принятых Советом Безопасности РФ решений. Кроме того, как уже отмечал С. А. Авакьян, Совет Безопасности по своему конституционно-правовому положению является органом при Президенте РФ, в связи с чем его решения, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, получают надлежащее правовое выражение посредством подзаконных актов главы государства, издаваемых во исполнение соответствующих решений Совета Безопасности. Тем самым требование ч. 3 ст. 15 Конституции РФ об обязательной публикации актов, затрагивающих права граждан, обеспечивается опосредованно, через публикацию издаваемых на основании решений Совета Безопасности актов Президента РФ.

На основании вышеизложенного представляется возможным сделать несколько выводов.

Во-первых, исследование проблем нормативного закрепления статуса Совета Безопасности показало, что конституционная реформа 2020 г., расширившая содержание п. «ж» ст. 83 Конституции РФ, обеспечила укрепление его статуса. Вместе с тем при сохранении регулирования полномочий Совета Безопасности на уровне федерального за-

кона Российской Федерации «О безопасности» и Указа Президента № 175 продолжает существовать проблема избыточности и фрагментарности нормативной базы, выражающаяся в дублировании отдельных норм о составе и порядке деятельности данного органа. Преодолению указанной проблемы способствовало бы принятие отдельного федерального закона о Совете Безопасности РФ по аналогии с федеральным законом Российской Федерации № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации»², что одновременно обеспечило бы законодательное закрепление его особого места в системе обеспечения национальной безопасности.

Во-вторых, анализ полномочий Совета Безопасности РФ применительно к контрсанкционной политике позволил выделить три функциональных направления его деятельности: мониторинг и оценку угроз, стратегическое планирование в области обеспечения национальной и экономической безопасности, а также подготовку предложений Президенту РФ о применении специальных экономических мер. Каждое из указанных направлений получает прямую нормативную привязку к санкционной проблематике и реализуется через конкретные механизмы: работу межведомственных комиссий и научно-экспертного совета, подготовку базовых документов стратегического планирования, инициирование процедуры применения специальных экономических мер согласно федеральному закону Российской Федерации № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах»³. Совокупность этих направлений позволяет квалифицировать Совет Безопасности РФ не только как вспомогательную инстанцию, лишь сопровождающую принятие решений главы государства, но и как действительно важный государственный орган, обладающий контрсанкционным значением.

В-третьих, обращение к юридической природе решений Совета Безопасности РФ позволило раскрыть их двухаспектный характер: до момента утверждения Президентом РФ протокол оперативного совещания Совета Безопасности РФ представляет собой акт совещательного органа, не обладающий юридической силой, а после утверждения приобретает общеобязательный характер для государственных органов и должностных лиц. Это позволяет квалифицировать решения Сове-

² О Государственном Совете Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 08.12.2020 № 394-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 50 (часть III), ст. 8039.

³ О специальных экономических мерах и принудительных мерах: федеральный закон Российской Федерации от 30.12.2006 № 281-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 1 (часть I), ст. 44.

¹ О некоторых вопросах Совета Безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 07.03.2020 № 175 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 10, ст. 1323.

та Безопасности РФ, утвержденные Президентом РФ в форме протокола оперативного совещания, как ненормативные правовые акты внутриорганизационного характера в системе государственного управления. Конституционное требование об обязательной публикации актов, затрагивающих права граждан, закрепленное в ч. 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации, обеспечивается при этом через публикацию издаваемых на основании указанных решений подзаконных актов Президента РФ, реализующих их содержание. При этом юридическая сила решений Совета Безопасности

РФ производна от воли Президента РФ, выраженной в их утверждении, тогда как содержательно они вырабатываются Советом Безопасности РФ в рамках его аналитической, координационной и совещательной деятельности. Это позволяет рассматривать решения Совета Безопасности РФ как один из элементов механизма реализации контрсанкционной политики, действующий в сочетании с иными правовыми инструментами: федеральными законами, указами и распоряжениями Президента РФ, постановлениями Правительства РФ и актами иных органов публичной власти.

Список источников

1. Старженецкий В. В., Бутырина В. А., Курицына К. С. Российское антисанкционное регулирование: современное состояние и пути совершенствования // Закон. 2021. № 3. С. 119–142.
2. Авакьян С. А. О роли конституционного права в условиях новых задач и концептуальных решений для политического будущего России // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2023. № 1. С. 3–19.
3. Рамазанов А. Р. К вопросу о статусе Совета Безопасности РФ и роли Президента РФ в его деятельности // Казанская наука. 2012. № 2. С. 212–215.
4. Мамедов В. А. Конституционный статус Совета Безопасности Российской Федерации в системе консультативных и совещательных органов при Президенте Российской Федерации: правовой анализ // Безопасность как стратегический национальный приоритет России в условиях современности: мат-лы шестого Международного транспортно-правового форума. М., 2024. С. 317–322.
5. Дускаева Е. Э. Особенности правового статуса Совета Безопасности Российской Федерации // Юность и Знания — Гарантия Успеха — 2024: сборник научных статей 11-й Международной молодежной научной конф-ции: в 3 т. Курск: Университетская книга, 2024. С. 72–75.
6. Тиханов Н. А. Механизм принятия антисанкционных указов Президента РФ: необходимость в чрезвычайных условиях? // Законодательство. 2024. № 8. С. 61–69.

References

1. Starzheneckij V. V., Butyrina V. A., Kuricyna K. S. Rossijskoe antisankcionnoe regulirovanie: sovremennoe sostoyanie i puti sovershenstvovaniya // Zakon. 2021. № 3. S. 119–142.
2. Avak'yan S. A. O roli konstitucionnogo prava v usloviyah novyh zadach i konceptual'nyh reshenij dlya politicheskogo budushchego Rossii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo. 2023. № 1. S. 3–19.
3. Ramazanov A. R. K voprosu o statuse Soveta Bezopasnosti RF i roli Prezidenta RF v ego deyatel'nosti // Kazanskaya nauka. 2012. № 2. S. 212–215.
4. Mamedov V. A. Konstitucionnyj status Soveta Bezopasnosti Rossijskoj Federacii v sisteme konsul'tativnyh i soveshchatel'nyh organov pri Prezidente Rossijskoj Federacii: pravovoj analiz // Bezopasnost' kak strategicheskij nacional'nyj prioritet Rossii v usloviyah sovremennosti: mat-ly shestogo Mezhdunarodnogo transportno-pravovogo foruma. M., 2024. S. 317–322.
5. Duskaeva E. E. Osobennosti pravovogo statusa Soveta Bezopasnosti Rossijskoj Federacii // Yunost' i Znaniya — Garantiya Uspekha — 2024: sbornik nauchnyh statej 11-j Mezhdunarodnoj molodezhnoj nauchnoj konf-cii: v 3 t. Kursk: Universitetskaya kniga, 2024. S. 72–75.
6. Tihanov N. A. Mekhanizm prinyatiya antisankcionnyh ukazov Prezidenta RF: neobhodimost' v chrezvychajnyh usloviyah? // Zakonodatel'stvo. 2024. № 8. S. 61–69.

Статья поступила в редакцию 17.02.2026; одобрена после рецензирования 20.05.2026; принята к публикации 19.06.2026.

The article was submitted 17.02.2026; approved after reviewing 20.05.2026; accepted for publication 19.06.2026.

Уголовно-правовые науки

Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 130–140.

Altai Law Journal. 2026. № 2 (54). P. 130–140.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.972:2-167.6

ХАРАКТЕРИСТИКА САТАНИЗМА В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА: ПОНЯТИЕ, КРИТЕРИИ КЛАССИФИКАЦИИ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Анна Григорьевна Брагина

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, agb.06@mail.ru

Аннотация. Автором исследуется понятие сатанизма как мировоззрения, описываются некоторые радикальные течения сатанизма, обусловленные ими практики, являющиеся преступлениями. Характеризуются механизмы распространения сатанизма. На основе анализа судебно-следственной практики, действующего законодательства предложена система критериев для классификации сатанистских групп по степени общественной опасности, сформулированы рекомендации по совершенствованию противодействия криминальным проявлениям, обусловленным сатанизмом, как угрозе национальной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: религиозный экстремизм, сатанизм, сатанистская группа, национальная безопасность, противодействие экстремизму

Для цитирования: Брагина А. Г. Характеристика сатанизма в контексте религиозного экстремизма: понятие, критерии классификации преступной деятельности, совершенствование противодействия // Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 130–140.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

CHARACTERISTICS OF SATANISM IN THE CONTEXT OF RELIGIOUS EXTREMISM: CONCEPT, CLASSIFICATION CRITERIA OF CRIMINAL ACTIVITY, IMPROVEMENT OF COUNTERACTION

Anna G. Bragina

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, agb.06@mail.ru

Abstract. The author explores the concept of Satanism as a worldview, discusses certain radical Satanic movements, the practices they involve, and the principles of their perpetrators. The mechanisms by which Satanism spreads are described. Based on an analysis of judicial and investigative practice and current legislation, a system of criteria for classifying Satanist groups according to the degree of public danger is proposed. Recommendations are formulated for improving counteraction to criminal acts caused by Satanism, as a threat to the national security of the Russian Federation.

Keywords: religious extremism, Satanism, Satanist group, national security, counteracting extremism

For citation: Bragina A. G. Characteristics of Satanism in the Context of Religious Extremism: Concept, Classification Criteria of Criminal Activity, Improvement of Counteraction. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2026;2:130–140 (In Russ.).

Важнейшим направлением государственной национальной политики является обеспечение межрелигиозного согласия, противодействие экстремизму и возникновению конфликтов на религиозной почве, т. е. криминальным проявлениям, грубо попирающим конституционно гарантированное право на свободу совести и вероисповедания, а вместе с ним иные права и свободы человека и гражданина, общественные и государственные интересы.

Деструктивные противоправные формы воздействия на традиционные религии, их ценности и последователей в своей совокупности образуют особую разновидность экстремизма — религиозный экстремизм, воплощаемый в конкретных административно и уголовно наказуемых деяниях.

Согласно ст. 1 Федерального закона Российской Федерации от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» к такому экстремизму (экстремистской деятельности) относятся возбуждение религиозной розни, пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его религиозной принадлежности, отношения к религии, нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от религиозной принадлежности или отношения к религии, использование атрибутики или символики экстремистских организаций и др.¹ В группу опаснейших проявлений религиозного экстремизма входят вовлечение граждан в деятельность экстремистских организаций, оскорбление религиозных символов традиционных конфессий и надругательство над такими символами. Названные экстремистские деяния создают устойчивую угрозу национальной безопасности Российской Федерации (пункты 7, 17 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации)².

Анализируя противоправные проявления религиозного экстремизма, можно заметить, что они нередко характеризуются сложной мотивацией лиц, их совершивших. Так формируются его отдельные разновидности, например, религиозно-

политический, религиозно-национальный, религиозно-националистический.

Религиозно-политический экстремизм имеет место в случаях, когда экстремисты, опираясь на религиозные догматы и придавая им исключительную значимость, наделяя надправовой ролью, целенаправленно добиваются исключения инакомыслия в обществе, параллельно стремясь к политическому лидерству. Такие лица нетерпимы к разнообразию проявлений иных религиозных конфессий, желают единолично регулировать как социальную, так и личную жизнь и не идут на компромисс в преодолении политических противоречий [1, с. 179]. Религиозно-политический экстремизм неотделим от массовых нарушений прав человека, эскалирует межнациональную напряженность. С точки зрения уголовного права деятельность лиц, придерживающихся таких экстремистских религиозно-политических взглядов, направлена на насильственное изменение политического строя, насильственный захват власти, нарушение суверенитета и территориальной целостности государства, на создание незаконных вооруженных формирований, возбуждение религиозной или национальной вражды и ненависти [2, с. 65]. Классическим примером подобного является экстремистская деятельность сторонников радикального ваххабизма на территории Северо-Кавказского региона на рубеже XX–XXI вв.

В реальной жизни также встречается сращивание религиозного и национального экстремизма, при котором религиозная идентичность выступает маркером этнической принадлежности. Эта разновидность, в частности, нашла свое воплощение в ходе военных конфликтов на Балканах в конце XX в. Известно, что в их основе лежала идея разделения территории Югославии на независимые государства (Хорватию, Боснию, Черногорию, Косово и др.) с обоснованием целесообразности физического уничтожения противника, отличающегося по национальности и конфессии (например, албанцы / сербы и мусульмане / православные) [3]. Стороны конфликтов в ходе достижения политических целей попутно стремились радикально устранить этнические и религиозные противоречия, накопленные в социуме. Такой религиозно-национальный экстремизм, безусловно, имел и политическую составляющую, однако был ключевым и понятным для значительной части населения, а экстремистская идеология способствовала снятию морального барьера к истреблению соотечественников, отличающихся по названным критериям.

¹ О противодействии экстремистской деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 25.07.2002 № 114-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 53 (ч. I), ст. 8669.

Разновидностью религиозного экстремизма является также экстремизм религиозно-националистический. При сравнении его с религиозно-национальным становится ясно, что он более радикален. Лица, придерживающиеся религиозно-националистических взглядов, нацелены не на разделение, а на доминирование одной нации, избранной, по их мнению, для реализации божественного замысла. Религиозные догмы служат своеобразным инструментом для сакрализации националистических амбиций. Так, нация объявляется носителем особой миссии, а ее превосходство — божественной волей. Идеология становится принципиально негибкой: она не допускает компромиссов, трактует историю и политику через призму этнорелигиозной исключительности, сверхзначимости, а сопротивление провозглашается грехом или изменой. Например, религиозно-националистическая идеология СС базировалась на представлении о божественно предопределенном превосходстве германской нации. Это стало частью более широкой нацистской программы, направленной на формирование нового мировоззрения: христианство отвергалось как религия «слабости» (милосердия и равенства), а его место занимал культ силы, иерархии и биологического превосходства, где мифологизированный «сверхчеловек» замещал Бога. Неоязычество при этом со временем должно было заместиться инфернализмом и сатанинским культом [4, с. 46, 55].

Ключевое различие между двумя последними разновидностями религиозного экстремизма заключается в функции религии: в религиозно-национальном экстремизме она выступает маркером национальной идентичности, а в религиозно-националистическом — инструментом легитимации политических целей и доминирования.

Согласимся с тем, что «религиозный экстремизм в чистом его виде в современном мире отсутствует, так как обязательно содержит в себе политическую и экономическую мотивации» [5, с. 45]. Кроме того, для России на современном этапе в принципе характерно, что политический, религиозный и националистический экстремизм переплетены между собой, что делает сложной задачей разграничение их проявлений [6, с. 70]. Тем не менее установление содержания мировоззрения лиц, осуществляющих экстремистскую деятельность индивидуально или в группе, а также структурно-функциональных характеристик религиозных экстремистских объединений позволяет сформировать критерии, которые не только облегчат юридическую оценку, но и помогут выработать

адекватные меры противодействия со стороны правоохранительных органов в рамках действующего отечественного законодательства.

Несмотря на то что религиозный экстремизм в нашем государстве прочно ассоциируется с исламским экстремизмом, это вовсе не аксиома. К числу воззрений, обладающих высоким потенциалом провоцирования конфликтов на религиозной почве и приводящих к посягательствам на объекты правовой охраны (включая самые ценные — базовые права человека и гражданина), относятся радикальные течения сатанизма.

В научном дискурсе сатанизм характеризуется как полиморфная совокупность деструктивных взглядов, «крайнее проявление оккультных воззрений» [7, с. 2]. При этом по смыслу сатанизм не идентичен дьяволопоклонничеству, которое является его частью [8, с. 413].

Как идеология сатанизм ориентирован на обесценивание традиционных культурных общечеловеческих ценностей, моральных и правовых норм. Ее носители превозносят культ силы, могущества, относятся с крайним пренебрежением и к жизни отдельного индивида, и к человеческому обществу в целом [9, с. 322].

В рамках откровенно экстремистских течений сатанизма открыто разжигаются ненависть и вражда, обосновывается необходимость применения насилия, а также осуществляется мотивация к планированию и организации противоправных действий в отношении всех, кто не относится к «носителям истинного знания» [10, с. 173]. Некоторые из таких течений к тому же органически связаны с радикальным национализмом и неонацизмом, что усиливает их экстремистский потенциал.

Последователи сатанизма, как правило, объединяются в сравнительно мелкие группы, которые культивируют собственную специфическую систему взглядов и практик (в то же время претендуя на исключительное понимание истины в сравнении с конкурентами), используют атрибутику, характерную для религии¹. Несмотря на неоднородность сатанизма в этом смысле, в его рамках можно выделить два условно крупных направления.

Первое направление опирается на постулат о том, что «сатана» — это безличная сила либо архетип подсознания. Его приверженцы не поклоняются сатане, исповедуют индивидуализм, матери-

¹ Встречаются и индивидуально действующие лица (так называемые «одиночки»), однако их мировоззрение все равно основано на идеях, представлениях других сатанистов хотя бы потому, что опирается на теоретические источники, общение с себе подобными.

ализм и гедонизм в крайнем их выражении. Смысл ритуалов направлен на пробуждение скрытых человеческих возможностей через определенные символы (сатаны и др.). Характерным примером в рамках этого направления является сатанинское учение, изложенное в работах американского оккультиста Антона Шандора ЛаВея, например, в его «Сатанинской библии»¹. В них, в частности, десяти заповедям Библии противопоставлены «одиннадцать сатанинских правил на земле», семи смертным грехам — девять «сатанинских грехов», христианским добродетелям — «сатанинские программы» и т. д. [11].

Второе направление базируется на идее о том, что сатана и демоны есть некие индивидуальные сущности, при этом это вовсе не обязательно живые существа. Большинство течений второго направления полностью отрицает существование Бога и, что особенно интересно, рассматривает «сатану» не как библейский образ [12]. Их адепты в целом ориентированы на личностное восприятие сатаны, ритуальную практику.

Оба направления сатанизма обладают довольно размытыми границами и даже обособлены друг от друга первоисточниками, формулирующими теоретическое обоснование их существования, реальное отношение к традиционным конфессиям, сложившемуся социальному и государственному порядку и т. д.

Сатанизм (как, например, уже отмеченный нами выше лавеевский) обладает антихристианской направленностью [13, с. 22, 25]. В то же время в отдельных научных работах доказывалось, что сатанизм ориентирован и на разрушение основ других традиционных религий. Так, например, А. Г. Ипполитова констатирует, что мусульманским духовенством России отмечается факт присутствия основ философии сатанизма в пропагандистской деятельности адептов квазигосударственного экстремистского объединения ИГИЛ²,

¹ Материал книги внесен в Федеральный список экстремистских материалов по решению Санкт-Петербургского городского суда от 22.08.2024. См.: пункт 5453 Федерального списка экстремистских материалов // Минюст России: официальный сайт. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/> (дата обращения: 06.03.2026).

² Решением Верховного Суда Российской Федерации от 29.12.2014 № АКПИ14-1424С международная организация «Исламское государство» (другие названия: «Исламское государство Ирака и Сирии», «Исламское государство Ирака и Леванта», «Исламское государство Ирака и Шама») признана террористической и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации. См.: пункт 22 Единого федерального списка организаций, в том числе иностранных и международных организаций, при-

а символика и атрибутика этой религиозной контркультуры лишь стилизуются под мусульманский образ, манифестируя сатанизм [14, с. 123–125]. Этот аспект заслуживает особого внимания правоприменителя, поскольку уточняет содержание мировоззрения сатанистов, во всяком случае определенной ее части, позволяя в конечном итоге оценить мотивы и цели лиц, направленность их умысла при совершении конкретных деяний. Например, в ходе анализа интернет-публикаций нами был обнаружен тезис о том, что «все белосветные организованные религии — христианство, ислам, буддизм, иудаизм — враждебны сатанизму», их идеология якобы ложна, ведет «к вырождению», а затем делается вывод о том, что «эти религии не нужны» [15]. Подобные идеи не только выражают негативное отношение к традиционным конфессиям, но и настаивают на необходимости отказа от них других лиц. С нашей точки зрения, такого рода тексты заслуживают оценки на предмет наличия признаков состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, в действиях лица или лиц, их разместивших.

С криминологической точки зрения практики, основанные на сатанистских убеждениях, могут способствовать совершению в России тяжких и особо тяжких преступлений. Риск значительно возрастает, если такие идеи распространяются среди людей с неустойчивой психикой, имеющих личные проблемы, а их деятельность координируется извне. Распространение идей нетерпимости и необходимости применения насилия в обществе может дестабилизировать социальную среду и подорвать доверие к институтам власти в долгосрочной перспективе.

Значительно усугубляет ситуацию современный механизм распространения идей сатанизма через сеть Интернет. Анонимность пользователей и несовершенство текущей системы фильтрации интернет-контента создают условия для быстрого распространения экстремистских идей и их радикализации. Действующие социальные сети и закрытые онлайн-чаты в мессенджерах позволяют формировать изолированные сообщества по интересам, в которых происходит целенаправленная идеологическая обработка аудитории. В частности, А. Л. Скрипунов указывает, что на одном из таких тематических форумов в мессенджере Telegram зарегистрировано 1,4 тыс. участников, из

знанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими // Федеральная служба безопасности России: официальный сайт. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> (дата обращения: 06.03.2026).

которых активны около 150. Обсуждаемая тематика — «аспекты учения» и обряды (например, «где раздобыть кровь девственницы для ритуала») [16].

По нашему мнению, оценка степени общественной опасности и выработка на ее основе эффективных мер по противодействию преступной деятельности сатанистских групп (а также и отдельно взятых лиц — сатанистов) могут быть осуществлены на основе конкретных критериев классификации¹.

Итак, можно предложить следующие критерии:

1. По применяемому в ходе практической реализации сатанистских убеждений насилию: с насилием, не опасным для жизни и здоровья (в т. ч. физическим и психическим); с насилием, опасным для жизни и здоровья.

Описание эпизодов преступной деятельности участников сатанистских групп в судебно-следственной практике свидетельствует о подавляюще частом применении именно второго вида насилия. Собственно, практическая его реализация и ведет к разоблачению чаще всего глубоко законспирированных групп сатанистов, позволяя в дальнейшем привлечь их к уголовной ответственности. Тем не менее в ряде случаев встречаются преступления, совершенные с применением физического насилия, не угрожающего здоровью, хотя и нарушающего телесную неприкосновенность потерпевшего, а также психического. Например, в сатанистском молодежном религиозном объединении «Благородный Орден дьявола»², действовавшем на территории Республики Мордовия, пропагандировались и совершались ритуальные половые сношения с несовершеннолетними, а по указанию его лидера К. членам ордена причинялись телесные повреждения из-за возникших между ними религиозных разногласий. К. был признан виновным в организации и руководстве объединением, посягающим на личность и права граждан, сопряжен-

ными с насилием, выразившимся в побоях, а также развратных действиях, потерпевшей от которых стала несовершеннолетняя [17]. Решением Верховного Суда Республики Мордовия от 27.12.2010 «Благородный Орден дьявола» был признан экстремистской организацией³.

К числу примеров деяний, совершенных с насилием, опасным для жизни и здоровья, лицами — участниками сатанистских групп, нужно отнести преступления, совершенные Т., Б., П.-Х. и Д в ряде регионов европейской части России.

В июне 2016 г. Т. и Б., симпатизирующие «религиозно-мистическому движению поклоняющихся сатане», предполагающему ритуалы с человеческими жертвоприношениями, спланировали, а затем совершили ритуальное убийство знакомой З. в Республике Карелия (по данному факту им был вменен п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ, т. е. убийство, совершенное в целях использования органов или тканей потерпевшего). Они же в августе 2016 г., познакомившись с П.-Х. и Д., договорились совершить новое ритуальное убийство. Б. подыскала мужчину, завлекла его в лес в Ленинградской области. Там они вчетвером сначала жестоко избили потерпевшего С., а затем зарезали. Также Т. в августе 2016 г. в г. Балашиха Московской области, будучи в состоянии опьянения, совершил во время ссоры убийство знакомого К. После этого Т. провел в соседней квартире ритуальный обряд с кровью потерпевшего с названными соучастниками, затем Б. выбросила орудие преступления (нож) в близлежащий водоем [18]. Как видно, преступная деятельность этой группы, мотивированная сатанистскими идеями, связана с причинением максимально возможного физического вреда в результате применения насилия, опасного для жизни и здоровья, — смерти потерпевших.

2. По кругу лиц, к которым применялось насилие: в отношении посторонних лиц [19]; в отношении адептов (в т. ч. в ходе инициации, за нарушение внутренних правил, а также за отступничество [20]); в отношении лиц из близкого окружения (при формальном интересе сатаниста в их безопасности) [21].

3. По наличию международного уровня взаимодействия и/или поддержки, осуществляемой враждебными России иностранными государствами и их спецслужбами.

³ Пункт 21 Перечня организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации экстремистскими // Минюст России: официальный сайт. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (дата обращения: 16.03.2026).

¹ Предлагаемая нами классификация опирается на данные открытых источников о составе групп, их действиях, признанных преступными в соответствии с российским уголовным законодательством, в частности, на решениях высшей судебной инстанции, судов субъектов Российской Федерации, официальных сообщениях Следственного комитета России и его территориальных органов, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, публикациях в средствах массовой информации, освещавших ход и итоги рассмотрения судами конкретных уголовных дел за период с 1995 по 2026 г., доступных в сети Интернет, из справочных правовых систем «ГАРАНТ», «КонсультантПлюс».

² Применяемое латинское название — *Nobilis Ordo Diaboli*.

Выделение международного аспекта в качестве основания для определения степени общественной опасности сатанистских групп, полагаем, позволяет не только рассуждать о связях с зарубежными организациями, в т. ч. поддерживаемыми на государственном уровне (что способствует внушению чрезмерной уверенности в себе и чувства мнимой безнаказанности), но и в перспективе координировать и вырабатывать меры по противодействию таким группам с учетом этого факта.

Например, российскими правоохранителями доказано, что к числу сатанистских организаций, поддерживаемых государственными органами США, относится «Храм Сатаны» (другие ее наименования — The Satanic Temple, «Сатанинский храм»)¹. Организация пропагандирует деструктивные псевдотеологические идеи, оправдывает насилие над людьми. Его адепты призывают к свержению конституционного строя в России, негативно высказываются о специальной военной операции [22]. Деятельность этой организации признана в нашем государстве нежелательной. Подобные деяния, совершенные членами «Храма Сатаны», независимо от их гражданства, на наш взгляд, сами по себе уже подпадают под признаки составов преступлений, предусмотренных главой 29 УК РФ (в частности, ее ст. 280). Кроме того, в силу того, что российскими правоприменителями установлены факты финансирования «Храмом Сатаны» организаций, признанных в нашем государстве террористическими и экстремистскими [22], это заслуживает оценки и в рамках норм ч. 1.1 или 2 ст. 205.1 УК РФ, ст. 282.3 УК РФ. При этом правовую основу для привлечения иностранных граждан к ответственности за преступления против интересов России, требования их выдачи для исполнения наказания образуют и нормы отечественного законодательства, и международные конвенции и договоры.

При установлении факта участия граждан Российской Федерации в деятельности такой организации, признанной нежелательной на территории Российской Федерации (не обязательно очного, но и осуществляемого посредством сети Интернет, например, через использование персональных страниц в социальных сетях для распространения

информации об идеях и мероприятиях подобных зарубежных организаций [23]), целесообразно ставить вопрос о наличии состава преступления, предусмотренного ст. 284.1 УК РФ.

Также заметим, что в конце июля 2025 г. решением Верховного Суда Российской Федерации экстремистской организацией было признано Международное движение сатанизма (иное наименование — Международное движение сатанистов). Сведения об этом размещены на сайте Минюста России 19 сентября 2025 г.² С этого момента под запрет попадает сатанистская символика и атрибутика³, выделяющая это международное движение среди символики и атрибутики иных организаций, правовой запрет на пропаганду, публичное демонстрацию, изготовление или сбыт в целях пропаганды, приобретение в целях сбыта или пропаганды которых содержится в ст. 20.3 КоАП РФ и ст. 282.4 УК РФ.

Начиная с августа 2025 г. стала формироваться практика привлечения к административной ответственности по ст. 20.3 КоАП РФ за публичное демонстрацию экстремистской символики. Первым ее понес житель г. Кургана, который разместил на своей странице в социальной сети «ВКонтакте» изображение символа сатаны, которое было доступно для просмотра неограниченного круга лиц [24]. В судебном решении было уточнено понятие символики экстремистской организации, данное в ст. 1 Федерального закона Российской Федерации от 25.07.2002 № 114-ФЗ, а также указано на то, что предметом правонарушения стало «фотоизображение "символа сатаны", относящегося к Международному движению сатанизма»⁴.

Подобного рода деяния должны оцениваться как противоправные не столько из-за факта демонстрации некоего изображения, сколько по наличию прямого умысла и соответствующей мотивации: разделения субъектом идей сатанизма, отсутствия у него негативного отношения к идеологии данного запрещенного экстремистского движения.

² Пункт 127 Перечня организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации экстремистскими // Минюст России: официальный сайт. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (дата обращения: 30.01.2026).

³ В числе таковых правоприменители называют перевернутую пентаграмму (пятиконечную звезду), козлиную голову в пентаграмме, перевернутый крест Святого Петра, крест Левиафана, число 666.

⁴ Постановление по делу об административном правонарушении от 14.08.2025 № 5-2353/2025 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ME6ADE6ThKJj/?ysclid=mn9x9ljmm531068898> (дата обращения: 28.03.2026).

¹ Пункт 195 Перечня иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации // Минюст России: официальный сайт. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/perechen-inostrannyh-i-mezhdunarodnyh-organizacij-deyatelnost-kotoryh-priznana-nezhe-latelnoj-na-territorii-rossijskoj-federacii/> (дата обращения: 22.02.2026).

Анализ материалов правоприменительной практики и публичной информации о сатанистах, совершивших преступления индивидуально, а также об участниках ликвидированных правоохранительными органами России групп свидетельствует о том, что одним из типичных звеньев механизма вовлечения в сатанизм, его популяризации, рекрутинга новых членов является доступ к теоретическим источникам. Они, в свою очередь, могут быть представлены и в виде печатных изданий зарубежного производства, и в виде контента в сети Интернет, регулярно пополняемого из-за рубежа.

Например, на сегодняшний день в Федеральный список экстремистских материалов включено несколько источников, в которых отражены положения сатанизма как деструктивной идеологии (в частности, пропаганда превосходства сатанистов над другими людьми, пропаганда, одобрение и оправдание идеологии насилия, экстремизма и терроризма, нетерпимого, неприязненного отношения к несатанистам, высказывания с признаками пропаганды нацизма, фашизма, гомосексуализма и другие аспекты¹). При этом издательства этих материалов расположены за рубежом — в США и в Финляндии. Так, «Черная книга сатаны» (The black book of Satan), включающая три части («Черная книга Сатаны I», «CAELETHI Черная книга Сатаны II», «Черная книга Сатаны III»), напечатана в 2019 г. американским издательством Lulu Press. Inc., а «Храм Крови» (Temple_of_Blood) — в 2004 г. финским издательством Ixahaar. Все перечисленные печатные материалы внесены в названный список по решению Октябрьского районного суда города Санкт-Петербурга от 2 мая 2024 г.²

Полагаем, что приобретение их в издательствах напрямую или же через сеть Интернет независимо от цели приобретателя (последующей возмездной реализации или личного пользования) тоже свидетельствует о международном уровне взаимодействия. Оно может быть направлено и на формирование единого мировоззрения сатанистов по всему миру, и, вполне вероятно, формирование контингента, пригодного для использования в политических целях враждебными России иностранными государствами и их спецслужбами.

¹ См.: пункты 5428–5431 Федерального списка экстремистских материалов // Минюст России: официальный сайт. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/> (дата обращения: 30.01.2026).

² Решение Октябрьского районного суда города Санкт-Петербурга от 02.05.2024 № 2А-1996/2024 2А-1996/2024-М-937/2024 М-937/2024 от 01.05.2024 по делу № 2А-1996/2024 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/agLYoeypQzm8/> (дата обращения: 26.03.2026).

Помимо указанных выше форм, международное взаимодействие может выражаться в онлайн-обучении ритуалам, в координировании различного рода акций, направленных на популяризацию сатанизма, демонстрации силы и т. п.

4. По видам затрагиваемых общественных отношений, охраняемых уголовным законом.

Исходя из доступной к изучению нами практики сатанизма, по фактам которого виновные были привлечены к уголовной ответственности, можно сделать вывод о том, что чаще ими являются умышленные посягательства на жизнь (ст. 105 УК РФ). Часть убийств, квалифицируемых по разным пунктам ч. 2 ст. 105 УК РФ, относится к ритуальным или жертвоприношениям, как в случае с жителями Хабаровского края А. и О. Первый был осужден по п. «д», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а второй — по ч. 5 ст. 33, п. «д», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ³.

Встречаются факты привлечения виновных к ответственности за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности (ст. 131–135 УК РФ). Так, за развратные действия, совершавшиеся в ходе ритуалов упоминавшегося выше «Благородного Ордена дьявола», к ответственности был привлечен К. [17].

Кроме того, в оценке содеянного сатанистами находят отражение составы преступлений в сфере экономики — кража (ст. 158 УК РФ [25]), умышленные уничтожение или повреждение чужого имущества (ст. 167 УК РФ [26]); против общественной безопасности и общественного порядка — создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан (ст. 239 УК РФ [17]), надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ст. 244 [25, 27]).

Используя в качестве критерия классификации сатанистских групп виды затрагиваемых общественных отношений, охраняемых уголовным законом, можно оценить как общественную опасность самой преступной деятельности (через призму вреда, фактически причиненного охраняемым законом общественным отношениям), так и степень общественной опасности существующей преступной группы.

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет говорить о том, что сатанизм представляет собой особую форму религиозного экстремизма. Он характеризуется антитрадиционной

³ Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2008 № 58-О07-95. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

направленностью, пропагандой культа силы и пренебрежения к человеческой жизни.

Хотя в сатанизме выделяются условные направления, он далеко не однороден и весьма сложен в оценке, требуя комплексного подхода. При этом, будучи деструктивной системой взглядов, напрямую провоцирует преступность. Так, анализ правоприменительной практики показывает, что пропаганда превосходства сатанистов и ненависть к «несатанистам» приводят к преступлениям против личности (ст. 105, 131–135 УК РФ). Ритуальная практика сатанистов связана со всеми видами насилия, вовлечением несовершеннолетних в эту деструктивную деятельность, а отрицание традиционных ценностей мотивирует надругательства над религиозными символами и местами захоронения (ст. 244 УК РФ). Типичные преступления, совершаемые сатанистскими группами, говорят о системном характере угрозы сатанистского экстремизма, затрагивающего широкий спектр охраняемых законом общественных отношений и представляющего реальную угрозу национальной безопасности Российской Федерации.

Предлагаемые критерии классификации сатанистских групп могут помочь в оценке степени общественной опасности конкретной группы, в т. ч. уровня радикализации мировоззрения ее

членов (который можно оценить как по факту уже совершенных ими противоправных деяний — от угроз применения насилия до умышленного причинения смерти, так и по потенциальной готовности к подобным действиям в будущем). Кроме того, эти критерии позволяют определить круг потенциальных жертв, целевую аудиторию для пополнения рядов адептов, наличие связи с зарубежными идеологами сатанизма, организациями, наконец, очертить спектр угроз, исходящих от сатанизма.

Существующие уже сегодня правовые меры противодействия данному виду экстремизма должны сочетаться с целенаправленным мониторингом и своевременной блокировкой интернет-ресурсов, используемых для распространения экстремистских сатанистских материалов. Необходимы адресные просветительские программы для несовершеннолетних и молодежи, целью которых будет формирование устойчивости к деструктивным идеям, исходящим от сатанизма.

Наконец, требуют внимания вопросы повышения эффективности межведомственного взаимодействия, раннего выявления сатанистских групп, лиц, склонных к радикализации и при этом разделяющих сатанистские идеи, организация индивидуальной работы с ними.

Список источников

1. Рязанов Д. С. Религиозный экстремизм, религиозно-политический экстремизм и религиозный фундаментализм: общее, особенное, единичное // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. Т. 7. С. 177–184.
2. Сампиев И. Этнополитические аспекты религиозно-политического экстремизма на Северном Кавказе // Россия и мусульманский мир. 2009. № 5. С. 64–71.
3. Гири́н А. В. Классификация, периодизация, особенности и характерные черты военных конфликтов на территории Югославии (1991–2001 гг.) // Военно-исторический журнал. 2025. № 3. С. 22–33. URL: <https://history.milportal.ru/klassifikaciya-periodizaciya-osobennosti-i-xarakternye-cherty-voennyx-konfliktov-na-territorii-yugoslavii-1991-2001-gg/> (дата обращения: 04.02.2026).
4. Багдасарян В. Э. Антихристианский контекст генезиса германского нацизма // Ортодоксия. 2025. № 1. С. 44–77.
5. Коннов И. А., Петрянин А. В., Кузнецов М. В. Понятие, признаки и виды экстремизма. Нижний Новгород: Нижегородский институт управления, 2019. 128 с.
6. Сундиев И. Ю. Молодежные экстремистские организации: традиции и новые информационные технологии (криминологическая экспозиция явления) // Научный портал МВД России. 2009. № 4 (8). С. 68–76.
7. Саввин А. В. Современный сатанизм: идейные истоки, доктрина, практика: дис. ... канд. филос. наук. М., 1999. 152 с.
8. Саби́ров В. Д. Проблемы трактовки сатанизма как философского течения // Научный электронный журнал «Меридиан». 2020. № 8 (42). С. 411–413.
9. Валов А. В. К вопросу о «сатанизме» и противодействии его проявлениям // Глобальные научные тренды: междисциплинарные исследования: сборник статей II Международной научно-практ. конф-ции, научно-образовательный центр «Новые научные исследования», 25 марта 2025 г. Саратов: КУБиК, 2025. С. 321–327.

10. Клейменов М. П., Артемов А. А. Понятие и виды криминального экстремизма // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2010. № 3 (24). С. 167–174.
11. Люди погибели: Сатанизм в России: попытка анализа / Федор Кондратьев, Архимандрит Рафаил (Карелин), Священник Олег Стеняев [и др.]. М.: Изд-во Моск. Подворья Свято-Троиц. Сергиевой Лавры, 2000. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/sekty/lyudi-pogibeli-satanizm-v-rossii-popytka-analiza/#source> (дата обращения: 06.03.2026).
12. Сатанизм «семеричной традиции». Информационно-консультационный центр Св. Ирины Лионского. URL: <https://iriney.ru/okkultnyie/satanisty/satanizm-semerichnoj-tradiczii.html> (дата обращения: 10.03.2026).
13. Багдасарян В. Э., Сильвестр, архимандрит (Лукашенко С. П.). Исторический генезис антихристианства на современном Западе: сатанизм западных элит как политическая реальность // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 3. С. 22–39.
14. Ипполитова А. Г. Сатанизм и оккультизм: современные «скрытые» манифестации // Модернизация культуры: от культурной политики к власти культуры: мат-лы IV Международной научно-практ. конф-ции: в 2 ч., Самара, 23–24 мая 2016 г. / под ред. С. В. Соловьевой, В. И. Ионесова, Л. М. Артамоновой. Самара: Самарский государственный институт культуры, 2016. Ч. 1. С. 121–126.
15. Иерархия сатаны. FAQ традиционализма. Ответы на наиболее часто задаваемые вопросы. Живой Журнал — блог-платформа. URL: <https://darex.livejournal.com/1072.html> (дата обращения: 06.03.2026).
16. Скрипунов А. «Это может быть ваш сосед»: сатанисты в России встали на путь убийств // РИА НОВОСТИ. URL: <https://ria.ru/20210825/satanisty-1747047031.html> (дата обращения: 06.03.2026).
17. Завершено расследование уголовного дела по факту создания секты // Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Республике Мордовия: официальный сайт. URL: <https://mordovia.sledcom.ru/news/item/625124/> (дата обращения: 20.03.2026).
18. Московский областной суд во вторник назначил банде сатанистов, совершившей несколько ритуальных убийств в разных регионах России, от 13 лет до пожизненного срока в колонии, сообщили РИА Новости в пресс-службе СК РФ // Следственный комитет Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://sledcom.ru/press/smi/item/1874305> (дата обращения: 16.03.2026).
19. Пинкус М. В Челябинской области за серию убийств осужден участник банды подростков-сатанистов // Интернет-портал Российской газеты. URL: <https://rg.ru/2011/04/04/reg-ural/banda.html> (дата обращения: 26.03.2026).
20. Габараев М. Осторожно! «Черный тюльпан» // АНО «Редакция газеты «Труд»: сайт. URL: https://www.trud.ru/article/27-10-2000/14273_ostorozhno_chernyj_tjulpan.html (дата обращения: 22.03.2026).
21. Герасимов А. Сатанист // Коммерсантъ. 1998. 5 дек. Сетевое издание. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/210102> (дата обращения: 22.03.2026).
22. Генпрокуратура России признала деятельность международной организации The Satanic Temple нежелательной // Генеральная прокуратура Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e5606622/> (дата обращения: 10.02.2026).
23. Васильченко К. В. Содержание субъективных признаков осуществления нежелательной деятельности при соучастии (ст. 284.1 УК РФ) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
24. Петрова Л. Жителя Кургана впервые оштрафовали за публикацию изображения сатаны // Интернет-портал Российской газеты. URL: <https://rg.ru/2025/08/22/reg-urfo/zhitelia-kurgana-vpervye-oshtrafovaliza-publikaciiu-izobrazheniia-satany.html> (дата обращения: 26.03.2026).
25. В Ярославской области 7 человек признаны виновными в совершении ритуальных убийств // Следственный комитет Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://sledcom.ru/news/item/542889> (дата обращения: 22.03.2026).
26. В Карелии поджигателя церкви отправили на принудительное лечение // Интернет-портал Российской газеты. URL: <https://rg.ru/2019/06/25/reg-szfo/v-karelii-podzhigatelja-cerkvi-otpravili-na-prinuditelnoe-lechenie.html> (дата обращения: 26.03.2026).
27. Грищенко Н. На Дону «сатанисты» заплатят 900 тысяч рублей за выкопанную могилу // Интернет-портал Российской газеты. URL: <https://rg.ru/2016/11/15/reg-ufo/satanisty-iz-novocherk-asska-zaplatiat-shtraf-za-oskvernenie-kladbishcha.html> (дата обращения: 22.03.2026).

References

1. Ryazanov D. S. Religioznyj ekstremizm, religiozno-politicheskij ekstremizm i religioznyj fundamentalizm: obshchee, osobennoe, edinichnoe // *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. 2014. T. 7. S. 177–184.
2. Sampiev I. Etnopoliticheskie aspekty religiozno-politicheskogo ekstremizma na Severnom Kavkaze // *Rossiia i musul'manskij mir*. 2009. № 5. S. 64–71.
3. Girin A. V. Klassifikaciya, periodizaciya, osobennosti i harakternye cherty voennykh konfliktov na territorii Yugoslavii (1991–2001 gg.) // *Voенно-istoricheskij zhurnal*. 2025. № 3. S. 22–33. URL: <https://history.milportal.ru/klassifikaciya-periodizaciya-osobennosti-i-xarakternye-cherty-voennykh-konfliktov-na-territorii-yugoslavii-1991-2001-gg/> (data obrashcheniya: 04.02.2026).
4. Bagdasaryan V. E. Antihristianskij kontekst genezisa germanskogo nacizma // *Ortodoksiya*. 2025. № 1. S. 44–77.
5. Konnov I. A., Petryanin A. V., Kuznecov M. V. Ponyatie, priznaki i vidy ekstremizma. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskij institut upravleniya, 2019. 128 s.
6. Sundiev I. Yu. Molodezhnye ekstremistskie organizacii: tradicii i novye informacionnye tekhnologii (kriminologicheskaya ekspoziciya yavleniya) // *Nauchnyj portal MVD Rossii*. 2009. № 4 (8). S. 68–76.
7. Savvin A. V. Sovremennyj satanizm: idejnye istoki, doktrina, praktika: dis. ... kand. filos. nauk. M., 1999. 152 s.
8. Sabirov V. D. Problemy traktovki satanizma kak filosofskogo techeniya // *Nauchnyj elektronnyj zhurnal «Meridian»*. 2020. № 8 (42). S. 411–413.
9. Valov A. V. K voprosu o «satanizme» i protivodejstvii ego proyavleniyam // *Global'nye nauchnye trendy: mezhdisciplinarnye issledovaniya: sbornik statej II Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii, nauchno-obrazovatel'nyj centr «Novye nauchnye issledovaniya»*, 25 marta 2025 g. Saratov: KUBiK, 2025. S. 321–327.
10. Klejmenov M. P., Artemov A. A. Ponyatie i vidy kriminal'nogo ekstremizma // *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo*. 2010. № 3 (24). S. 167–174.
11. Lyudi pogibeli: Satanizm v Rossii: popytka analiza / Fedor Kondrat'ev, Arhimandrit Rafail (Karelin), Svyashchennik Oleg Stenyaev [i dr.]. M.: Izd-vo Mosk. Podvor'ya Svyato-Troic. Sergievoj Lavry, 2000. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/sekty/lyudi-pogibeli-satanizm-v-rossii-popytka-analiza/#source> (data obrashcheniya: 06.03.2026).
12. Satanizm «semerichnoj tradicii». Informacionno-konsul'tacionnyj centr Sv. Irineya Lionskogo. URL: <https://iriney.ru/okkultnyie/satanisty/satanizm-semerichnoj-tradiczii.html> (data obrashcheniya: 10.03.2026).
13. Bagdasaryan V. E., Sil'vestr, arhimandrit (Lukashenko S. P.). Istoricheskij genezis antihristianstva na sovremennom Zapade: satanizm zapadnykh elit kak politicheskaya real'nost' // *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*. 2024. № 3. S. 22–39.
14. Ippolitova A. G. Satanizm i okkul'tizm: sovremennye «skrytye» manifestacii // *Modernizaciya kul'tury: ot kul'turnoj politiki k vlasti kul'tury: mat-ly IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii: v 2 ch.*, Samara, 23–24 maya 2016 g. / pod red. S. V. Solov'evoj, V. I. Ionesova, L. M. Artamonovoj. Samara: Samarskij gosudarstvennyj institut kul'tury, 2016. Ch. 1. S. 121–126.
15. Ierarhiya satany. FAQ tradicionalizma. Otvery na naibolee chasto zadavaemye voprosy. Zhivoj Zhurnal — blog-platforma. URL: <https://darex.livejournal.com/1072.html> (data obrashcheniya: 06.03.2026).
16. Skripunov A. «Eto mozhet byt' vash sosedi»: satanisty v Rossii vstali na put' ubijstv // *RIA NOVOSTI*. URL: <https://ria.ru/20210825/satanisty-1747047031.html> (data obrashcheniya: 06.03.2026).
17. Zavershenno rassledovanie ugolovno delo po faktu sozdaniya sekty // *Sledstvennoe upravlenie Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii po Respublike Mordoviya: oficial'nyj sajt*. URL: <https://mordovia.sledcom.ru/news/item/625124/> (data obrashcheniya: 20.03.2026).
18. Moskovskij oblastnoj sud vo vtoroj razkaznache bandy satanistov, sovershivshej neskol'ko ritual'nykh ubijstv v raznykh regionah Rossii, ot 13 let do pozhiznennogo sroka v kolonii, soobshchili RIA Novosti v press-sluzhbe SK RF // *Sledstvennyj komitet Rossijskoj Federacii: oficial'nyj sajt*. URL: <https://sledcom.ru/press/smi/item/1874305> (data obrashcheniya: 16.03.2026).
19. Pinkus M. V Chelyabinskij oblasti za seriyu ubijstv osuzhden uchastnik bandy podrostkov-satanistov // *Internet-portal Rossijskoj gazety*. URL: <https://rg.ru/2011/04/04/reg-ural/banda.html> (data obrashcheniya: 26.03.2026).

20. Gabaraev M. Ostorozhno! «Chernyj tyul'pan» // AnO «Redakciya gazety «Trud»: sajt. URL: https://www.trud.ru/article/27-10-2000/14273_ostorozhno_chernyj_tjulpan.html (data obrashcheniya: 22.03.2026).
21. Gerasimov A. Satanist // Kommersant». 1998. 5 dek. Setevoe izdanie. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/210102> (data obrashcheniya: 22.03.2026).
22. Genprokuratura Rossii priznala deyatel'nost' mezhdunarodnoj organizacii The Satanic Temple nezhelatel'noj // General'naya prokuratura Rossijskoj Federacii: oficial'nyj sajt. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e5606622/> (data obrashcheniya: 10.02.2026).
23. Vasil'chenko K. V. Soderzhanie sub»ektivnyh priznakov osushchestvleniya nezhelatel'noj deyatel'nosti pri souchastii (st. 284.1 UK RF) [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
24. Petrova L. Zhitelya Kurgana vperve oshtrafovali za publikaciyu izobrazheniya satany // Internet-portal Rossijskoj gazety. URL: <https://rg.ru/2025/08/22/reg-urfo/zhitelia-kurgana-vperve-oshtrafovali-za-publikaciiu-izobrazheniia-satany.html> (data obrashcheniya: 26.03.2026).
25. V Yaroslavskoj oblasti 7 chelovek priznany vinovnymi v sovershenii ritual'nyh ubijstv // Sledstvennyj komitet Rossijskoj Federacii: oficial'nyj sajt. URL: <https://sledcom.ru/news/item/542889> (data obrashcheniya: 22.03.2026).
26. V Karelii podzhigatelya cerkvi otpravili na prinuditel'noe lechenie // Internet-portal Rossijskoj gazety. URL: <https://rg.ru/2019/06/25/reg-szfo/v-karelii-podzhigatelia-cerkvi-otpravili-na-prinuditelnoe-lechenie.html> (data obrashcheniya: 26.03.2026).
27. Grishchenko N. Na Donu «satanisty» zaplatyat 900 tysyach rublej za vykopannuyu mogilu // Internet-portal Rossijskoj gazety. URL: <https://rg.ru/2016/11/15/reg-ufo/satanisty-iz-novocherk-asska-zaplatiat-shtraf-za-oskvernenie-kladbishcha.html> (data obrashcheniya: 22.03.2026).

Информация об авторе

А. Г. Брагина — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. G. Bragina — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 26.03.2026; одобрена после рецензирования 29.04.2026; принята к публикации 19.06.2026.

The article was submitted 26.03.2026; approved after reviewing 29.04.2026; accepted for publication 19.06.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 141–148.

Altai Law Journal. 2026. № 2 (54). P. 141–148.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.237

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ ФОРМ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ И ИХ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Никита Владимирович Бурков

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, burkovnv87@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье проведен комплексный анализ форм соучастия в российском уголовном праве. Рассматривается фундаментальная доктринальная проблема разграничения понятий «форма» и «вид» соучастия с использованием историко-правовых и философско-логических аргументов. Обосновывается предпочтительность использования термина «форма соучастия» для обозначения организационной структуры преступных объединений. Детально анализируются законодательные конструкции форм соучастия, закрепленные в ст. 35 УК РФ. Особое внимание уделяется выявлению признаков и проблем квалификации сложных форм соучастия. На основе анализа доктринальных источников и разъяснений Верховного Суда Российской Федерации выявляются пробелы и оценочные категории в законодательном определении организованной группы и преступного сообщества, в частности, критически оцениваются критерии «устойчивости» и специальной цели создания преступного сообщества. Статья направлена на систематизацию знаний о формах соучастия и выработку рекомендаций по совершенствованию правоприменительной практики.

Ключевые слова: соучастие в преступлении, форма соучастия, вид соучастия, группа лиц, организованная группа, преступное сообщество

Для цитирования: Бурков Н. В. Актуальные проблемы понимания форм соучастия в преступлении и их регламентация в Уголовном кодексе Российской Федерации // Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 141–148.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

CURRENT ISSUES IN UNDERSTANDING FORMS OF COMPLICITY IN CRIME AND THEIR REGULATION UNDER THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Nikita V. Burkov

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, burkovnv87@yandex.ru

Abstract. This article presents a comprehensive analysis of the institution of complicity in Russian criminal law. It explores the fundamental doctrinal issue of differentiating between the concepts of the “form” and the “type” of complicity, relying on historical-legal and philosophical-logical arguments. The author proves the preference for the term “form of complicity” to denote the organizational structure of criminal associations. A detailed examination is provided of the legal formulations of complicity forms codified in Article 35 of the Criminal Code of the Russian Federation. Particular attention is paid to identifying the characteristics and challenges in qualifying complex forms of complicity. Based on an analysis of doctrinal sources and clarifications issued by the Supreme Court of the Russian Federation, the article reveals legislative gaps and evaluative categories in the legal definitions of an organized group and a criminal community. In particular, the article critically examines the criteria of “stability” and the specific purpose behind the creation of a criminal community. It aims to systematize knowledge of the forms of complicity and to develop recommendations for improving law enforcement practices.

Keywords: complicity in crime, form of complicity, type of complicity, group of persons, organized group, criminal community

For citation: Burkov N. V. Current Issues in Understanding Forms of Complicity in Crime and their Regulation under the Criminal Code of the Russian Federation. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2026;2:141–148 (In Russ.).

Институт соучастия играет ключевую роль в теории уголовного права и законодательстве, вследствие чего его регламентации посвящена глава 7 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Однако регулирование данного института в уголовном законе не отличается единообразием и во многом носит фрагментарный характер. В значительной степени это объясняется тем, что в доктрине отсутствует единое мнение относительно понимания таких ключевых вопросов, как: обязательные признаки соучастия, критерии разграничения форм соучастия, виды соучастников и особенности их ответственности. В этих условиях назревает необходимость комплексного и глубокого научного анализа института соучастия с целью разработки целостной теоретической базы и выработки детального нормативного регулирования.

В уголовно-правовой доктрине одним из ключевых вопросов является разграничение понятий «форма» и «вид» соучастия. Изучение исторического развития уголовного законодательства позволяет установить, что классификация соучастия в преступлении всегда определялась господствующими правовыми концепциями и общественно-политическими условиями соответствующего периода. Смена парадигм в понимании преступного поведения и роли государства в борьбе с ним неизменно находила отражение в подходах к определению форм и видов соучастия, их юридической квалификации и степени ответственности соучастников.

В Российской империи до революции юристы, например Н. С. Таганцев и А. Ф. Кистяковский, в своих работах о соучастии сосредотачивались на разделении ролей между участниками преступления, определяя исполнителя, подстрекателя и пособника. Акцент делался на индивидуальном вкладе каждого лица, а не на общей структуре преступной группы. Такой подход отражал сильное влияние немецкой уголовно-правовой доктрины. Н. С. Таганцев акцентировал внимание на субъективной взаимосвязи между соучастниками, утверждая, что «соучастие представляет собой совместное участие нескольких лиц в совершении преступления, а не общую вину» [1, с. 752]. Однако А. Ф. Кистяковский, выделяя «физическое» и «интеллектуальное» соучастие, уже тогда намекал на существование различных форм организации преступной деятельности [2, с. 385]. Этот подход был положен в основу более поздних исследований.

Начиная с 50-х годов прошлого столетия под воздействием научных трудов А. Н. Трайнина и М. Д. Шаргородского доминирующим стал подход, базирующийся на принципе организованности. Исследователи различали соучастие в простой форме (соисполнительство) и соучастие в сложной форме, которое охватывало такие образования, как группа лиц, организованная группа и преступное сообщество [3, с. 267; 4, с. 381]. Данный подход в значительной степени определялся политической потребностью в результативной борьбе с организованными контрреволюционными формированиями, что обуславливало потребность в точной законодательной квалификации преступлений, совершаемых группами.

Предложение В. С. Прохорова, высказанное в 1960-х гг., явилось важной вехой в развитии учения о соучастии, поскольку он одним из первых акцентировал внимание на разграничении категорий «форма» и «вид» соучастия. Его аргументация строилась на том, что понятие «форма» отражает структуру организации преступной группы и позволяет оценить уровень ее общественной опасности.

В свою очередь, понятие «вид» используется для характеристики ролей, выполняемых отдельными участниками преступления, а также для определения индивидуального вклада каждого из них в совершение противоправного деяния [5, с. 600–601]. Таким образом, разграничение «формы» и «вида» соучастия позволяет более детально анализировать структуру преступных групп и степень ответственности каждого участника.

В современных научных трудах наблюдаются разногласия относительно классификации соучастия в преступлении. Сторонники термина «форма соучастия» [6, с. 215; 7, с. 232] подчеркивают значимость структурной организации преступной группы, что отражено в ст. 35 УК РФ, причем данная позиция является наиболее популярной и принимается большинством исследователей. Полагая, что представители научного сообщества, использующие термин «вид соучастия» [8, с. 99–101, 154], при выделении оснований для дифференциации смешивают разнородные критерии, а именно ролевой и организационно-структурный, что приводит к слиянию терминов «виды соучастников» и «виды соучастия». Данная позиция, кроме того, нарушает цели существования каждого из субинститутов, где вид соучастника должен отражать место конкретного лица в совершаемом групповом преступлении, а форма соучастия отражает сте-

пень общественной опасности конкретного преступного объединения.

В качестве альтернативы А. П. Козловым была предложена позиция, допускающая параллельное использование обоих терминов. Согласно этой концепции «форма» отражает структуру группы, в то время как «вид» определяет функциональную роль каждого участника [9, с. 199–200]. Однако подобный подход, не устраняя коренных противоречий, часто приводит к излишнему повторению классификаций, что не способствует ясности в понимании института соучастия.

Проведение четкой границы между данными понятиями обладает не только теоретической ценностью, но и существенной значимостью для методологии исследования, что находит свое обоснование в философских и логических концепциях. В философской традиции, начиная с трудов Аристотеля, понятие формы (*morphē*) интерпретируется как внутренняя организация или структура явления, определяющая его сущностные характеристики. В свою очередь, вид (*eidos*) представляет собой внешние проявления, отличающиеся конкретными признаками, в пределах общего рода.

При переносе философских размышлений в плоскость уголовно-правовой науки это различие имеет следующее выражение: форма определяет способ объединения лиц и структуру взаимосвязей между ними, например, предварительный сговор группы лиц или наличие организованности преступной группы. Вид же отражает конкретную роль каждого участника в рамках данной структуры, подразделяя их на исполнителей, пособников и другие категории.

Логический подход также подтверждает, что форма представляет собой системную категорию, обладающую внутренней иерархией, тогда как вид является лишь ее классификационным элементом. В связи с этим форма соучастия способна включать различные типы ролей — организатора, исполнителя, пособника, каждый из которых выполняет свою функцию в рамках общей структуры объединения.

Подмена этих понятий приводит к терминологической расплывчатости и негативно отражается на точности квалификации преступных действий. Использование категории «форма соучастия» в качестве основного системообразующего критерия полностью согласуется с требованиями логичности и иерархичности, заложенными законодателем в ст. 35 УК РФ. Данная статья выделяет уровни организованности групп, которые непосредствен-

но влияют на степень их общественной опасности и, как следствие, на меру ответственности.

В связи с этим термин «форма соучастия» представляется более подходящим для обозначения способа организации совместной преступной деятельности, который структурирован в зависимости от уровня согласованности и организованности. Категория «вид соучастия» (или более точно, «вид соучастника») целесообразна для разграничения ролей участников преступления (ст. 33 УК РФ), однако она не должна подменять собой понятие формы. Четкое разделение этих понятий способствует унификации теоретических положений, укрепляет системность уголовного права и гарантирует точность применения правовых норм.

Особого внимания заслуживает точка зрения А. В. Шеслера, предлагающего собственную систематизацию соучастия, базирующуюся на двух критериях: субъективных и объективных характеристиках совместной преступной деятельности. С точки зрения объективных признаков автор выделяет две формы соучастия: соучастие с распределением ролей (сложное соучастие) и соисполнительство (простое соучастие). Опираясь на субъективные факторы, определяющие совместность преступной деятельности группы лиц, А. В. Шеслер выделяет соучастие без предварительного сговора и с предварительным сговором. Последняя форма, в свою очередь, подразделяется на соучастие с предварительным сговором в простой форме, соучастие с предварительным сговором, формирующее организованную группу и приводящее к созданию преступного сообщества [10, с. 50–51]. Несмотря на всесторонний и комплексный анализ признаков совместной преступной деятельности, такое деление может представлять определенные трудности при применении на практике.

Вместе с тем предложенная А. В. Шеслером классификация, где учитывается совокупность объективных и субъективных признаков соучастия, представляется наиболее удачной в силу полноты и комплексности. Разделение существующих форм соучастия на простые и сложные позволит дифференцировать групповые преступления по степени общественной опасности. То объединение, в котором имеется разделение по ролям, подразумевает повышенную степень организованности и объединенности его членов, что не только повышает потенциальные негативные последствия от преступной деятельности, но и затрудняет установление соучастников, нежели при соисполнительстве. Учитывая вышеизложенное и основны-

ваясь на устоявшейся как в доктрине, так и в законодательстве классификации, на наш взгляд, можно предложить следующую систему форм соучастия в преступлении: простое и сложное соучастие в форме группы лиц, простое и сложное соучастие в форме группы лиц по предварительному сговору, организованная группа и преступное сообщество (преступная организация). Опираясь на существующие теоретические размышления о возможности ролевой дифференциации [9, с. 234–235] в наиболее простом образовании — группе лиц, которые разделяются и нами, представляется возможным существование таковой и в действительности, что обуславливает выделение простой и сложной формы. В свою очередь, аналогичное деление в двух наиболее опасных и сложных формах не требуется по причине повышенной общественной опасности таких объединений, что подтверждается и позицией Пленума Верховного Суда Российской Федерации¹, а также большой вероятностью наличия внутренней иерархии и распределения ролей на практике², что свидетельствует о минимальной вероятности существования организованной группы и преступного сообщества (организации) в простой форме.

Помимо проблемы терминологического обозначения форм соучастия, необходимо проанализировать характерные признаки каждой из форм соучастия в силу их неоднозначного трактования в научной литературе.

Группа лиц как форма соучастия, предусмотренная ст. 35 УК РФ, представляет собой наименее опасный вид совместной преступной деятельности. Ее отличительной чертой является участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления, при этом отсутствует предварительная договоренность между ними.

Отсутствие предварительного сговора является важным признаком, определяющим спонтанность возникновения общего умысла на совершение преступления. Этот умысел формируется не-

посредственно перед или в процессе совершения преступного деяния.

Второй характерный признак — наличие не менее двух соисполнителей, что вызывает дискуссии среди ученых-правоведов. В частности, А. П. Козлов справедливо отмечает возможность совершения преступления группой лиц без предварительного сговора, но с распределением определенных ролей между участниками [9, с. 234–235]. Поддерживая данную точку зрения, следует подчеркнуть ограниченность дифференциации ролей в рассматриваемой форме соучастия. Это обусловлено невозможностью существования подстрекателя, наличие которого свидетельствует о более высокой степени общественной опасности соучастия, предполагающего предварительную организацию преступной деятельности.

В связи с этим полагаем целесообразным изложить ч. 1 ст. 35 УК РФ в следующей редакции: «Преступление признается совершенным группой лиц, если в его совершении совместно участвовали два или более лица без предварительного сговора».

Согласно ч. 2 ст. 35 УК РФ предварительным сговором группы лиц признается ситуация, когда несколько индивидуумов заранее договариваются действовать совместно для совершения конкретного преступления. Существенным признаком, отличающим данную форму соучастия от других, является достижение соглашения о совместном совершении преступного деяния до начала его непосредственного осуществления. Данный тезис подтверждает и позиция Верховного Суда Российской Федерации: «При квалификации действий виновных группой лиц по предварительному сговору суду следует выяснять, имел ли место такой сговор соучастников до начала действий, ...состоялась ли договоренность о распределении ролей в целях осуществления преступного умысла»³. Форма договоренности не имеет значения и может быть выражена устно, письменно или подразумеваться из действий участников. Время, прошедшее между сговором и началом преступления, также не регламентируется. Важным отличием от простого группового преступления является наличие предварительного планирования, пусть даже на самом элементарном уровне.

Вызывает вопрос, почему законодатель не применил формулировку, которая была бы аналогич-

¹ Например: О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2012 № 29 (ред. от 15.12.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Например: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 04.10.2023 № 5-УДП23-74-К2 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2022 № 3-УД22-9-К3 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2012 № 29 (ред. от 15.12.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ной ч. 1 ст. 35: «Преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в его совершении участвовали два или более лица по предварительному сговору». Подобное изменение, вероятно, не оказало бы существенного влияния на квалификацию преступлений, совершенных группами, но способствовало бы более единообразному применению юридической терминологии.

Согласно ч. 3 ст. 35 УК РФ преступление квалифицируется как совершенное организованной группой, если в его реализации участвовало стабильное объединение лиц, сформированное заранее с целью осуществления одного или нескольких преступных деяний. Повышенная опасность такого объединения по сравнению с двумя предыдущими диктуется признаками устойчивости и целенаправленности создания такого объединения.

Верховный Суд Российской Федерации в своих постановлениях неоднократно разъяснял признаки, отличающие организованную группу, указывая, в частности, на ее устойчивость, наличие организатора (руководителя), заранее разработанного плана, распределение функций между участниками, стабильность состава и тесную взаимосвязь между членами¹.

Центральным и наиболее оценочным признаком является устойчивость. По мнению Верховного Суда Российской Федерации, об устойчивости могут свидетельствовать такие факторы, как большой временной промежуток существования группы, неоднократность совершения преступлений, техническая оснащенность, длительность подготовки даже одного преступления, стабильность состава, согласованность действий, постоянство форм и методов преступной деятельности². Л. М. Прокументов справедливо указывает на то, что высшая судебная инстанция не дала четкого определения понятию «устойчивость», ограничившись перечислением ряда признаков, среди которых встречаются другие оценочные категории, такие как «сплоченность» [11, с. 133]. В теоретических исследованиях в качестве основополагающих

критериев стабильности выделяют в первую очередь постоянство состава группы и наличие умысла на осуществление преступной деятельности на регулярной или временной основе.

Второй важной характеристикой является предварительная объединенность лиц с целью совершения одного или нескольких преступлений. Данное обстоятельство подразумевает существование общего, созданного коллективно, пусть и в приблизительной форме, плана предстоящих преступных действий.

Однако анализ решений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации³ (например, Кассационного определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 04.10.2023 № 5-УДП23-74-К2, Кассационного определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2022 № 3-УД22-9-К3, Кассационного определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10.10.2024 № 64-УД24-6-А5) позволяет выделить дополнительные признаки, которые выступают маркерами организованной группы. К ним были отнесены: конспирация, мобильность, правила внутригрупповой дисциплины, корыстная цель, осознание успешности за счет согласованных действий. Следует отметить, что некоторые из указанных характеристик свойственны более сложной форме соучастия — преступной организации или сообществу, что закономерно порождает вопросы о необходимости проведения более четкого разделения между данными категориями.

Высшей и наиболее опасной формой соучастия является преступное сообщество (преступная организация). Согласно ч. 4 ст. 35 УК РФ это структурированная организованная группа или объединение организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений

¹ Например: О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 (ред. от 03.03.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Например: О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Например: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 04.10.2023 № 5-УДП23-74-К2 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2022 № 3-УД22-9-К3 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10.10.2024 № 64-УД24-6-А5 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

Действующая редакция ч. 4 ст. 35 УК РФ является результатом реформирования, в ходе которого законодатель отказался от оценочного признака «сплоченность», который вызывал серьезные трудности на практике и справедливо критиковался в науке.

Таким образом, охарактеризовать преступное сообщество можно следующими признаками:

1. Структурированность. Под структурированной организованной группой следует понимать объединение, включающее несколько внутренних подразделений (звеньев, подгрупп), разделенных между собой по функциональному либо территориальному принципу. Эти элементы обладают устойчивым составом участников и действуют согласованно под единым руководством. Вопреки мнению некоторых исследователей, считающих, что любая организованная группа уже по своей природе является структурированной, в уголовно-правовом контексте данный признак подразумевает именно наличие внутренних подразделений, что не свойственно обычной организованной группе, где такая внутренняя дифференциация отсутствует. Как справедливо отмечает П. А. Агапов, структурированность — это обязательный признак, при отсутствии которого суды исключают обвинение по ст. 210 УК РФ [12, с. 4–5].

Слияние независимых организованных групп подразумевает существование централизованного управления и прочных взаимосвязей между ними, что необходимо для координации действий при подготовке и реализации преступных замыслов.

Согласно системному анализу законодательства и правовым позициям, сформулированным Верховным Судом Российской Федерации, минимальное число лиц, образующих преступное сообщество, должно составлять не менее четырех человек. Это следует из того, что сообщество должно состоять как минимум из двух структурных подразделений (или двух организованных групп), в каждом из которых должно быть не менее двух лиц¹.

2. Единое руководство. Этот признак свидетельствует о высочайшей степени организованности и централизации управления, что объективно

повышает общественную опасность такого объединения. Данная характеристика закономерно увеличивает потенциальную угрозу для общества, исходящую от подобного объединения. В рамках руководства реализуются функции организации и администрирования, включая формулирование стратегических целей, разработку планов, привлечение новых участников, распределение финансовых ресурсов и другие виды деятельности.

3. Специальная цель. Законодатель определил ее как «совершение одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды». Однако данная трактовка подвергается критике в юридической науке. Во-первых, создание различных форм соучастия также может преследовать цель совершения тяжких и особо тяжких преступлений. Во-вторых, как справедливо отмечает А. П. Козлов, нередко преступные сообщества формируются на основе менее серьезных правонарушений (например, проституция или незаконное производство и сбыт алкогольной продукции), а совершение тяжких преступлений является для них второстепенной деятельностью [9, с. 290]. В-третьих, акцент на материальной выгоде как на обязательной цели неоправданно ограничивает сферу применения ст. 210 УК РФ, исключая из ее действия сообщества, созданные для осуществления террористической или экстремистской деятельности, где отсутствует мотив личной наживы. Более предпочтительным представляется определение цели, существовавшее в советском уголовном праве, — осуществление преступной деятельности. Следовательно, действующая редакция представляет собой пример не всегда удачного заимствования положений международных соглашений.

Если вновь обратиться к разграничению соучастия на простые и сложные формы, необходимо отметить, что организованная группа и преступное сообщество не подлежат подобной классификации. Это обусловлено тем, что структура подобных сложных объединений исключает возможность их формирования исключительно из лиц, выполняющих функции исполнителей.

Настоящее исследование позволяет сформулировать ряд заключений. Прежде всего, разделение концепций «форма» и «вид» соучастия представляется критически важным для уголовно-правовой доктрины и практической деятельности. Основываясь на теоретических разработках, положениях нормативных актов и философско-логических принципах, целесообразно использовать термин

¹ О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2010 № 12. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

«форма соучастия» для обозначения организационной структуры преступной группы, как это определено в ст. 35 УК РФ. Что касается категории «вид», то она более уместна для разграничения функциональных ролей участников преступления, что уже имеет нормативное закрепление в ст. 33 УК РФ. Подобная дифференциация способствует выполнению требований юридической техники и обеспечивает повышение точности в процессе применения правовых норм.

Второй важный аспект заключается в том, что применение критерия, определяющего присутствие ролевого распределения, дает возможность классифицировать систему форм соучастия следующим образом: простое и сложное соучастие в форме группы лиц, простое и сложное соучастие в форме группы с предварительным сговором, организованная группа и преступное сообщество (преступная организация).

В-третьих, изучение структуры законодательных положений, зафиксированных в ст. 35 УК РФ, обнаружило ряд нерешенных вопросов, в частности, при определении юридической квалификации комплексных форм соучастия в преступлении. Наиболее сложным моментом представляется использование законодателем оценочных понятий. Например, критерий устойчивости, характеризующий организованную группу, требует более точно-

го нормативного определения, т. к. действующие разъяснения Верховного Суда Российской Федерации отличаются излишней детализацией и ориентированы на конкретные случаи.

В-четвертых, наибольшее количество вопросов вызывает формулировка специфической цели, преследуемой преступным сообществом (организацией). Установление границ в виде совершения тяжких и особо тяжких деяний с мотивацией получения материальной наживы заметно и неоправданно ограничивает возможности применения ст. 210 УК РФ. Подобное ограничение исключает из сферы уголовной ответственности наиболее опасные преступные группы, чьи мотивы не связаны с корыстью, например террористические или экстремистские объединения. Таким образом, существующая редакция статьи не охватывает весь спектр общественно опасных деяний, совершаемых организованными преступными структурами.

Проведенное нами исследование показывает, что одной из сложных проблем института соучастия выступает проблема выделения форм соучастия в преступлении. По нашему мнению, предложенная нами классификация с выделением простых и сложных форм соучастия в преступлении позволит осуществить их более детальную регламентацию в УК РФ, а также унифицировать судебную практику по групповым преступлениям.

Список источников

1. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: лекции. Часть Общая. СПб., 1902. Т. 1.
2. Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Киев, 1875.
3. Трайнин А. Н. Избранные труды. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2004.
4. Шаргородский М. Д. Некоторые вопросы общего учения о соучастии // Избранные работы по уголовному праву. СПб., 2003.
5. Прохоров В. С. Курс советского уголовного права. Часть Общая. / отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. Т. 1.
6. Арутюнов А. А. Соучастие в преступлении. М.: Статут, 2013.
7. Российское уголовное право. Общая часть / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рарога. М.: Инфра-М, 2013.
8. Соболев В. В. Основание и дифференциация ответственности соучастников преступления: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000.
9. Козлов А. П. Соучастие: традиции и реальность. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2001.
10. Шеслер А. В. Соучастие в преступлении: монография. Новокузнецк: Кузбасский институт ФСИН России, 2014. 84 с.
11. Прокументов Л. М. Организованная группа как форма соучастия в преступлении // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 338. С. 132–135.
12. Агапов П. А. Уголовно-правовое регулирование в сфере противодействия организованной преступности // Уголовное право. 2009. № 6. С. 4–7.

References

1. Tagancev N. S. Russkoe ugodovnoe pravo: lekci. Chast' Obshchaya. SPb., 1902. T. 1.
2. Kistyakovskij A. F. Elementarnyj uchebnik obshchego ugodovnoego prava. Kiev, 1875.

3. Trajnin A. N. Izbrannye trudy. SPb.: Yurid. centr «Press», 2004.
4. Shargorodskij M. D. Nekotorye voprosy obshchego ucheniya o souchastii // Izbrannye raboty po ugovnomu pravu. SPb., 2003.
5. Prohorov V. S. Kurs sovetskogo ugovnogo prava. Chast' Obshchaya. / otv. red. N. A. Belyaev, M. D. Shargorodskij. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1968. T. 1.
6. Arutyunov A. A. Souchastie v prestuplenii. M.: Statut, 2013.
7. Rossijskoe ugovnoe pravo. Obshchaya chast' / pod red. L. V. Inogamovoj-Hegaj, V. S. Komissarova, A. I. Raroga. M.: Infra-M, 2013.
8. Sobolev V. V. Osnovanie i differenciaciya otvetstvennosti souchastnikov prestupleniya: dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2000.
9. Kozlov A. P. Souchastie: tradicii i real'nost'. SPb.: Yurid. centr «Press», 2001.
10. Shesler A. V. Souchastie v prestuplenii: monografiya. Novokuzneck: Kuzbasskij institut FSIN Rossii, 2014. 84 s.
11. Prozumentov L. M. Organizovannaya gruppa kak forma souchastiya v prestuplenii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 338. S. 132–135.
12. Agapov P. A. Ugolovno-pravovoe regulirovanie v sfere protivodejstviya organizovannoj prestupnosti // Ugolovnoe pravo. 2009. № 6. S. 4–7.

Статья поступила в редакцию 10.12.2025; одобрена после рецензирования 30.01.2026; принята к публикации 19.06.2026.

The article was submitted 10.12.2025; approved after reviewing 30.01.2026; accepted for publication 19.06.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 149–155.
Altai Law Journal. 2026. № 2 (54). P. 149–155.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.352:325

КОРРУПЦИЯ КАК ФАКТОР НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Татьяна Александровна Вертепова¹, Екатерина Николаевна Алешина-Алексеева²

¹ Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия, vertepova_ta@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0001-4419-3188>

² Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, katyal07@inbox.ru,
<https://orcid.org/https://orcid.org/0000-0002-1469-3704>

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ взаимосвязи коррупционных деяний и незаконной миграции в Российской Федерации с позиций уголовного права. На основе официальной статистики МВД России, материалов судебно-следственной практики и нормативно-правовых актов исследуется системный характер коррупции как фактор, снижающий барьеры для незаконного пересечения государственной границы, оформления миграционных документов и формирования устойчивых каналов обхода миграционного законодательства. На основе анализа судебно-следственной практики и действующего законодательства предложены меры по совершенствованию правового регулирования. Обоснована необходимость реализации комплекса специальных мер противодействия коррупции в сфере миграции.

Ключевые слова: коррупция, незаконная миграция, уголовная ответственность, квалификация преступлений, фиктивная регистрация, должностные лица, теневая экономика, латентность преступности, противодействие коррупции, миграционное законодательство

Для цитирования: Вертепова Т. А., Алешина-Алексеева Е. Н. Коррупция как фактор незаконной миграции в Российской Федерации: уголовно-правовой и криминологический аспекты // Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 149–155.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

CORRUPTION AS A FACTOR OF ILLEGAL MIGRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION: CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGICAL ASPECTS

Tatiana A. Vertepova¹, Ekaterina N. Aleshina-Alekseeva²

¹ Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Krasnodar, Russia, vertepova_ta@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0001-4419-3188>

² Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Saint Petersburg, Russia,
katyal07@inbox.ru, <https://orcid.org/https://orcid.org/0000-0002-1469-3704>

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the relationship between corruption and illegal migration in the Russian Federation from the perspective of criminal law. Based on official statistics from the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, court and investigative practice, and legal acts, the article examines the systemic nature of corruption as a factor that reduces the barriers to illegal border crossings, the issuance of migration documents, and the formation of stable channels for circumventing migration laws. Special attention is given to the issues of criminal liability for the actions of officials in migration departments. Based on the analysis of court and investigative practice and current legislation, the article proposes measures to improve legal regulation. The need to implement a set of special measures to counter corruption in the migration sphere has been substantiated.

Keywords: corruption, illegal migration, criminal liability, qualification of crimes, fictitious registration, officials, shadow economy, crime latency, anti-corruption, and migration legislation

For citation: Vertepova T. A., Aleshina-Alekseeva E. N. Corruption as a Factor of Illegal Migration in the Russian Federation: Criminal Law and Criminological Aspects. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2026;2:149–155 (In Russ.).

© Вертепова Т. А., Алешина-Алексеева Е. Н., 2026

Проблема нелегальной миграции в Российской Федерации приобретает все большую актуальность в условиях масштабных миграционных потоков. По данным аналитического управления миграционной службы МВД России к началу 2026 г. число иностранных граждан, находящихся в России, снизилось до 5,7 млн человек (-10 % за год), в 2024 г. их было около 6,3 млн [1]. При этом по данным 2025 г. количество мигрантов, незаконно находящихся на территории России, составило порядка 650 тыс. человек [2].

Однако официальная статистика не отражает реального масштаба нелегальной миграции из-за значительной латентной составляющей. Методологические трудности количественной оценки численности нелегально пребывающих на территории Российской Федерации обусловлены рядом факторов: отсутствием прямого учета данной категории лиц, их сознательной конспирацией, а также невозможностью идентификации иностранцев, избегающих контактов с правоохранительными и миграционными органами. Как отмечают исследователи, в сфере нелегальной миграции наблюдается высокая степень ее латентности, что делает любые количественные оценки приблизительными и преимущественно условными [3, 4]. В этих условиях официальная статистика фиксирует лишь выявленные правоохранительными органами нарушения миграционного законодательства, а не совокупный контингент незаконно находящихся иностранных граждан в Российской Федерации.

При этом количество выявленных нарушений миграционного законодательства продолжает расти. Отмеченная тенденция требует критического осмысления и дифференциации. Так, увеличение числа зафиксированных нарушений в миграционной сфере отражает не столько абсолютный рост масштабов незаконной миграции, сколько активизацию правоохранительной деятельности и совершенствование механизмов миграционного контроля.

В 2024–2025 гг. МВД России реализовало комплекс специализированных оперативно-профилактических мероприятий, ключевым элементом которых стала операция «Нелегал–2024». По ее итогам выявлено свыше 106 тыс. нарушений миграционного законодательства, возбуждено более 4 тыс. уголовных дел и принято 20 тыс. решений об административном выдворении, при этом среди задержанных обнаружено 684 иностранца, причастных к незаконному обороту оружия и наркотиков [5]. В ходе последующей операции «Нелегал–2025» зафиксировано более 128 тыс. наруше-

ний, принято свыше 19 тыс. решений о депортации и возбуждено 1,5 тыс. уголовных дел по преступлениям террористической и экстремистской направленности [6].

Одновременно с этим внедрение цифровых технологий миграционного учета (единая государственная информационная система миграционного учета, интеграция баз данных ФМС, МВД и налоговых органов) повысило степень выявления фактов фиктивной регистрации и незаконного трудоустройства [7]. В этих условиях рост статистических показателей следует рассматривать как индикатор эффективности правоохранительных мер, а не как прямой показатель динамики самой незаконной миграции как криминогенного явления. Более того, краткосрочное увеличение выявляемости может сопровождаться последующим снижением латентности за счет профилактического эффекта усиленного контроля.

Научно-практическую значимость имеет установленная взаимосвязь между коррупцией и нелегальной миграцией: коррупционные проявления в миграционной сфере не только облегчают незаконное проникновение и пребывание иностранцев на территории РФ, но и создают устойчивые механизмы самовоспроизводства нелегальной миграции через формирование теневого рынка труда.

Нелегальные мигранты, получившие доступ к рынку труда через коррупционные схемы, концентрируются в теневом секторе экономики. По оценкам Минтруда Российской Федерации, тневая занятость среди россиян в 2025 г. составила около 5 млн человек, при этом мигранты доминируют в теневых схемах трудоустройства, что создает устойчивый спрос на коррупционные услуги по легализации нелегального пребывания мигрантов [8].

Исходя из выявленных закономерностей, целесообразно пересмотреть устоявшиеся подходы и классифицировать коррупцию не как сопутствующее следствие миграционных процессов, а как самостоятельный криминогенный фактор, детерминирующий рост незаконной миграции. Действуя в качестве системного инструмента, коррупция снижает «издержки» незаконного пересечения границы и легализации статуса, делая нелегальные схемы экономически более привлекательными для мигрантов по сравнению с соблюдением правовых норм. Более того, незаконный доход, извлекаемый должностными лицами, создает прямую заинтересованность определенных групп в сохранении и расширении каналов нелегального трафика, что превращает коррупцию в устойчивый структур-

ный элемент миграционной системы Российской Федерации.

Так, согласно Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 гг. эффективность реализации миграционной политики напрямую зависит от результативности мер противодействия коррупции при осуществлении государственного контроля в сфере миграции. Это положение позволяет сделать вывод о том, что коррупционные проявления, подрывая эффективность институтов контроля, объективно выступают фактором, способствующим росту незаконной миграции и оказывающим комплексное негативное воздействие на государственную политику в данной сфере.

И. Р. Ахунов подчеркивает, что коррупция в сфере миграции становится фактором существования незарегистрированной миграции, закрывает доступ для иностранных рабочих к получению правовой и социальной поддержки, создает барьеры для ассимиляции мигрантов в рабочих условиях принимающей страны, негативно влияет на государственные доходы от миграции, становится препятствием для реализации возможностей экономического развития страны [9].

Коррупция как фактор роста незаконной миграции отражает научно обоснованную концепцию двусторонней взаимосвязи между коррупцией и нелегальной миграцией. Именно коррупция снижает барьеры для незаконного пересечения границ и оформления документов:

- на границах коррупция в пограничных службах выступает одним из механизмов, обеспечивающих несанкционированное пересечение государственной границы;
- коррупционные взаимодействия в миграционных органах проявляются в незаконном вознаграждении должностных лиц при оформлении патентов, разрешений на работу и регистраций, осуществляемом с нарушением требований действующего законодательства;
- коррупционные проявления в судебной системе могут наблюдаться при принятии неправомερных процессуальных решений по делам о нарушении миграционного режима, что формирует устойчивые условия для придания формальной законности незаконному миграционному статусу.

Таким образом, можно определить, что коррупция в сфере незаконной миграции представляет собой систему общественно опасных деяний, выражающуюся в использовании должностными лицами органов миграционного, пограничного и иного государственного контроля своих служебных пол-

номочий вопреки законным интересам общества и государства, в целях получения имущественных или неимущественных выгод за содействие в незаконном въезде, пребывании, трудоустройстве или легализации статуса иностранных граждан и лиц без гражданства, а также в создании условий, способствующих уклонению мигрантов от правового регулирования.

Уголовно-правовой механизм противодействия коррупции как фактору роста незаконной миграции занимает ключевое место в системе мер государственного реагирования. Уголовное законодательство направлено на пресечение наиболее общественно опасных форм коррупционного поведения должностных лиц, обеспечивающих незаконное пребывание и трудовую деятельность иностранных граждан на территории государства. Привлечение виновных к уголовной ответственности выступает важным инструментом предупреждения и сдерживания коррупционных проявлений в миграционной сфере.

В действующем уголовном законодательстве коррупционные преступления, способствующие незаконной миграции, охватываются совокупностью норм, предусматривающих ответственность за получение и дачу взятки (ст. 290–291.2 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), служебный подлог (ст. 292 УК РФ), а также организацию незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ). Применение данных составов позволяет квалифицировать противоправные деяния с учетом их функциональной роли в обеспечении нелегальных миграционных процессов.

Незаконная миграция в российском законодательстве не имеет единого легального определения, однако в научной литературе под ней понимается перемещение лиц через государственную границу или их пребывание на территории страны без соблюдения установленных правил въезда, пребывания, транзита или выезда [10, 11].

Уголовный кодекс РФ предусматривает четыре состава преступлений, непосредственно связанных с незаконной миграцией: незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации (ст. 322 УК РФ), организация незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ), фиктивная регистрация гражданина РФ по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в РФ и фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в РФ (ст. 322.2 УК РФ), фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или

лица без гражданства по месту пребывания в РФ (ст. 322.3 УК РФ).

По данным судебно-следственных органов, в 2024–2025 гг. раскрыты многочисленные коррупционные схемы в сфере миграции, совершаемые должностными лицами подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России. Так, в г. Астрахани выявлена схема, при которой сотрудники миграционного центра за денежное вознаграждение оформляли фиктивные сертификаты о знании русского языка, необходимые для получения патентов и разрешений на временное проживание [12]. В Республике Саха вынесен обвинительный приговор в отношении инспектора по вопросам миграции МУ МВД России «Якутское», которая, используя свое служебное положение, получила взятку в крупном размере (п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ) за постановку иностранных граждан на миграционный учет без законных на то оснований, достоверно зная о том, что жилые помещения для проживания им предоставлены не будут (п. «в» ч. 2 ст. 322.1 УК РФ) [13]. За организацию незаконной миграции (п. «а», «в» ч. 2 ст. 322.1 УК РФ), незаконную выдачу иностранному лицу паспорта гражданина РФ (ч. 1 ст. 292.1 УК РФ) и получение взятки (п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ) признан виновным бывший начальник отдела по вопросам миграции московского ОМВД по району Солнцево [14].

Анализ судебно-следственной практики показывает, что суды последовательно квалифицируют коррупционные проявления в миграционной сфере по общим составам главы 30 УК РФ (ст. 285, 290, 292, 292.1), дополняя их нормами главы 32 УК РФ (ст. 322.1–322.3), предусматривающими ответственность за организацию незаконной миграции и фиктивную регистрацию. Такая квалификация по совокупности преступлений адекватно отражает взаимосвязь коррупционных действий и преступлений против порядка управления в сфере миграции, а также акцентирует внимание на повышенную общественную опасность действий должностных лиц, обеспечивающих условия для нелегального пребывания мигрантов.

Вместе с тем, несмотря на выработанную тенденцию квалификации коррупционных преступлений в миграционной сфере, правоприменительная практика не лишена существенных изъянов. В ряде случаев суды допускают ошибки в квалификации: необоснованно игнорируют в ст. 322.1 УК РФ квалифицирующий признак «использование служебного положения» либо ограничиваются только ст. 285, 286, 290 УК РФ.

Так, суд признал должностных лиц виновными по п. «а» ч. 2 ст. 322.1 УК РФ (организация незаконной миграции группой лиц по предварительному сговору) и ч. 1 ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями)¹. Анализ материалов дела демонстрирует, что даже при очевидном использовании служебного положения должностными лицами правоприменители нередко ограничиваются квалификацией по п. «а» ч. 2 ст. 322.1 УК РФ, поскольку «сговор» проще доказать (достаточно переписки или свидетельских показаний), тогда как доказывание «использования служебных полномочий» требует анализа должностных инструкций и регламентов. Вместе с тем представляется обоснованным положение о том, что квалификация по п. «б» ч. 2 ст. 322.1 УК РФ точнее отражала бы общественную опасность деяний, подрывающих авторитет государственной власти.

Показательным с точки зрения квалификации коррупционных проявлений в миграционной сфере является уголовное дело в отношении инспектора отдела по вопросам миграции отдела МВД России по Пестречинскому району Республики Татарстан. Материалами дела подтверждается, что должностное лицо в период с декабря 2021 г. по июль 2022 г. систематически осуществляло фиктивную постановку на миграционный учет 35 иностранных граждан по адресу, не являющемуся местом их фактического проживания. Несмотря на то что объективным последствием действий инспектора стала незаконная легализация значительного числа иностранных граждан, следствие ограничило квалификацию ч. 1 ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий), не применив ст. 322.3 УК РФ. Подобный подход, встречающийся в правоприменительной практике, свидетельствует о недооценке миграционной составляющей преступления и, как следствие, о неполном отражении в приговоре характера и степени общественной опасности деяния. Представляется, что в подобных случаях обоснованной является квалификация по совокупности преступлений, что позволило бы индивидуализировать ответственность.

В ходе проведенного исследования установлено, что Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2020 № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересече-

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Курска от 23 июня 2021 г. по делу № 1-7/2021. URL: https://lensud--krs.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=161105587&case_uid=1c7636f9-7c49-476c-9f3e-af038f2e4fee&delo_id=1540006 (дата обращения: 14.02.2026).

нии Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией» преимущественно регламентирует применение норм главы 32 УК РФ (ст. 322–322.3 УК РФ). В частности, в пункте 14 названного Постановления рассматривается ответственность должностного лица только за фиктивную регистрацию или постановку на учет (ст. 322.2, 322.3 УК РФ), тогда как вопросы дополнительной квалификации преступлений коррупционной направленности остаются за рамками разъяснений, что может породить неопределенность в правоприменении. Таким образом, вопросы квалификации по совокупности преступлений коррупционной направленности (глава 30 УК РФ) и преступлений против порядка управления в сфере миграции требуют дополнительной детализации для обеспечения единообразия практики применения уголовного законодательства. В целях повышения правовой определенности представляется целесообразным дополнить Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2020 № 18 разъяснениями, касающимися порядка квалификации действий должностных лиц миграционных органов по совокупности статей глав 30 и 32 УК РФ.

Также следует отметить, что в миграционной сфере наблюдается эволюция коррупции от единичных случаев к организованным схемам, охватывающим различные этапы миграционного администрирования — от оформления языковых сертификатов до фиктивной регистрации и выдачи документов, удостоверяющих личность гражданина РФ.

Системный характер коррупционных проявлений снижает результативность правового регулирования миграционных процессов, подрывает доверие к институтам публичной власти и формирует устойчивые каналы обхода миграционного законодательства.

Для преодоления системного характера коррупционных проявлений в миграционной сфере требуется реализация комплекса специальных мер в рамках действующего законодательства либо при внесении соответствующих изменений в нормативные правовые акты, направленных на устранение структурных предпосылок совершения коррупционных деяний должностными лицами органов миграционного контроля.

Первоочередной мерой следует ввести обязательную ротацию личного состава в подразделе-

ях по миграционным вопросам территориальных органов МВД России с периодичностью не реже одного раза в год, что позволит минимизировать формирование устойчивых коррупционных связей между должностными лицами и посредниками в миграционной сфере.

Одновременно следует усилить систему предварительного и периодического профилактического контроля за сотрудниками миграционных подразделений путем внедрения механизма мониторинга их имущественного положения (анализ операций по банковским счетам, приобретение имущества, несоответствующего официальному доходу) в рамках Федерального закона Российской Федерации от 03.06.2009 № 103-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, и иных лиц их доходам».

Дополнительным барьером в борьбе с коррупционными рисками в миграционных подразделениях должно стать обязательное психофизиологическое исследование с использованием полиграфа при переводе в указанные подразделения органов внутренних дел, а также при аттестации и продвижении по службе. Реализация такого механизма возможна путем внесения соответствующих изменений в Федеральный закон Российской Федерации от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Данный подход соответствует международной практике отбора персонала для выполнения функций, неспособных противостоять коррупции.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что коррупция является не просто фоном, а активным фактором незаконной миграции, требующим приоритетного внимания в стратегии национальной безопасности. Признание данной взаимосвязи диктует необходимость смены парадигмы противодействия: от исключительно карательных мер в отношении мигрантов к комплексному противодействию коррупции в институтах миграционного контроля. Только разрыв коррупционных связей, обеспечивающих функционирование теневого рынка труда, способен устранить коренные причины непрерывного возобновления нелегальных миграционных потоков на территории Российской Федерации.

Список источников

1. Мигрантов в России стало меньше на 600 тысяч в 2025 году: главные тезисы конференции по миграции. URL: <https://migrantguide.ru/news/v-moskve-proshla-migracziionnaya?ysclid=mlhqy5ego1777046740> (дата обращения: 02.02.2026).
2. Число нелегальных мигрантов в России достигло 650 000 человек. URL: <https://spb.vedomosti.ru/society/articles/2025/04/04/1102341-chislo-nelegalnih-migrantov-v-rossii-dostiglo-650-000-chelovek> (дата обращения: 02.02.2026).
3. Таюрская Е. А. Состояние преступности мигрантов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2012. № 4 (63). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-prestupnosti-migrantov> (дата обращения: 02.02.2026).
4. Тутаринова Ю. О. Нелегальная миграция в России и проблема фальсификации статистических данных // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nelegalnaya-migratsiya-v-rossii-i-problema-falsifikatsii-statisticheskikh-dannyh> (дата обращения: 02.02.2026).
5. Итоги операции «Нелегал–2024»: из России депортируют 20 тысяч нелегальных мигрантов. URL: <https://www.kp.ru/daily/27658.5/5008726/> (дата обращения: 09.02.2026).
6. МВД назвало число депортированных из России мигрантов в 2025 году. URL: <https://www.rbc.ru/politics/20/11/2025/691edba39a7947a9c140d9c7?ysclid=mlhuz75id6798655089> (дата обращения: 09.02.2026).
7. Миграционная сфера в период цифровой трансформации государственных услуг и внедрения супер-сервисов // ЦИТИСЭ. 2022. № 3. С. 70–82. URL: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=1198&id=11097 (дата обращения: 09.02.2026).
8. Ведомости: Котяков: занятость в теневом секторе экономики составляет примерно 5 млн человек. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2025/10/07/1144787-zanyatost-tenevom-sektore> (дата обращения: 12.02.2026).
9. Ахунов И. Р. Коррупция и нелегальная миграция в России // Аллея Науки: научно-практический электронный журнал. 2024. № 12 (99). URL: https://alley-science.ru/domains_data/files/December24/KORRUPTSIYa-I-NELEGaL-NaYa-MIGRaTSIYa-V-ROSSII.pdf (дата обращения: 12.02.2026).
10. Фоменко Д. Д. К вопросу о понятии «незаконная миграция» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-nezakonnaya-migratsiya> (дата обращения: 12.02.2026).
11. Хоменко С. М. Понятие и содержание незаконной миграции // Вестник ТИУиЭ. 2023. № 4 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-soderzhanie-nezakonnoy-migratsii> (дата обращения: 12.02.2026).
12. В Астрахани сотрудников миграционного центра подозревают в организации незаконной миграции. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/22153973> (дата обращения: 13.02.2026).
13. Вынесен приговор в отношении должностного лица МВД по делу об организации незаконной миграции и получении взятки // Официальный сайт Следственного управления Следственного комитета РФ по Республике Саха (Якутия). URL: <https://ykt.sledcom.ru/news/item/1997469> (дата обращения: 13.02.2026).
14. Суд провозгласил приговор экс-начальнику отдела миграционной службы по делу о незаконной миграции с использованием своего служебного положения, получении взятки в особо крупном размере и другим фигурантам // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/solncevskij/news/sud-provozglasil-prigovor-eks-nachalniku-otdela-migratsionnoj-sluzhby-po-delu-o-nezakonnoj-migratsii-s-ispolzovaniem-svoego-sluzhebного-polozheniya-poluchenie-vzyatki-v-osobo-kрупnom-razmere-i-drugim-figurantam> (дата обращения: 14.02.2026).

References

1. Migrantov v Rossii stalo men'she na 600 tysyach v 2025 godu: glavnye tezisy konferencii po migracii. URL: <https://migrantguide.ru/news/v-moskve-proshla-migracziionnaya?ysclid=mlhqy5ego1777046740> (data obrashcheniya: 02.02.2026).
2. Chislo nelegal'nyh migrantov v Rossii dostiglo 650 000 chelovek. URL: <https://spb.vedomosti.ru/society/articles/2025/04/04/1102341-chislo-nelegalnih-migrantov-v-rossii-dostiglo-650-000-chelovek> (data obrashcheniya: 02.02.2026).

3. Tayurskaya E. A. Sostoyanie prestupnosti migrantov // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2012. № 4 (63). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-prestupnosti-migrantov> (data obrashcheniya: 02.02.2026).
4. Tutarinova Yu. O. Nelegal'naya migratsiya v Rossii i problema falsifikatsii statisticheskikh dannyh // Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura. 2012. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nelegalnaya-migratsiya-v-rossii-i-problema-falsifikatsii-statisticheskikh-dannyh> (data obrashcheniya: 02.02.2026).
5. Itogi operatsii «Nelegal–2024»: iz Rossii deportiruyut 20 tysyach nelegal'nyh migrantov. URL: <https://www.kp.ru/daily/27658.5/5008726/> (data obrashcheniya: 09.02.2026).
6. MVD nazvalo chislo deportirovannyh iz Rossii migrantov v 2025 godu. URL: <https://www.rbc.ru/politics/20/11/2025/691edba39a7947a9c140d9c7?ysclid=mlhuz75id6798655089> (data obrashcheniya: 09.02.2026).
7. Migracionnaya sfera v period cifrovoj transformatsii gosudarstvennyh uslug i vnedreniya superservisov // CITISE. 2022. № 3. S. 70–82. URL: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=1198&id=11097 (data obrashcheniya: 09.02.2026).
8. Vedomosti: Kotyakov: zanyatost' v tenevom sektore ekonomiki sostavlyayet primerno 5 mln chelovek. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2025/10/07/1144787-zanyatost-tenevom-sektore> (data obrashcheniya: 12.02.2026).
9. Ahunov I. R. Korruptsiya i nelegal'naya migratsiya v Rossii // Alleya Nauki: nauchno-prakticheskij elektronnyj zhurnal. 2024. № 12 (99). URL: https://alley-science.ru/domains_data/files/December24/KORRUPTSIYA-I-NELEGAL-NA YA-MIGRATSIYA-V-ROSSII.pdf (data obrashcheniya: 12.02.2026).
10. Fomenko D. D. K voprosu o ponyatii «nezakonnaya migratsiya» // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2021. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-nezakonnaya-migratsiya> (data obrashcheniya: 12.02.2026).
11. Homenko S. M. Ponyatie i sodержание nezakonnoy migratsii // Vestnik TIUE. 2023. № 4 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-soderzhanie-nezakonnoy-migratsii> (data obrashcheniya: 12.02.2026).
12. V Astrahani sotrudnikov migracionnogo centra podozrevayut v organizatsii nezakonnoy migratsii. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/22153973> (data obrashcheniya: 13.02.2026).
13. Vynesen prigovor v otnoshenii dolzhnostnogo lica MVD po delu ob organizatsii nezakonnoy migratsii i poluchenii vzyatki // Oficial'nyj sajt Sledstvennogo upravleniya Sledstvennogo komiteta RF po Respublike Saha (Yakutiya). URL: <https://ykt.sledcom.ru/news/item/1997469> (data obrashcheniya: 13.02.2026).
14. Sud provozglasil prigovor eks-nachal'niku otdela migracionnoj sluzhby po delu o nezakonnoy migratsii s ispol'zovaniem svoego sluzhebnogo polozheniya, poluchenii vzyatki v osobo krupnom razmere i drugim figurantam // Oficial'nyj portal sudov obshchej yurisdikcii goroda Moskvy. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/solncevskij/news/sud-provozglasil-prigovor-eks-nachalniku-otdela-migratsionnoj-sluzhby-po-delu-o-nezakonnoy-migratsii-s-ispolzovaniem-svoego-sluzhebnogo-polozheniya-poluchenie-vzyatki-v-osobo-krupnom-razmere-i-drugim-figurantam> (data obrashcheniya: 14.02.2026).

Информация об авторах

Т. А. Вертепова — кандидат юридических наук, доцент.

Е. Н. Алешина-Алексеева — кандидат юридических наук.

Information about the authors

T. A. Vertepova — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

E. N. Aleshina-Alekseeva — Candidate of Science (Law).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 05.03.2026; одобрена после рецензирования 15.05.2026; принята к публикации 19.06.2026.

The article was submitted 05.03.2026; approved after reviewing 15.05.2026; accepted for publication 19.06.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 156–161.

Altai Law Journal. 2026. № 2 (54). P. 156–161.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.13

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ СТ. 51 КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРИ ДАЧЕ ПОКАЗАНИЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Александр Сергеевич Дежнев

Омская академия МВД России, Омск, Россия, omsk-das@mail.ru

Аннотация. В работе исследуются актуальные вопросы, связанные с реализацией конституционного права не свидетельствовать против себя, своего супруга и близких родственников. Отмечается отсутствие детального порядка применения указанного права. Анализируются возникающие на этом фоне проблемы. Они касаются определения лиц, обладающих иммунитетом, оценки получаемых сведений от допрошенных лиц, ответственности за неправомерный отказ от свидетельствования, разъяснения нормы иммунитета несовершеннолетним и их законным представителям. Предложены подходы к разрешению спорных ситуаций. Сформулированы направления оптимизации законодательства в сфере рассматриваемых отношений.

Ключевые слова: свидетельский иммунитет, показания, допрос, близкие родственники, конституционные права, подозреваемый, обвиняемый, свидетель, потерпевший

Для цитирования: Дежнев А. С. Особенности реализации положений ст. 51 Конституции Российской Федерации при даче показаний по уголовным делам // Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 156–161.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF THE PROVISIONS OF ARTICLE 51 OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION WHEN GIVING TESTIMONY IN CRIMINAL CASES

Alexander S. Dezhnev

Omsk Order of Honor Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russia, omsk-das@mail.ru

Abstract. This article examines current issues related to the implementation of the constitutional right not to testify against oneself, one's spouse, or close relatives. It notes the lack of a detailed procedure for enforcing this right. The problems arising in this context are analyzed. They concern the definition of persons having immunity, the assessment of information received from interrogated persons, liability for unlawful refusal to testify, and the clarification of the norm of immunity for minors and their legal representatives. Approaches to resolving disputes are proposed. Directions for optimizing legislation in this area are outlined.

Keywords: witness immunity, testimony, interrogation, close relatives, constitutional rights, suspect, accused, witness, victim

For citation: Dezhnev A. S. Features of the Implementation of the Provisions of Art. 51 of the Constitution of the Russian Federation when Giving Testimony in Criminal Cases. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2026;2:156–161 (In Russ.).

© Дежнев А. С., 2026

Процесс расследования и судебного разбирательства, пожалуй, любого уголовного дела трудно представить без использования такого важного источника доказательств, как показания. Он по праву может быть отнесен к числу самых востребованных средств установления обстоятельств преступной деятельности обвиняемого, подозреваемого. Большая популярность показаний вызвана объективными особенностями человеческого бытия. Человек как существо социальное не может обойтись без общения. Именно это качество человеческой природы заставляет нас выделять показания в особую группу доказательств.

Эта специфика учтена законодателем на нормативном уровне. Показаниям уделяется довольно много внимания в доказательственном праве. Процесс их получения достаточно детально регламентирован в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ). В нем нашли отражение давно устоявшиеся процедурные правила, позволяющие получать от лиц необходимые для уголовного дела сведения. Однако было бы неправильно рассматривать этот источник доказательств изолированно от сложившихся в обществе социальных отношений. Они оказывают непосредственное влияние на характер показаний, его внутреннюю сущность.

Провозглашенный на конституционном уровне приоритет прав человека, получивший свое развитие в уголовном судопроизводстве, явился результатом демократических преобразований в нашем обществе. Государственная политика, проводимая в этом направлении, не могла не сказаться и на порядке получения показаний. Он приобрел охранительные черты. Более того, в самой Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ) содержится немало норм, реализация которых напрямую связана с получением показаний в ходе производства по уголовным делам. Вместе с тем конституционные нормы, несмотря на то, что имеют высшую юридическую силу и могут применяться непосредственно, не содержат детально разработанной процедуры исполнения правовых предписаний, которая находит отражение в УПК РФ.

Содержащийся в УПК РФ порядок получения показаний включает в себя систему мер, направленных на реализацию конституционных установлений. Однако отдельные правовые положения требуют дополнительного разъяснения. К наиболее чувствительным вопросам в этой части относятся особенности реализации в уголовном процессе положений ст. 51 Конституции РФ, предус-

матривающих право не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников. Данное установление имеет цель — защитить сложившиеся отношения между близкими людьми. Несмотря на то что содержание нормы не представляет сложности для понимания, ее применение иногда вызывает вопросы.

В первую очередь необходимо учитывать, что перечень близких родственников, на которых распространяется ст. 51 Конституции РФ, предусмотрен в п. 4 ст. 5 УПК РФ. Он является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит. В этой связи иммунитетом не обладают, например, отчим, мачеха, двоюродные братья, сестры и т. д. Степень их вовлеченности в личную жизнь человека, дающего показания, здесь роли не играет, так же как и не имеет юридического значения фактор совместного проживания без официальной регистрации брака. Важно также учитывать, что воспользоваться указанным правом, на наш взгляд, можно в условиях, когда соответствующие отношения существовали не только в период совершения преступления, но и позже — в момент допроса.

Анализ правоприменительной практики показывает, что норму ст. 51 Конституции РФ разъясняют не только свидетелям и потерпевшим, но и подозреваемым, обвиняемым. Несмотря на то что преследуемые лица не обязаны давать показания, правоприменительная практика пошла по пути избыточного применения указанной нормы. В одном из своих решений Верховный Суд Российской Федерации отметил необходимость разъяснения соответствующего права подозреваемому и обвиняемому¹. Кроме того, в соответствии с ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ норма свидетельского иммунитета распространяется на лиц, в отношении которых проводится проверка сообщения о преступлении. Отсутствие разъяснения указанной конституционной нормы влечет признание объяснений такого лица как полученных с нарушением закона². Данный подход свидетельствует о том, что положение о праве не свидетельствовать распространяется на получение не только показаний, но и объяснений.

Опираясь на содержание рассматриваемой конституционной нормы, соответствующее право у лица возникает, когда получаемые показания могут изобличить его лично, супруга или близ-

¹ О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.1995 № 8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Там же.

ких родственников. В этих условиях мы обязаны учитывать предмет его показаний. Так, на наш взгляд, нет необходимости разъяснять положение ст. 51 Конституции РФ, например, эксперту или понятым. В частности, эксперт, в соответствии со ст. 205 УПК РФ, может быть допрошен для разъяснения данного им заключения. Его правовое положение не предусматривает возможности отказаться от дачи показаний в части данного им заключения. Сходный подход, полагаем, может быть применен и в отношении специалиста. К тому же оба они несут уголовную ответственность за дачу ложных показаний (ст. 307 УК РФ), а в случае их заинтересованности в деле данные участники уголовного процесса подлежат отводу (ст. 70, 71 УПК РФ). Последнее обстоятельство способствует исключению случаев изобличения в преступлении своих близких. Они не выступают стороной конфликта, не нуждаются в защите своих интересов путем применения ст. 51 Конституции РФ. К тому же предмет их показаний в одном случае связан исключительно с заключением эксперта, а в другом — обстоятельствами, требующими специальных познаний специалиста.

Для следователя, дознавателя или судьи важно, чтобы лицо, дающее показания, знало свое право не свидетельствовать против себя, своего супруга и близких родственников. В правоприменительной деятельности сложилась практика разъяснения указанного права перед каждым следственным действием, в ходе которого получают показания. К таким действиям относятся допрос, очная ставка, предъявление для опознания, проверка показаний на месте. Если свидетель или потерпевший отказывается от иммунитета, то его показания могут использоваться в качестве доказательств только при определенных условиях. Во-первых, соответствующее право лицу должно быть разъяснено. Этот факт должен быть зафиксирован в протоколе. Во-вторых, такой отказ должен иметь добровольный характер. Однако это не освобождает свидетельствующих от уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний (ст. 307 УК РФ). Ответственность также может наступить, если будет доказано, что требуемые сведения не могли быть использованы против этого лица, его супруга (супруги) или близких родственников (ст. 308 УК РФ).

В ходе производства по уголовным делам может возникнуть вопрос о том, допустим ли отказ от уже данных ранее показаний. Полагаем, что нет. Это связано с тем, что возврат к предыдущим этапам расследования невозможен. На основе полученных данных уже могут быть приняты важные

процессуальные решения, применены меры процессуального принуждения, осуществлено преследование определенных лиц и т. д. Лицо должно понимать всю меру ответственности за сообщаемые им сведения по уголовному делу. К тому же данный подход вытекает из ряда статей УПК РФ. Так, в п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ достаточно определенно говорится, что при согласии свидетеля дать показания он должен быть предупрежден о том, что они могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в т. ч. и в случае его последующего отказа от этих показаний. Такой же подход используется в случае получения показаний потерпевшего (п. 3 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), гражданского истца (п. 7 ч. 4 ст. 44 УПК РФ), а также подозреваемого (п. 2 ч. 4 ст. 46 УПК РФ), обвиняемого (п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ) и гражданского ответчика (п. 4 ч. 2 ст. 54 УПК РФ).

В процессе расследования или судебного разбирательства уголовного дела не исключена ситуация, при которой свидетель отказывается от дачи показаний против всех соучастников преступного деяния, среди которых находится его близкий родственник. Возникает вопрос о правомерности такого поведения, поскольку среди них есть лица, не указанные в п. 4 ст. 5 УПК РФ. Данная ситуация не регламентируется законодательством. Нет необходимых рекомендаций со стороны судебной и следственной практики. Нам представляется такое поведение свидетеля правомерным. Суть положений ст. 51 Конституции РФ заключается в предоставлении возможности отказаться от изобличения в преступлении определенных лиц независимо от того, как это будет сделано — единолично или в составе группы.

Возникают вопросы о том, кто должен определять, против кого даются показания, направлены ли они против супруга и близких родственников. Здесь возможно лишь два варианта ответа. Это либо само лицо, дающее показания, либо соответствующее должностное лицо, осуществляющее производство по уголовному делу. Нам представляется, что верным будет второй вариант. Неискусственные в особенностях производства по уголовным делам граждане при принятии соответствующего решения будут опираться не на нормы права, а больше на житейский опыт. Причем критериями их оценки могут служить весьма непредсказуемые стереотипы поведения. В этой связи, полагаем, при получении показаний по уголовным делам необходимость применения положений ст. 51 Конституции РФ должна быть поставлена в зависимость от того, содержатся ли в материалах дела сведения, указывающие на соответствующие супружеские

или родственные отношения между участниками уголовного процесса, или нет. Это может установить лишь уполномоченное должностное лицо.

Помимо вышеизложенного, сложность рассматриваемых отношений обостряется за счет того, что законодатель не определяет объем иммунитета. Что значит «не свидетельствовать против»? Представляется, что данное законодательное установление, если мы говорим о расследовании или судебном разбирательстве уголовных дел, должно распространяться лишь на уголовно-процессуальные отношения. В противном случае это приведет к возможности отказа от дачи показаний под любым предлогом, в т. ч. не связанным с обвинительной деятельностью по уголовным делам. Произойдет неоправданное расширение исследуемых отношений, создавая излишние трудности в доказывании. Более четкая в этом отношении норма предлагалась в проекте УПК РФ. Разработчики в ст. 206 предлагали закрепить правило, в соответствии с которым свидетелю или потерпевшему разъяснялось право отказаться от дачи показаний, уличающих в совершении преступления их самих или их близких родственников¹. Несмотря на такое правильное предложение, данное правило так и не нашло отражения в действующем законодательстве в ущерб интересам практики.

Анализ рассматриваемых отношений выявил проблему неосознанного свидетельствования против близких родственников. Так, например, при соединении уголовных дел показания, полученные в ходе другого расследования, могут прямо или косвенно указывать на причастность лица в совершении преступления. Данное обстоятельство, например свидетелю, трудно спрогнозировать. Он не может объективно оценить все последствия его допроса. В такой ситуации он фактически лишается возможности в новых, независимых от него условиях надлежащим образом распорядиться своим правом на иммунитет, поскольку оно возникло уже после дачи показаний.

На этом фоне используемый на практике способ разъяснения положений ст. 51 Конституции РФ либо его аналог в УПК РФ всем допрашиваемым вроде бы оправдан. Он создает дополнительные гарантии допустимости полученных показаний. С другой стороны, возможно существенное ограничение прав лица, дающего показания.

С учетом того, что соответствующая мера защиты интересов, вытекающих из факта близкого родства, в описываемой выше ситуации может не сработать, она должна быть реализована заинтересованным лицом и после получения показаний, при наличии соответствующего ходатайства. Дополнительная возможность защиты своих интересов у таких участников уголовного процесса может возникнуть позже, в ходе производства по делу в суде. Полагаем, что приведенные обстоятельства допустимо использовать для обоснования ходатайств об исключении доказательств в суде (ст. 235 УПК РФ).

Достаточно спорная ситуация возникает, когда обвиняемый, являющийся близким родственником свидетеля, умирает. Может ли он отказаться от свидетельских показаний против умершего? Полагаем, если расследование продолжается в целях его реабилитации, свидетель вправе воспользоваться соответствующим конституционным правом не давать показания. Данный подход сочетается с положением ст. 6 УПК РФ, предусматривающим в качестве одной из целей уголовного судопроизводства реабилитацию каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.

Изучение практики позволило выявить случаи, когда свидетель дает лишь частичные показания против супруга или близких родственников. Вряд ли здесь можно усмотреть нарушение закона. Такой подход с учетом общей охранительной основы уголовного судопроизводства, скорее всего, следует признать правомерным. Хотя в истории имеются примеры, исключающие такую возможность. Так, в разъяснениях к Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. было указано, что «закон, дозволяя родственникам подсудимого в известных степенях отказываться от свидетельствования, не дает затем им права требовать дозволения давать показания только о том, что служит в пользу обвиняемого» [1, с. 743; 2, с. 620, 621]. Мы не отрицаем рационального зерна в приведенном подходе. Между тем полагаем, что современная регламентация свидетельского иммунитета связана именно с правом не давать показания без каких-либо ограничений по объему приводимых сведений. Соответственно, оно может быть использовано на любом этапе производства следственного действия в зависимости от воли лица.

Несовершеннолетним участникам уголовного процесса также должно разъясняться рассматриваемое право не давать показания. Предусмотренное Конституцией РФ и УПК РФ право не содержит ограничений по возрасту. Между тем не все из

¹ О проекте Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Государственной Думы Российской Федерации от 06.06.1997 № 1498-П ГД. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

них в состоянии осознать сущность разьясняемого права, а значит, реально его использовать. Нередко разьяснение нормы иммунитета малолетним свидетелям выглядит слишком формальным применением закона. При этом право выбора — давать показания против близкого родственника или нет — является личным. Его недопустимо переадресовывать законному представителю малолетнего, педагогу или другим лицам.

Есть определенные противоречия при даче показаний законным представителем несовершеннолетнего подсудимого. С одной стороны, как законный представитель в соответствии со ст. 428 УПК РФ он вправе давать показания, с другой — давая свидетельские показания по делу, он обязан сообщить суду необходимые сведения (ч. 6 ст. 56 УПК РФ). Данная ситуация вызвана двойственным правовым положением этого участника уголовного процесса. При таких условиях норма, предусмотренная в ст. 51 Конституции РФ, создаст дополнительные гарантии защиты интересов наиболее близких лиц. На этом фоне закономерен вопрос о том, уместно ли использование права не свидетельствовать лицами, выполняющими функцию законного представителя, но не состоящими в родственных отношениях с несовершеннолетним. К этой группе могут быть отнесены, например, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний (п. 12 ст. 5 УПК РФ). Полагаем, что в силу отсутствия между ними родственных отношений соответствующая норма в настоящее время не может быть применена.

С учетом указанных ограничений в юридической литературе предлагается распространить

норму иммунитета на всех законных представителей несовершеннолетних [3, с. 79; 4, с. 35–41]. В качестве аргумента приводится тезис о том, что данный участник уголовного процесса выполняет функцию защиты (ч. 1 ст. 16 УПК РФ). Эффективность ее реализации при отсутствии необходимых гарантий может быть весьма невысокой. Страдает доверительность отношений. По этой причине имеются основания для поддержки указанной идеи.

Помимо изложенного, в юридической литературе обосновывается подход, требующий расширения круга лиц, обладающих правом не давать показания, за счет опекунов, попечителей и подопечных. В качестве аргументов приводятся обстоятельства, связанные с особым характером отношений между ними, который зачастую связан с чувствами привязанности, общности интересов, совместным проживанием и ведением общего хозяйства [5, с. 86; 6, с. 30]. Полагая указанные обстоятельства весьма значимыми и заслуживающими проработки на законодательном уровне.

Таким образом, показанные особенности реализации положений ст. 51 Конституции РФ нередко носят спорный характер и могут вызвать определенные сложности в правоприменении. Общий характер указанной конституционной нормы без дополнительной ее адаптации к уголовно-процессуальным отношениям допускает ее разную интерпретацию. Авторский анализ этих вопросов свидетельствует о необходимости совершенствования законодательства, регламентирующего порядок получения показаний с учетом сформулированных в Основном Законе начал.

Список источников

1. Шрамченко Л. П., Ширков В. П. Устав уголовного судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разьяснениями правительствующего сената и циркулярами Министерства юстиции. Рига, 1923.
2. Щегловитов С. Г. Судебные уставы Императора Александра II с законодательными мотивами и разьяснениями. Устав уголовного судопроизводства. СПб., 1887.
3. Дикарев И. С. Свидетельский иммунитет законных представителей несовершеннолетних // Уголовное право. 2009. № 1. С. 76–80.
4. Семенкова Е. В. Законный представитель лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера: актуальные проблемы участия в уголовном судопроизводстве // Адвокат. 2017. № 1 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Андреева О. И. Пределы проявления диспозитивности в уголовном судопроизводстве: монография. Томск, 2000.
6. Волосова Н. Ю. Уголовно-процессуальный институт свидетельского иммунитета: теория, законодательное регулирование и практика: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 61 с.

References

1. Shramchenko L. P., Shirkov V. P. Ustav ugodnogo sudoproizvodstva s poznejshimi uzakonenyami, zakonodatel'nyimi motivami, raz'yasneniyami pravitel'stvuyushchego senata i cirkulyarami Ministerstva yusticii. Riga, 1923.
2. Shcheglovitov S. G. Sudebnye ustavy Imperatora Aleksandra II s zakonodatel'nyimi motivami i raz'yasneniyami. Ustav ugodnogo sudoproizvodstva. SPb., 1887.
3. Dikarev I. S. Svidetel'skij immunitet zakonnyh predstavitelej nesovershennoletnih // Ugodnoe pravo. 2009. № 1. S. 76–80.
4. Semenkov E. V. Zakonnyj predstavitel' lica, v otnoshenii kotorogo vedetsya proizvodstvo o primenenii prinuditel'noj mery medicinskogo haraktera: aktual'nye problemy uchastiya v ugodnom sudoproizvodstve // Advokat. 2017. № 1 [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
5. Andreeva O. I. Predely proyavleniya dispozitivnosti v ugodnom sudoproizvodstve: monografiya. Tomsk, 2000.
6. Volosova N. Yu. Ugodno-processual'nyj institut svidetel'skogo immuniteta: teoriya, zakonodatel'noe regulirovanie i praktika: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2015. 61 s.

Информация об авторе

А. С. Дежнев — доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

A. S. Dezhnev — Doctor of Science (Law), Professor.

Статья поступила в редакцию 17.11.2025; одобрена после рецензирования 15.01.2026; принята к публикации 19.06.2026.

The article was submitted 17.11.2025; approved after reviewing 15.01.2026; accepted for publication 19.06.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 162–167.

Altai Law Journal. 2026. № 2 (54). P. 162–167.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.213.5

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОБРАТНОЙ СИЛЫ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Ольга Владимировна Ермакова

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия,

ermakova_alt@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются проблемы понимания обратной силы закона. В первую очередь автор формулирует собственную позицию относительно признания обратной силы принципом права, поскольку решение данного вопроса позволяет познать сущность данной категории уголовного права. Автором детально анализируются позиции Конституционного Суда Российской Федерации, который в ряде решений придает обратной силе значение правового принципа, а также научные взгляды ученых на данную проблему. В работе доказывается, что обратная сила уголовного закона не является самостоятельным принципом права, а представляет собой специальное правило действия закона во времени, изменяющее общее положение ст. 9 УК РФ, служащее инструментом реализации принципов законности, гуманизма и справедливости. Особое внимание уделяется расширительному толкованию Конституционным Судом Российской Федерации ст. 54 Конституции Российской Федерации и применению правил обратной силы в случаях, когда позитивные для лица изменения касаются иных мер уголовно-правового характера.

Ключевые слова: обратная сила уголовного закона, принципы уголовного права, действие закона во времени, гуманизм, справедливость

Для цитирования: Ермакова О. В. Проблемные аспекты обратной силы уголовного закона // Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 162–167.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

PROBLEMATIC ASPECTS OF RETROACTIVE EFFECT OF CRIMINAL LAW

Olga V. Ermakova

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russia, ermakova_alt@mail.ru

Abstract. This article explores the problems of understanding the retroactivity of law. First, the author formulates his own position on the recognition of retroactivity as a legal principle, since the resolution of this issue allows an understanding of the essence of this category of criminal law. The author thoroughly analyzes the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, which in a number of decisions attributes retroactivity to the legal principle, as well as scholarly views on this issue. The author argues that the retroactivity of criminal law is not an independent legal principle, but rather a special rule governing the action of law in time, modifying the general provisions of Article 9 of the Criminal Code of the Russian Federation and serving as a tool for implementing the principles of legality, humanism, and justice. Particular attention is given to the Constitutional Court's expansive interpretation of Article 54 of the Constitution of the Russian Federation and the application of retroactive rules in cases where positive changes affect other criminal law measures. Suggestions for improving law enforcement practices are made.

Keywords: retroactive effect of criminal law, principles of criminal law, application of law in time, humanism, justice

For citation: Ermakova O. V. Problematic Aspects of Retroactive Effect of Criminal Law. Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal. 2026;2:162–167 (In Russ.).

Активная трансформация уголовного закона, которая имеет место в последние годы, актуализирует вопросы применения обратной силы закона. Именно поэтому в 2025 г. Верховный Суд Российской Федерации в постановлении от 24.06.2025 № 10 «О практике применения судами положений ст. 10 УК РФ об обратной силе уголовного закона» разъяснил многие правоприменительные аспекты. Однако, несмотря на принятие данного акта, многие вопросы, касающиеся определения правовой природы обратной силы закона, условий и правил ее реализации, остались не освещенными.

Определение правовой природы того или иного института уголовного права оказывает существенное влияние на его содержание и функционирование. Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 20 апреля 2006 г. № 4-П, а также в других актах ввел обратную силу в число правовых принципов, вытекающих из ст. 54 Конституции Российской Федерации. В частности, определяется: «*принципы* применения новых законов, устранивающих или смягчающих уголовную ответственность, сформулированы как императивные указания»¹ (курсив авт. — О. Е.).

Однако в юридической литературе сложились различные подходы к пониманию сущности обратной силы уголовного закона. При этом значительная часть исследователей рассматривает обратную силу в контексте принципов уголовного права.

Так, А. Е. Якубов доказывает, что обратная сила есть проявление принципа справедливости. Кроме того, автором устанавливается связь между обратной силой и принципом гуманизма в связи с проявлением в них этико-правовой составляющей [1, с. 20]. Очевидно, что данная позиция доказывает, что обратная сила служит средством реализации принципов гуманизма и справедливости, нежели является самим принципом.

Еще более определенно высказывается Н. Г. Кадников, в контексте ст. 10 УК РФ, акценти-

руя внимание на том, что данная норма отражает принцип гуманизма [2, с. 38]. Из этой формулировки однозначно следует, что это не самостоятельный принцип, а проявление уже закрепленного в ст. 7 УК РФ.

Кроме того, внимания заслуживает позиция С. В. Аветисян, которая приходит к выводу, что «обратная сила уголовного закона — конституционно обусловленная обязанность государства по определению правового статуса лица, совершившего преступление, в соответствии с новыми социальными и правовыми реалиями» [3, с. 152]. Данный подход также не превращает обратную силу в принцип права. Обязанность государства — это не принцип, а вытекающее из конституционных предписаний правило поведения.

Для решения вопроса о правовой природе обратной силы следует обратиться к понятию «принцип права», под которым понимается руководящее начало, основополагающая идея [4, с. 241–246]. Следует констатировать, что обратная сила не соответствует такому пониманию принципа, поскольку она представляет собой конкретное правило темпорального действия закона.

В соответствии с общим правилом, сформулированным в ч. 1 ст. 9 УК РФ, уголовная ответственность наступает по тому закону, который обладал юридической силой в момент совершения деяния. Этому правилу коррелирует принцип законности, поскольку четко связывается ответственность только с положениями уголовного закона.

По своей сути, обратная сила есть исключение из указанного общего правила. Она применяется только в случаях, когда новый закон устраняет преступность деяния, смягчает наказание или иным образом улучшает положение лица. Таким образом, обратная сила не является основополагающим началом, а представляет собой специальное правило, действующее при наличии определенных условий.

Как справедливо отмечает Н. Г. Кадников, «при применении положений ст. 10 УК РФ необходимо иметь в виду, что обратная сила придается не вновь принятому уголовному закону, а закону, уже вступившему в силу» [2, с. 36]. Это важное уточнение подчеркивает процедурный характер данного института.

Э. Х. Эсенбулатова, С. Т. Ахмедханова и Г. А. Гаджиев, анализируя соотношение обратной силы с принципом законности, приходят к выводу, что «издание уголовного закона, постфактум объявляющего совершенное действие преступным и подлежащим наказанию, прямо противоречит

¹ По делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 3 Федерального закона «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации», Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся порядка приведения судебных решений в соответствие с новым уголовным законом, устранивающим или смягчающим ответственность за преступление, в связи с жалобами граждан А. К. Айжанова, Ю. Н. Александрова и других: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20.04.2006 № 4-П // Российская газета. 2006. 3 мая. № 92.

принципу законности и может означать только завуалированный в легитимную форму произвола власти» [4, с. 243]. Обратная же сила закона, смягчающего ответственность, напротив, не противоречит законности, а является ее логическим продолжением, поскольку государство, отказавшись от права на наказание полностью либо частично, не может сохранять прежнюю более строгую ответственность.

Несомненно, обратная сила закона демонстрирует принцип гуманизма, т. к. государство, признавая возможность применения нового закона, являющегося более мягким, несмотря на его фактическое отсутствие в момент совершения преступления, гарантирует признание прав человека. По мнению А. М. Ерасова, гуманистическая направленность обладает высоким позитивным воздействием и только «усиливает эффект охраны защищаемых объектов» [5, с. 75–89].

Проявление в обратной силе закона принципа справедливости выявить достаточно сложно. Так, навряд ли можно признать справедливым прекращение уголовного дела при декриминализации новым законом того или иного преступления, хотя на момент совершения деяния данный запрет существовал. Однако, полагаем, справедливость в этом случае проявляется в том, что исключение деяния из числа преступных происходит вследствие переоценки общественной опасности в результате изменения социальных, политических, экономических условий жизни общества. Если государство и общество уже приняли соответствующее решение и посчитали деяние неопасным, то несправедливым будет применение мер уголовной репрессии к лицу, его совершившему. Что касается обратной силы при смягчении наказания и в случаях улучшения положения виновного, то, думается, здесь вообще нет нарушения принципа справедливости, поскольку уголовная ответственность по-прежнему наступает, а изменение наказания опять-таки коррелируется измененным подходом государства к общественной опасности преступления.

Таким образом, в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 20 апреля 2006 г. № 4-П была сформулирована правовая позиция, существенно расширяющая понимание обратной силы, что подтверждает влияние положений ст. 10 УК РФ на реализацию таких принципов уголовного права, как законность, справедливость и гуманизм.

Однако такое понимание обратной силы и важность ее реализации долгое время не под-

держивались практическими работниками. Так, О. В. Обернихина, освещая важные вопросы практической реализации обратной силы и анализируя трансформацию уголовного закона в 2011 г., когда по 60 составам преступлений были исключены нижние пределы санкций, отмечает возникшие сложности в применении ст. 10 УК РФ. Она указывает, что суды фактически не снижали наказания, назначая их не ниже верхнего предела санкции либо не снижая вообще [6, с. 328].

Схожие данные приводит С. В. Аветисян, указывая на формальное применение судами ст. 10 УК РФ без реального изменения наказания [3, с. 150]. Это свидетельствует о том, что, несмотря на важность правила об обратной силе закона, эти положения в большей степени получились декларативными.

Именно поэтому Конституционный Суд Российской Федерации в уже обозначенном постановлении разъяснил, что изменение наказания, проведенное законодателем есть не что иное, как переосмысление общественной опасности деяния, следовательно, компетентные органы не должны игнорировать данное обстоятельство и формально подходить к реализации обратной силы.

Однако это не означает, что при применении обратной силы суды обязаны смягчить назначенное наказание, если оно соответствует измененным санкциям статей Особенной части УК РФ. Назначая наказания, суд должен основываться на положениях ст. 60 УК РФ, а именно принять во внимание новые пороги санкции статьи, общественную опасность преступления, личность и иные обстоятельства.

Только индивидуальный подход к определению наказания, основанный на предписаниях закона и особенностях совершенного преступления и виновного лица, будет способствовать реализации принципов уголовного права. Единственный случай, когда у судебных органов отсутствует право выбора при применении обратной силы — это устранение новым законом преступности деяния. Так, в уголовно-правовой науке сформировалось понимание, что исключение деяния из числа преступлений есть декриминализация [7, с. 11].

Однако исследователями в рамках анализа обратной силы предлагается более широкое понимание устранения преступности (а понятие декриминализации не используется). В частности, возможно не только исключение статьи или части статьи из УК РФ, но и изменение диспозиции статьи путем введения в нее новых признаков, при наличии которых деяние является преступлением [8, с. 17].

В п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.06.2025 № 10 представлен еще более широкий перечень случаев, позволяющих констатировать устранение преступности деяния. В частности, помимо исключения нормы из уголовного закона, данный вывод будет иметь место и в случаях:

- если конструкция состава изменена путем использования института административной преюдиции и, соответственно, первый факт совершения деяния будет образовывать лишь административное правонарушение.

К примеру, такая ситуация имеет место в ст. 116.1 УК РФ, в которой побои, помимо закрепленных в ст. 116 УК РФ, будут признаваться преступлением только при наличии административного наказания. Совершение же побоев при отсутствии хулиганских и экстремистских мотивов (например, в семейно-бытовой сфере) в первый раз выступает только административным правонарушением;

- если повышен размер преступных последствий, наличие которых представляет собой грань между преступлением и иным правонарушением. В качестве примера можно привести составы преступлений в сфере экономической деятельности, в которых систематично повышаются минимальные размеры, необходимые для уголовной ответственности (ст. 169, 171 УК РФ и т. д.). Такое решение законодателя не выглядит удивительным и даже является объективно необходимым на фоне поддержки предпринимательства с учетом экономических изменений общественной жизни;

- если повышен минимальный возраст уголовной ответственности в рамках конкретного состава преступления.

Отдельными исследователями одновременно используется понятие декриминализации (применительно к полной отмене нормы) и понятие «устранение преступности деяния» [9, с. 48–49]. Однако, по нашему мнению, данное утверждение спорно, т. к. во всех случаях речь идет о том, что после изменений закона деяние или полностью исключено из закона, или трансформировано, в результате чего отдельные варианты его осуществления уже не попадают под действие закона.

Данные положения имеют принципиальное значение, поскольку расширяют понимание декриминализации с выделением таких видов, как полная (исключение статьи) и частичная (изменение признаков состава преступления). При этом последний вариант декриминализации может

осуществляться путем изменения не уголовного, а иного регуляторного законодательства.

С одной стороны, может показаться, что здесь имеет место нарушение принципа законности (ст. 3 УК РФ), поскольку именно в уголовном законе должна определяться преступность деяния. Однако наличие в законе бланкетного способа описания преступления, предполагающего обращение к иным актам, регулирующим те или иные общественные отношения, предполагает возможность такой декриминализации.

Признание обратной силы закона специальным правилом действия уголовного закона во времени, изменяющем общие положения ст. 9 УК РФ, предопределяет закрепление конкретных условий, позволяющих его реализовать в правоприменительной деятельности. Таким условием законодатель признает вступление в силу более мягкого уголовного закона.

В этой части особого внимания заслуживает вопрос о распространении обратной силы в случае закрепления новым законом иных мер уголовно-правового характера. Н. Г. Кадников справедливо указывает, что ч. 1 ст. 10 УК РФ «придает обратную силу всем без исключения нормам Общей части уголовного законодательства независимо от того, какой вопрос они регламентируют при условии, что применение такой нормы определенным образом улучшает положение лица, совершившего преступление или отбывающего наказание» [3, с. 38].

Полагаем, обратная сила будет иметь место даже в тех случаях, когда смягчается не наказание, а новый закон предусматривает дополнительные возможности освобождения от уголовной ответственности и наказания, а также новые виды мер уголовно-правового характера. Такой вывод подтверждается п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.06.2025 № 10, в котором приводятся разъяснения возможностей улучшения положения лица. Таким образом, достаточно удачным представляется использование в ст. 10 УК РФ формулировки «иным образом улучшающий положение лица», поскольку она позволяет распространять обратную силу закона на меры, не являющиеся наказанием.

Статья 10 УК РФ, закрепляя формулу «иным образом улучшающий положение лица», создает правовую основу для применения обратной силы к разновидностям уголовной ответственности без наказания. В этой части следует упомянуть сложности признания обратной силы при изменении

принудительных мер медицинского характера. По нашему мнению, такой обратной силы быть не может по следующим основаниям: во-первых, такие меры применяются к лицам, не способным осознавать действия или руководить ими в целях оказания им помощи, чтобы они не оказались опасными для самих себя или окружающих. То есть в отношении данных лиц ставится задача — не привлечение к уголовной ответственности, а излечение. Во-вторых, суд не определяет сроки применения мер, поскольку не обладает медицинскими познаниями, да и ни один специалист не может сделать вывод, сколько времени лицу потребуется для вхождения по крайней мере в состояние ремиссии. Думается, в этой части отсутствие однозначной позиции высшего судебного органа порождает неопределенность в понимании обратной силы и сложности в правоприменительной практике.

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов, определяющих ключевые аспекты темы исследования.

Во-первых, обратная сила уголовного закона по своей правовой природе не является принципом уголовного права, поскольку не соответствует пониманию принципов как руководящих идей, пронизывающих всю систему уголовно-правового регулирования. Она служит инструментом реализации принципов гуманизма и справедливости, но сама таковым принципом не является. Признание этого факта имеет важное теоретическое и практическое значение, поскольку позволяет правиль-

но определять место данного института в системе уголовного права и пределы его применения.

Во-вторых, Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 20 апреля 2006 г. № 4-П фактически придал обратной силе значение правового принципа, осуществив расширительное толкование ст. 54 Конституции Российской Федерации. Такая позиция, при всей ее важности для защиты прав граждан не в полной мере соответствует правовой природе данной категории. Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации распространил действие обратной силы не только на конституционные нормы, но и на международные акты.

В-третьих, обратная сила закона может иметь место не только при смягчении наказания, но и изменении иных мер (например, освобождении от уголовной ответственности и наказания). Исключением распространения обратной силы, полагаем, являются принудительные меры медицинского характера, правовая природа которых отлична от наказания.

Вместе с тем отсутствие четких критериев применения обратной силы к указанным мерам порождает неопределенность в правоприменительной практике, что требует соответствующей конкретизации на законодательном уровне.

В-четвертых, анализ правоприменительной практики свидетельствует о формальном подходе судов к применению ст. 10 УК РФ, что существенно снижает эффективность данного института.

Список источников

1. Якубов А. Е. Обратная сила уголовного закона: некоторые проблемы совершенствования Уголовного кодекса Российской Федерации. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2003. 206 с.
2. Кадников Н. Г. Уголовное право России. Общая часть. Особенная часть: учебник / под общ. ред. Н. Г. Кадникова. М.: ИД «Юриспруденция», 2013. 944 с.
3. Аветисян С. В. Конституционная природа обратной силы уголовного закона // Право и государство: теория и практика. 2022. № 4 (208). С. 149–152.
4. Эсенбулатова Э. Х., Ахмедханова С. Т., Гаджиев А. Г. Обратная сила уголовного закона и институт основополагающих принципов российского уголовного права // Право и управление. 2025. № 1. С. 241–246.
5. Ерасов А. М. Обратная сила уголовного закона и принципы уголовного права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. № 3 (260). С. 75–89.
6. Обернихина О. В. Некоторые проблемы применения обратной силы уголовного закона в отношении лиц, отбывающих наказание // Вестник Кузбасского института ФСИН России. 2017. С. 327–331.
7. Прокументов Л. М. Криминализация и декриминализация деяний. Томск: Изд-во Томского университета, 2012. 139 с.
8. Попов А. Н. Уголовный закон и его обратная сила: учебное пособие. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 1998. 48 с.
9. Бараташвили Л. Н. Действие обратной силы уголовного закона в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2015. № 2 (4). С. 47–55.

References

1. Yakubov A. E. Obratnaya sila ugovnogo zakona: nekotorye problemy sovershenstvovaniya Ugolovnog kodeksa Rossijskoj Federacii. SPb.: Yuridicheskij centr «Press», 2003. 206 s.
2. Kadnikov N. G. Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast'. Osobennaya chast': uchebnik / pod obshch. red. N. G. Kadnikova. M.: ID «Yurisprudenciya», 2013. 944 s.
3. Avetisyan S. V. Konstitucionnaya priroda obratnoj sily ugovnogo zakona // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2022. № 4 (208). S. 149–152.
4. Esenbulatova E. H., Ahmedhanova S. T., Gadzhiev A. G. Obratnaya sila ugovnogo zakona i institut osnovopolagayushchih principov rossijskogo ugovnogo prava // Pravo i upravlenie. 2025. № 1. S. 241–246.
5. Erasov A. M. Obratnaya sila ugovnogo zakona i principy ugovnogo prava // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie. 2005. № 3 (260). S. 75–89.
6. Obernihina O. V. Nekotorye problemy primeneniya obratnoj sily ugovnogo zakona v otnoshenii lic, otbyvayushchih nakazanie // Vestnik Kuzbasskogo instituta FSIN Rossii. 2017. S. 327–331.
7. Prozumentov L. M. Kriminalizaciya i dekriminalizaciya deyanij. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 2012. 139 s.
8. Popov A. N. Ugolovnyj zakon i ego obratnaya sila: uchebnoe posobie. SPb.: Sankt-Peterburgskij yuridicheskij institut (filial) Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii, 1998. 48 s.
9. Baratashvili L. N. Dejstvie obratnoj sily ugovnogo zakona v normah Osobennoj chasti Ugolovnog kodeksa Rossijskoj Federacii // Penitenciarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimenitel'naya praktika. 2015. № 2 (4). S. 47–55.

Информация об авторе

О. В. Ермакова — доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

O. V. Ermakova — Doctor of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 05.03.2026; одобрена после рецензирования 20.04.2026; принята к публикации 19.06.2026.

The article was submitted 05.03.2026; approved after reviewing 20.04.2026; accepted for publication 19.06.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 168–174.
Altai Law Journal. 2026. № 2 (54). P. 168–174.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.43

РАЗВИТИЕ И ОПТИМИЗАЦИЯ МЕРОПРИЯТИЙ В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ И КРИМИНАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ ЧЕЛОВЕКА

Петр Николаевич Кобец

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия,
pkobets37@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

Аннотация. Автор проанализированы и оценены различные стороны преступных проявлений в сфере современного рабства. При проведении исследования раскрывается причинный комплекс широкой распространенности незаконной деятельности, связанной с торговлей людским ресурсом. Кроме всего прочего, автором особо подчеркиваются сложности и фокусируется внимание на затруднениях, препятствующих обнаружению указанного вида преступных проявлений правоохранителями. В исследовании обращается внимание на важность превентивных организационных мероприятий, которые следует реализовать на государственном уровне, а также иной деятельности, предназначенной для противодействия современному рабству. По итогам всестороннего анализа актуальных вопросов и проблем, изложенных в работе, представлены аргументированные предложения по оптимизации предупреждения работорговли.

Ключевые слова: преступная деятельность, современные формы рабства, опасность работорговли, предупреждение преступлений, превентивные мероприятия, виктимность, совершенствование законодательства

Для цитирования: Кобец П. Н. Развитие и оптимизация мероприятий в сфере предупреждения торговли людьми и криминальной эксплуатации человека // Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 168–174.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

DEVELOPMENT AND OPTIMIZATION OF EVENTS IN THE SPHERE OF PREVENTING HUMAN TRAFFICKING AND CRIMINAL EXPLOITATION OF HUMANS

Peter N. Kobets

All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,
pkobets37@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

Abstract. The author analyzes and evaluates various aspects of criminal manifestations in the sphere of modern slavery. The article reveals the causal complex underlying the widespread prevalence of illegal activity related to human trafficking. Furthermore, the author emphasizes the complexities and focuses on the difficulties that hinder law enforcement professionals from detecting this type of criminal activity. In studying this problem, potential dangers and threats that contribute to the victimization of at-risk groups and increase the chances of ordinary citizens falling victim to the illegal attacks of transnational criminal groups specializing in the illegal trafficking of people are identified. The article highlights the importance of preventive organizational measures that should be implemented at the state level, as well as other activities aimed at combating modern slavery. Based on a comprehensive analysis of current issues and problems, the article presents well-reasoned proposals for optimizing the prevention of human trafficking.

Keywords: criminal activity, modern forms of slavery, slave labor, danger of slave trade, crime prevention, preventive measures, victimization, improvement of legislation

For citation: Kobets P. N. Development and Optimization of Events in the Sphere of Preventing Human Trafficking and Criminal Exploitation of Humans. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2026;2:168–174 (In Russ.).

Современная криминальная сфера работорговли, связанная с принудительным человеческим трудом, сексуальной эксплуатацией, в т. ч. и детей, незаконной трансплантологией, как бы это угрожающе ни звучало, не только продолжает расширяться и прогрессировать, но также становится чрезвычайно чудовищным преступным проявлением, принимая все более пугающие и отвратительные формы. В условиях нового тысячелетия становится совершенно очевидно, что рабы середины 2020-х гг. стали едва ли отличны от тех, которые были в средние века. При этом у жертв работорговли XXI столетия не только отсутствуют документы, удостоверяющие их личность, современные работорговцы лишают их абсолютно всех прав, в т. ч. на собственные органы, жизнь и здоровье.

В то же время, по мнению отечественных экспертов, степень социальной опасности и потенциальных рисков для общества, вызванных постоянно возрастающим уровнем современной работорговли, может занимать равное место среди таких опасных социальных угроз, как проявление экстремизма, терроризма, коррупционной преступности и др. [1, с. 5]. При этом нельзя не указать на то, что в соответствии с данными «Глобального индекса рабства», приведенного в отчете международной организации Walk Free за 2023 г., сегодня в мире в условиях рабства находится приблизительно 50 млн человек» [2].

Продолжая рассматривать столь актуальную проблему, важно отметить, что в настоящее время все механизмы работорговли, как правило, реализуются с использованием вербовки, обмана, похищения, жестокого принуждения жертв рассматриваемой противоправной деятельности с расчетом их продолжительной и беспощадной эксплуатации. Одной из самых наиболее часто встречающихся причин, по которой людей обращают в современных рабов, является использование их в целях дальнейшей сексуальной эксплуатации, а также принудительного труда [3, с. 275]. К субъектам данной деятельности отечественные правоведы, как правило, «относят организаторов, вербовщиков, консультантов, перевозчиков, покупателей, сутенеров, коррупционеров, эксплуататоров, укрывателей, пособников и др.» [4, с. 39].

Стоит также обратить внимание на то, что с криминологической точки зрения среди важнейших особенностей преступных проявлений в сфере работорговли является их весьма низкая эмпирическая разработанность, поскольку по всем без исключения уголовно-правовым составам в рас-

сматриваемой сфере имеется весьма ограниченная эмпирическая база. Данное обстоятельство главным образом определяется весьма очевидной и хорошо известной в научном мире причиной — весьма существенной ограниченностью и недостатком данных об этом чрезвычайно теневом сегменте направления деятельности криминального рынка.

Существенные проблемные аспекты в рассматриваемой сфере во многом обусловлены разного рода препятствиями, постоянно возникающими в процессе доказывания рассматриваемой противоправной деятельности, и, конечно же, отказом подавляющего числа пострадавших лиц участвовать в судебных разбирательствах и давать свидетельские показания в отношении виновных лиц. Все это приводит к тому, что в результате хорошо организованного преступного бизнеса к мерам уголовной ответственности удается привлекать лишь ничтожную часть лиц, виновных в совершении рассматриваемых преступных проявлений [5, с. 64].

Ряд отечественных экспертов отмечает, что фактическими эмпирическими сведениями о численности пострадавших, размерах ущерба и реальных масштабах работорговли на территории нашей страны пока что «не располагает ни одно министерство и ведомство, поскольку на сегодняшний день не разработаны техника и система сбора информации о жертвах торговли людьми, подвергшихся сексуальной эксплуатации и использовавшихся в рабском труде» [6, с. 60]. В то же время важно принять во внимание, что, исследуя проблематику современной работорговли, не следует упускать из виду высокий уровень латентности рассматриваемых противоправных деяний, которые, по оценкам как отечественных [7, с. 130], так и зарубежных экспертов [8, с. 105], всегда были весьма высоки.

Также следует подчеркнуть, что, как отмечают отечественные эксперты, «из-за латентности рассматриваемого преступления в Российской Федерации официальные статистические сведения о количестве лиц данной категории не отражают истинной картины» [9, с. 625]. Автор полностью солидарен с позицией многих отечественных исследователей, отмечающих, что при весьма небольшом объеме официально регистрируемых рассматриваемых преступных деяний данная категория преступлений привлекает большое общественное внимание к ним, а также вызывает широкий общественный отклик [10, с. 71].

Давая характеристику современному рабству, важно указать на то, что оно является криминаль-

ным процессом, который включает в себя ряд взаимосвязанных преступных деяний — вербовочную деятельность, основанную на мошеннических действиях, а также разного рода злоупотреблениях, связанных с уязвимым положением жертв. В итоге весь этот процесс заканчивается жесточайшей криминальной эксплуатацией лиц, ставших жертвами работорговли.

Вопреки постоянно предпринимаемым попыткам и усилиям официальных и неофициальных организаций, ведомственных и независимых общественных структур и объединений пресекать и противодействовать различным проявлениям, связанным с современными видами рабства и работорговли, решить этот вопрос так и не удается. В большинстве своем данное обстоятельство обусловлено тем, что распространению и дальнейшему развитию работорговли сопутствует множество современных явлений, включая:

- рост современных глобализационных экономических процессов;
- активизацию туристической деятельности, вызванную развитием туристического бизнеса и улучшением инфраструктуры;
- расширение развлекательной индустрии и сферы досуга;
- рост незаконных миграционных процессов;
- усиливающиеся процессы, связанные с социально-экономическим разрывом уровня жизни в экономически развитых и бедных государствах;
- консолидацию и расширение международной преступной сети и транснациональной деятельности;
- эволюционирование и рост инновационных процессов в развитии информационно-телекоммуникационных технологий;
- развитие транспортно-логистических систем [12, с. 12].

Среди важнейших факторов, сопутствующих росту преступных проявлений в сфере торговли людьми, распространения принудительного труда и сексуальной эксплуатации как одного из опаснейших проявлений, организованных транснациональных преступных посягательств, необходимо указать, что торговля людским ресурсом обеспечивает заявительную и ощутимую прибыль этим преступным организациям. Работодатели, по оценкам экспертов, получают порядка 236 млрд долларов в год — это те материальные средства, которые зарабатываются жертвами работорговли и принудительного труда [11].

Кроме того, расширение и повышение масштабов торговли людским ресурсом в том числе стимулирует чрезвычайно сильно маскируемый и без того весьма скрытый характер буквально всех этапов рассматриваемой противоправной деятельности. Все субъекты этого преступного процесса, начиная от его организаторов, исполнителей и включая покупателей живого товара, не только хорошо понимают, но также и оценивают всю серьезность тех рисков, к которым приводят поступки буквально всех участников этих противоправных действий. Именно по этой причине все члены организованного преступного бизнеса стараются прилагать как можно больше усилий для утаивания, маскировки и сокрытия любых следов незаконных деяний.

Распространению и дальнейшему развитию рассматриваемых преступлений также способствует поведение потерпевших от этой преступной деятельности, в частности, в большинстве случаев сильная боязнь жертв данных преступлений участвовать в судебных процессах и обличать в содеянном злоумышленников [13, с. 34]. Зачастую, обнаружив жертв работорговли, правоохранители сталкиваются со многими трудностями, в т. ч. с их идентификацией, поскольку в процессе незаконной трудовой эксплуатации пострадавшие от рабства могут быть сильно травмированы как физически, так и психологически.

Как показывают ранее проведенные исследования, лица, получившие в процессе незаконной трудовой эксплуатации сильнейшие психологические травмы, довольно сложно идут на контакты с правоохранителями и не предоставляют им всю необходимую информацию, способствующую привлечению к ответственности виновных лиц [14, с. 16]. Как правило, жертвы работорговли чрезмерно опасаются оказания на них давления со стороны бывших владельцев. Рассматриваемые противоправные деяния продолжают активно совершаться в том числе потому, что в большинстве случаев попавшие в рабство лица находятся за пределами родины, не имеют документов, поскольку их отбирают злоумышленники, не знают иностранного языка и боятся обращаться в полицию [15, с. 58]. В соответствии с учетом индивидуальных особенностей, манеры поведения, морально-нравственных и социально-психологических характеристик потенциальных мишеней работорговцев профилактическая работа с ними может выражаться в следующих формах: консультировании, наставлении, разъяснении,

моральном порицании, а также применении иных мер воздействия.

В целях более результативного противостояния и успешного продуктивного противоборства современному рабству субъектам профилактической работы с данным видом противоправной деятельности требуется использование целостного системного и всестороннего подхода [16, с. 73]. Использование именно данного механизма позволит правоохранителям принимать во внимание все имеющееся многообразие причинного комплекса данных преступных проявлений. Предложенный целостный, системный и всесторонний подход должен обязательно объединять и охватывать самые разнообразные аспекты и векторы противодействия преступным проявлениям, включая профилактическую работу, выявление и расследование преступных посягательств, судебное разбирательство и др.

Любое из обозначенных направлений нуждается во всестороннем анализе и требует комплексного подхода для результативного противодействия преступности. При этом нельзя не отметить, что в работе, направленной на борьбу с работорговлей, использование комплексного подхода чрезвычайно важно, причем как на общегосударственном уровне, так и глобальном, особенно в ходе согласования совместной работы и результативности правоохранительных действий между Российской Федерацией и дружественными ей странами.

Между тем нельзя игнорировать одно из важнейших обстоятельств, а именно то, что транснациональные криминальные организации, занимающиеся торговлей людьми, в настоящее время проводят весьма мобильную, согласованную и скоординированную деятельность. Преимущественно в большинстве случаев данное обстоятельство обусловлено тем, что даже многие из международных ведущих институтов и структур, вовлеченных в борьбу с работорговлей, вследствие необходимости требований по соблюдению разного рода регламентов и формальностей могут значительно отставать в формировании и дальнейшей выработке решений по рассматриваемым вопросам. Более того, помимо обозначенных проблем, в настоящее время не по всем возникающим актуальным аспектам рассматриваемого вопроса найден общий язык и согласованы позиции между официальными ведомствами, государственными органами и множеством разного рода общественных институтов.

В результате всего обозначенного возникает потребность в выявлении, оптимизации и улучшении оптимальных подходов и рациональных реше-

ний для развития сотрудничества государственных и негосударственных правоохранительных институтов и структур для поиска и формирования новых решений, направленных на противодействие торговле людьми. Кроме того, в дальнейшем целесообразно проработать ряд новых механизмов, которые будут направлены на борьбу с транснациональными и организованными группами, действующими в работорговле.

В настоящее время наша страна является подписантом тридцати международных конвенций, направленных на противодействие современному рабству и работорговле. Однако, несмотря на это, проблематика борьбы с современной работорговлей и рабским трудом требует постоянного совершенствования законодательного регулирования как на международном, так и на страновом уровне. При этом стоит подчеркнуть, что широкий простор в процессе формулирования законодательных рекомендаций в рассматриваемой сфере, кроме правоведов, появляется и у представителей криминологической, психологической и социологической науки. Одновременно с этим стоит обратить внимание на то, что установление новых мер уголовного наказания за совершение деяний в сфере современной работорговли не сможет сразу же полностью исправить ситуацию и устранить большинство имеющихся на сегодняшний день проблем в рассматриваемой сфере.

Существующие сложности по противодействию работорговле связаны в том числе с малоэффективным международным сотрудничеством в правоохранительной сфере, вызванным несовершенством международных правовых норм в данной сфере. В ряде случаев нормы международного законодательства весьма абстрактны, неконкретны, они не рассчитаны для применения в практической деятельности. Как нам видится, выходом из сложившейся ситуации могло бы стать оформление между заинтересованными государствами, в первую очередь дружественными Российской Федерации странами, новых международных договоренностей по оказанию взаимной помощи в борьбе с работорговлей.

Реализуя профилактические мероприятия в рассматриваемой сфере, субъектам предупредительной работы данных преступных деяний важно учитывать, что анализируемые составы входят в группу корыстно-насильственных преступлений и в большинстве случаев совершаются с применением физической силы. Как правило, все потерпевшие лица, подвергающиеся эксплуатации со стороны работорговцев, помимо разного рода тяжести

телесных травм, а также физических повреждений и увечий, в т. ч. имеют тяжелые эмоциональные, глубокие душевные и серьезные психические травмы, которые весьма трудно исцелить. Ввиду этого первостепенную и существенную значимость в пресечении противоправной деятельности современных работорговцев принимает профилактическая работа, в результате которой будет в необходимой мере обеспечен поиск и устранение основных факторов анализируемых преступных проявлений.

Субъектам рассматриваемой предупредительной работы необходимо сосредоточиться на ликвидации причинного комплекса, создающего благоприятные условия и стимулирующего рост анализируемых преступных проявлений. Совершенно понятно, что проводимые мероприятия, направленные на снижение рассматриваемой противоправной деятельности, не смогут оказать ожидаемого правоохранителями влияния и эффекта при условии, что они будут ориентированы и нацелены непосредственно только на сами негативные действия вместо причинного комплекса, который детерминирует всю эту преступную деятельность.

Подытоживая вышеизложенное, можно определить ряд следующих ключевых задач в сфере оптимизации результативности по сдерживанию работорговли, незаконной эксплуатации человека и использованию принудительного труда. В част-

ности, в процессе деятельности, направленной на снижение обозначенных выше преступных посягательств, следует включаться в работу по профилактике и минимизации данных негативных проявлений не только в тех случаях, когда жертвы уже обратились к правоохранителям, но и акцентировать внимание на необходимости выявления подобных фактов без заявлений о них самими потерпевшими. В этих целях правоохранители должны хорошо разбираться в наличии разного рода признаков, указывающих на рассматриваемую в данной работе противоправную деятельность, а также инициировать проведение всех необходимых проверок подозрительных организаций и лиц, причастных к данному виду преступной деятельности. Также немаловажно стремиться получать необходимые информационные данные в процессе оперативной деятельности и сразу же их проверять. А при подтверждении полученной информации обязательно в рамках соблюдения законодательства незамедлительно собирать доказательную базу возможной преступной деятельности, связанной с работорговлей.

Изложенная в данной работе перспективная правоохранительная стратегия позволит обеспечить результативность предупредительной работы и борьбы с анализируемыми преступными посягательствами.

Список источников

1. Глотов С. А., Сальников С. В. Противодействие торговле людьми: правовое регулирование, зарубежная и отечественная практика: монография. М.: Изд-во Междунар. юрид. ин-та, 2009. 231 с.
2. Глобальный индекс рабства: сколько людей живут в неволе. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6001065?ysclid=mivgmwj631172983553> (дата обращения: 24.02.2026).
3. Кобец П. Н. Возникновение, развитие и реформирование законодательства, применяемого за совершение актов работорговли и криминальной эксплуатации человека // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: мат-лы ежегодной международной научно-практ. конф-ции, Санкт-Петербург, 19–20 июня 2025 г. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. С. 184–189.
4. Коваленко В. И. Криминологическая оценка состояния рабского труда в России // Научный портал МВД России. 2016. № 3 (35). С. 38–42.
5. Калужный А. Н., Шурухов Н. Г. Особенности расследования преступлений, направленных на торговлю людьми и использование рабского труда. М.: Юрлитинформ, 2021. 200 с.
6. Горбунов А. Н., Стукалов В. В. Проблемы борьбы с торговлей людьми и организацией занятия проституцией // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2012. № 4 (18). С. 59–62.
7. Зейналов М. М., Гаммаев В. М. Факторы, детерминирующие торговлю людьми // Современное право. 2011. № 8. С. 128–132.
8. Бекмагамбетов А. Б. Преступность, связанная с торговлей людьми: причинно-факторный комплекс, обуславливающий возникновение и развитие // Проблемы права. 2018. № 1 (65). С. 97–108.
9. Федорович Д. Ю. Предупреждение торговли людьми: виктимологический аспект // Право и государство: теория и практика. 2024. № 11 (239). С. 625–627.
10. Пороховой Э. Ю., Гончарова А. А. Особенности проведения оперативно-розыскных мероприятий в ходе раскрытия преступлений, связанных с торговлей людьми // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (17). С. 69–73.

11. Рабы оптом и в розницу: кто и как в России становится «живым товаром». URL: <https://www.mk.ru/incident/2024/07/29/raby-optom-i-v-roznicu-kto-i-kak-v-rossii-stanovitsya-zhivym-tovarem.html?ysclid=mivhlwygb0806538293> (дата обращения: 24.02.2026).
12. Тюрюканова Е. В. Торговля людьми в Российской Федерации: обзор и анализ текущей ситуации по проблеме. М.: Изд-во ЮНИСЕФ, МОТ, КАМР, 2006. 160 с.
13. Мхитарян Л. К. Особенности жертв торговли людьми и эксплуатации в России // Московское научное обозрение. 2010. № 3 (3). С. 32–34.
14. Кобец П. Н. Психологическая реабилитация потерпевших от преступлений, совершенных с целью торговли людьми и криминальной эксплуатации человека // Юридическая психология. 2024. № 1. С. 15–17.
15. Кобец П. Н. Основные направления оптимизации деятельности в сфере борьбы с торговлей людьми и криминальной эксплуатацией человека // I Восточно-Сибирский юридический форум: сборник материалов XXX Международной научно-практической конф-ции, Иркутск, 5–6 июня 2025 г. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2025. С. 56–60.
16. Рязанцев С. В., Сивоплясова С. Ю. Россия в международной торговле женщинами // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2014. № 16 (187). С. 69–73.

References

1. Glotov S. A., Sal'nikov S. V. Protivodejstvie trgovle lyud'mi: pravovoe regulirovanie, zarubezhnaya i otechestvennaya praktika: monografiya. M.: Izd-vo Mezhdunar. yurid. in-ta, 2009. 231 s.
2. Global'nyj indeks rabstva: skol'ko lyudej zhivut v nevole. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6001065?ysclid=mivgmwj631172983553> (data obrashcheniya: 24.02.2026).
3. Kobec P. N. Vozniknovenie, razvitie i reformirovanie zakonodatel'stva, primenyaemogo za sovershenie aktov rabotorgovli i kriminal'noj ekspluatatsii cheloveka // Ugolovnoe zakonodatel'stvo: vchera, segodnya, zavtra: mat-ly ezhegodnoj mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii, Sankt-Peterburg, 19–20 iyunya 2025 g. SPb.: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2025. S. 184–189.
4. Kovalenko V. I. Kriminologicheskaya ocenka sostoyaniya rabskogo truda v Rossii // Nauchnyj portal MVD Rossii. 2016. № 3 (35). S. 38–42.
5. Kalyuzhnyj A. N., Shuruhnov N. G. Osobennosti rassledovaniya prestuplenij, napravlennyh na trgovlyu lyud'mi i ispol'zovanie rabskogo truda. M.: Yurlitinform, 2021. 200 s.
6. Gorbunov A. N., Stukalov V. V. Problemy bor'by s trgovlej lyud'mi i organizaciej zanyatiya prostituciej // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2012. № 4 (18). S. 59–62.
7. Zejnalov M. M., Gammaev V. M. Faktory, determiniruyushchie trgovlyu lyud'mi // Sovremennoe pravo. 2011. № 8. S. 128–132.
8. Bekmagambetov A. B. Prestupnost', svyazannaya s trgovlej lyud'mi: prichinno-faktornyj kompleks, obuslovlivayushchij vozniknovenie i razvitie // Problemy prava. 2018. № 1 (65). S. 97–108.
9. Fedorovich D. Yu. Preduprezhdenie trgovli lyud'mi: viktimologicheskij aspekt // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2024. № 11 (239). S. 625–627.
10. Porohovoj E. Yu., Goncharova A. A. Osobennosti provedeniya operativno-rozysknyh meropriyatij v hode raskrytiya prestuplenij, svyazannyh s trgovlej lyud'mi // Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 3 (17). S. 69–73.
11. Raby optom i v roznicu: kto i kak v Rossii stanovitsya «zhivym tovarom». URL: <https://www.mk.ru/incident/2024/07/29/raby-optom-i-v-roznicu-kto-i-kak-v-rossii-stanovitsya-zhivym-tovarem.html?ysclid=mivhlwygb0806538293> (data obrashcheniya: 24.02.2026).
12. Tyuryukanova E. V. Torgovlya lyud'mi v Rossijskoj Federacii: obzor i analiz tekushchej situacii po probleme. M.: Izd-vo YUNISEF, МОТ, КАМР, 2006. 160 с.
13. Mhitaryan L. K. Osobennosti zhertv trgovli lyud'mi i ekspluatatsii v Rossii // Moskovskoe nauchnoe obozrenie. 2010. № 3 (3). S. 32–34.
14. Kobec P. N. Psihologicheskaya reabilitaciya poterpevshih ot prestuplenij, sovershennyh s cel'yu trgovli lyud'mi i kriminal'noj ekspluatatsii cheloveka // Yuridicheskaya psihologiya. 2024. № 1. S. 15–17.
15. Kobec P. N. Osnovnye napravleniya optimizacii deyatel'nosti v sfere bor'by s trgovlej lyud'mi i kriminal'noj ekspluataciej cheloveka // I Vostochno-Sibirskij yuridicheskij forum: sbornik mat-lov

XXH Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konf-cii, Irkutsk, 5–6 iyunya 2025 g. Irkutsk: Vostochno-Sibirskij institut MVD Rossii, 2025. S. 56–60.

16. Ryazancev S. V., Sivoplyasova S. Yu. Rossiya v mezhdunarodnoj trgovle zhenshchinami // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo. 2014. № 16 (187). S. 69–73.

Информация об авторе

П. Н. Кобец — доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

P. N. Kobets — Doctor of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 23.12.2025; одобрена после рецензирования 15.02.2026; принята к публикации 19.06.2026.

The article was submitted 23.12.2025; approved after reviewing 15.02.2026; accepted for publication 19.06.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 175–185.

Altai Law Journal. 2026. № 2 (54). P. 175–185.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.98:343.973

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ЭКОНОМИКО-КРИМИНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК

Юлия Алексеевна Лепилова

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, yu.lepilova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются понятийная и сущностная составляющие экономико-криминальной деятельности в сфере государственных и муниципальных закупок с позиции криминалистического деятельностного подхода. Обосновывается необходимость рассмотрения преступных проявлений в данной сфере не как отдельных преступлений, а как устойчивой системы противоправной деятельности. Проанализированы факторы, обуславливающие привлекательность сферы для противоправного воздействия, определены признаки экономико-криминальной деятельности и сформулировано авторское определение.

Ключевые слова: государственные и муниципальные закупки, экономическая преступность, экономико-криминальная деятельность, бюджетные ресурсы, контрактная система, деятельностный подход, общественные интересы

Для цитирования: Лепилова Ю. А. Понятие и сущность экономико-криминальной деятельности в сфере государственных и муниципальных закупок // Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 175–185.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

THE CONCEPT AND ESSENCE OF ECONOMIC AND CRIMINAL ACTIVITY IN THE FIELD OF PUBLIC AND MUNICIPAL PROCUREMENT

Julia A. Lepilova

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia, yu.lepilova@mail.ru

Abstract. The article examines the conceptual and essential components of economic and criminal activity in the field of public and municipal procurement from the perspective of a criminological activity approach. It substantiates the need to consider criminal manifestations in this field not as individual crimes, but as a stable system of illegal activity. The article analyzes the factors that make this field attractive for unlawful influence, identifies the characteristics of economic and criminal activity, and formulates the author's definition.

Keywords: state and municipal procurement, economic crime, economic and criminal activity, budget resources, contract system, activity-based approach, public interests

For citation: Lepilova Ju. A. The Concept and Essence of Economic and Criminal Activity in the Field of Public and Municipal Procurement. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2026;2:175–185 (In Russ.).

Современная экономическая система Российской Федерации характеризуется усилением роли публичного сектора, в связи с чем происходит повышение требований к открытости распределения ресурсов бюджетной системы. Одним из инструментов реализации социально-экономической политики в России является сфера государственных и муниципальных закупок, поскольку она составляет существенную долю внутреннего спроса. В связи с этим вполне обоснованно полагать, что данный вид деятельности подвержен криминальной активности различного рода ввиду масштабности оборота ресурсов и многоэтапности процедур. Анализ практики показывает, что экономико-криминальная деятельность в сфере государственных и муниципальных закупок не ограничивается отдельно взятыми преступными проявлениями, а выражается в продолжительной незаконной деятельности, существующей на протяжении определенного периода времени, и чаще всего приостанавливается только в момент ее выявления сотрудниками правоохранительных или контролирующих органов.

Разнообразие подходов к пониманию сущности преступления связано с исторической эволюцией правовых систем, а также спецификой национальных правовых обычаев. Зародившаяся в эпоху Просвещения классическая школа уголовного права, представителями которой являлись Ч. Беккариа и И. Бентам, рассматривала преступление как «результат свободного волеизъявления рационального индивида», что понималось как осознанное нарушение общественного договора, закрепленного в законе [1]. В данном случае преступление имело исключительно правовой характер, ведь было связано с осознанием закона и отношением нарушителя к нему. Иное мнение относительно рассматриваемого понятия принадлежало позитивистской школе, которая отрицала тот факт, что лишь волеизъявление индивида играет главенствующую роль в совершении преступления [2]. По мнению таких ученых, как Ч. Ломброзо, Э. Ферри, Р. Гарофало, объяснение преступления исходит также из биологических, антропологических и социальных причин. Такое представление значительно расширяет взгляд на преступление, поскольку рассмотрение его исключительно в качестве правового явления уже считается неправильным, необходимо также учитывать иные социальные предпосылки, причинно-следственные связи и т. п.

Э. Дюркгейм происхождение преступности связывает с социальной структурой: «стремления индивида никогда не бывают удовлетворены

полностью, границу этим индивидуальным вожделениям может установить только внешний контроль со стороны общества» [3]. Он считал, что преступность свойственна любому типу общества и неотделима от него. В социологическом же подходе преступление определяется как «форма девиации», которая напрямую зависит от воздействия внешних факторов, т. е. совершение лицом преступления является фактическим ответом на то или иное социальное явление [4].

По мнению В. В. Клочкова и В. А. Образцова, преступление как объект криминалистического научного и практического познания — это специфическая разновидность человеческой деятельности, процесс взаимодействия преступника и окружающей его среды, порождающий их изменения, которые имеют значение для установления истины по уголовному делу [5].

Рассматривая различные подходы к пониманию преступления со стороны представителей различных школ, считаем нужным обратиться и к нормативному пониманию преступления. Далее представлены определения, которые устанавливали понимание преступления на различных стадиях развития общества:

- Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. — «Всякое нарушение закона, через которое посягается на неприкосновенность прав власти верховной и установленных ею властей, или же на права или безопасность общества или частных лиц» [6, с. 8];

- Уголовное уложение 1903 г. — «Деяние, воспрещенное во время его учинения законом под страхом наказания» [7, с. 11];

- Руководящие начала по уголовному праву РСФСР — «Нарушение порядка общественных отношений, охраняемого уголовным правом» [8];

- Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. — «Всякое действие или бездействие, направленное против Советского строя или нарушающее правопорядок, установленный Рабоче-Крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени» [9];

- Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. — «Предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на общественный строй СССР, его политическую и экономическую системы, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права и свободы граждан, все формы собственности, а равно иное, посягающее на социалистический правопорядок общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом» [10];

- Уголовный кодекс Российской Федерации от 1996 г. — «Виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом под угрозой наказания» [11].

При анализе различных подходов выявляется совокупность формального и материального признаков, которые выражаются в нарушении установленных законодательных норм и причинении какого-либо реального вреда охраняемым общественным отношениям соответственно. Подобный дуализм позволяет избежать излишнего расширительного толкования понятия «преступление», а также, наоборот, сокращения и игнорирования какой-либо из важных сторон. С точки зрения современных криминологических теорий преступление рассматривается с процессуальной точки зрения, т. е. деяние становится преступным не из-за самого факта нарушения правовых норм и причинения вреда, а в результате реагирования со стороны общества или государственных органов, таким образом организовывается процесс взаимодействия отклоняющегося поведения и социального контроля. Все данные определения объединены общими составляющими: деяние (действие или бездействие), общественная опасность, наказуемость, противоправность и наличие вины.

Однако преступление, по своей сути, как конкретное деяние не отражает полноту масштаба криминальной активности, реализуемой в сфере государственных и муниципальных закупок. Анализ практики показывает, что большинство совершенных деяний не ограничивается одним этапом, а реализуется продолжительно на протяжении определенного или неопределенного периода времени в зависимости от характера участия в сговоре и цели. Согласно Большому толковому словарю русского языка «деятельность — это: 1. Работа, занятие кого-л. в какой-л. области. Педагогическая, научная, общественная д. Д. по распространению юридических знаний. Кипучая д. Жажда деятельности. Индивидуальная трудовая д. (осуществляемая гражданами, не связанными трудовыми отношениями с государственными, общественными и другими организациями и учреждениями). Информационная д. (совокупность действий, связанных со сбором, представлением, обработкой, хранением и передачей информации). Коммуникативная д. (общение двух (или более) людей, направленное на согласование усилий с целью налаживания отношений и достижения общего результата). 2. чего или какая. О действии сил природы, работе каких-л. органов и т. п. Д. ветра. Д. вулкана. Изучать д. мозга. Разрушительная д. воды» [12]. Тол-

ковый словарь Ушакова определяет деятельность следующим образом: «работа, систематическое применение своих сил в какой-нибудь области. Общественная деятельность. Врачебная деятельность» [13]. Ввиду специфики рассматриваемой сферы мы обращаемся именно к деятельности, поскольку она отличается от отдельного преступного акта наличием цели, процесса, который реализуется посредством неоднократного воздействия на окружающую обстановку. Деятельность имеет целенаправленный характер, поскольку, по мнению академика П. К. Анохина, результат является системообразующим фактором любого вида деятельности [14].

Системно-деятельностный подход в криминалистике, разработанный М. К. Каминским, представляет преступление не как изолированный акт, а как целостный процесс социальной деятельности, имеющий структуру, цели, средства, стадии развития и закономерные связи с окружающей средой. Ключевая особенность подхода состоит в том, что деятельность рассматривается во временной протяженности и в системной взаимосвязи всех ее элементов, что позволяет реконструировать событие через анализ оставляемых следов-изменений среды [15].

Экономико-криминальная деятельность в сфере государственных и муниципальных закупок рассматривается именно как деятельность в силу соответствия ее структуры базовым категориям системно-деятельностного подхода. Данный вид противоправного поведения обладает целью в виде незаконного извлечения выгоды, использует специфические средства, например, фальсификация документации, сговор, разворачивается во времени и оставляет системную совокупность следов, как материальных, так и идеальных. Кроме того, такая деятельность носит воспроизводимый характер, что соответствует критерию развития системы в понимании М. К. Каминского.

Признаками деятельности в интерпретации системно-деятельностного подхода являются наличие осознанной цели, определяющей направленность действий; использование средств и методов для ее достижения; последовательная смена фаз, каждая из которых решает частные задачи в рамках общего замысла; системная взаимосвязь элементов, при которой изменение одного компонента влечет корректировку других; отражение процесса во внешней среде в виде следов, позволяющих реконструировать содержание и логику деяния. В сфере государственных и муниципальных закупок эти признаки проявляются в целенаправ-

ленном нарушении установленных конкурсных процедур, использовании служебного положения, координации действий соучастников, создании документального оформления и формировании устойчивых схем, что позволяет квалифицировать данные деяния не как разовые нарушения, а как организованную экономико-криминальную деятельность.

Почему же мы применяем выражение именно «криминальная деятельность», а не преступная. Вообще в современной доктрине сторонники разных научных школ подходят к соотношению этих понятий с принципиально отличающихся позиций, чаще всего по направлению их отраслевой науки и сферы интересов. По мнению В. Я. Колдина, преступная деятельность — это основное содержание расследуемого события, которое представляет собой систему, элементы которой находятся во взаимной связи [16]. Р. С. Белкин рассматривал преступную деятельность как явление, которое требует исследования с точки зрения закономерностей подготовки, осуществления и сокрытия следов преступления. Он считал, что криминалистика изучает три группы закономерностей: совершение преступлений, возникновение информации о преступлении и его участниках, собирание, исследование, оценка и использование доказательств, а также основанные на познании этих закономерностей специальные средства и методы судебного исследования и предотвращения преступлений [17].

В. Н. Карташов в своем исследовании пишет: «преступная деятельность — это основанная на определённых планах и прогнозах (криминальная стратегия) совокупность виновных общественно опасных деяний, наносящих ущерб и вред людям, их коллективам и организациям с помощью соответствующих средств (криминальная техника), способов и методов их осуществления (криминальная тактика), достаточных информационных, материальных, финансовых ресурсов и других криминальных мер» [18, с. 181]. Преступная деятельность в учении А. Ф. Лубина — процесс закономерного усвоения субъектом способов совершения действий по решению задач подготовки, совершения, сокрытия преступлений и воспроизводства результатов целеполагания [19].

Что касается понятия криминальной деятельности, некоторые исследователи отождествляют ее с преступной, например, учебник И. А. Возгри-на «Введение в криминалистику. История, основы теории, библиография» содержит параграф, который именуется «Преступная, или криминальная, деятельность» [20]. Кроме того, согласно слова-

рю, понятие «криминальный» означает «преступный, уголовный. Криминальный случай (от лат. *criminalis* — преступный, касающийся преступления)» [21]. Однако, по мнению Д. С. Хижняка, криминальная деятельность значительно шире преступной, поскольку охватывает не только нарушение уголовно-правовых норм, но также и норм других отраслей права [22]. Таким образом, мы можем сказать, что преступная деятельность представляет собой устойчивую систему (некоторое явление, процесс), содержащую определенные элементы, связанные между собой, а также цель и результат.

В целом генезис экономико-криминальной деятельности в сфере закупок обусловлен совокупностью объективных и субъективных условий. Кроме указанных выше, к объективным факторам можем отнести недостаточную проработанность отдельных норм законодательства, допускающих двоякое толкование, а также организационные пробелы в системе внутреннего контроля на уровне отдельных органов власти. Немаловажную роль также играет высокий уровень конкуренции на рынке, который усиливает мотивацию участников к поиску «нестандартных решений» при осуществлении своей деятельности, будь то оказание услуг, поставка товаров или выполнение работ. Кроме того, присутствует нормализация подобных практик в отдельных сегментах рыночной экономики, что приводит к непониманию и неосознанию субъектами общественной опасности своих действий. Исторически сложившаяся лояльность к мелким административным нарушениям искажает восприятие допустимого. Мы связываем это с негативным влиянием окружения, а также низким уровнем правовой культуры. Сущность явления заключается в подмене общественных интересов частными, что напрямую влияет на эффективность использования ресурсов и реализацию общественных интересов.

Последствия экономико-криминальной деятельности в сфере закупок выражаются не только в причинении ущерба бюджетной системе страны, но также влияют на качество жизни населения, поскольку большое количество работ, товаров и услуг направлено на обеспечение граждан. К примеру, некачественно выполненные работы по благоустройству территорий могут вызвать травмоопасность, или некачественные товары могут негативно повлиять на состояние здоровья населения. Кроме того, нарушения приводят к недофинансированию важнейших государственных программ и снижению доверия общества к государственным

институтам, поскольку происходит нарушение рыночных механизмов. При этом добросовестные предприниматели вытесняются с рынка, поскольку не могут справиться с незаконной конкуренцией.

Экономическая деятельность в сфере государственных и муниципальных закупок представляет собой регламентированную систему отношений по формированию, распределению и использованию бюджетных средств, которая функционирует в рамках контрактной системы и направлена на достижение общественно значимых результатов посредством реализации конкурентных механизмов размещения заказов. Данная деятельность одновременно характеризуется повышенным уровнем преступности, который обусловлен незаконной деятельностью должностных лиц, латентностью, сложностью обнаружения и концентрации значительных финансовых потоков. Криминальная деятельность выражается в целенаправленном искажении процедур и маскируется под совершенно законный процесс. В связи с этим мы можем сделать вывод, что экономико-криминальная деятельность существует в самой системе закупочных процедур и является ее частью.

Сущность рассматриваемой деятельности раскрывается через триединство признаков: экономического, правового и социального. Экономический аспект проявляется в перераспределении финансовых ресурсов в обход рыночных механизмов, правовой аспект заключается в нарушении норм, регулирующих контрактную систему, а социальный аспект выражается в подрыве доверия к государству и нарушении прав граждан на качественное предоставление публичных услуг. В связи с этим необходимо создание системы регулирования, способной эффективно противодействовать рассматриваемому явлению по силам и средствам.

Само понятие «экономико-криминальная деятельность» не является устоявшимся в отечественной и зарубежной научной литературе, поскольку чаще всего в обороте используются такие понятия, как: экономическая преступность, экономические преступления, беловоротничковая преступность, финансовая преступность и т. п. Изначально основы понимания экономической преступности были заложены Эдвином Сатерлендом, американским социологом и криминологом, который впервые сформулировал термин «беловоротничковая преступность», который он трактовал как «преступления, совершаемые лицами с высоким социальным статусом и респектабельностью в ходе их профессиональной деятельности» [23]. Впоследствии стали проводиться различные исследования,

направленные на уяснение сущности рассматриваемого явления как в целом, так и в отдельных его областях. Однако нас интересует конкретная область реализации экономико-криминальной деятельности, а именно сфера государственных и муниципальных закупок. В. В. Лунеев в своем исследовании акцентирует внимание на том, что экономические преступления неразрывно связаны с процессом производства, распределения, обмена и потребления материальных благ [24]. Исходя из этой позиции, мы должны анализировать экономико-криминальную деятельность в сфере закупок не изолированно, а вкупе с общим экономическим оборотом, поскольку сущность нарушения заключается не только в причинении финансового ущерба, но и в искажении рыночных механизмов.

Что касается экономико-криминальной деятельности именно в сфере государственных и муниципальных закупок, конкретного определения и точного подхода к пониманию термина нет. Однако некоторые исследователи формулируют в работах свое видение. Так, например, В. А. Китсинг пишет про преступления, совершаемые конкретными субъектами: «преступления в сфере публичных закупок, совершаемые исполнителями контрактов, — это запрещенные нормами УК РФ под угрозой наказания умышленные общественно опасные деяния, которые дестабилизируют нормальное функционирование органов государственной власти; причиняют материальный ущерб бюджетной системе РФ, что также влечет причинение вреда обществу и каждому конкретному гражданину, являющемуся его частью; посягают на свободу конкуренции в ходе публичных закупок; влекут вредные последствия для иных отношений, связанных с государственными и муниципальными закупками» [25].

Проанализировав различные понятия и подходы, мы можем выделить основные признаки, составляющие общее понимание. Первым важным признаком выступает деятельностный характер и устойчивость явления, который мы обосновываем посредством противопоставления единоразового преступного акта и продолжительного процесса, опираясь на мнения В. В. Ключкова и В. А. Образцова, рассматривающих преступление как специфическую разновидность человеческой деятельности, а также на словарное определение, подчеркивающее признак систематичности. Данная деятельность не ограничивается отдельными эпизодами, а существует на протяжении определенного периода времени, что подтверждается мнением В. Я. Колдина о системе взаимосвязанных элемен-

тов и В. Н. Карташова о наличии криминальной стратегии. Таким образом, признак устойчивости вытекает из анализа латентного характера связей между участниками и повторяемости действий, направленных на получение дохода, а не на единовременный результат.

Любая деятельность, как писал П. К. Анохин, направлена на достижение определенного результата, в связи с чем мы можем утверждать о наличии цели экономико-криминальной деятельности в сфере государственных и муниципальных закупок, являющейся вторым признаком. Характер цели усматривается из самой сферы. Масштабный оборот финансовых ресурсов и возможность незаконного завладения ими обуславливают наличие у большинства субъектов данного вида преступности такой цели, как извлечение материальной выгоды. Однако мы не можем утверждать о единственно возможной цели, поскольку некоторые лица не получают прямого материального вознаграждения, а имеют выгоду иного характера.

Противоправность действий составляет третий обязательный признак, обоснование которого строится на историческом и нормативном анализе понятия преступления. Мы проследили эволюцию определений от Уложения 1845 г. до Уголовного кодекса Российской Федерации, выделив наличие формального и материального признаков, т. е. нарушение закона и причинение вреда охраняемым отношениям. Противоправность проявляется через систематическое нарушение установленных законодательством процедур, т. е. деятельность существует в процессе реализации закупок, но вне правового поля, что позволяет отграничить ее от легальной хозяйственной деятельности. Кроме того, в сфере закупок как активные действия, так и бездействие могут привести к определенным негативным последствиям.

Переходя от общего понятия преступности к более узкой категории, необходимо остановиться на феномене экономической преступности, который занимает особое место в структуре современной криминальной деятельности. Экономическая преступность представляет собой совокупность корыстных посягательств на экономическую безопасность государства и права участников экономических отношений, совершаемых в сфере производства, распределения, обмена и потребления материальных благ. Специфика данного вида преступной деятельности заключена в сферу экономики, а конкретно в экономические процессы, что значительно затрудняет ее выявление, раскрытие и расследование. Основным отличием от иных ви-

дов преступлений является то, что экономическая преступность маскируется под совершенно законную хозяйственную деятельность, поскольку для ее совершения используются привычные процедуры и совершается она на протяжении определенного периода времени, а не единоразово.

Е. В. Тищенко считает, что сфера закупок полна многообразия юридических рисков и преступлений на различных этапах процедур [26, с. 80]. Н. В. Чукичева выделяет среди основных преступных деяний фальсификации и коллизии норм, приводящие к хищениям [27]. А. Ким считает, что общественная опасность преступлений в сфере закупок представлена хищениями государственных средств [28]. В целом авторы, исследующие данную тему, в большинстве случаев обращаются к коррупционным составам и хищениям, однако мы считаем, что экономико-криминальную деятельность в сфере государственных и муниципальных закупок не стоит рассматривать изолированно отдельными конкретными преступными деяниями, поскольку она представляет собой некое явление, существующее на протяжении неопределенного периода времени, связывающее экономико-криминальные схемы различных субъектов, а также способы их сокрытия.

Для начала необходимо разобраться, а почему вообще сфера государственных и муниципальных закупок считается привлекательной средой криминального воздействия, ведь есть специализированные нормативные правовые акты, которые прямо указывают на открытость и прозрачность всех процедур, которые обеспечиваются, согласно статье 7 федерального закона Российской Федерации № 44, «путем ее размещения в единой информационной системе»¹. Однако если разобраться более подробно в самом порядке реализации закупочных процедур, мы видим, что она состоит из множества отдельных этапов, каждый из которых имеет свои уязвимые места, которыми как раз таки и пользуются недобросовестные сотрудники или иные лица.

Система закупок является механизмом, через который государство реализует свои функции по обеспечению безопасности, обороны, социальной сферы и инфраструктуры, что в общем смысле можно назвать государственными и муниципальными нуждами. В идеальном представлении си-

¹ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федеральный закон Российской Федерации от 05.04.2013 № 44 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 14, ст. 1652.

стема закупок — это совокупность действий заказчика, направленных на удовлетворение государственных или муниципальных нужд посредством заключения контракта с поставщиком на выгодных условиях. Законодательно установлены строгие процедуры проведения закупок, т. е. конкурсы, аукционы, запросы котировок и т. д. Их целью является обеспечение добросовестной конкуренции и получение наилучшей цены и качества. Однако в тот момент, когда общественные интересы уходят на второй план, а на первый выходят личные, возникает экономико-криминальная деятельность.

Согласно судебной-следственной практике наиболее криминализированными на данный момент являются такие сферы, как строительство, ремонт дорог, ЖКХ и благоустройство, медицина, а также оборонно-промышленный комплекс. С одной стороны, кажется, что все предельно просто: контроль осуществляется на всех стадиях, поэтому все ошибки, недочеты и иные неординарные ситуации могут быть обнаружены на ранних этапах, однако, с другой стороны, различные факторы, например договоренность между участниками закупочных процедур, сложность технического описания или масштаб оборота финансовых ресурсов, играют немаловажную роль в способствовании реализации экономико-криминальной деятельности. Несмотря на то что с 2019 г. начала работать Единая информационная система, разработанная в целях цифровизации и обеспечения открытости процедур, которая устранила некоторые риски, все еще существуют различные лазейки, которые активно используются, например боты для мониторинга тендеров с целью реализации сговора, автоматизированные схемы подбора «удобных» поставщиков и т. п.

Кроме того, активность преступной деятельности в сфере закупок обуславливается тем, что чаще всего субъекты связаны между собой каким-либо преступным сговором и не имеют цели сообщить в правоохранительные органы о незаконности реализации процедур. Как правило, в большинстве случаев отмечается организованный латентный характер, который предполагает договоренность между участниками, распределение ролей, которые направлены на получение устойчивого, а не разового дохода. Например, в 2023 г. в Ставропольском крае был вынесен приговор в отношении бывшего заместителя главного врача больницы по факту получения взяток на общую сумму свыше 7,3 млн рублей [29]. В данном случае мужчина неоднократно получал денежные средства от различных субъектов предпринимательской деятель-

ности за способствование в заключении государственных контрактов на поставку товаров или оказание услуг путем оформления документов. Этот пример показывает, что пока человек существует в системе, он продолжает свою преступную деятельность, что подтверждает факт устойчивости и продолжительности деятельности в рассматриваемой сфере. В данном случае необходимо разграничение неумышленно допущенной ошибки и целенаправленного причинения вреда публичным интересам.

Сама сущность экономико-криминальной деятельности в сфере закупок проявляется в ее функциональной роли как механизма несанкционированного распределения публичных ресурсов в пользу группы лиц в обход всех ограничений, как законодательных, так и рыночных. В его основе лежит рациональный расчет субъектов на максимизацию личной выгоды при относительно низком воспринимаемом риске ответственности. Участники преступных схем формируют неформальные устойчивые связи с целью подавления конкуренции и реализации своих интересов, которые состоят в неоднократном получении материальной выгоды.

Рассматривая сущность данного явления, необходимо более детально остановиться на механизмах, посредством которых реализуется криминальная деятельность в сфере закупок. Необходимо отметить, что они достаточно разнообразны ввиду большого количества этапов закупочного процесса и возможностей. Если рассматривать подробнее, на этапе планирования закупки довольно распространена схема искусственного завышения начальной максимальной цены контракта, реализуемая посредством манипуляции с техническим заданием или методиками расчета. В данном случае устанавливаются конкретные требования, которым соответствует только один участник. Кажется, что такую схему легко выявить, однако создается видимость конкуренции опять же по предварительной договоренности, реализуемая посредством подачи фиктивных заявок аффилированными лицами или отказом от участия другими претендентами за материальное вознаграждение.

Еще одним распространенным методом является картельный сговор участников торгов, при котором несколько участников договариваются между собой о том, кто из них победит в аукционе, какая устанавливается цена, а также кто получит денежное вознаграждение за воздержание от участия. Чаще всего победитель аукциона получает сверхприбыль и распределяет ее среди остальных

участников сговора. Таким образом причиняется ущерб как государству и обществу, выражающийся в переплате за товары, работы или услуги, так и предпринимательской сфере, ведь нарушаются принципы здоровой конкуренции. То есть рыночные механизмы ценообразования подменяются условиями договоренности между соучастниками.

На стадии исполнения контракта осуществляются различные схемы поставки товаров ненадлежащего качества или в неполном объеме, оформление дополнительных соглашений без наличия необходимых условий, а также использование посреднических структур. Такие нарушения могут быть выявлены только при проведении тщательного анализа всей документации, касающейся конкретной закупки или при каких-либо случайных обстоятельствах. Все эти методы, несмотря на внешнее разнообразие, объединены общей логикой, которая заключается в систематическом обходе установленных норм ради извлечения незаконной выгоды, что подтверждает их принадлежность к единому феномену экономико-криминальной деятельности.

Рассматривая субъектную сторону явления, можем подчеркнуть, что круг лиц, вовлеченных в экономико-криминальную деятельность, достаточно широк. В большинстве случаев субъектами являются должностные лица заказчиков, представители контролирующих органов, а также руководители коммерческих организаций. Кроме того, в некоторых случаях в преступную деятельность вовлекаются представители государственных органов или их отдельные структурные подразделения. Изначально комиссионный характер принятия решений был установлен в целях обеспечения многоуровневого контроля, однако субъекты стали использовать этот факт в своих целях для усложнения процесса определения виновного лица.

Важно также отметить роль посредников и специализированных организаций в структуре экономико-криминальной деятельности. Часто схема выстраивается таким образом, что прямой контакт

между заказчиком и конечным бенефициаром затруднен, а между ними в цепочку встраиваются фирмы-однодневки или подставные лица. Деньги бюджета перечисляются на счета подрядчиков, затем через серию транзакций обналичиваются или переводятся в офшорные зоны. Бюджетные средства, полученные незаконным путем, должны быть введены в легальный оборот, что порождает вторичный пласт преступлений, связанных с финансовыми махинациями.

Последним структурным элементом определения является способ совершения деяний, который мы описали как нарушение установленных процедур планирования, размещения, оценки и исполнения закупок. На каждом из этапов может быть реализована экономико-криминальная деятельность, различающаяся по способам и характеру.

Таким образом, экономико-криминальная деятельность в сфере государственных и муниципальных закупок является устойчивой, целенаправленной совокупностью противоправных действий (или бездействия), совершаемых должностными лицами заказчиков, представителями поставщиков, посредниками или иными заинтересованными субъектами с целью незаконного извлечения материальной или иной выгоды путем систематического нарушения установленных законодательством процедур планирования, размещения, оценки и исполнения закупок. В данное понятие мы заключаем не отдельные общественно опасные действия, запрещенные уголовным законом, а их сочетание, объединяемое конкретной сферой человеческой деятельности.

Структурная организация экономико-криминальной деятельности в сфере государственных и муниципальных закупок характеризуется временной протяженностью, наличием стадий, определенной цели извлечения выгоды, а также сложностью взаимодействующего субъектного состава, поскольку в ее реализации участвуют как заказчики и поставщики, так и иные лица, осуществляющие посредничество, например должностные лица контролирующих органов.

Список источников

1. Беккариа Ч. (1738–1794). О преступлениях и наказаниях / пер. с французского Александр Хрущов. СПб.: В типографии И. Глазунова, 1806. [8], VIII, 17, 200 с.
2. Гладышев Ю. А. Антропологические теории в криминологии о причинах преступности // Юридическая техника. 2012. № 6. С. 130–132.
3. Гепхарт В. Наказания и преступления: теория Эмиля Дюркгейма // Социология права в Германии. 2008. № 2008. С. 46–50.
4. Гуляихин В. Н., Сухинин А. В. Проблема девиации в контексте социологических теорий // Logos et Praxis. 2012. № 2. С. 52–57.

5. Ключков В. В., Образцов В. А. Преступление как объект криминалистического познания // Вопросы борьбы с преступностью. 1985. № 42. С. 44–54.
6. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: Тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845. [4], IV, 898, XVII с.
7. Новое уголовное уложение, выс. утв. 22 марта 1903 г.: = Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. С прил. предм. алф. указ.. Неофиц. изд. СПб.: кн. маг. В. П. Анисимова, 1903. 253 с.
8. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР: постановление НКЮ от 12 декабря 1919 г. // НЭБ URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_RuPRLIB00060590_12948/?ysclid=mm0eew4tzs269386059 (дата обращения: 20.02.2026).
9. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года: с изменениями до 1 марта 1929 г.: 81–140 тысячи. Издание официальное. М.: Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1929. 175 с.
10. Уголовный кодекс РСФСР. М.: Госюриздат, 1960. 174 с.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.
12. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт; М.: Рипол классик, 2008. 1534 с.
13. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция / Д. Н. Ушаков. М.: Дом Славянской кн., 2008. 959 с.
14. Анохин П. К. Философские аспекты теории функциональной системы: избр. тр. / отв. ред. Ф. В. Константинов, Б. Ф. Ломов, В. Б. Швырков. М.: Наука, 1978. 399 с.
15. Каминский А. М. Системно-деятельностный подход в криминалистическом образовании // Системно-деятельностный подход: криминалистика и правоохранительная практика: сборник статей Всероссийской научно-практ. конф-ции, посвященной 90-летию доктора юридических наук, профессора Марата Константиновича Каминского. Ижевск, 2024. С. 3–8.
16. Колдин В. Я. Криминалистическое знание о преступной деятельности: функция моделирования // Советское государство и право. 1987. № 2. С. 63–69.
17. Белкин Р. С. Курс криминалистики: учеб. пособие для вузов по юрид. специальностям. 3-е изд., доп. М.: Закон и право, 2001. 837 с.
18. Карташов В. Н. Преступная деятельность (краткий очерк инновационного исследования) // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 179–183.
19. Механизм преступной деятельности: Методология криминалист. исслед. / А. Ф. Лубин; Нижегород. юрид. ин-т. Н. Новгород: НЮИ, 1997. 334 с.
20. Введение в криминалистику. История, основы теории, библиогр. / И. А. Возгрин. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2003. 473 с.
21. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
22. Хижняк Д. С. Транснациональная криминальная деятельность как объект криминалистического исследования // Вестник СГЮА. 2015. № 2 (103). С. 221–226.
23. Вакутин А. А. «Беловоротничковая» преступность Э. Сатерленда: теория, не потерявшая актуальности // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 2 (39). С. 80–84.
24. Лунеев В. В. О криминализации экономических преступлений предпринимателей // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2011. № 4. С. 5–15.
25. Китсинг В. А. Понятие и виды преступлений, совершаемых исполнителями контрактов в сфере государственных и муниципальных закупок // Юридические исследования. 2024. № 9. С. 96–108.
26. Тищенко Е. В., Фролова Е. Ю. Особенности преступной деятельности в сфере государственных и муниципальных закупок: уголовно-правовые и криминалистические аспекты // Юридический вестник Самарского университета. 2016. № 4. С. 69–76.
27. Чукичева Н. В. Преступления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд как угроза экономической безопасности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 2 (46). С. 265–270.
28. Ким А. Квалификация правонарушений и преступлений в сфере расходования бюджетных средств при осуществлении государственных закупок // Молодой ученый. 2022. № 50 (445). С. 255–257.

29. В Ставропольском крае вынесен приговор по уголовному делу о получении взяток на сумму более 7,3 млн рублей бывшим заместителем главного врача больницы // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e822549/> (дата обращения: 02.02.2026).

References

1. Bekkaria Ch. (1738–1794). O prestupleniyah i nakazaniyah / per. s francuzskago Aleksandr Hrushchov. SPb.: V tipografii I. Glazunova, 1806. [8], VIII, 17, 200 c.
2. Gladyshev Yu. A. Antropologicheskie teorii v kriminologii o prichinah prestupnosti // Yuridicheskaya tekhnika. 2012. № 6. S. 130–132.
3. Gephart V. Nakazaniya i prestupleniya: teoriya Emilya Dyurkgejma // Sociologiya prava v Germanii. 2008. № 2008. S. 46–50.
4. Gulyaihin V. N., Suhinin A. V. Problema deviacii v kontekste sociologicheskikh teorii // Logos et Praxis. 2012. № 2. S. 52–57.
5. Klochkov V. V., Obrazcov V. A. Prestuplenie kak ob’ekt kriminalisticheskogo poznaniya // Voprosy bor’by s prestupnost’yu. 1985. № 42. S. 44–54.
6. Ulozhenie o nakazaniyah ugovolnyh i ispravitel’nyh. SPb.: Tip. 2 otd-niya sobstv. e. i. v. kancelarii, 1845. [4], IV, 898, XVII s.
7. Novoe ugovolnoe ulozhenie, vys. utv. 22 marta 1903 g.: = Novoe ugovolnoe ulozhenie, vysochajshe utverzhdennoe 22 marta 1903 g. S pril. predm. alf. ukaz.. Neofic. izd. SPb.: kn. mag. V. P. Anisimova, 1903. 253 s.
8. Rukovodyashchie nachala po ugovolnomu pravu RSFSR: postanovlenie NKYu ot 12 dekabrya 1919 g. // NEB URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_RuPRLIB00060590_12948/?ysclid=mm0eew4tzs269386059 (data obrashcheniya: 20.02.2026).
9. Ugolovnyj kodeks RSFSR redakcii 1926 goda: s izmeneniyami do 1 marta 1929 g.: 81–140 tysyacha. Izdanie oficial’noe. M.: Yuridicheskoe izdatel’sтво NKYu RSFSR, 1929. 175 s.
10. Ugolovnyj kodeks RSFSR. M.: Gosyurizdat, 1960. 174 s.
11. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ // Sobranie zakonodatel’sтва Rossijskoj Federacii. 1996. № 25, st. 2954.
12. Bol’shoj tolkovyj slovar’ russkogo yazyka / gl. red. S. A. Kuznecov. SPb.: Norint; M.: Ripol klassik, 2008. 1534 s.
13. Bol’shoj tolkovyj slovar’ russkogo yazyka: sovremennaya redakciya / D. N. Ushakov. M.: Dom Slavyanskoy kn., 2008. 959 s.
14. Anohin P. K. Filosofskie aspekty teorii funkcional’noj sistemy: izbr. tr. / otv. red. F. V. Konstantinov, B. F. Lomov, V. B. Shvyrkov. M.: Nauka, 1978. 399 s.
15. Kaminskij A. M. Sistemno-deyatel’nostnyj podhod v kriminalisticheskom obrazovanii // Sistemno-deyatel’nostnyj podhod: kriminalistika i pravoohranitel’naya praktika: sbornik statej Vserossijskoj nauchno-prakt. konf-cii, posvyashchennoj 90-letiyu doktora yuridicheskikh nauk, professora Marata Konstantinovicha Kaminskogo. Izhevsk, 2024. S. 3–8.
16. Koldin V. Ya. Kriminalisticheskoe znanie o prestupnoj deyatel’nosti: funkciya modelirovaniya // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1987. № 2. S. 63–69.
17. Belkin R. S. Kurs kriminalistiki: ucheb. posobie dlya vuzov po yurid. special’nostyam. 3-e izd., dop. M.: Zakon i pravo, 2001. 837 s.
18. Kartashov V. N. Prestupnaya deyatel’nost’ (kratkij ocherk innovacionnogo issledovaniya) // Yuridicheskaya tekhnika. 2021. № 15. S. 179–183.
19. Mekhanizm prestupnoj deyatel’nosti: Metodologiya kriminalist. issled. / A. F. Lubin; Nizhegor. yurid. in-t. N. Novgorod: NYuI, 1997. 334 s.
20. Vvedenie v kriminalistiku. Istoriya, osnovy teorii, bibliogr. / I. A. Vozgrin. SPb.: Yurid. centr «Press», 2003. 473 s.
21. Slovar’ russkogo yazyka: v 4 t. / RAN, In-t lingvistich. issledovaniy; pod red. A. P. Evgen’evoy. 4-e izd., ster. M.: Rus. yaz.; Poligrafresursy, 1999.
22. Hizhnyak D. S. Transnacional’naya kriminal’naya deyatel’nost’ kak ob’ekt kriminalisticheskogo issledovaniya // Vestnik SGYuA. 2015. № 2 (103). S. 221–226.

23. Vakutin A. A. «Belovorotnichkovaya» prestupnost' E. Saterlenda: teoriya, ne poteryavshaya aktual'nosti // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2020. № 2 (39). S. 80–84.
24. Luneev V. V. O kriminalizacii ekonomicheskikh prestuplenij predprinimatelej // Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. 2011. № 4. S. 5–15.
25. Kitsing V. A. Ponyatie i vidy prestuplenij, sovershaemyh ispolnitelyami kontraktov v sfere gosudarstvennyh i municipal'nyh zakupok // Yuridicheskie issledovaniya. 2024. № 9. S. 96–108.
26. Tishchenko E. V., Frolova E. Yu. Osobennosti prestupnoj deyatel'nosti v sfere gosudarstvennyh i municipal'nyh zakupok: ugovno-pravovye i kriminalisticheskie aspekty // Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. 2016. № 4. S. 69–76.
27. Chukicheva N. V. Prestupleniya v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd kak ugroza ekonomicheskoy bezopasnosti // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2019. № 2 (46). S. 265–270.
28. Kim A. Kvalifikaciya pravonarushenij i prestuplenij v sfere raskhodovaniya byudzhetnyh sredstv pri osushchestvlenii gosudarstvennyh zakupok // Molodoj uchenyj. 2022. № 50 (445). S. 255–257.
29. V Stavropol'skom krae vnesen prigovor po ugovnomu delu o poluchenii vzyatok na summu bolee 7,3 mln rublej byvshim zamestitelem glavnogo vracha bol'nicy // General'naya prokuratura Rossijskoj Federacii. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e822549/> (data obrashcheniya: 02.02.2026).

Статья поступила в редакцию 05.03.2026; одобрена после рецензирования 13.05.2026; принята к публикации 19.06.2026.

The article was submitted 05.03.2026; approved after reviewing 13.05.2026; accepted for publication 19.06.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 186–194.
Altai Law Journal. 2026. № 2 (54). P. 186–194.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.132:347.965

АДВОКАТ В СФЕРЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ

Виктор Федорович Луговик¹, Андрей Евгеньевич Чечетин²

¹ Омская академия МВД России, Омск, Россия, Vlug@yandex.ru

² Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, achechetin@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые дискуссионные вопросы участия адвоката в оперативно-розыскной деятельности и проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении адвокатов. Особое внимание уделяется терминологической неопределенности, границам допустимой «процессуализации» гласных ОРМ, вопросам адвокатского иммунитета и запрета вмешательства в адвокатскую тайну, а также морально-этическим ограничениям конфиденциального взаимодействия адвоката с оперативными подразделениями. По мнению авторов, оптимальное решение лежит не в механическом переносе уголовно-процессуальных процедур в федеральный закон Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности», а в выработке адресных гарантий для ситуаций фактического принуждения и повышенного риска подмены следственных действий гласными ОРМ при одновременном сохранении функциональной специфики ОРД.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, право на адвоката, адвокатская тайна, доказательства, Конституционный Суд Российской Федерации, профессиональная этика адвоката, судебный контроль

Для цитирования: Луговик В. Ф., Чечетин А. Е. Адвокат в сфере оперативно-розыскной деятельности: дискуссионные вопросы // Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 186–194.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

LAWYER IN THE FIELD OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES: CONTROVERSIAL ISSUES

Viktor F. Lugovik¹, Andrey E. Chechetin²

¹ Omsk Order of Honor Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russia, Vlug@yandex.ru

² Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, achechetin@mail.ru

Abstract. This article examines key controversial issues regarding lawyer participation in operational-search activities and the conduct of operational-search measures against lawyers. Particular attention is paid to terminological uncertainty, the limits of permissible “processualization” of public operational-search activities, issues of attorney immunity and the prohibition of interference with attorney-client privilege, as well as the moral and ethical limitations of lawyer confidential interactions with operational units. The authors believe that the optimal solution lies not in mechanically transferring criminal procedural procedures to the Federal Law of the Russian Federation “On Operational Investigative Activities”, but in developing targeted guarantees for situations of actual coercion and the increased risk of investigative actions being substitutable by public operational-search activities while simultaneously preserving the functional specifics of operational-search activities.

Keywords: operational-search activities, operational-search measures, right to a lawyer, attorney-client privilege, evidence, Constitutional Court of the Russian Federation, professional ethics of a lawyer, judicial review

For citation: Lugovik V. F., Chechetin A. E. Lawyer in the Field of Operational Investigative Activities: Controversial Issues. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2026;2:186–194 (In Russ.).

Поводом для подготовки настоящей статьи послужил выход в свет монографии «Адвокат в сфере оперативно-розыскной деятельности (особое мнение)» [1], рукопись которой авторам довелось рецензировать на стадии подготовки к изданию. Публичная презентация монографии, которая состоялась 31 мая 2025 г. на площадке Омской академии МВД России, показала, что проблема участия адвоката в оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) вызывает живой интерес у практикующих юристов и ученых. В то же время участники научного мероприятия отмечали многогранность поднятой проблемы и дискуссионный характер ряда авторских предложений о путях ее разрешения.

В дискуссии о месте адвоката в сфере ОРД пересекаются «вечные» вопросы уголовно-правового регулирования: соотношение розыскного и состязательного начал; границы допустимой тайны в публичном преследовании; баланс между эффективностью предупреждения преступности и гарантиями индивидуальных прав; критерии допустимости и проверяемости сведений, добываемых до процессуальной стадии. Именно поэтому исследование места адвоката в сфере ОРД неизбежно оказывается шире узкого предмета и затрагивает фундаментальные основания правоприменения.

Наиболее спорной нам представляется идея детальной регламентации механизма реализации конституционного права на квалифицированную юридическую помощь при проведении гласных оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) [1, с. 46–48]. Суть критических контраргументов в пользу такого подхода состоит в том, что чрезмерная «процессуализация» способна парализовать оперативность, нивелировать принцип конфиденциальности и тем самым лишить ОРД ее функциональной специфики. Одновременно нельзя не учитывать и обратную опасность: практика нередко использует гласные ОРМ как фактическую замену следственных действий, извлекая сведения и объекты с потенциальным доказательственным значением без процессуальных гарантий достоверности и защиты прав личности.

Таким образом, предмет научного спора сводится к поиску ответа на вопрос о том, какие гарантии права на адвоката допустимо и необходимо обеспечить в ОРД, не разрушая природу этой деятельности и не подменяя уголовно-процессуальную форму внесудебными «квазипроцедурами». При этом должны учитываться такие основополагающие факторы, как конституционно-правовые стандарты правоприменения, теория доказа-

тельств, практические ограничения ОРД и корпоративно-этические нормы адвокатуры.

Теоретическим контуром рассматриваемой проблемы выступает соотношение таких понятий, как розыскное и состязательное начала, а также тайна и транспарентность. Как известно, ОРД по своей природе ориентирована на упреждение и выявление преступной деятельности, часто до возбуждения уголовного дела и вне публичной процессуальной формы. Уголовный же процесс, напротив, институционализирует состязательность, проверяемость, публичность (в разумных пределах) и формальные гарантии сторон. Мы полагаем, что конфликт между этими режимами не является аномалией: он встроен в конструкцию современного уголовного преследования.

При этом нельзя не учитывать, что в российской модели результаты ОРД не тождественны доказательствам, а выполняют роль ориентирующей информации, которая способна «перейти» в доказательственную форму только после надлежащего процессуального закрепления. Этот подход неоднократно подчеркивался в решениях Конституционного Суда Российской Федерации¹. Следовательно, попытки «сделать ОРМ похожими на следственные действия» неизбежно упираются в теорию доказательств: сходство по внешней процедуре не гарантирует ни допустимости, ни проверяемости результата.

Отсюда вытекает ключевой тезис для всей дискуссии: участие адвоката в гласных ОРМ не может автоматически преобразовать продукт ОРД в доказательство. Но оно может и должно снижать риски принуждения, самооговора и фактической подмены процессуальной формы.

Рассмотрение проблемы участия адвоката в ОРД требует всестороннего учета его правового статуса, установленного федеральным законом Российской Федерации «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»² (далее — Закон об адвокатуре). Исходя из этого, мы полагаем целесообразным общую проблему рассматривать через призму более частных вопросов,

¹ Например, см.: По жалобе граждан М. Б. Никольской и М. И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 04.02.1999 № 18-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 31.05.2002 № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

разделив их на две основные группы: статические, касающиеся правового положения адвоката в ОРД, и динамические, отражающие процесс оказания юридической помощи участникам, вовлеченным в ОРД.

При этом статический аспект, на наш взгляд, включает минимум три блока. Первый касается ограничения сотрудничества адвоката с оперативными подразделениями. Юридическая и этическая плоскости здесь расходятся. Юридически возможны ситуации передачи информации адвокатом при согласии доверителя или для предотвращения тяжкого вреда; этически адвокатура стремится минимизировать любые формы «инструментализации» адвоката в интересах обвинительной власти. Нельзя не отметить, что адвокатское сообщество нередко использует морально-этические аргументы как рычаг расширения «оперативно-розыскного иммунитета». Данное обстоятельство вполне объяснимо, поскольку в условиях размытых процедур ОРД именно этика пытается «достроить» гарантию доверия к адвокату там, где закон молчит.

Второй блок включает особый порядок проведения ОРМ в отношении адвоката и сопутствующий ему риск вторжения в адвокатскую тайну. Современное правовое регулирование исходит из жесткого принципа: сведения, составляющие адвокатскую тайну, не должны становиться объектом изъятия и исследования. Конституционно-правовой стандарт защиты усиливается специальными уголовно-процессуальными механизмами, включая ст. 450.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), устанавливающую условия производства обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката, а также п. 2.1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, относящий к недопустимым доказательствам предметы, документы или сведения адвокатского производства по делам доверителей, полученные в ходе ОРМ или следственных действий.

Третий блок статических проблем обусловлен ролью адвоката как гаранта прав лиц, вовлеченных в сферу ОРД. Даже если федеральный закон Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД) прямо не предусматривает участие адвоката, в реальности адвокат может сопровождать лицо на границе ОРД и уголовного процесса: при последующем задержании, допросе, обыске, личном досмотре, т. е. там, где включаются нормы УПК РФ или Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ).

Динамический аспект рассматриваемой нами проблемы связан с вопросом о том, в каких формах и в какой момент адвокат может (или должен) включаться в оперативно-розыскную ситуацию, обусловленную началом проведения ОРМ. Именно здесь возникают наиболее острые споры.

Участие адвоката в ОРД связано, прежде всего, с необходимостью обеспечения права на квалифицированную юридическую помощь, гарантированного ст. 48 Конституции РФ. Вместе с тем для специалистов небезынтересным представляется вопрос о том, является ли квалифицированная юридическая помощь в сфере ОРД адвокатской монополией. Авторы монографии полагают, что субъектом квалифицированной юридической помощи в ОРД должен быть исключительно адвокат [1, с. 20–21]. Однако мы такую позицию не разделяем.

С конституционно-правовой точки зрения право на квалифицированную юридическую помощь в уголовно-правовом контексте традиционно связывается именно с адвокатурой как институтом, гарантирующим профессиональную независимость и подтвержденную квалификацию [2, с. 459]. В то же время ОРД порождает не только уголовно-правовые и уголовно-процессуальные отношения. Вокруг ОРД возникают трудовые, социальные, пенсионные, гражданско-правовые вопросы (например, связанные с контрактным конфиденциальным содействием). В подобных сегментах юридическую помощь, на наш взгляд, могут оказывать и иные квалифицированные юристы.

Мы считаем более корректным квалифицированную юридическую помощь в сфере ОРД рассматривать в двух аспектах: помощь как элемент уголовно-правовой защиты от обвинения (здесь адвокатская модель обоснована максимально) и помощь по смежным правовым вопросам, возникающим из факта вовлеченности в ОРД (здесь монополия адвоката выглядит чрезмерной и не всегда практичной). Отсюда следует, что дискуссия о «монополии адвоката» в ОРД требует не лозунга, а разграничения сфер.

Наиболее дискуссионным, как отмечалось выше, является вопрос об участии адвоката при проведении гласных ОРМ, который, в свою очередь, требует определения границы начала действия конституционного права на квалифицированную юридическую помощь. Одной из причин спора по данному вопросу является, на наш взгляд, терминологическая неопределенность обсуждаемого предмета. В частности, категорические пред-

ложения авторов монографии об обязательном присутствии адвоката при «гласном опросе лица, заподозренного в совершении преступления» [1, с. 85] опираются на нераскрытые термины: кто считается заподозренным и что именно понимается под гласным опросом.

Полагаем, что без терминологической ясности неизбежны два перекося: либо любая беседа оперативного сотрудника с гражданином будет трактоваться как квазидопрос с полной процедурной нагрузкой, либо под видом беседы будут проводиться фактически принудительные действия, извлекающие признательные объяснения и ориентирующие сведения без гарантий.

По нашему мнению, необходимо аналитически разделять как минимум три возможных ситуации:

1. Опрос осведомленного лица, не направленный на изобличение его самого, хотя и способный содержать эмоциональную оценку происшедшего.
2. Опрос лица, в отношении которого имеются данные о причастности, но не осуществляется фактическое ограничение свободы и отсутствуют признаки принуждения.
3. Опрос в условиях фактического задержания и ограничения свободы передвижения, когда лицо объективно не может свободно прекратить взаимодействие и покинуть место проведения ОРМ.

Именно третья ситуация, по нашему мнению, требует максимальных гарантий доступа к адвокату, поскольку она выходит за «чистую» ОРД и пересекается с уголовно-процессуальными и административными режимами.

Суть нашей позиции по затронутому вопросу сводится к тому, что право на адвоката в ОРД не является абсолютным, но и не может быть фикцией. Она основывается, прежде всего, на позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной в определении от 27.06.2017 № 1419-О¹. Это решение, вопреки мнению авторов монографии [1, с. 34], нельзя понимать как устанавливающее обязанность разъяснять право на адвоката при проведении гласных ОРМ. Его смысл иной, и заключается в разграничении правовой природы действий оперативных сотрудников по

задержанию лица, причастного к незаконному обороту наркотиков, поскольку Закон об ОРД не предусматривает таких принудительных мер, как задержание и досмотр. Более того, в этом решении отмечалось, что требование о незамедлительном обеспечении права на доступ к адвокату «не может быть распространено и на случаи проведения следственных действий, не связанных с дачей лицом показаний и носящих безотлагательный характер, подготавливаемых и проводимых без предварительного уведомления лица об их проведении ввиду угрозы уничтожения или утраты доказательств». Далее Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что обязанность разъяснения права на адвоката лицу, подвергнутому задержанию, предусмотрена как УПК РФ (часть первая статьи 11), так и КоАП РФ (статьи 27.3, 28.1.1 и 28.2) и реализуется с учетом природы возникших правоотношений. Иными словами, когда по результатам ОРМ начинают проводиться процессуальные действия, что имело место в деле заявителя, то должны включаться соответствующие механизмы УПК РФ или КоАП РФ, которые предусматривают обязанность разъяснения и обеспечение права на квалифицированную юридическую помощь.

Такое толкование носит принципиальный характер, поскольку оно позволяет снять ложную альтернативу: либо ввести «правило Миранды» в ОРД, либо «не защищать никого». Конституционно-правовой стандарт, скорее, формулируется так: лицу должна предоставляться возможность воспользоваться помощью адвоката постольку, поскольку это совместимо с природой отношений и не исключается требованиями оперативности и конспирации; но когда действия переходят в сферу процессуального принуждения, действуют прямые нормы процессуальных кодексов.

Таким образом, право на адвоката в ОРД не может требоваться в каждой ситуации (иначе исчезает смысл негласности и внезапности), но и не может игнорироваться там, где фактически осуществляется принуждение (иначе ОРД превращается в «серую зону» для обхода процессуальных гарантий).

Отстаивая идею о правовой регламентации участия адвоката при проведении гласных ОРМ, авторы монографии обосновывают ее в том числе возможностью приблизить их процедуру к уголовно-процессуальным формам получения доказательств, что, в свою очередь, исключит недоверие к их результатам и минимизирует возможность нарушения законности [1, с. 20]. Однако приведен-

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Козлова Дмитрия Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 8 части первой статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», а также пунктом 15 статьи 5, частью третьей статьи 46 и частью первой статьи 285 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27.06.2017 № 1419-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ные в этой части аргументы представляются нам, с одной стороны, малоубедительными, а с другой — порождающими новые риски, связанные с подменой действий, а также избыточной бюрократизацией.

Механическое воспроизводство уголовно-процессуального механизма статуса защитника в Законе об ОРД едва ли продуктивно. УПК РФ содержит разветвленную систему норм, регламентирующих действия защитника (ст. 49–53 и множество других связанных с ними положений), и даже она остается предметом постоянных конституционных и практических споров. Пытаться создать ее «двойника» в Законе об ОРД означает получить громоздкую конструкцию, которая в критических ситуациях (терроризм, вооруженное задержание, угроза немедленного вреда) может быть неприменима.

Однако мы полагаем, что из этого не следует запрет на любые гарантии. Скорее, следует сменить тактику: не «приближать ОРМ к следственным действиям», а «не допускать подмены следственных действий ОРМ». Это разные цели, и вторая кажется нам реалистичнее.

Практическое решение, по нашему мнению, должно строиться вокруг критериев «красной линии», когда действия оперативных сотрудников перестают быть информационно ориентирующими и становятся, по сути, принудительным сбором доказательственного материала путем длительного ограничения свободы заподозренного лица, применения специальных средств, изъятия предметов и документов без процессуальной формы, получения признательных объяснений в условиях зависимости и невозможности свободного отказа.

Участие адвоката в проводимом ОРМ, на наш взгляд, не «легализует» его результаты и не превращает их в доказательства, предусмотренные ст. 74 УПК РФ, в которой речь идет о протоколах следственных и судебных действий, но не о документах ОРМ. Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях многократно подчеркивал, что результаты ОРД — это сведения, которые могут стать доказательствами лишь после процессуального закрепления¹.

¹ Например, см.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Макарова Евгения Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 части первой статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», статьями 89 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29.09.2020 № 2044-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Мы считаем этот тезис ключевым для снятия иллюзий о том, что участие адвоката в ОРМ превращает его результат в допустимое доказательство. Участие адвоката может лишь повысить корректность документальной фиксации действий оперативных сотрудников, снизить риск давления на участников, обеспечивать последующую проверяемость источника полученных сведений, но доказательственной формы это само по себе не создает.

Отсюда следует важное практическое следствие: если преследуется цель получения доказательств, то правильнее (и честнее по отношению к правам личности) переходить в процессуальный режим и проводить соответствующие следственные действия. Попытка же «добыть доказательство» через процедуру ОРМ, даже с участием адвоката, остается методологически и юридически уязвимой.

Предлагая модель специальной юридической процедуры реализации права на получение квалифицированной юридической помощи, авторы монографии намекают на возможность внедрения в сферу ОРД так называемого «правила Миранды» [1, с. 32–34], сложившегося в американской полицейской практике. В обсуждаемом контексте «правило Миранды» выступает как метафора обязанности разъяснять права, включая право на молчание и на адвоката. Мы считаем полезным держать эту метафору в аналитическом поле, но опасно превращать ее в прямой рецепт.

Дело в том, что российская правовая система уже содержит элементы, функционально близкие к защите от самооговора: в частности, правило недопустимости показаний подозреваемого (обвиняемого), данных в отсутствие защитника и не подтвержденных в суде (ч. 2 ст. 75 УПК РФ). Этот механизм снижает доказательственную ценность «внеадвокатских признаний». Но мы полагаем, что он не решает проблему целиком: на практике оперативная информация может использоваться как ориентир для дальнейших действий, даже если не станет доказательством. Поэтому вопрос защиты личности в ОРД нельзя сводить только к фильтру допустимости доказательств.

Вместе с тем мы обращаем внимание на то, что слепое использование «правила Миранды» таит потенциальную опасность «ящика Пандоры»: если обязать оперативных сотрудников по каждому гласному ОРМ разъяснять права, вызывать адвоката, ждать прибытия и формализовать его участие, то в ситуациях внезапности и опасности это либо не будет исполняться, либо станет стимулом

уходить в более закрытые и менее контролируемые практики.

В связи с этим мы предлагаем компромиссную рамку:

- обязательное обеспечение доступа к адвокату в ситуациях фактического принуждения и ограничения свободы;

- законодательный запрет препятствовать присутствию адвоката, если он приглашен лицом и его присутствие не разрушает режим секретности конкретного мероприятия;

- использовать процессуальный «переключатель»: когда оперативные действия фактически приобретают характер задержания и личного досмотра, они должны оформляться в соответствии с УПК РФ либо КоАП РФ, а не как «внутреннее содержание» предусмотренных законом ОРМ.

Обсуждение проблемы участия адвоката в ОРД должно учитывать конституционный принцип равенства всех перед законом, а значит, равенство и доступность защиты. Авторы исследования предлагают предоставить лицу возможность уведомить «своего» адвоката при проведении гласных ОРМ при одновременном признании невозможности обеспечить бесплатного адвоката по назначению из-за отсутствия соответствующей процедуры [1, с. 47]. Мы считаем такой подход весьма уязвимым, поскольку модель, завязанная на предварительной договоренности с адвокатом, создает структурное неравенство между теми, кто заранее обеспечил себе юридическое сопровождение, и большинством остальных, кто этого не сделал.

В качестве варианта можно предложить не бинарное решение, а разведение уровней гарантий на минимальный (не препятствовать приглашению адвоката) и усиленный (предполагающий в перспективе проработку механизма приглашения по назначению для ограниченного круга ситуаций, когда фактически ограничивается свобода). Таким образом, полагаем, что вопрос «бесплатного адвоката в ОРД» должен обсуждаться не как универсальная обязанность в любом ОРМ, а как гарантия на границе ОРД и процессуального принуждения.

Авторы исследования акцентируют особое внимание на участии адвоката в проведении гласных ОРМ, носящих принудительный характер. Однако сама постановка вопроса о допустимости принуждения при проведении ОРМ представляется нам весьма дискуссионной. Дело в том, что порядок проведения ОРМ в Законе об ОРД не установлен, а ведомственная регламентация закрыта для адвокатов и не создает публичной процессуальной гарантии. Единственным исключени-

ем выступает гласное обследование нежилых помещений, которое хоть и поверхностно, но всё же в общих чертах регламентировано в Инструкции МВД России¹. Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации указывал на внезапность и безотлагательность ОРМ, и, как следствие, ограниченность распространения требований об обеспечении адвоката на эти действия (в т. ч. в контексте сбора образцов).

Мы считаем, что здесь проявляется центральная методологическая проблема, состоящая в невозможности сочетания принудительного характера действий при отсутствии публичных процедурных гарантий прав граждан. Если действие принудительно, оно должно быть подчинено явному правовому режиму и контролю. Если действие внезапно и не предполагает адвоката, то оно не должно превращаться в суррогат следственного действия и механизм принудительного изъятия.

По нашему мнению, выход снова лежит в прете подмены: если нужно принудительно изъять и закрепить доказательства, то должен использоваться процессуальный порядок; если же ОРМ направлено на выявление ориентирующей информации, то принуждение должно быть исключено.

Отдельным блоком рассматриваемой проблемы выступает особый порядок проведения ОРМ в отношении адвокатов, установленный п. 3 ст. 8 Закона об адвокатуре, который предусматривает необходимость получения для этого судебного решения.

Нами оспаривается в этой части чрезмерно категоричный тезис авторов исследования о допустимости ОРМ без суда лишь при условии отсутствия риска непреднамеренного вторжения в адвокатскую тайну [1, с. 158]. При этом нельзя не согласиться с тем, что в реальности риск «непреднамеренного» контакта с адвокатской тайной часто неустраним, потому что сама профессиональная деятельность адвоката связана с массивами конфиденциальной информации. Требование «нулевого риска» способно привести либо к пара-

¹ Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 01.04.2014 № 199. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

личу мер в отношении адвоката, подозреваемого в преступлении, либо к фиктивному обходу (когда риск объявляется отсутствующим декларативно).

В связи с этим полагаем, что разумнее говорить не об отсутствии риска, а о механизмах нейтрализации риска, включающих процедурные фильтры, участие в проводимых ОРМ представителя адвокатской палаты, ограничении объема изъятия, отделении сведений по доверителям от сведений о возможном преступлении самого адвоката и т. п. В уголовно-процессуальной плоскости такие гарантии заложены в ст. 450.1 УПК РФ.

Анализируя положения п. 3 ст. 8 Закона об адвокатуре, нельзя не учитывать, что Конституционный Суд Российской Федерации в целом ряде своих решений стоит на позиции их ограничительного толкования, распространяя лишь на действия, связанные с возможностью ограничения адвокатской тайны¹. В связи с этим нельзя не возразить тезису о том, что данная норма допускает судебное разрешение на абстрактный «комплекс» ОРМ в отношении адвоката [1, с. 171]. Во-первых, такой подход противоречит правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации. Во-вторых, судебный контроль по смыслу предназначен оценивать необходимость и соразмерность конкретных вмешательств, а получение разрешения сразу «на комплекс ОРМ», на наш взгляд, снижает индивидуализацию контроля и создает риск чрезмерного вторжения в адвокатский иммунитет.

Представляется также сомнительным предложение ограничить судебное разрешение только теми ОРМ, которые направлены на получение сведений, составляющих адвокатскую тайну [1, с. 177]. Мы считаем, что оно содержит логическую ловушку: вмешательство может не быть направленным, но фактически затрагивать тайну неизбежно. Конституционно-правовой стандарт защиты адвокатской тайны и последующее развитие законодательства (включая запрет на использование материалов адвокатского производства как допустимых доказательств) указывают на более жесткий подход: адвокатская тайна защищается не

только от целевого, но и от фактического вторжения.

В этом контексте показательно Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.12.2015 № 33-П, в котором подчеркивается недопустимость обращения с материалами адвокатского производства как с объектом обычного силового изъятия².

Мы полагаем, что нормативная конструкция должна исходить из презумпции повышенного стандарта защиты: если вмешательство затрагивает профессиональную сферу адвоката, требуются специальные гарантии, а не попытки сузить их до редких «направленных» случаев.

Одним из достоинств обсуждаемой монографии следует признать обращение к теме морали в праве и правоприменении [1, с. 127–132]. ОРД исторически воспринимается обществом амбивалентно: негласные методы признаются необходимыми для борьбы с преступностью, но одновременно вызывают подозрения относительно нравственной чистоты. В этих условиях «прикосновенность» адвоката к ОРД воспринимается особенно остро: адвокат — символ доверия, конфиденциальности и независимости, а ОРД — символ ограничения прав граждан и тайного контроля государства.

Мы считаем, что этическая позиция адвокатуры, стремящаяся минимизировать конфиденциальные контакты с оперативными службами, имеет понятную цель: сохранить доверие доверителя и институциональную независимость. Кодекс профессиональной этики адвоката в ст. 6 фиксирует приоритет сохранения профессиональной тайны и стандарт поведения, поддерживающий доверие к адвокатуре³. Одновременно адвокатская этика не должна подменять собой закон: она может устанавливать более высокий стандарт, но юридическая оценка допустимости действий в конкретной ситуации определяется нормами права.

Представляется более продуктивным различать три модели конфиденциального содействия

¹ Например, см.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Козлова Александра Константиновича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 статьи 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подпунктом 1 пункта 2 части первой статьи 7 и частью восьмой статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27.02.2020 № 322-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А. В. Баляна, М. С. Дзюбы и других [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.12.2015 № 33-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Кодекс профессиональной этики адвоката: принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

адвоката субъектам ОРД: 1) конфиденциальное сотрудничество как информирование в интересах оперативных подразделений (наиболее конфликтная с этической точки зрения модель); 2) передача информации в интересах доверителя и с его согласия (модель, где адвокат остается на стороне защиты, а не «помощником обвинения»); 3) сообщение для предотвращения непосредственной угрозы тяжкого вреда (крайние случаи, где моральный долг предотвратить вред может вступать в напряжение с корпоративным стандартом молчания).

Завершая краткий обзор дискуссионных положений анализируемой монографии, следует отметить, что результаты исследования не подтверждают миф о радикальном неприятии оперативными сотрудниками участия адвоката в ОРД. Мы считаем этот вывод важным минимум по двум причинам. Во-первых, он снижает градус идеологизации и позволяет обсуждать проблему прагматично: не как «вражду корпораций», а как поиск режимов совместимости функций. Во-вторых, он показывает динамику адаптации: правовая реальность (включая усиление гарантий защиты, внимание к адвокатской тайне, развитие судебного контроля) изменяет поведение участников отношений, даже если закон прямо не детализирует процедуры ОРД.

Мы полагаем, что дальнейшие исследования должны уточнять:

- какие именно формы участия адвоката воспринимаются как допустимые и полезные оперативными подразделениями;
- какие формы воспринимаются как риск утечки и срыва мероприятий;
- как коррелируют эти оценки с видом проводимых ОРМ (опрос, обследование, оперативный эксперимент и т. д.) и процессуальной стадией (до или после возбуждения уголовного дела).

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы.

1. Дискуссия об адвокате в сфере ОРД неизбежно выходит за рамки частного вопроса и затрагивает фундаментальные дилеммы уголовного преследования: тайна и транспарентность, ро-

зыскное и состязательное начала, эффективность и гарантии прав личности.

2. Результаты ОРД по своей природе не являются доказательствами и могут приобрести доказательственное значение только после надлежащего процессуального закрепления, а потому участие адвоката в гласных ОРМ само по себе не «превращает» результат ОРД в доказательство.

3. Требование полной «процессуализации» гласных ОРМ по образцу УПК РФ представляется чрезмерным и рискованным, поскольку способно разрушить оперативность и конспиративность. Вместо этого целесообразна адресная модель, предусматривающая запрет подмены следственных действий ОРМ и введение гарантий для ситуаций фактического принуждения.

4. Право на адвоката в ОРД не носит абсолютного характера, поскольку ограничивается требованиями оперативности и конспирации; однако оно не может быть сведено к фикции в случаях фактического ограничения свободы и перехода к режимам задержания и личного досмотра, где включаются нормы УПК РФ и КоАП РФ.

5. Терминологическая неопределенность понятий «заподозренное лицо» и «гласный опрос» является источником чрезмерно категоричных выводов и требует дифференцированного подхода к опросу очевидца, опросу лица при наличии данных о причастности без принуждения и опросу в условиях фактического применения принуждения.

6. Регулирование ОРМ в отношении адвокатов должно строиться не на критерии «отсутствия риска» вторжения в тайну, а на механизмах нейтрализации риска. Современные гарантии в УПК РФ, включая ст. 450.1 и запрет использования материалов адвокатского производства как допустимых доказательств, задают высокий стандарт защиты.

7. Этическая позиция адвокатуры, ограничивающая конфиденциальное взаимодействие с оперативными службами, функционально направлена на сохранение доверия, однако требует ясных критериев, чтобы не подменять юридическое регулирование и не создавать размытых исключений.

Список источников

1. Герасименко Е. В., Гусев В. А. Адвокат в сфере оперативно-розыскной деятельности (особое мнение): монография. Омск: Омская академия МВД России, 2025. 248 с.
2. Комментарий Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина. 3-е изд., пересмотр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 1040 с.

References

1. Gerasimenko E. V., Gusev V. A. Advokat v sfere operativno-rozysknoj deyatel'nosti (osoboe mnenie): monografiya. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2025. 248 s.
2. Kommentarij Konstitucii Rossijskoj Federacii / pod red. V. D. Zor'kina. 3-e izd., peresmotr. M.: Norma: INFRA-M, 2013. 1040 s.

Информация об авторах

В. Ф. Луговик — доктор юридических наук, профессор.

А. Е. Чечетин — доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors

V. F. Lugovik — Doctor of Science (Law), Professor.

A. E. Chechetin — Doctor of Science (Law), Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 20.01.2026; одобрена после рецензирования 11.03.2026; принята к публикации 19.06.2026.

The article was submitted 20.01.2026; approved after reviewing 11.03.2026; accepted for publication 19.06.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 195–201.
Altai Law Journal. 2026. № 2 (54). P. 195–201.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.13

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ГЛАВЫ 32.1 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сергей Борисович Россинский

Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия, s.rossinskiy@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

Аннотация. В статье рассматриваются известные, но так и не разрешенные проблемы, вытекающие из положений главы 32.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и при-
сущие дознанию в сокращенном порядке как одной из современных форм предварительного рассле-
дования по уголовному делу. Говорится о нескольких факторах, обуславливающих противоречивость
правил проведения сокращенного дознания и его слабую востребованность в правоприменительной
практике. В итоге указывается, что для создания высокопродуктивной и более пригодной для ре-
шения стоящих перед досудебным производством задач формы предварительного расследования
с аналогичным сокращенному дознанию предназначением необходимо пересмотреть современные
подходы к разработке вносимых в УПК РФ коррективов — отказаться от поспешной и сумбурной
реализации перманентно возникающих правотворческих инициатив. Вместе с тем уточняется, что
реальные перспективы упрощения дознавательской практики могут усматриваться лишь в полной
или частичной реставрации ранее существовавшей и достаточно сильно отличающейся от пред-
варительного следствия модели работы органов дознания.

Ключевые слова: дознание, досудебное производство, общий порядок дознания, орган дознания,
ординарное дознание, предварительное расследование, сокращенное дознание

Для цитирования: Россинский С. Б. Заметки на полях главы 32.1 Уголовно-процессуального ко-
декса Российской Федерации // Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 195–201.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

NOTES ON CHAPTER 32.1 OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Sergey B. Rossinskiy

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, s.rossinskiy@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

Abstract. This article examines known but unresolved issues arising from the provisions of Chapter 32.1
of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and inherent to the short police investigation, a
modern form of preliminary investigation in criminal cases. Several factors that have led to inconsistencies in
the rules for conducting short police investigations and their rare use in practice are discussed. Ultimately, it
is concluded that to create a productive form of preliminary investigation that is more suitable for addressing
the challenges facing pre-trial proceedings and has a purpose similar to the short police investigation, it is
necessary to reconsider current approaches to the development of amendments to the Criminal Procedure
Code of the Russian Federation. It is also argued that the hasty and chaotic implementation of constantly
emerging legislative initiatives must be abandoned. At the same time, it is clarified that real prospects for
simplifying police practice can only be seen in the full or partial restoration of the previously existing model
of police work, which differs significantly from the preliminary investigation.

Keywords: police investigation; pre-trial proceedings; general procedure for police investigation, police
department, standard police investigation, preliminary investigation, abbreviated police investigation

For citation: Rossinskiy S. B. Notes on Chapter 32.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian
Federation. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2026;2:195–201 (In Russ.).

В марте 2013 г. положения уголовно-процессуального законодательства в очередной раз подверглись существенным преобразованиям — соответствующие поправки были внесены в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) так называемым Двадцать третьим законом¹. В результате российская система досудебного производства, помимо прочего, пополнилась новым для национальной уголовной юстиции порядком предварительного расследования — предусмотренным гл. 32.1 УПК РФ дознанием в сокращенной форме или просто сокращенным дознанием. Его смысл был сведен к совокупности упрощений ординарного дознания (дознания в общем порядке) — согласно ч. 1 ст. 226.1 УПК РФ желающим воспользоваться такой возможностью должностным лицам стало предписываться исходить из установленных гл. 32 УПК РФ базовых правил дознания с учетом предусмотренных гл. 32.1 УПК РФ редуцированных нюансов (изъятий). А предпосылки возникновения сокращенного дознания были связаны с бесспорной и давно назревшей потребностью в серьезном упрощении досудебного производства в целях ускорения уголовного правосудия, снижения возлагаемой на органы дознания служебной нагрузки, оптимизации выделяемых на их деятельность бюджетных ассигнований и т. п. По крайней мере, именно так указывалось в пояснительной записке инициаторов соответствующего законопроекта².

Вместе с тем реальный эффект от введения подобных новшеств, увы, оказался достаточно низким. Снискать особую популярность у практических работников сокращенное дознание так и не смогло. И если на первых порах количество завершаемых с обвинительными постановлениями предварительных расследований еще достигало более или менее существенных величин (доходило до 20 % от всех оканчиваемых в форме дознания уголовных дел), то в дальнейшем возникший вследствие принятия Двадцать третьего закона ажиотаж понемногу сошел на нет, а сама сокращенная форма дознания стала восприниматься как набитая оскомина. Поэтому численность таких

материалов сразу начала уменьшаться. Например, в 2022 г. количество окончанных полицией сокращенных дознаний едва достигло 12 % от всех завершенных дознаний, в 2023 г. — не превысило 10 %, в 2024 г. — снизилось до 7,5 %. А объяснить столь слабую и к тому же постоянно уменьшающуюся востребованность сокращенных дознаний в правоприменительной практике можно сразу несколькими взаимосвязанными, но тем не менее предполагающими собственный смысл, во всяком случае имеющими индивидуальные оттенки причинами.

Так, во-первых, положения гл. 32.1 УПК РФ оказались в явном диссонансе с глубоко укоренившимися в национальной доктрине и правоприменительной практике, признаваемыми большинством специалистов в качестве само собой разумеющихся представлениями о механизмах досудебного производства. Легализованные в Двадцать третьем законе инновационные подходы к предварительному расследованию, будучи изначально основанными на разрыве существовавшего в течение нескольких десятков лет позднесоветского шаблона, оказались не вполне пригодными к должному восприятию, а точнее принятию профессиональным сообществом. В этой связи многие ученые-процессуалисты стали писать об определенной ущербности и несправедливости сокращенного дознания, о его несоответствии базовым канонам уголовного процесса, главным образом стандартам доказывания, и т. п. [1, с. 24; 2, с. 107; 3, с. 58; 4, с. 43 и др.]. А практические работники так и не смогли полностью адаптироваться к принципиально новым, непривычным правилам работы, ментально признать их допустимость, а если говорить на языке психологии, отказаться от устоявшегося поведенческого паттерна, выйти из своеобразной зоны комфорта. Ни сами дознаватели, ни их руководители, ни прокуроры, ни суды, разумеется, ни адвокаты не сумели преодолеть недоверие к возможностям установления имеющих значение для уголовных дел обстоятельств посредством «неполноценных» когнитивных приемов: получения объяснений, доследственного изучения истребованных предметов и документов, проведения специалистами внеэкспертных исследований, осуществления оперативно-розыскных и прочих непроцессуальных мероприятий и т. п. Соответствующие познавательные результаты так и не заслужили требуемого отношения — невзирая на принятую посредством того же Двадцать третьего закона попытку усиления статусности, значимости и формализации способов собирания ряда подоб-

¹ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 04.03.2013 № 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Пояснительная записка к законопроекту № 33012-6 // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/33012-6> (дата обращения: 26.02.2026).

ных «средств доказывания» (ч. 1.1, 1.2 ст. 144 УПК РФ), их надежность, пригодность к использованию в качестве заменяющих традиционные доказательства информационных суррогатов и ценность для нужд уголовной юстиции по-прежнему видятся большинству правоприменителей достаточно сомнительными.

Прежде всего, прокуроры, не без оснований опасаясь возможных судебных реверсирований уголовных дел в порядке ст. 237 УПК РФ, принялись массово отказываться «пропускать» поступающие к ним материалы окончанных дознаний в сокращенной форме, в ходе которых не проводились допросы подозреваемых, потерпевших, свидетелей, очные ставки, проверки показаний на месте, иные процессуальные действия и, конечно, подпадающие под предписания ст. 196 УПК РФ обязательные судебные экспертизы, в т. ч. связанные с постоянно возрастающими потребностями в психиатрической либо наркологической диагностике привлекаемых к ответственности лиц. Такие вроде бы как недоделанные материалы под любыми предлогами стали возвращаться для производства ординарных дознаний. Кроме того, со временем участились случаи заявления обвиняемыми и защитниками ходатайств в порядке ч. 6 ст. 226.7 УПК РФ — в них выражались несогласия с законностью получения указанных в обвинительных постановлениях сведений, ставились вопросы о восполнении недостаточных объемов собранных доказательств и т. д. В ответ дознаватели и в особенности более опытные начальники органов и подразделений дознания начали стараться не допускать подобных недочетов, т. е. превентивно выполнять все требуемые для полноценных расследований процессуальные действия — случилось именно то, о чем еще в 2013 г. писали самые проникательные ученые; их предсказания полностью оправдались [5, с. 84]. Другими словами, сокращенные дознания фактически перестали быть упрощенными производствами. По сути, они превратились в ординарные дознания, но подлежащие окончанию в установленные ст. 226.6 УПК РФ достаточно сжатые сроки.

Во-вторых, слабую жизнеспособность сокращенного дознания можно объяснить его обремененностью целым рядом предусмотренных ст. 226.1 и 226.2 УПК РФ дополнительных, не свойственных ординарному дознанию условий. Так, исходя из смысла ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ, прибегать к подобной форме предварительного расследования допустимо лишь на основании выраженной посредством соответствующего хо-

датайства собственной просьбы подозреваемого и лишь ввиду признания им своей вины, характера и размеров причиненного его действиями (бездействием) вреда, правильности первичной, сформулированной в постановлении о возбуждении уголовного дела квалификации случившегося. К тому же согласно ч. 3 ст. 226.3 УПК РФ подозреваемому (обвиняемому) в дальнейшем дозволено изменить свою позицию, заявив безоговорочное требование о проведении ординарного дознания. Кроме того, возможность сокращенного дознания ставится в прямую зависимость от отсутствия возражений потерпевшего — в противном случае такая форма предварительного расследования в силу п. 6 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ считается недопустимой. И наконец, нельзя забывать про другие исключаяющие дозволенность сокращенного дознания и предусмотренные все той же частью 1 ст. 226.2 УПК РФ «негативные» обстоятельства, например недостижение подозреваемым совершеннолетия, незнание им языка уголовного судопроизводства и т. д.

Такое множество правовых запретов и предписаний уже само по себе представляется явным перебором, а их одновременное выполнение — более чем затруднительным. И в этой связи количество подходящих для сокращенного дознания уголовных дел уже изначально являлось достаточно умеренным, а соответствующие возможности полиции и других правоохранительных органов — весьма ограниченными. Тогда как в реальности подобные условия вполне ожидаемо оказались еще менее выполнимыми.

Прежде всего, лично заинтересованные в исходе уголовных дел субъекты стали активно злоупотреблять предоставленными им процессуальными правами. Например, некоторые подозреваемые, обвиняемые и даже подсудимые, стремясь к затягиванию сроков реализации уголовной ответственности, к осуществлению прочих корыстных замыслов, следуя «мудрым» советам иных лиц либо просто поддаваясь беспричинным капризам и причудам, принялись «отзывать» ранее заявленные ходатайства о сокращенном дознании, отказываться от признания вины, причиненного вреда, возражать против квалификации инкриминируемого преступления, резко «забывать» язык уголовного судопроизводства и т. п. Между тем наиболее активными субъектами злоупотребления предоставленными правами все же оказались потерпевшие. Как правило, они стали соглашаться с проведением сокращенных дознаний, рассчитывая на очевидные меркантильные выгоды, главным образом поддаваясь уговорам обвиняемых, их дру-

зей, родственников либо защитников, обещающих загладить причиненный вред. Однако в ходе дальнейших судебных заседаний многие из них, так и не дождавшись гарантированных компенсаций, осознав себя обманутыми либо изменив лояльное отношение к обвиняемому ввиду иных мотивов, начали «мстить» за упущенные ввиду излишней доверчивости шансы — заявлять об ошибочности прежних позиций и ходатайствовать о пересмотре результатов окончанных с обвинительными постановлениями уголовных дел.

Кроме того, проявились и другие практические препоны, сильно осложнившие выполнение правовых условий сокращенного дознания. Разработанные для этих нужд прикладные технологии мгновенно обросли свойственными российской системе уголовной юстиции бюрократическими ритуалами, привели к очередному увеличению количества «бумаг» и, следовательно, к разрастанию материалов досудебных производств. Так, дознавателям стало необходимо каждый раз выносить постановления об удовлетворении ходатайств о проведении сокращенного дознания, а в ряде правоохранительных органов — еще и отдельные постановления о начале сокращенного дознания. Копии указанных документов с сопроводительными письмами (!) понадобилось направлять соответствующим подозреваемым и их защитникам. Одновременно возникла потребность в направлении предусмотренных ч. 5 ст. 226.4 УПК РФ письменных уведомлений прокурорам. Наряду с этим пришлось тратить дополнительные усилия на работу с потерпевшими: вначале вызывать их для получения письменных согласий о сокращенных дознаниях, а затем направлять им предусмотренные ч. 5 ст. 226.4 УПК РФ уведомления. В некоторых органах дознания периодически вводились и другие ведомственные требования, например предписания составлять самостоятельные протоколы разъяснения подозреваемым и потерпевшим установленного ч. 3 ст. 226.3 УПК РФ права ходатайствовать о прекращении сокращенного дознания. Подобные бюрократические обременения не доставили ни дознавателям, ни их руководителям никакого удовольствия — напротив, они лишь способствовали возрастанию служебной нагрузки и появлению новых поводов для дисциплинарной ответственности.

И наконец, в-третьих, к причинам практической несостоятельности и слабой востребованности сокращенного дознания надлежит отнести низкое, не выдерживающее никакой критики качество Двадцать третьего закона. Положения гл. 32.1 УПК РФ

представляются более чем неудачными, не способствующими ни должному уяснению субъектами соответствующих правоотношений, главным образом профессиональными участниками уголовного судопроизводства, адресуемых им нормативных посылов, ни продуктивному использованию предоставленных возможностей. Многие из этих положений в очередной раз свелись к многословным, замысловатым, достаточно путанным, противоречивым, в связи с чем не пригодным к надлежащему толкованию формулировкам, предполагающим, по справедливым оценкам некоторых ученых-процессуалистов [6, с. 47; 7, с. 9–10 и др.], целый ряд правовых лагун и коллизий. А некоторые из них вообще способны завести в тупик.

Думается, что такие несуразности далеко не в последнюю очередь были связаны с неуверенностью причастных к созданию соответствующего законопроекта лиц в допустимости и целесообразности затеваемых преобразований. По крайней мере, в положениях гл. 32.1 УПК РФ отчетливо усматривается какая-то нерешительность «коллективного законодателя», угадываются явные сомнения в надобности столь серьезных упрощений. Создается впечатление, что разработчики проекта Двадцать третьего закона фактически испугались собственных замыслов, вследствие чего проявили изрядную осторожность и побоялись делать резкие движения. Поэтому каждое предложенное послабление режима работы дознавателя было с лихвой компенсировано дополнительными процессуальными гарантиями, в первую очередь перманентными опциями, позволяющими возвратиться на исходные позиции, т. е. вернуться к общему порядку дознания в любой момент производства по уголовному делу — вплоть до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора.

Не исключено, что предпосылки подобной неуверенности состояли в интуитивном опасении «выпускания джина из бутылки» — создания пагубного правотворческого прецедента, способствующего разрушению привычных стереотипов (дескать, оказывается, так было можно!) и усилению тенденций к упрощению иных форм предварительного расследования. Кроме того, эту неуверенность можно объяснить нежеланием нарваться на критические оценки ряда органов власти, государственных деятелей и, разумеется, адвокатского сообщества, а также навлечь на себя ожидаемый гнев влиятельных представителей либеральной общественности — в 2013 г. их позиции были еще достаточно сильны.

Однако основная причина колебаний создателей проекта Двадцать третьего закона все же усматривается несколько в ином. Данные положения, как и большинство других поправок к УПК РФ, были придуманы в отсутствие предварительно разработанной четкой и, самое главное, целостной научной концепции сокращенного дознания, т. е. без ясных представлений о сущности и характере предлагаемых нововведений, об условиях их имплантации в устоявшуюся систему уголовной юстиции и корреляции с ординарными формами и методами деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры, суда. Исходя из имеющихся сведений, можно даже заключить, что реализованные в Двадцать третьем законе правотворческие инициативы вообще не предполагали какого-либо доктринального фундамента, т. е. не были предопределены результатами подлинно научных изысканий, сводящихся к подробному изучению и осмыслению генезиса национальных подходов к работе органов полицейского типа, к обобщению зарубежного опыта, к системному накоплению и должному анализу эмпирических материалов, к неказенному (!) вниканию в перманентно собираемые статистические данные и т. п.

Конечно, говорить о полном отсутствии подобных доктринальных позиций все же не приходится — в предшествующие появлению гл. 32.1 УПК РФ годы о необходимости введения «второго», заметно упрощенного порядка дознания неоднократно писали известные ученые [8, с. 329; 9, с. 12 и др.]. Однако такие идеи были достаточно фрагментарными, не подразумевающими ни единства, ни требуемой упорядоченности, тем более что многие из них, к сожалению, не оказались достойными должного внимания разработчиков проекта Двадцать третьего закона. В противном случае следовало бы ожидать совершенно иных преобразований, например полной или частичной реставрации некогда существовавшей и до сих пор активно предлагаемой в научных публикациях протокольной формы досудебной подготовки материалов [10, с. 40; 11, с. 68].

Таким образом, введенное в 2013 г. сокращенное дознание явно не оправдало возложенных на него надежд. Оно так и не смогло превратиться в реальную альтернативу ординарному дознанию, сделаться хорошим подспорьем в решении стоящих перед досудебным производством по уголовному делу задач, завоевать популярность у дознавателей и их руководителей, снискать благосклонное отношение со стороны прокуратуры, развеять вполне ожидаемые сомнения адвокатского сообще-

ства, подозреваемых, потерпевших в безопасности упрощения формы предварительного расследования и т. д. Воплощенные в Двадцать третьем законе идеи оказались не вполне жизнеспособны, по крайней мере, малопригодны для практического использования в работе полиции и других правоохранительных органов полицейского типа.

Иначе говоря, направленные на создание сокращенной формы дознания правотворческие замыслы потерпели фиаско: с одной стороны, введенные новшества не возымели никакого смысла, не принесли существенной практической пользы, тогда как с другой — привели к дополнительным рискам и трудностям в работе наделенных дознавательскими полномочиями государственных органов и должностных лиц. Справиться с поставленными задачами и внедрить максимально простой, скоротечный и, что немаловажно, достаточно дешевый механизм расследования не предполагающих особой тяжести очевидных преступлений наподобие дореволюционного или раннесоветского дознания «коллективному законодателю» так и не удалось. Причем на сегодняшний день неудачность этого опрометчиво сделанного правотворческого шага получила чуть ли не официальное признание. Во всяком случае, уже стали разрабатываться и активно обсуждаться новые пути упрощения предварительного расследования. Например, некоторое время назад был подготовлен очередной «пакет» поправок к УПК РФ, помимо прочего, направленный на ликвидацию сокращенного дознания и появление так называемого особого порядка досудебного производства¹. Правда данный законопроект опять оказался не вполне продуманным и вызвал множество различных нареканий. В этой связи его внесение для рассмотрения Федеральным Собранием Российской Федерации пока отложено — не исключено, что указанные правотворческие намерения вообще останутся нереализованными.

Подводя итоги изложенному, стоит задаться вопросом о принципиальной возможности создания высокопродуктивной и более пригодной для решения стоящих перед досудебным производством задач вариации сокращенного дознания либо какой-нибудь иной упрощенной формы предварительного расследования с аналогичным, во

¹ О проекте федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части введения особого порядка досудебного производства)» // Официальный сайт МВД России. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Departamenti/Dogovorno_pravovoj_departament/Publikacii_i_vistuplenija/item/3079668/ (дата обращения: 26.02.2026).

всяком случае, схожим, предназначением. Думается, что подобные шансы, безусловно, существуют! Однако для их успешного использования «коллективному законодателю» надлежит, наконец, пересмотреть современные подходы к разработке вносимых в УПК РФ коррективов — отказаться от поспешной и сумбурной реализации перманентно возникающих правотворческих прожектов.

Прежде всего необходимо предпринять исчерпывающие меры к созданию четкой и целостной научной концепции требуемой формы работы органов дознания и только затем поручить небольшой группе авторитетных в этой области ученых-процессуалистов подготовить отвечающий всем канонам юридической техники подлинно качественный законопроект о внесении соответствующих поправок в УПК РФ. Хотя, по всей вероятности, такие старания все равно не принесут ощутимых результатов.

Они позволят лишь частично преодолеть приущие сокращенному дознанию проблемы, в пер-

вую очередь, устранить сильно осложняющие правоприменительную практику нормативные излишества и несурзности. Тогда как реальные перспективы редукции, ускорения, удешевления дознавательской практики полиции и других правоохранительных органов видятся лишь в одном — в общем изменении подходов к проведению дознания (в первую очередь, не сокращенного, а именно ординарного дознания!), в ослаблении предъявляемых к нему требований, в полной или частичной реставрации существовавшей ранее и достаточно сильно отличающейся от предварительного следствия модели дознавательской деятельности, направленной на оперативное выяснение обстоятельств случившегося и скорейшую передачу сформированных материалов в суд [12, с. 62–63]. Вполне возможно, что в таком случае потребность в существовании «второй», упрощенной формы дознания просто отпадет — эти вопросы автор настоящей статьи планирует рассмотреть в отдельных публикациях.

Список источников

1. Смирнов А. В. Дознание в сокращенной форме: еще раз о духе законов // Уголовный процесс. 2013. № 6. С. 22–30.
2. Васильев О. Л. Новый этап реформы досудебных стадий уголовного процесса. Критический анализ новелл 2013 г. // Закон. 2013. № 8. С. 100–108.
3. Шейфер С. А., Кошелева М. А. Следует ли отказаться от допустимости как необходимого свойства доказательств? // Уголовная юстиция. 2013. № 1 (1). С. 56–58.
4. Доля Е. А. Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме // Российский судья. 2013. № 6. С. 43–46.
5. Воронов Д. А., Кальницкий В. В., Муравьев К. В. Концепция дознания в сокращенной форме: достижения и вопросы совершенствования // Уголовное право. 2013. № 3. С. 81–85.
6. Ковтун Н. Н. Дознание в сокращенной форме: коллизии и лакуны нормативного регулирования // Российская юстиция. 2013. № 12. С. 47–49.
7. Мичурина О. В. Извечные вопросы дознания и попытки дать ответы на них // Российский следователь. 2022. № 11. С. 8–11.
8. Мичурина О. В. Концепция дознания в уголовном процессе Российской Федерации и проблемы ее реализации в органах внутренних дел. М.: Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, 2008. 581 с.
9. Гаврилов Б. Я. О мерах по законодательному совершенствованию досудебного производства // Российский следователь. 2011. № 16. С. 10–13.
10. Гаврилов Б. Я. Совершенствование досудебного производства как фактор повышения эффективности уголовного судопроизводства в России // Уголовное право. 2017. № 4. С. 36–42.
11. Шадрин В. С. Дознание как форма предварительного расследования // Законность. 2023. № 8. С. 65–69.
12. Россинский С. Б. Российская система досудебного производства как синтез различных типов уголовного процесса // Государство и право. 2023. № 4. С. 58–65.

References

1. Smirnov A. V. Doznanie v sokrashchennoj forme: eshche raz o duhe zakonov // Ugolovnyj process. 2013. № 6. S. 22–30.

2. Vasil'ev O. L. Novyj etap reformy dosudebnyh stadij ugovnogo processa. Kriticheskij analiz novell 2013 g. // *Zakon*. 2013. № 8. S. 100–108.
3. Shejfer S. A., Kosheleva M. A. Sleduet li otkazat'sya ot dopustimosti kak neobhodimogo svojstva dokazatel'stv? // *Ugolovnaya yusticiya*. 2013. № 1 (1). S. 56–58.
4. Dolya E. A. Osobennosti dokazyvaniya pri proizvodstve doznaniya v sokrashchennoj forme // *Rossijskij sud'ya*. 2013. № 6. S. 43–46.
5. Voronov D. A., Kal'nickij V. V., Murav'ev K. V. Konceptiya doznaniya v sokrashchennoj forme: dostizheniya i voprosy sovershenstvovaniya // *Ugolovnoe pravo*. 2013. № 3. S. 81–85.
6. Kovtun N. N. Doznanie v sokrashchennoj forme: kollizii i lakuny normativnogo regulirovaniya // *Rossijskaya yusticiya*. 2013. № 12. S. 47–49.
7. Michurina O. V. Izvechnye voprosy doznaniya i popytki dat' otvety na nih // *Rossijskij sledovatel'*. 2022. № 11. S. 8–11.
8. Michurina O. V. Konceptiya doznaniya v ugovnom processe Rossijskoj Federacii i problemy ee realizacii v organah vnutrennih del. M.: Moskovskij universitet MVD Rossii im. V. Ya. Kikotya, 2008. 581 s.
9. Gavrilov B. Ya. O merah po zakonodatel'nomu sovershenstvovaniyu dosudebnogo proizvodstva // *Rossijskij sledovatel'*. 2011. № 16. S. 10–13.
10. Gavrilov B. Ya. Sovershenstvovanie dosudebnogo proizvodstva kak faktor povysheniya effektivnosti ugovnogo sudoproizvodstva v Rossii // *Ugolovnoe pravo*. 2017. № 4. S. 36–42.
11. Shadrin V. S. Doznanie kak forma predvaritel'nogo rassledovaniya // *Zakonost'*. 2023. № 8. S. 65–69.
12. Rossinskij S. B. Rossijskaya sistema dosudebnogo proizvodstva kak sintez razlichnyh tipov ugovnogo processa // *Gosudarstvo i pravo*. 2023. № 4. S. 58–65.

Информация об авторе

С. Б. Россинский — доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

S. B. Rossinskiy — Doctor of Science (Law), Professor.

Статья поступила в редакцию 12.01.2026; одобрена после рецензирования 09.02.2026; принята к публикации 19.06.2026.

The article was submitted 12.01.2026; approved after reviewing 09.02.2026; accepted for publication 19.06.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 202–209.

Altai Law Journal. 2026. № 2 (54). P. 202–209.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.213.5:343.24

СОЧЕТАНИЕ ПРАВИЛ ПРИМЕНЕНИЯ ОБРАТНОЙ СИЛЫ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА И ЗАЧЕТА НАКАЗАНИЯ

Светлана Ивановна Тюменцева

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,

sveta.sapozhnikova.2000@mail.ru

Аннотация. Рассматривается взаимодействие правил обратной силы уголовного закона и зачета наказания и мер уголовно-процессуального принуждения применительно к различным стадиям уголовного судопроизводства. Обосновывается инструментальная роль зачета при применении правила обратной силы уголовного закона, заключающаяся в корректировке объема наказания или иной меры уголовно-правового воздействия в рамках действия нового уголовного закона. На основе правоприменительной практики выявляются практические затруднения, обусловленные недостаточной проработкой юридических механизмов конвертации неэквивалентных наказаний при зачете. Делается вывод о необходимости систематизации правоприменительной практики в части производства зачета одного вида наказания в другой, неэквивалентный ему.

Ключевые слова: обратная сила уголовного закона, зачет наказания, освобождение от отбывания наказания, вид наказания

Для цитирования: Тюменцева С. И. Сочетание правил применения обратной силы уголовного закона и зачета наказания // Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 202–209.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

COMBINATION OF RULES FOR THE APPLICATION OF RETROACTIVE CRIMINAL LEGISLATION AND CREDIT FOR TIME SERVED

Svetlana I. Tyumentseva

Tomsk State University, Tomsk, Russia, sveta.sapozhnikova.2000@mail.ru

Abstract. The article examines the interaction between the retroactive effect of criminal legislation and the crediting of punishment and measures of criminal procedural coercion applicable to various stages of criminal proceedings. It substantiates the instrumental role of credit when applying the retroactive effect of criminal legislation, which consists in adjusting the severity of punishment or other measures of criminal law enforcement in relation to the new criminal law. Based on law enforcement practice, practical difficulties are identified. They are caused by insufficient elaboration of legal mechanisms for converting non-equivalent punishments whilst crediting. The article concludes by emphasizing the need for the systematization of law enforcement practice with regard to crediting one type of punishment against another that is not equivalent to it.

Keywords: retroactive effect of criminal legislation, setting-off the punishment, releasing from punishment, form of punishment

For citation: Tyumentseva S. I. Combination of Rules for the Application of Retroactive Criminal Legislation and Credit for Time Served. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2026;2:202–209 (In Russ.).

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) подробно регламентирует правила действия уголовного закона во времени, пространстве и по кругу лиц. Действию уголовного закона во времени посвящены ст. 9 и 10 УК РФ. Легальное определение обратной силы уголовного закона дано в ч. 1 ст. 10 УК РФ: это распространение его на лиц, совершивших деяния до вступления такого закона в силу, в т. ч. на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость. При этом обратную силу имеет лишь уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица.

Правило обратной силы уголовного закона является отражением конституционных положений о правовом статусе личности в сфере уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений. На указанную взаимосвязь конституционных положений и норм уголовного закона в части правила об обратной силе указывает А. В. Пушкарёв, анализируя гарантийный характер положений ч. 1 ст. 10 УК РФ в отношении защиты достоинства личности и ее прав, а также преломление указанного правила сквозь призму одной из наиболее эффективных гарантий прав и свобод лица в рамках уголовного судопроизводства — права на судебную защиту. Он рассматривает указанную гарантию не только как право на обращение в суд, но и как право на эффективное восстановление нарушенных прав и свобод посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости [1, с. 25].

Кроме того, правило о придании обратной силы новому уголовному закону, улучшающему положение лица, во многом есть проявление гуманизма уголовной политики государства, его настроенности на соблюдение основных прав и свобод человека, недопустимости чрезмерного применения государственного принуждения и гиперболизированного ограничения прав и свобод при применении мер уголовно-правового принуждения, характер и содержание которых должны соответствовать требованиям адекватности порождаемых ими последствий вреду, причиненному в результате преступных деяний¹. Применение правила обрат-

¹ По делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 3 Федерального закона «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации», Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся порядка приведения судеб-

ной силы уголовного закона есть снижение излишней репрессивности уголовного закона [2, с. 85].

Ретроактивность — один из фундаментальных принципов действия уголовного закона во времени, вытекающий из конституционного требования, согласно которому, если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон. Названный принцип есть не что иное, как уравнивание характера ограничений, существенно поражающих лиц, являющихся субъектами уголовно-правовых отношений, в их правах и свободах. В данном аспекте ретроактивность уголовного закона — гарантия субъекта при оказании на него подобного воздействия. В каждом конкретном случае правоприменитель обязан соотносить объем уголовно-правового воздействия на лицо с необходимостью его дальнейшего применения. Основываясь на балансе указанных начал, можно говорить, с одной стороны, о гуманизме, с другой — о соразмерности ограничения государством прав и свобод человека при применении мер уголовно-правового воздействия.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) регламентирует процессуальные средства придания обратной силы новому уголовному закону. Однако так было не всегда; например, до 1991 г. уголовно-процессуальное законодательство СССР и РСФСР не упоминало об обратной силе уголовного закона, презюмируя, что уголовно-процессуальный закон расчитан на неизменный уголовный закон [3, с. 163].

Вследствие отсутствия правового регулирования вопроса обратной силы уголовного закона на уровне уголовно-процессуального законодательства формировались разные научные подходы к механизму реализации правила об обратной силе уголовного закона, в т. ч. в части стадий уголовного судопроизводства, в рамках которых сохраняется возможность применения названного правила. Указанное обстоятельство порождало убежденность большинства авторов того времени в том, что пределы допустимости обратной силы нового уголовного закона ограничиваются вступлением приговора суда в законную силу.

ных решений в соответствии с новым уголовным законом, устраняющим или смягчающим ответственность за преступление, в связи с жалобами граждан А. К. Айжанова, Ю. Н. Александрова и других: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20.04.2006 № 4-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 18, ст. 2058.

В частности, сторонниками обозначенной позиции выступили М. И. Блум и А. А. Тилле, приведя солидное обоснование правильности данного тезиса и констатируя не столько саму невозможность и ненужность распространения нового более мягкого закона на преступления, по которым уже вступил в законную силу приговор суда или по которым осужденный отбывает наказание, сколько необходимость в четком определении пределов действия в каждом новом уголовном законе, устраняющем наказуемость деяния, смягчающем наказание, иным образом улучшающем положение лица, совершившего преступление [4, с. 90].

Диаметрально противоположное мнение высказывали такие ученые, как Н. Д. Дурманов, В. Н. Кудрявцев [5, с. 236; 6, с. 225], которые полагали, что нормы об обратной силе, безусловно, должны распространяться и на осужденных, а также на лиц, отбывающих наказание. М. И. Ковалев, не считая аргументацию каждой из сторон достаточной, тем не менее придерживался второй позиции; он отмечал, что если имеется возможность применить менее тяжкие уголовно-правовые средства, то факт вступления приговора в законную силу не должен иметь столь существенного значения [7, с. 124].

В действующем УК РФ правило об обратной силе сформулировано законодателем в ст. 10 таким образом, что оно распространяет действие уголовного закона, устраняющего преступность и наказуемость деяния, смягчающего наказание, иным образом улучшающего положение лица, совершившего преступление, на лиц, отбывающих наказание, а также отбывших, но имеющих судимость. Соответственно, УПК РФ предусматривает процессуальный механизм реализации правила об обратной силе уголовного закона в п. 13 ст. 397: суд при исполнении приговора решает вопрос об освобождении от наказания или о смягчении наказания вследствие издания уголовного закона, имеющего обратную силу, в соответствии со ст. 10 УК РФ.

Из анализа приведенной уголовно-процессуальной нормы можно заключить, что применение правила об обратной силе уголовного закона может привести к двум правовым последствиям: а) полному освобождению лица от отбывания наказания, б) смягчению наказания. Однако в ч. 2 ст. 10 УК РФ говорится лишь о том, что если уголовный закон смягчает наказание, которое отбывается лицом, то это наказание подлежит сокращению в пределах, предусмотренных новым уголовным законом. Логичным было бы в таком случае обратиться к главе 12 УК РФ, регламен-

тирующей освобождение от наказания (в т. ч. от отбывания наказания), но в данной главе такого вида освобождения наказания, как освобождение вследствие издания уголовного закона, имеющего обратную силу, не содержится. Таким образом, мы сталкиваемся с проблемой наличия сформулированной процессуальной нормы в отсутствие ее материального содержания. Названная проблема обусловлена недостатком научных исследований, предметом изучения которых выступало бы доктринальное обоснование возможности рассмотрения издания нового уголовного закона, имеющего обратную силу, как основания освобождения от отбывания наказания [8, с. 317].

Такое освобождение предполагает использование не только правила об обратной силе уголовного закона, но и правил, связанных с зачетом в новое определенное лицу наказание уже отбытой им части наказания. Правила исчисления сроков наказания и зачеты регламентируются ст. 72 УК РФ. Однако несмотря на то, что в названии этой статьи фигурирует словосочетание «зачет наказания», фактически речь в ней в основном идет о зачете в наказание не другого (в т. ч. частично отбытого) наказания, а мер пресечения, применяемых к лицу до вступления приговора в законную силу.

Зачет представляет собой инструмент, при помощи которого правоприменитель после назначения совершившему преступление лицу наказания или иной меры уголовно-правового воздействия уточняет объем такого воздействия, учитывая ранее примененные к лицу в связи с этим же деянием меры или же руководствуясь принципом экономии мер уголовной репрессии, констатирует отсутствие необходимости применения к лицу различных видов уголовно-правового воздействия и принимает решение об освобождении его от наказания [9, с. 181]. Применительно к анализируемому вопросу взаимодействия правил применения обратной силы и зачета наказания зачет следует рассматривать как инструмент, используемый правоприменителем при наступлении юридического факта — вступления в силу закона, смягчающего наказание или устраняющего ответственность [10, с. 133], с помощью которого производится корректировка объема наказания или иной меры уголовно-правового воздействия в рамках действия нового уголовного закона.

О. В. Обернихина, взяв за основу санкции уголовно-правовых норм Особенной части УК РФ, определяет уголовный закон, смягчающий наказание, как закон, в санкции которого установлен менее строгий вид основного или дополнительного

наказания, исключен наиболее строгий вид основного или дополнительного наказания либо единственный вид дополнительного наказания или все дополнительные виды наказания, введен альтернативно менее строгий вид основного или дополнительного наказания либо вместо обязательного к применению факультативный вид дополнительного наказания, уменьшен минимальный или максимальный срок либо размер основного или дополнительного вида наказания [11, с. 44]. В науке уголовного права предлагается и более широкий перечень случаев, в которых уголовный закон характеризуется как смягчающий наказание [12, с. 45].

Обратившись к разъяснениям, содержащимся в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 июня 2025 г. № 10 «О практике применения судами положений статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации об обратной силе уголовного закона», можно увидеть, что в его п. 3 смягчение наказания новым уголовным законом связывается с изменением не только санкции нормы Особенной части УК РФ, но и с изменением норм Общей части. В частности, новый уголовный закон может быть признан смягчающим наказание в тех случаях, когда изменяются условия для признания рецидива преступлений опасным или особо опасным (ст. 18 УК РФ); установленное по делу обстоятельство включается в предусмотренный ч. 1 ст. 61 УК РФ перечень смягчающих наказание обстоятельств; исключаетсяотячающее наказание обстоятельство (ст. 63 УК РФ); вводятся более мягкие правила назначения наказания при наличии смягчающих обстоятельств (ст. 62 УК РФ), при рецидиве преступлений (ст. 68 УК РФ), по совокупности преступлений или совокупности приговоров (ст. 69, 70 УК РФ), исчисления сроков наказаний и зачета наказания (ст. 72 УК РФ), применения условного осуждения (ст. 73 УК РФ) и в некоторых других случаях¹.

При распространении смягчающего наказание уголовного закона на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу и уже отбывающих наказание, перед правоприменителем в каждом таком случае встает вопрос о приведении приговора в соответствие с новым более мягким законом и сокращении на-

казания, назначенного приговором суда, иногда о необходимости производства зачета одного вида наказания в другой, более мягкий вид, если именно он определен судом в порядке, предусмотренном п. 13 ст. 397 УПК РФ. С применением правил зачета при снижении максимальных или минимальных размеров основных либо дополнительных наказаний и определении лицу того же вида наказания, только в меньшем размере, у суда не возникает проблем. Однако они возможны в случаях, когда появляется необходимость применения правил зачета при изменении вида наказания, к которому лицо осуждалось в связи с его исключением из санкции новым уголовным законом. Такая ситуация может сложиться, если лицу, например, приговором суда было назначено наказание в виде лишения свободы, которое отсутствует в санкции, измененной вступившим в силу новым законом, а из имеющихся в ней видов основных наказаний в силу ограничений, установленных статьями Общей части УК РФ (в частности, ч. 4 ст. 49, ч. 5 ст. 50, ч. 7 ст. 53.1 УК РФ), лицу может быть определен только штраф.

Детального регулирования указанной ситуации на сегодняшний день действующий уголовный закон не предлагает. Однако сходная с ней ситуация описывается в ч. 5 ст. 72 УК РФ, в соответствии с которой, учитывая срок содержания осужденного лица под стражей до судебного разбирательства, суд при назначении в качестве основного вида наказания штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью может прийти к выводу о необходимости полного освобождения лица от отбывания такого наказания. Следует обратить внимание на то, что положение нормы ч. 5 ст. 72 УК РФ не обязывает правоприменителя освободить лицо от наказания — наказание может быть лишь смягчено. Думается, что в ситуациях, когда отбывающему наказанию лицу на основании п. 13 ст. 397 УПК РФ в связи с изданием нового закона, смягчающего наказание, определяется вид наказания, в который наказание, назначенное по приговору суда, не может быть конвертировано и, соответственно, зачтено, положение ч. 5 ст. 72 УК РФ можно применить по аналогии.

В научной литературе предлагаются различные способы урегулирования обозначенной ситуации. Например, М. Т. Валеев отмечает, что правоприменитель, приводя уже исполняемый приговор в соответствие с новым уголовным законом, смягчающим наказание, и заменяя лишение свободы на штраф, мог бы исходить из соотношения 1:1

¹ О практике применения судами положений статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации об обратной силе уголовного закона: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.06.2025 № 10 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2025. № 8. С. 2–95.

назначенного по приговору наказания в виде лишения свободы и максимального предела штрафа как более мягкого вида наказания в новой санкции, а при производстве зачета принимать во внимание, какую часть лишения свободы лицо уже отбыло [13, с. 49].

Другие авторы применительно к зачету срока содержания лица под стражей в штраф и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью предлагают другие соотношения. Исходя из позиции В. В. Мальцева, сформированной в первое десятилетие действия УК РФ, один день содержания под стражей целесообразно приравнять к штрафу в размере 2500 рублей: именно так в тот период законодатель оценивал минимальный размер значительного ущерба гражданину при совершении кражи. Кроме того, В. В. Мальцев полагал, что один день содержания под стражей можно рассматривать как эквивалент одного месяца лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью [14, с. 145].

Думается, что конкретные количественные соотношения таких видов наказаний нецелесообразно закреплять в уголовном законе. Вопрос конвертации одного вида наказания в другой, неэквивалентный, должен остаться оценочным, разрешаться судом в каждом конкретном случае применения правила об обратной силе уголовного закона.

Еще один аспект сочетания правил применения обратной силы и зачета наказания связан с тем, что обратную силу имеют сами правила о зачете, если при изменении уголовного закона они улучшают положение лица. Таковы, в частности, отдельные положения Общей части УК РФ о коэффициентах, которые были установлены Федеральным законом Российской Федерации от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ «О внесении изменений в статью 72 Уголовного кодекса Российской Федерации» для зачета времени содержания под стражей до вступления в законную силу приговора в назначенный срок лишения свободы в зависимости от вида исправительного учреждения, который был определен лицу судом. Законодатель отошел от универсального правила, согласно которому один день содержания под стражей во всех случаях засчитывался за один день лишения свободы. В соответствии с упомянутым законом лицам, содержащимся под стражей до вступления в силу обвинительного приговора суда, при назначении им лишения свободы с отбыванием наказания в колонии общего режима или воспитательной колонии срок нахождения в следственном изоляторе необходимо засчиты-

вать в срок отбывания наказания в размере один день за полтора дня, а в срок отбывания лишения свободы в колонии-поселении — один день за два дня (ч. 3.1 ст. 72 УК РФ). И. А. Давыдова обращает внимание, что указанные изменения следует расценить как способ сокращения срока наказания для отдельных категорий осужденных [15, с. 30].

В правоприменительной практике возможны ситуации, при которых суды вынуждены применять положения о зачете времени содержания под стражей по льготным условиям к лицам, осужденным до их введения в действие, уже в ревизионных стадиях уголовного судопроизводства. Таким образом, применение правила обратной силы уголовного закона может иметь место не только в рамках стадии исполнения приговора, но и в рамках иных стадий уголовного судопроизводства.

Первоначально на это указывал Конституционный Суд Российской Федерации, аргументируя возможность применения нового уголовного закона, устраняющего или смягчающего ответственность за преступления и вследствие этого имеющего обратную силу, на любых стадиях уголовного судопроизводства, начиная с возбуждения уголовного дела и заканчивая пересмотром вступивших в законную силу судебных решений и исполнением приговора¹.

В настоящее время п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 июня 2025 г. № 10 «О практике применения судами положений статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации об обратной силе уголовного закона» содержит разъяснение о том, что уголовный закон, имеющий обратную силу, подлежит применению при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции, проверке принятого решения в судах вышестоящих инстанций, разрешении в порядке исполнения приговора вопросов, указанных в ст. 397 УПК РФ, а также при пересмотре судебного решения в порядке возобновле-

¹ По делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 3 Федерального закона «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации», Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся порядка приведения судебных решений в соответствие с новым уголовным законом, устраняющим или смягчающим ответственность за преступление, в связи с жалобами граждан А. К. Айжанова, Ю. Н. Александрова и других: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 апреля 2006 г. № 4-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 18, ст. 2058.

ния производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств¹.

Так, Восьмой кассационный суд общей юрисдикции в определении от 19 сентября 2024 г. по делу № 77-3612/2024 отметил, что Федеральным законом Российской Федерации от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ в ст. 72 УК РФ внесены изменения, согласно которым в соответствии с п. «б» ч. 3.1 ст. 72 УК РФ время содержания лица под стражей засчитывается в срок лишения свободы из расчета один день за полтора дня отбывания наказания в исправительной колонии общего режима². Из материалов дела следовало, что наказание по приговору от 11 августа 2008 г. отбывалось Г. в исправительной колонии общего режима, наличие особо опасного рецидива преступлений в ее действиях установлено не было. Как следует из приговора, до вступления его в законную силу Г. содержалась под стражей с 17 декабря 2007 г. до 13 ноября 2008 г. Положения п. «б» ч. 3.1 ст. 72 УК РФ улучшили положение осужденной, поэтому должны быть применены при зачете. Указанное судебное решение явилось во многом практикоориентирующим для судов первой и второй инстанции.

В то же время положения ч. 3.4 ст. 72 УК РФ, согласно которым время нахождения лица под домашним арестом засчитывается в срок содержания лица под стражей до судебного разбирательства и в срок лишения свободы из расчета два дня нахождения под домашним арестом за один день содержания под стражей или лишения свободы, ухудшают положение осужденных, если приговоры в отношении них вступили в силу до изменений, внесенных федеральным законом Российской Федерации от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ, а потому зачет в срок наказания времени нахождения их под домашним арестом из расчета один день содержания под домашним арестом за один день лишения свободы, действовавшего до этих изменений, не подлежит пересмотру.

¹ О практике применения судами положений статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации об обратной силе уголовного закона: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 июня 2025 г. № 10 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2025. № 8. С. 2–5.

² Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19 сентября 2024 г. по делу № 7У-7003/2024 [77-3612/2024] // Восьмой кассационный суд общей юрисдикции. URL: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=30419256&case_uid=74cb800c-c8ae-489b-af82-560ee9b9b190&new=2450001&delo_id=2450001.

Можно утверждать, что рассмотренное взаимодействие норм института зачета и правила обратной силы уголовного закона не утратит своей актуальности, поскольку сохраняется тенденция гуманизации уголовного закона, предусматривающего ответственность за преступления, не обладающие высокой общественной опасностью. Инициатором таких законопроектов в ряде случаев выступает Верховный Суд Российской Федерации. Например, 27 мая 2025 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял постановление № 3 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона о внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», которым предлагается отнести преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 228 и ст. 231 УК РФ, к числу преступлений небольшой тяжести; исключить возможность назначения за данные преступления наказания в виде лишения свободы; исключить деяния, предусмотренные ч. 2 и 3 ст. 228 УК РФ, из числа преступлений, по которым время содержания под стражей лиц, их совершивших, до вступления приговора в законную силу засчитывается в срок лишения свободы из расчета один день за один день (ч. 3.2 ст. 72 УК РФ); снизить минимальный и максимальный размеры наказания за преступления, предусмотренные ч. 2 и 3 ст. 228 УК РФ³. В случае принятия этого законопроекта правоприменители столкнутся с необходимостью применения обратной силы закона, сокращения наказания, замены отбываемого лишения свободы иными видами наказаний и использования норм зачета.

Подводя итог, следует отметить, что изучение взаимодействия правил обратной силы уголовного закона и зачета наказания выявляет значительные практические затруднения, обусловленные отсутствием точной юридической техники расчетов и недостаточной проработкой соответствующих юридических механизмов конвертации неэквивалентных наказаний. Оставление законодателем вопроса зачета одного наказания в другое при отсутствии установленных законом коэффициентов их соотношения на усмотрение суда видится верным. Представляется важным систе-

³ О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 2025 г. № 3 // Сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/34431/>.

матизировать правоприменительную практику обнаружения закономерностей осуществления в части разрешения указанного вопроса в целях такого зачета.

Список источников

1. Пушкарёв А. В. Применение норм уголовно-процессуального права при обратной силе уголовного закона. М., 2010.
2. Лопашенко Н. А. Снижение репрессивности уголовного закона: предлагаемые меры и их оценка // Уголовное право. 2017. № 4. С. 84–93.
3. Прошляков А. Д. Взаимосвязь материального и процессуального уголовного права: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009.
4. Блум М. И., Тилле А. А. Обратная сила закона. Действие советского уголовного закона во времени. М., 1969.
5. Курс советского уголовного права. Часть Общая: в 6 т. / А. А. Пионтковский, А. А. Герцензон, Н. Д. Дурманов [и др.]. М., 1970. Т. 1.
6. Кудрявцев В. Н. Теоретические основы квалификации преступлений (репринт издания М., 1963). М.: Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2016.
7. Ковалев М. И. Советское уголовное право: Советский уголовный закон: курс лекций. Свердловск, 1974. Вып. 2.
8. Благоев Е. В. Освобождение от наказания (традиции, реалии, перспективы). М.: Юрлитинформ, 2023.
9. Сапожникова С. И. Институт зачетов при назначении наказания и иных мер уголовно-правового характера: актуальность исследования и реформирования // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы двадцать третьей Международной научно-практ. конф-ции / под ред. Д. А. Симоненко. Барнаул: БЮИ МВД России, 2025. С. 181–182.
10. Соколов А. А. Иные основания освобождения от отбывания наказания: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2022.
11. Обернихина О. В. Порядок действия уголовного закона, смягчающего наказуемость деяния // Вестник Кузбасского института. 2016. № 1 (26). С. 42–46.
12. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Н. В. Беляева [и др.]; отв. ред. В. П. Кашепов; Ин-т законодательства и сравн. правоведения при Правительстве РФ. М.: Городец, 2005.
13. Валеев М. Т. Обратная сила уголовного закона и сокращение наказания // Вестник Томского государственного университета. Право. 2011. № 2. С. 45–49.
14. Мальцев В. В. Проблемы освобождения от уголовной ответственности и наказания в уголовном праве. Волгоград: ВА МВД России, 2004.
15. Давыдова И. А. Правовая природа льготного исчисления срока наказания в виде лишения свободы при зачете времени содержания под стражей // Евраз. юрид. жур. 2020. № 9 (148). С. 300–303.

References

1. Pushkarev A. V. Primenenie norm ugovolno-processual'nogo prava pri obratnoj sile ugovolnogo zakona. M., 2010.
2. Lopashenko N. A. Snizhenie repressivnosti ugovolnogo zakona: predлагаемые меры i ih ocenka // Ugolovnoe pravo. 2017. № 4. S. 84–93.
3. Proshlyakov A. D. Vzaimosvyaz' material'nogo i processual'nogo ugovolnogo prava: dis. ... d-ra yurid. nauk. Ekaterinburg, 2009.
4. Blum M. I., Tille A. A. Obratnaya sila zakona. Dejstvie sovetskogo ugovolnogo zakona vo vremeni. M., 1969.
5. Kurs sovetskogo ugovolnogo prava. Chast' Obshchaya: v 6 t. / A. A. Piontkovskij, A. A. Gercenzon, N. D. Durmanov [i dr.]. M., 1970. T. 1.
6. Kudryavcev V. N. Teoreticheskie osnovy kvalifikacii prestuplenij (reprint izdaniya M., 1963). M.: Yur. Norma, NIC INFRA-M, 2016.
7. Kovalev M. I. Sovetskoe ugovolnoe pravo: Sovetskij ugovolnyj zakon: kurs lekcij. Sverdlovsk, 1974. Vyp. 2.

8. Blagov E. V. Osvobozhdenie ot nakazaniya (tradicii, realii, perspektivy). M.: Yurlitinform, 2023.
9. Sapozhnikova S. I. Institut zacetov pri naznachanii nakazaniya i inyh mer ugolovno-pravovogo haraktera: aktual'nost' issledovaniya i reformirovaniya // Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami: mat-ly dvadcat' tret'ej Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii / pod red. D. A. Simonenko. Barnaul: BYuI MVD Rossii, 2025. S. 181–182.
10. Sokolov A. A. Inye osnovaniya osvobozhdeniya ot otbyvaniya nakazaniya: dis. ... kand. jurid. nauk. Ryazan', 2022.
11. Obernihina O. V. Poryadok dejstviya ugolovnogo zakona, smyagchayushchego nakazuemost' deyaniya // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2016. № 1 (26). S. 42–46.
12. Nauchno-prakticheskij kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii / N. V. Belyaeva [i dr.]; otv. red. V. P. Kashepov; In-t zakonodatel'stva i sravn. pravovedeniya pri Pravitel'stve RF. M.: Gorodec, 2005.
13. Valeev M. T. Obratnaya sila ugolvnogo zakona i sokrashchenie nakazaniya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2011. № 2. S. 45–49.
14. Mal'cev V. V. Problemy osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti i nakazaniya v ugolovnom prave. Volgograd: VA MVD Rossii, 2004.
15. Davydova I. A. Pravovaya priroda l'gotnogo ischisleniya sroka nakazaniya v vide lisheniya svobody pri zachete vremeni sodержaniya pod strazhej // Evraz. jurid. zhur. 2020. № 9 (148). S. 300–303.

Статья поступила в редакцию 14.01.2026; одобрена после рецензирования 21.04.2026; принята к публикации 19.06.2026.

The article was submitted 14.01.2026; approved after reviewing 21.04.2026; accepted for publication 19.06.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 210–216.

Altai Law Journal. 2026. № 2 (54). P. 210–216.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.91-053.6:004.7

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ (ВКЛЮЧАЯ СЕТЬ ИНТЕРНЕТ)

Ольга Михайловна Шаганова¹, Татьяна Павловна Деревянская²

¹ Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, olga.shaganova@yandex.ru

² Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, Симферополь, Россия,
yurkina-tanya@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет). На основе анализа теории уголовного права, правоприменительной практики и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации исследуются аспекты, касающиеся возрастных особенностей потерпевшего, способов вовлечения в преступление, а также момента окончания преступного деяния. Кроме того, авторами формулируются рекомендации, связанные с уголовно-правовой оценкой вовлечения несовершеннолетнего в преступную группу, а также предлагаются правила квалификации при вовлечении несовершеннолетнего в несколько преступлений.

Ключевые слова: квалификация преступлений, преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет), преступления против семьи и несовершеннолетних, вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления

Для цитирования: Шаганова О. М., Деревянская Т. П. Особенности квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) // Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 210–216.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

FEATURES OF THE QUALIFICATION OF INVOLVING A MINOR IN COMMITTING A CRIME USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS (INCLUDING THE INTERNET)

Olga M. Shaganova¹, Tatiana P. Derevyanskaya²

¹ Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia,
olga.shaganova@yandex.ru

² Crimean Branch of Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Simferopol, Russia,
yurkina-tanya@mail.ru

Abstract. The article considers the issues of qualification of involving a minor in committing a crime using information and telecommunication networks (including the Internet). Based on the analysis of the theory of criminal law, law enforcement practice and explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, aspects relating to the age characteristics of the victim, methods of involvement in a crime, as well as the moment the criminal act ends are investigated. In addition, the authors formulate recommendations related to the criminal law assessment of the involvement of a minor in a criminal group, and also propose qualification rules for involving a minor in several crimes.

Keywords: qualification of crimes, crimes committed using information and telecommunication networks (including the Internet), crimes against the family and minors, involvement of minors in committing crimes

For citation: Shaganova O. M., Derevyanskaya T. P. Features of the Qualification of Involving a Minor in Committing a Crime Using Information and Telecommunication Networks (Including the Internet). Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2026;2:210–216 (In Russ.).

Одним из обязательных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 150 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), влияющим на квалификацию, выступает потерпевший. Законодатель в диспозиции статьи наделил его специальным свойством, обозначив как «несовершеннолетний». В теории уголовного права существует две противоположные позиции относительно понятия несовершеннолетнего в данном преступлении. Авторы, придерживающиеся первой, более широкой, точки зрения, к потерпевшему относят всех лиц, которым не исполнилось 18 лет [1, с. 14; 2, с. 84; 3, с. 24]. Приверженцы узкого понимания данного термина полагают, что им может быть только лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, установленного УК РФ за преступление, в которое оно было вовлечено или вовлекалось [4, с. 57; 5, с. 25]. Исследование правоприменительной практики по делам о вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления позволяет сделать вывод, что к такому лицу причисляют как достигшего возраста уголовной ответственности, так и не достигшего его, т. е. малолетнего. К примеру, Ф., зная о том, что П. 13 лет, путем обещаний склонил его к совершению тяжкого преступления. Суд признал Ф. виновным в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 3 ст. 158, ч. 4 ст. 158 УК РФ¹.

Следует сделать оговорку относительно возрастных особенностей потерпевшего, которые преобразовались после внесения изменений в ст. 150 УК РФ, произошедших в связи с принятием федерального закона от 28.12.2024 № 514-ФЗ. На настоящий момент, если в совершение преступления вовлечено лицо, которое не достигло 14 лет, то ответственность наступает по п. «в» ч. 3 ст. 150 УК РФ. В этой связи разрешился вопрос, который долгое время поднимался в научной литературе, связанный с оценкой действий лица, вовлекающего в совершение какого-либо преступления подростка, не достигшего возраста уголовной ответственности, когда последний выполнил общественно опасное деяние. В частности, ранее оставалось неясным, надлежит ли признавать его только посредственным исполнителем в таком преступлении без дополнительной квалификации по ст. 150 УК РФ. Или все же вменять ст. 150 УК РФ [6, с. 74–78]? Постановление Пленума Верховного Суда Россий-

ской Федерации от 01.02.2011 № 1² также не давало однозначного ответа на данный вопрос. На сегодняшний день, учитывая последнюю редакцию ст. 150 УК РФ, во всех подобных ситуациях виновный несет уголовную ответственность за содеянное как исполнитель преступления путем посредственного причинения в совокупности с п. «в» ч. 3 ст. 150 УК РФ.

Также важно отметить, что в каждом случае вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) необходимо устанавливать, как воспринял данную информацию потерпевший. Если несовершеннолетний не осознавал, что он вовлечен в преступную деятельность, то виновному лицу не следует вменять п. «б» ч. 2 ст. 150 УК РФ.

Объективная сторона преступления характеризуется активными действиями субъекта, направленными на возбуждение желания у несовершеннолетнего его реализовать³. Вместе с тем судебная практика исходит из того, что вовлекать необходимо не просто в как таковую неопределенную преступную деятельность, а в конкретное преступление (в частности, не является преступным предложение в мессенджере, переписке в чате или социальной сети и т. п. стать закладчиком с описанием финансовой выгоды от этого, без приобщения лица в дальнейшем к сбыту наркотиков в реальной жизни).

Отметим, что обязательным условием привлечения к уголовной ответственности по ст. 150 УК РФ является установление способа, которым несовершеннолетний был вовлечен в преступление (к примеру, обещание, обман, угроза или любой другой способ), и его описание в материалах дела.

В судебно-следственной практике в преобладающем большинстве случаев встречается такой способ вовлечения, как обещание, под которым понимается обязательство со стороны взрослого лица осуществить в интересах несовершеннолетнего какое-либо действие или бездействие [7,

² О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Пункт 42 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Приговор Нижнесергинского районного суда Свердловской области от 05.03.2021 № 1-3/2021. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 26.05.2025).

с. 68]. В частности, обещание купить велосипед и телефон¹; заготовить икру, пожарить рыбы и котлет²; поделить выручку от совершения преступления пополам³; отремонтировать совместно автомобиль⁴ и др.

Обман как способ вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления в теории уголовного права толкуется как умышленное заведомо ложное искажение либо сокрытие истины [7, с. 69], а также введение его в заблуждение [8, с. 412]. При этом авторы подчеркивают, что определяющим фактором для квалификации деяния по ст. 150 УК РФ является не само по себе установление наличия обмана со стороны субъекта преступления, а его стремление таким образом вызвать у обманываемого определенное поведение [4, с. 59], т. е. побудить совершить преступление [7, с. 69; 8, с. 69].

Полагаем, что обман не во всех случаях может выступать способом вовлечения в совершение преступления. Так, если он касается таких обстоятельств, которые значимы для потерпевшего и под влиянием которых он принимает решение участвовать и в дальнейшем участвует в преступлении (например, сообщение несовершеннолетнему, что он не достиг возраста уголовной ответственности или что данное деяние не является преступным и т. п.), то возможна квалификация по ст. 150 УК РФ. Однако если путем обмана (активного или пассивного) несовершеннолетний вовлечен в совершение преступления, но он не осознает преступный характер содеянного, то лицо, использующее обман, не может подлежать ответственности за данное преступление. Этот вывод обусловлен разъяснением, содержащимся в п. 42 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1: «Под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления... следует понимать действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление...». Следовательно, такое желание может воз-

никнуть только тогда, когда лицо осознает, что деяние является преступным.

Угроза выражается в предупреждении о наступлении для несовершеннолетнего или его близких различного рода неблагоприятных последствий в случае отказа от совершения преступления (кроме угрозы применения физического насилия) [9]. Например, уничтожить или повредить имущество, разгласить сведения компрометирующего характера, привлечь к уголовной ответственности за ранее совершенное им противоправное деяние⁵, сбежать от потерпевшего и бросить его в незнакомом месте в чужом населенном пункте⁶ и др.

Иной способ вовлечения в совершение преступления может быть любым, за исключением насилия или угрозы применения насилия — лезть, дача советов о способе совершения преступления или сокрытие следов [1, с. 16], подкуп, убеждение [7, с. 70], просьбы и поручения⁷, разжигание чувства зависти, мести, низменных побуждений⁸, уговор об оказании помощи в совершении хищения чужого имущества⁹ и др.

Следует отметить, что суды неоднозначно относятся к признанию предложения иным способом вовлечения, даже несмотря на то, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 01.02.2011 № 1 перечисляет его в одном ряду с такими способами, как обещание, обман и угроза.

Проблема состоит в том, что в некоторых уголовных делах предложение описывается только в виде сговора о совместном совершении группового преступления, а данные о том, каким образом несовершеннолетний был вовлечен в преступление, отсутствуют. Однако если в материалах дела наличествуют доказательства того, как именно осуществлялось вовлечение путем предложения,

¹ Приговор Нижнесергинского районного суда Свердловской области от 5 марта 2021 г. № 1-3/2021. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 26.05.2025).

² Апелляционное постановление Магаданского областного суда Магаданской области от 11 февраля 2020 г. № 22-54/2020. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 26.06.2025).

³ Апелляционное постановление Красноярского краевого суда Красноярского края от 21 августа 2019 г. № 22-5129/2019. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 26.07.2025).

⁴ Апелляционный приговор Смоленского областного суда Смоленской области от 15 января 2020 г. № 22-54/2020. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 23.07.2025).

⁵ Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Калмыкия от 28 августа 2019 г. № 22-351/2019. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 26.06.2025).

⁶ Апелляционное постановление Оренбургского областного суда Оренбургской области от 19 февраля 2020 г. № 22-435/2020. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 26.06.2025).

⁷ Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 11 ноября 2024 г. по делу № 55-616/2024 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 22 июня 2023 г. по делу № 77-2350/2023 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Апелляционное определение Суда Ханты-Мансийского автономного округа от 6 ноября 2018 г. по делу № 22-1651-2018. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 26.06.2025).

которое побудило несовершеннолетнего совершить преступление, то виновное лицо привлекают к ответственности по ст. 150 УК РФ. Так, З. в течение определенного времени неоднократно предлагал Н. совместно совершить угон автомобиля. Когда З. убедил Н., тот дал согласие «тогда как у него была возможность отказаться от этих действий, однако он этого не сделал». Суд квалифицировал действия З. по ч. 4 ст. 150 УК РФ, поскольку он вовлек Н. «в совершение тяжкого преступления иным способом, связанным с вовлечением его в преступную группу»¹.

Таким образом, предложение может выступать иным способом совершения преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, свидетельствующим об активном поведении виновного, направленном в отношении потерпевшего, если этот факт установлен в уголовном деле и правильно описан. Выявление факта совместного совершения преступления с несовершеннолетним не свидетельствует о наличии в действиях вовлекающего лица признаков состава преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ.

Изучение судебной практики демонстрирует, что суды придерживаются указаний Верховного Суда Российской Федерации, данных Пленумом в постановлении от 01.02.2011 № 1 относительно момента окончания преступления, который, несмотря на законодательную регламентацию состава преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, связывает его не только с желанием совершить преступление, но и с реализацией оконченной или неоконченной преступной деятельности.

Возникают ситуации, когда подросток дает согласие на совершение преступления, в которое он вовлекался, а затем его не выполняет. Указанное постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации для такого случая дает разъяснение, что если несовершеннолетний не совершил оконченное или неоконченное преступление по независящим от вовлекающего лица обстоятельствам, то действия последнего могут быть квалифицированы по ч. 3 ст. 30 и ст. 150 УК РФ.

Анализируя вопрос о субъекте преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 150 УК РФ, следует отметить следующее. Во-первых, во всех случаях вовлечения в преступление требуется устанавливать возраст лица, которое это совершило. Если оно достигло возраста 18 лет, то его действия мо-

гут получить оценку по п. «б» ч. 2 ст. 150 УК РФ. Во-вторых, необходимо устанавливать все обстоятельства содеянного, в т. ч. кто кого вовлек в совершение преступления. Если инициативу проявил несовершеннолетний, который побудил взрослого участвовать в общественно опасном деянии, то он не может подлежать ответственности по данной норме, поскольку не отвечает признакам специального субъекта. При условии, когда один, более старший по возрасту, несовершеннолетний вовлекает в совершение преступления другого несовершеннолетнего или несовершеннолетний вовлекает взрослого, их деяние надлежит квалифицировать как подстрекательство к совершению этого преступления.

Субъективная сторона анализируемого преступления характеризуется умышленной формой вины. Судебная практика идет по пути обязательного установления вопроса о том, осознавал ли субъект преступления несовершеннолетний возраст потерпевшего, поскольку это требование содержится в п. 42 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1. При этом данные сведения необходимо подтвердить какими-либо доказательствами: показаниями виновного, потерпевшего, свидетелей и др. [10, с. 66; 11, с. 246].

Возможна и противоположная ситуация, когда взрослый считает, что вовлекает в преступление несовершеннолетнего с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет), а последний оказывается достигшим 18 лет. Такое допустимо, когда пользователь предоставил недостоверные сведения о себе в какой-либо социальной сети, указав возраст до 18 лет, хотя на самом деле является совершеннолетним; или когда на аватарке (графическом представлении пользователя) человек выглядит моложе своих лет. Полагаем, что при таких обстоятельствах вовлекающему следует вменить ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 150 УК РФ.

Кроме того, думается, что если лицо вовлекало подростка в сети Интернет в совершение одного преступления, например хищения, а у несовершеннолетнего возникло желание совершить другое преступление — незаконный сбыт наркотических средств, которое впоследствии было осуществлено, тогда ответственность для взрослого по ст. 150 УК РФ не наступит, поскольку отсутствовал умысел на вовлечение ребенка в незаконный оборот наркотиков.

Возникает вопрос: возможна ли совокупность преступлений, предусмотренных ст. 150 УК РФ,

¹ Приговор Свердловского районного суда г. Красноярска от 25 февраля 2025 г. № 1-257/2025. URL: <https://www.судебныерешения.рф/88471168> (дата обращения: 26.07.2025).

в ситуации, когда виновный вовлекает потерпевшего в несколько преступлений? Для ответа на него надлежит устанавливать момент возникновения умысла на вовлечение в преступление.

Практика идет по следующему пути: если взрослый имеет единый умысел на вовлечение несовершеннолетнего в серию эпизодов однородных или разнородных преступлений, то содеянное не подлежит совокупности преступлений и следует вменять соответствующую часть ст. 150 УК РФ¹. В случае, когда у виновного возникает разновременный умысел по вовлечению одного и того же потерпевшего в два преступления и более, то необходимо вменять несколько эпизодов ст. 150 УК РФ.

В правоприменительной деятельности могут возникать трудности с уголовно-правовой оценкой вовлечения несовершеннолетнего в преступную группу, поскольку не понятно, должна ли такая группа уже существовать на момент вовлечения в нее подростка. Или данный признак необходимо вменять только когда вовлекаемый совместно с другим лицом начинает приготовление к преступлению, покушение на преступление или уже совершил преступление?

Исследование практики по указанному аспекту показало, что суды признают лицо виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 4 ст. 150 УК РФ, тогда, когда преступная группа уже существовала. Так, суд посчитал «...обоснованным вменение ФИОб квалифицирующего признака «с вовлечением несовершеннолетнего в преступную группу ... поскольку несовершеннолетнее лицо вовлекается уже в созданную группу

лиц по предварительному сговору, которая будет таковой и без его участия, то есть на момент вовлечения уже имелась предварительная договоренность о совершении ... преступления между двумя лицами...»².

И напротив, суды принимают решение о пере-квалификации действий виновного с ч. 4 на иную часть ст. 150 УК РФ или вовсе об исключении из осуждения лица по ч. 4 ст. 150 УК РФ названного квалифицирующего признака, если устанавливают, что «до вовлечения... несовершеннолетнего... в совершение преступления... преступной группы не существовало...»³, основываясь на различных доказательствах, например, что «ФИО1 действовала единолично и потому не могла вовлечь дочь в преступную группу»⁴ или «ФИО1 не вовлек несовершеннолетних в преступную группу, а организовал ее с их участием»⁵.

Таким образом, для привлечения лица к уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) необходимо установить следующее:

- способ вовлечения в совершение конкретного преступления;
- возраст потерпевшего;
- момент окончания преступления;
- является ли виновное лицо достигшим 18-летнего возраста;
- наличествует ли умысел, осознает ли виновный несовершеннолетний возраст вовлекаемого лица.

Список источников

1. Строков А. А. Уголовно-правовая характеристика преступлений: вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественные действия, неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2009. 24 с.
2. Гарманов В. М. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ): содержание признаков потерпевшего и особенности субъективной стороны состава преступления // Витимология. 2018. № 4 (18). С. 83–91.

¹ Приговор Городищенского районного суда Волгоградской области от 25 апреля 2024 г. № 1-52/2024. URL: <https://www.sudbnyeresheniya.rf/80382448> (дата обращения: 26.07.2025).

² Приговор Георгиевского городского суда Ставропольского края от 14 июля 2020 г. № 1-50/2019. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 26.08.2025).

³ Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 3 апреля 2024 г. по делу № 77-1279/2024 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление Президиума Алтайского краевого суда от 5 августа 2019 г. № 44У-80/2019. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 25.09.2025).

⁵ Постановление Президиума Архангельского областного суда от 18 июня 2019 г. № 44У-27_2019. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 25.09.2025).

3. Галимов О. Х., Тыченко В. С. К вопросу о возрасте лица, вовлекаемого в совершение преступления // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 1 (34). С. 22–27.
4. Коровин Е. П., Бавсун М. В., Попов П. В. Проблемы квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Вестник Омской юридической академии. 2015. № 2 (27). С. 56–61.
5. Быкова Е. Г. К вопросу об уголовной ответственности за привлечение малолетних к совершению общественно опасного деяния // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2010. № 25 (201). С. 24–26.
6. Бугера М. А., Шаганова О. М. Спорные вопросы определения возраста несовершеннолетнего потерпевшего в преступлениях, предусмотренных статьями 150, 151 Уголовного кодекса Российской Федерации // Алтайский юридический вестник. 2018. № 4 (24). С. 74–78.
7. Епифанов Б. В., Осмоловская С. И. Способы вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления как признак объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 150 УК РФ // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 6–7 июня 2019 г. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019. С. 67–72.
8. Соловьев Д. Н. Некоторые вопросы уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления // Сборник научных трудов по итогам научно-представительских мероприятий, проводимых в Уфимском юридическом институте МВД России в 2024 году, Уфа, 29 января — 14 февраля 2024 г. Уфа: Уфимский юридический институт МВД России, 2024. С. 411–416.
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженкова, Э. Н. Жевлаков [и др.]; под ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд. М.: Проспект, 2015. Т. 1 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Щетинина Н. В. Особенности субъективных признаков вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. № 3. С. 65–67.
11. Жадан В. Н. Проблемы субъективной стороны при квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 3 (16). С. 244–248.

References

1. Stokov A. A. Uголовno-pravovaya harakteristika prestuplenij: vovlechenie nesovershennoletnego v sovershenie prestupleniya ili antiobshchestvennye dejstviya, neispolnenie obyazannostej po vospitaniyu nesovershennoletnego: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Stavropol', 2009. 24 s.
2. Garmanov V. M. Vovlechenie nesovershennoletnego v sovershenie prestupleniya (st. 150 UK RF): sodержanie priznakov poterpevshego i osobennosti sub»ektivnoj storony sostava prestupleniya // Viktimologiya. 2018. № 4 (18). S. 83–91.
3. Galimov O. H., Tychenko V. S. K voprosu o vozraste lica, vovlekaemogo v sovershenie prestupleniya // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2019. № 1 (34). S. 22–27.
4. Korovin E. P., Bavsun M. V., Popov P. V. Problemy kvalifikacii vovlecheniya nesovershennoletnego v sovershenie prestupleniya // Vestnik Omskoj yuridicheskoy akademii. 2015. № 2 (27). S. 56–61.
5. Bykova E. G. K voprosu ob uголовnoj otvetstvennosti za privlechenie maloletnih k soversheniyu obshchestvenno opasnogo deyaniya // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2010. № 25 (201). S. 24–26.
6. Bugera M. A., Shaganova O. M. Spornye voprosy opredeleniya vozrasta nesovershennoletnego poterpevshego v prestupleniyah, predusmotrennyh stat'yami 150, 151 Uголовnogo kodeksa Rossijskoj Federacii // Altajskij yuridicheskij vestnik. 2018. № 4 (24). S. 74–78.
7. Epifanov B. V., Osmolovskaya S. I. Sposoby vovlecheniya nesovershennoletnego v sovershenie prestupleniya kak priznak ob»ektivnoj storony prestupleniya, predusmotrennogo ch. 1 st. 150 UK RF // Uголовnoe zakonodatel'stvo: vchera, segodnya, zavtra: materialy ezhegodnoj vsrossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Sankt-Peterburg, 6–7 iyunya 2019 g. SPb.: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2019. S. 67–72.
8. Solov'ev D. N. Nekotorye voprosy uголовnoj otvetstvennosti za vovlechenie nesovershennoletnego v sovershenie prestupleniya // Sbornik nauchnyh trudov po itogam nauchno-predstavitel'skih meropriyatij,

provodimyh v Ufimskom yuridicheskom institute MVD Rossii v 2024 godu, Ufa, 29 yanvarya — 14 fevralya 2024 g. Ufa: Ufimskij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2024. S. 411–416.

9. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii: v 2 t. (postatejnyj) / A. V. Brilliantov, G. D. Dolzhenkova, E. N. Zhevnikov [i dr.]; pod red. A. V. Brilliantova. 2-e izd. M.: Prospekt, 2015. T. 1 [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

10. Shchetinina N. V. Osobennosti sub»ektivnyh priznakov vovlecheniya nesovershennoletnego v sovershenie prestupleniya ili antiobshchestvennyh dejstvij // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2016. № 3. S. 65–67.

11. Zhadan V. N. Problemy sub»ektivnoj storony pri kvalifikacii vovlecheniya nesovershennoletnego v sovershenie prestupleniya // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. 2016. T. 5. № 3 (16). S. 244–248.

Информация об авторе

О. М. Шаганова — кандидат юридических наук, доцент.

Т. П. Деревянская — кандидат юридических наук.

Information about the author

O. M. Shaganova — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

T. P. Derevyanskaya — Candidate of Science (Law).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 20.11.2025; одобрена после рецензирования 26.12.2025; принята к публикации 19.06.2026.

The article was submitted 20.11.2025; approved after reviewing 26.12.2025; accepted for publication 19.06.2026.

Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 217–222.
Altai Law Journal. 2026. № 2 (54). P. 217–222.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.85:351.74

НЕДОСТАТКИ ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ВЛИЯЮЩИЕ НА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЛИЦАМИ, СОСТОЯЩИМИ НА ПРОФИЛАКТИЧЕСКОМ УЧЕТЕ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Александр Иванович Щеглов

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, sanja-2015@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5360-0005>

Аннотация. В статье автор отмечает, что государство в лице правоохранительных органов всегда ставило и ставит перед собой социально ответственную задачу, связанную с поступательным снижением уровня преступности. Одним из видов преступности, благодаря которому возможно проанализировать недостатки организационно-управленческой деятельности, влияющие на совершение преступлений лицами, состоящими на профилактическом учете в органах внутренних дел, является профучетная преступность. Автор указывает на необходимость усиления контрольно-надзорных функций участковых уполномоченных полиции в отношении лиц, состоящих на профилактическом учете, и приходит к выводу, что для профучетной преступности недостатки организационно-управленческой деятельности имеют ключевое значение.

Ключевые слова: профучетная преступность, индивидуальная профилактическая работа, контрольно-надзорные функции органов внутренних дел, меры профилактического воздействия, недостатки организационно-управленческой деятельности

Для цитирования: Щеглов А. И. Недостатки организационно-управленческой деятельности, влияющие на совершение преступлений лицами, состоящими на профилактическом учете в органах внутренних дел // Алтайский юридический вестник. 2026. № 2 (54). С. 217–222.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

DEFICIENCIES IN ORGANIZATIONAL AND MANAGERIAL ACTIVITIES THAT INFLUENCE THE COMMISSION OF CRIMES BY PERSONS REGISTERED WITH THE INTERNAL AFFAIRS AGENCIES

Alexander I. Shcheglov

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, sanja-2015@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5360-0005>

Abstract. The author notes that the state, represented by law enforcement agencies, has always faced a rather complex and socially responsible task related to the progressive reduction of crime rates. One of the types of crime that allows for the analysis of organizational and managerial determinants affecting the commission of crimes by individuals registered with the internal affairs bodies is professional crime. The author points out the need to strengthen the supervisory functions of the district police commissioner in relation to individuals who are on preventive registration. The author concludes that organizational and managerial determinants are crucial for preventive crime, as they directly correlate with the increase in the quantity and quality of crime as control by authorized officials decreases, creating sufficient conditions for the re-commission of various types of crimes.

Keywords: professional crime, causes and conditions, commission of crimes, individual preventive work, control and supervisory functions of internal affairs bodies, preventive measures, organizational and managerial determinants of professional crime

For citation: Shcheglov A. I. Deficiencies in Organizational and Managerial Activities that Influence the Commission of Crimes by Persons Registered with the Internal Affairs Agencies. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2026;2:217–222 (In Russ.).

Существование преступности, а также появление ее новых видов закономерно обусловлены целым комплексом взаимосвязанных причин и условий, которые в совокупности следует рассматривать как социальные детерминанты общественно опасного поведения людей. Государство в лице правоохранительных органов всегда ставило и ставит перед собой довольно сложную и социально ответственную задачу, связанную с поступательным снижением уровня преступности. Решение указанной задачи в соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации происходит как за счет развития и совершенствования единой государственной системы профилактики преступности, так и за счет снижения уровня криминализации общественных отношений¹.

Со стороны органов государственной власти в комплексе реализуются правовые и организационные механизмы воздействия как на преступность в целом, так и на отдельные ее виды. Наиболее оптимальным объектом воздействия, как отмечает Г. Г. Смирнов, являются причины и условия преступности. Данное воздействие происходит за счет специально-криминологического и общесоциального предупреждения, благодаря которым с наименьшими затратами и издержками социальная патология в виде определенного вида преступности устранима в самом зародыше, когда только возникла возможность совершения преступлений [1, с. 105].

По мнению Г. А. Аванесова, причины и условия отдельных видов преступности являются элементами причин преступности в целом. Они соотносятся как частное с общим, и вследствие этого в своем определении содержат признаки целого — преступности как явления [2, с. 200].

Е. Н. Холопова отмечает, что причины и условия преступности представляют собой взаимодействующие общественные процессы, при этом причины порождают преступность. Условия сами по себе не являются источниками преступлений, способствуют совершению преступлений. В правоприменительной практике рассматриваемые общественные процессы настолько взаимосвязаны, что условная грань их теоретического деления теряется [3, с. 21].

Рассматривая детерминанты преступности в целом, М. П. Клейменов указывает, что причинами преступности могут быть лишь только негативные социально-психологические явления, которые

в совокупности с условиями способствуют реализации преступных намерений [4, с. 59]. В свою очередь, условиями преступности выступают природные, социальные или технические факторы, которые не порождают преступления, но помогают в их реализации [5, с. 99].

Одной из существенных причин преступного поведения является деятельность органов внутренних дел, которая не в полной мере соответствует требованиям, установленным законодательством РФ. В частности, это наиболее наглядно отражается применительно к совершению повторных преступлений лицами, находящимися на профилактических учетах. Несомненно, данный вид преступности дифференцирован благодаря наличию специального субъекта, т. е. лица, совершившего умышленное преступление, привлеченного к уголовной ответственности либо ранее судимого (со снятой либо непогашенной судимостью), поставленного уполномоченными должностными лицами органов внутренних дел на профилактический учет [6, с. 105].

Классификационной основой обособления профучетной преступности выступили не нормы УК РФ, устанавливающие ответственность за определенные виды преступлений или в сфере общественных отношений, а уровень общественной опасности и необходимость минимизации повторного совершения преступлений, подконтрольных органам внутренних дел, гражданами.

Как справедливо отмечает Е. В. Кургузкина, в широком смысле для криминологической характеристики любого вида преступности необходимо четкое понимание ее доминирующих причин и условий, входящих в ее структуру [7, с. 9]. Именно знание ключевых детерминантов профучетной преступности в точности позволит спрогнозировать преступное поведение обособленной и контролируемой категории граждан и применить точно наиболее эффективные формы профилактического воздействия.

Учитывая особенности профучетной преступности, обусловленные контрольно-надзорной функцией органов внутренних дел, в числе ее основных детерминант преобладают организационно-управленческие недостатки деятельности правоохранительных органов. Данные детерминанты носят социальной характер и применимы к любому виду преступности.

В этой связи следует привести в качестве примера точку зрения В. Б. Ястребова, в соответствии с которой «организационно-управленческие детерминанты преступности относятся к содержательным факторам, определяющим уровень кон-

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

троля и возможностей правоохранительных органов качественно и количественно воздействовать на уровень преступности» [8, с. 17].

Противодействие профучетной преступности предполагает ее предупреждение посредством применения различных мер профилактического воздействия со стороны уполномоченных субъектов. Однако сама организация деятельности субъектов профилактики преступности требует правовой и организационной диверсификации, в соответствии с которой должна возникнуть прямая корреляционная зависимость, чем выше уровень организации работы органов внутренних дел по профилактике преступлений, тем ниже показатели повторной преступности, и наоборот.

Недостатки организационно-управленческой деятельности правоохранительных органов обуславливают во многом появление и рост профучетной преступности, т. к. они непосредственно связаны с деятельностью отдельных служб и подразделений органов внутренних дел, в чью компетенцию входит профилактика преступности.

Эффективность общей и индивидуальной профилактики во многом определяется тем, насколько полно и своевременно были выявлены и проанализированы условия, создающие благоприятную обстановку для профучетной преступности. Прежде всего это факторы организационно-управленческого характера, а именно:

1) несовершенство и даже неэффективность социального контроля со стороны государственных органов и общественности за лицами, состоящими на профилактическом учете;

2) бюрократизм, волокита и ненадлежащее материально-техническое обеспечение подразделений, осуществляющих индивидуальную профилактическую работу с лицами, состоящими на профилактическом учете;

3) формальный подход к осуществлению индивидуальной профилактической работы с лицами, состоящими на профилактическом учете, а также соблюдению административных ограничений и обязанностей лицами, в отношении которых установлен административный надзор;

4) отсутствие регламентированного механизма взаимодействия между субъектами системы профилактики в целях эффективного профилактического воздействия на лиц, состоящих на профилактическом учете;

5) некомпетентность отдельных должностных лиц при принятии управленческих решений и др.;

6) кадровый голод и текучесть кадров в подразделениях, которые реализуют контрольно-над-

зорные функции за лицами, состоящими под административным надзором, и осуществляют индивидуальную профилактическую работу с лицами, состоящими на профилактическом учете;

7) отсутствие объективной статической отчетности как показателя деятельности органов внутренних дел относительно наличия и реального состояния (уровня) профучетной преступности.

Низкая эффективность деятельности не только полиции, но и других субъектов системы профилактики правонарушений по предупреждению рассматриваемого вида преступности порождает у потерпевших и иных законопослушных граждан чувство незащищенности со стороны государства.

В дальнейшем у людей, пострадавших от преступлений, возникает неприязнь и недоверие к правоохранительным органам, которые в будущем могут трансформироваться в самостоятельное стремление противостоять безнаказанности. В свою очередь, низкая профилактическая деятельность полиции и иных органов вызывает у лица, состоящего на профилактическом учете, чувство вседозволенности, бесконтрольности поведения, но самое главное создаются условия, благодаря которым он снова может совершить преступление.

К организационно-управленческим детерминантам, безусловно, следует отнести: полное неприятие или несвоевременность либо недостаточность мер воздействия со стороны полиции по фактам нарушения лицами, состоящими на профилактическом учете, общественного порядка.

Следует обратить внимание на тот факт, что организационно-управленческие детерминанты применимы не только к профучетной преступности, но и вполне соотносятся с нераскрытой преступностью. Обращает на себя внимание тот факт, что лица, состоящие на профилактическом учете, совершают преступления не только по месту нахождения (жительства), но и в других населенных пунктах и локациях, и эти преступления остаются нераскрытыми и переходят в категорию «преступлений прошлых лет». В этой связи детерминанты профучетной и нераскрытой преступности во многом совпадают.

Как справедливо отмечает А. В. Ревягин, к основным организационно-управленческим детерминантам, применимым к профучетной и нераскрытой преступности, относятся: «просчёты в организации работы по предупреждению, выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, а также недостаточный уровень профессионализма и добросовестности сотрудников правоохранительных органов, в том числе невысокий уровень их антикоррупционной устойчивости» [9, с. 7].

Данный тезис находит подтверждение также у профессора А. И. Долговой, которая указывала, что «от состояния контролирующей и правоохранительной деятельности во многом зависит уровень и состояние преступности» [10, с. 262].

На прямую взаимосвязь организационно-управленческих детерминант с ростом и динамикой преступности указывала профессор Н. Ф. Кузнецова. По ее мнению, «при организации предупреждения преступлений, как в общегосударственном масштабе, так и на конкретном административном участке или с каждым лицом, состоящим на профилактическом учёте, необходимо принимать во внимание существующую закономерность того, что большинство криминогенных детерминант носит объективно-субъективный характер с преобладанием объективного либо субъективного» [11, с. 53].

Для того чтобы купировать и вовсе устранить организационно-управленческие детерминанты профучетной преступности, государство в лице уполномоченных правоохранительных органов и их должностных лиц обязано пойти по пути саморегуляции и выстраивания четких управленческих отношений между должностными лицами, которые осуществляют профилактику правонарушений, и лицами, в отношении которых она осуществляется. Выдвинутый нами тезис еще раз подчеркивает приоритетность направления профилактики преступлений со стороны ключевого субъекта правоотношений — участкового уполномоченного полиции. Вместе с тем сложившаяся в настоящее время ситуация указывает на то, что полиция и иные правоохранительные органы работают так сказать «с колес» (пресекают совершающиеся преступления либо занимаются раскрытием совершенных преступлений и розыском преступников). При этом реальная профилактическая работа с лицами, состоящими на профилактическом учете, в силу объективных и иных причин не носит основного характера. Это объясняется двумя очень важными обстоятельствами: во-первых, организационно-управленческими просчетами и недоработками в правоохранительной деятельности и, во-вторых, преобладанием в системе криминологической профилактики в целом вербальных средств и методов (то, что по справедливости можно назвать «говорильней») [1, с. 109].

Значительное снижение роли профилактики преступности, по мнению профессора А. Л. Репецкой, обусловлено «противоречиями общественного развития, которые не являются объектом воздействия субъектов правоохранительной

деятельности, и как бы хорошо она ни осуществлялась — предупредить развитие преступности в этих условиях правоохранительные органы не могут. По большому счёту их задача на сегодняшний день — это пресечение преступлений, а не их предупреждение» [12, с. 156].

Отметим, что для любого вида преступности, в т. ч. и для профучетной преступности, недостатки организационно-управленческой деятельности, а также формирование статистической отчетности всегда будут одними из ключевых показателей, т. к. существует прямая зависимость между реальным ростом уровня преступности и уровнем государственного контроля над ней, а также статистическими данными. Чем выше уровень государственного вмешательства посредством принятия организационно-управленческих и правовых решений относительно преступности в целом, а также по конкретным направлениям, тем заметнее ее снижение и одновременно улучшение оперативной обстановки как в отдельно взятом регионе, так и по всей стране.

Как справедливо отмечает профессор Н. А. Харитонов, «государственный контроль над преступностью представляет собой законную деятельность системы компетентных органов государства по сдерживанию отклоняющегося (общественно опасного) поведения людей» [13, с. 12]. Именно поэтому необходимо планомерно и целенаправленно устранять и купировать недостатки организационно-управленческой деятельности, которые непосредственно влияют на уровень профучетной преступности и дают возможность для ее исследования, мониторинга, прогнозирования и противодействия, а также позволяют формировать реальную систему отчетности.

Подчеркивая важность указанного направления в сдерживании и противодействии профучетной преступности, В. В. Бабурин, А. А. Нечепуренко, А. В. Ревягин указывают, что «чем эффективнее государство сдерживает данное поведение, тем ниже общий уровень преступности в стране» [14, с. 78].

Указанные обстоятельства позволяют конкретизировать отдельные организационно-управленческие детерминанты профучетной преступности в деятельности службы участковых уполномоченных полиции, в компетенцию которой входит реализация контрольно-надзорных функций государства и предупреждения профучетной преступности.

В первую очередь надо отметить то, что профилактическая деятельность участкового уполномоченного полиции не стоит на первом плане и осу-

ществляется по остаточному принципу, а порой носит формальный характер. Как следствие, происходит несвоевременное принятие мер к лицам, состоящим на профилактическом учете, а также ненадлежащее исполнение обязанностей по осуществлению профилактической работы. Частым явлением на практике становится непринятие решений о привлечении к административной и уголовной ответственности лиц, состоящих на профилактическом учете. В деятельности полиции присутствует формальный контроль над соблюдением обязанностей и административных ограничений поднадзорных лиц. В работе участковых уполномоченных полиции выявляются факты фальсификации сведений о проверках по месту жительства и применяемых мерах профилактического воздействия. Но самое главное — со стороны должностных лиц полиции снизилась наступательность и инициативность, связанная с обращениями в суд о продлении сроков административного надзора и установлении дополнительных обязанностей и административных ограничений.

Следует отметить, что указанная тенденция на снижение профилактической роли участкового уполномоченного полиции появилась не одномоментно, а прослеживается на протяжении многих лет. Это подтверждается научными исследованиями в данном направлении, а также ведомственными обзорами и отчетностью МВД России. В частности, как указывает А. Г. Гришаков, деятельность участкового уполномоченного полиции по контролю за поведением лиц, состоящих на профилактическом учете, и проведению с ними индивидуальной профилактической работы составляет всего три с половиной часа в год [15, с. 11–12].

Причем в это время входит как непосредственное посещение по месту жительства, при необходимости применение специальных форм профилактического воздействия и ведение соответствующей документации, так и участие в комплексных оперативно-профилактических операциях и мероприятиях, связанных с осуществлением контроля за лицами, состоящими на профилактическом учете. Качество индивидуальной профилактиче-

ской работы и временные затраты также зависят от количества лиц, состоящих на профилактическом учете участкового уполномоченного полиции.

Проведенный в рамках настоящей статьи анализ организационно-управленческих детерминант, влияющих на совершение преступлений лицами, состоящими на профилактическом учете в органах внутренних дел, позволяет сформулировать следующие выводы.

В ходе исследования подтвержден тезис о том, что профучетная преступность представляет собой обособленный объект криминологического изучения, детерминация которого напрямую связана с качеством реализации контрольно-надзорных функций государства. Обосновано, что доминирующее значение в структуре причин и условий данного вида преступности занимают именно организационно-управленческие недостатки деятельности правоохранительных органов.

К числу ключевых детерминант, формирующих благоприятную среду для совершения повторных преступлений подучетными лицами, относятся: формализм и низкая интенсивность индивидуальной профилактической работы участковых уполномоченных полиции; недостатки ведомственного контроля и межведомственного взаимодействия; бюрократизация процесса при одновременном кадровом дефиците сотрудников профильного подразделения; а также несовершенство статистического учета, не позволяющее объективно оценить реальные масштабы профучетной преступности.

Таким образом, в деятельности участковых уполномоченных полиции выявлено существенное противоречие: декларируемая приоритетность профилактики на практике подменяется деятельностью по текущему пресечению и раскрытию преступлений, что подтверждается критически низкими временными затратами на индивидуальную работу с подучетными лицами. Такое положение дел не только снижает авторитет правоохранительных органов в глазах общества, но и формирует у состоящих на профилактическом учете лиц чувство бесконтрольности и вседозволенности, выступая катализатором криминальной активности.

Список источников

1. Смирнов Г. Г. Причинный комплекс преступности как объект криминологического предупреждения // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. № 2 (259). С. 104–117.
2. Криминология: учебник / под ред. А. Г. Аванесова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. 495 с.
3. Холопова Е. Н., Данченко А. А. Причины и условия, способствующие совершению преступлений против порядка подчиненности и воинской чести // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 2 (6). С. 20–23.
4. Клейменов М. П. Криминология: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 400 с.

5. Криминология: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 800 с.
6. Щеглов А. И. Понятие и признаки профучетной преступности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2 (113). С. 286–297.
7. Кургузкина Е. Б. К вопросу о криминологической характеристике преступности // Научный портал МВД России. 2008. № 2. С. 55–59.
8. Ястребов В. Б. К вопросу о понятии криминологической характеристики преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. 1982. № 37. С. 14–20.
9. Ревягин А. В. Нераскрытые насильственные преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2011. 19 с.
10. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. проф. А. И. Долговой. М.: Норма, 2005. 912 с.
11. Кузнецова Н. Ф. Проблемы криминологической детерминации. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 208 с.
12. Репецкая А. Л. Современное состояние, структура и тенденции российской преступности // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2018. № 1 (54). С. 151–156.
13. Харитонов А. Н. Государственный контроль над преступностью: Вопросы теории: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 1997. 41 с.
14. Бабурин В. В., Нечепуренко А. А., Ревягин А. В. Особенности природы нераскрытой преступности // Юридическая наука и правоприменительная практика. 2019. № 1 (47). С. 76–83.
15. Расчет рабочего времени участкового уполномоченного полиции по основным направлениям деятельности: методические рекомендации / А. Г. Гришаков, Я. Е. Верхоглядов, А. А. Гайдуков [и др.]. Барнаул: БЮИ МВД России, 2022. 44 с.

References

1. Smirnov G. G. Prichinnyj kompleks prestupnosti kak ob'ekt kriminologicheskogo preduprezhdeniya // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie. 2005. № 2 (259). S. 104–117.
2. Kriminologiya: uchebnik / pod red. A. G. Avanesova. M.: YuNITI-DANA, 2006. 495 s.
3. Holopova E. N., Danchenko A. A. Prichiny i usloviya, sposobstvuyushchie soversheniyu prestuplenij protiv poryadka podchinennosti i voinskoj chesti // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2010. № 2 (6). S. 20–23.
4. Klejmenov M. P. Kriminologiya: uchebnik. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Norma: INFRA-M, 2020. 400 s.
5. Kriminologiya: uchebnik / pod red. V. N. Kudryavceva, V. E. Eminova. 5-e izd., pererab. i dop. M.: Norma: INFRA-M, 2015. 800 s.
6. Shcheglov A. I. Ponyatie i priznaki profuchetnoj prestupnosti // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2025. № 2 (113). S. 286–297.
7. Kurguzkina E. B. K voprosu o kriminologicheskoy harakteristike prestupnosti // Nauchnyj portal MVD Rossii. 2008. № 2. S. 55–59.
8. Yastrebov V. B. K voprosu o ponyatii kriminologicheskoy harakteristiki prestuplenij // Voprosy bor'by s prestupnost'yu. 1982. № 37. S. 14–20.
9. Revyagin A. V. Neraskrytye nasil'stvennye prestupleniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Omsk, 2011. 19 s.
10. Kriminologiya: uchebnik dlya vuzov / pod obshch. red. prof. A. I. Dolgovej. M.: Norma, 2005. 912 s.
11. Kuznecova N. F. Problemy kriminologicheskoy determinacii. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1984. 208 s.
12. Repeckaya A. L. Sovremennoe sostoyanie, struktura i tendencii rossijskoj prestupnosti // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. 2018. № 1 (54). S. 151–156.
13. Haritonov A. N. Gosudarstvennyj kontrol' nad prestupnost'yu: Voprosy teorii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Nizhnij Novgorod, 1997. 41 s.
14. Baburin V. V., Nepochurenko A. A., Revyagin A. V. Osobennosti prirody neraskrytoj prestupnosti // Yuridicheskaya nauka i pravoprimeritel'naya praktika. 2019. № 1 (47). S. 76–83.
15. Raschet rabocheho vremeni uchastkovogo upolnomochennogo policii po osnovnym napravleniyam deyatel'nosti: metodicheskie rekomendacii / A. G. Grishakov, Ya. E. Verhoglyadov, A. A. Gajdukov [i dr.]. Barnaul: BYuI MVD Rossii, 2022. 44 s.

Статья поступила в редакцию 05.03.2026; одобрена после рецензирования 15.05.2026; принята к публикации 19.06.2026.

The article was submitted 05.03.2026; approved after reviewing 15.05.2026; accepted for publication 19.06.2026.